

Галина Гончарова

Маруся. Провинциальные игры

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

© Гончарова Г. Д., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Корнет, вы... женщина?

Ёжь твою рожь.

Других слов у меня не было. Вообще.

Никак.

Кой черт принес его на эти галеры?

Впрочем, долго изощряться у меня возможности не было. Дверь распахнулась.

Мне очень захотелось провалиться сквозь землю или хотя бы надеть паранджу, обзавестись флюсом... да хоть лишаями покрыться, лишь бы меня никто не узнал.

Ага, как же!

Магия земли к таким изыскам не способна. Так что я выпрямилась и улыбнулась, решив, что крейсер «Варяг» – отличный образец для подражания. Помирать буду, но не сдамся!

И верно, в гостиную быстрым шагом вошел мой несостоявшийся супруг.

Выглядел он не лучшим образом. Явно эти месяцы были для него тяжелыми: похудел, осунулся, но глазки были такими же хищными. И общее впечатление...

Вот как хотите!

Может, еще наложилось то, что я о нем узнала. Но ощущение у меня было – в дом заползла ядовитая гадина. И не благородная змея, а гнусная сколопендра. Которую даже прибить противно.

Демидов великосветски склонился над ручкой хозяйки и медленно двинулся по гостиной, приветствуя всех окружающих. Я замерла.

Узнает?

Не узнает?

Вот он ближе... и ближе...

– Маша? – Арина коснулась моей руки.

Я сжала ее ладонь.

– Ничему не удивляйся, сестренка.

– Я не понимаю...

Но объяснять уже было некогда. Демидов меня увидел.

Ей-ей, будь я мультипликатором или хотя бы художником, я бы миллиарды огребла за этот портрет.

Недоумение.

Неверие.

Полное ошаление.

И – торжество?

Ну... это мы еще посмотрим и поборемся.

Шаг, второй...

– Княжна?

Я мило улыбнулась.

– Простите, господин?

– Ваша светлость, я нашел вас!

Я сделала большие глаза. Надеюсь, искренне удивленные.

– Милостивый государь, вы принимаете меня за кого-то другого.

Ага, как же. Водянистые глаза аж цветом налились.

– Княжна Мария, вы считаете, что я не узнаю свою невесту?

– Ваше благородие, – в моем голосе отчетливо прозвучала тревога, – смею вас заверить, что я не могу быть вашей невестой.

– Маша...

Арина выбрала очень удачное время, чтобы вмешаться. Нил, который до того был у нее на руках, проснулся и захныкал. Я ловко перехватила малыша.

– Иди ко мне, солнышко... тсс, мама рядом.

О чем я молилась, так это чтобы Нил не вздумал грохнуть мерзавца на глазах у всех. Это потом не скроешь, не спрячешь, да и заклинание «обливиэйт» здесь недоступно. Нет здесь Гарри Поттера. А если и есть что-то подобное, не с моими талантами его исполнять.

Хоть бы малыш не счел этого гада опасным...

Но нет.

Мальчик прижался ко мне поплотнее и снова засопел. Вот так, хорошо, ты мое солнышко...

Демидов потрянул головой.

Ну да, он мог ожидать многого, но не ребенка. По срокам у меня не проходило. Но дураком Сергей Владимирович не был.

– Княжна, вам все равно, что ваш отец сходит с ума от беспокойства, что я волновался...

– Ваше благородие, будь я княжной, безусловно, я бы об этом думала. Но боюсь, вы ошибаетесь. Не знаю ту особу, на которую я похожа, но вы можете навести обо мне справки. Я всего лишь Мария Петровна Синютина. Обычная мещанка.

Демидов затряс головой, но...

– В самом деле, Сергей Владимирович, – кажется, Храмов получит в моих глазах плюс сто к благодарности, – Мария Петровна родилась в Березовском. Как видите, у нее есть друзья, родные, знакомые...

Демидов явственно заколебался. И верно, как ему было соотнести княжну Марию, в роскошных одеждах, и явную мещанку? Да еще с ребенком?

– Но я...

Я мило улыбнулась, как бы давая понять, что все возможно. Но – не это! Генерал-губернатор покачал головой.

– Пойдемте выпьем, Сергей Владимирович.

– Я был уверен...

Я понимала, что Демидов так легко не сдастся. Не говоря уж о том, что меня проверят со всех сторон. Вот этим вечером наверняка и начнут. Но... я тоже сдаваться не собиралась.

Выбора у меня нет, только принимать бой. Но вступать в него в одиночку? Нет уж, увольте.

Но мне и не пришлось. Ко мне скользнул лакей и шепнул, чтобы я не уходила. А потихоньку перебралась в голубую гостиную. Со мной желают поговорить.

Кто?

Баронесса, для начала.

Что ж, отказывать я смысла не видела. Поговорим.

Для начала – с Ариной. Вряд ли девчонка удержится.

Перебраться в голубую гостиную, названную так за преобладающий цвет обивки что стен, что мебели, мне удалось примерно через час. Общество гудело и желало знать подробности. Но что я могла сказать?

Да ничего!

Только порадоваться, что фотография здесь не особо развита и портреты в газетах не печатают. А тех, кто знает в лицо Марию Горскую, в зале – один Демидов.

В гостиной я упала в кресло и прикрыла глаза. Благо никого рядом не было.

– Маша?

Арина присела рядом с креслом, прямо на пол.

– Да, сестричка, – погладила я русые пряди.

– А он... он правду сказал?

Я подняла брови.

– Арина Петровна, вы меня удивляете. Я – Мария Петровна Синютина, или у вас есть сомнения?

Сомнения действительно были. Но девчонка меня искренне удивила. Минуту она размышляла, а потом вздернула нос.

– В том, что ты моя сестра? Нет!

– А в чем тогда?

– Я думала, аристократы... они другие.

Я рассмеялась от всей души.

– Ариша, меня устраивает быть твоей сестрой. А невестой этого... Демидова... не устраивает.

– Он старый! – выпалила девчонка. – И гадкий!

– Гадкий. Лучше и не скажешь.

В дверях гостиной стоял генерал-губернатор Храмов собственной персоной.

Я тут же поднялась с кресла и даже поклонилась.

– Сергей Никодимович...

– Мария Петровна, присядьте. Нам надо поговорить.

Я чуть поклонилась, демонстрируя, что надо, и снова опустилась в кресло. Храмов перевел взгляд на Арину.

– Арина Петровна, будьте любезны, подождите в соседней комнате. Мне хотелось бы побеседовать с вашей сестрой наедине.

Аристократия.

Как известно, дворянин разговаривает с кухаркой как с равной. А быдло будет и с императрицей разговаривать как с кухаркой. Так когда-то говорила моя мама.

Вторая разновидность, увы, встречалась чаще.

А девчонка меня удивила. Выпрямилась струной...

– Вы не обидите мою сестру? Ваше высокопревосходительство?

Храмов чуть улыбнулся. Мне в этот момент Арина сильно напомнила отважного боевого воробья.

– Я не хочу и не собираюсь обижать Марию Петровну.

– Она моя сестра! Правда! Что бы ни врал этот... склизкий!

– Ариша, – я погрозила пальцем. – Это – Демидов.

– А ты – моя сестра! И я тебя в обиду не дам! – Арина топнула ногой.

Я понимала, что нас никто не спросит. Но в носу внезапно зачесалось. И в глазах как-то зашипало...

Не ждала.

Такого я не ждала ни от кого, а поди ж ты!

- Даю честное слово, Арина Петровна, я не враг вам и вашей сестре.

Ну да, там такая разница в весовых категориях. Слоны на муравьев не охотятся, факт. Арина смотрела пристально и недоверчиво, но потом поняла, что более весомых гарантий не получит.

- Я верю вашему слову.

Дверь глухо стукнула, закрываясь за Ариной.

- Мария Петровна. Или - Мария Ивановна?

Я вздохнула.

- Сергей Никодимович, что вы хотите услышать?

- Правду, Мария. Правду...

- Есть правда светлая, есть правда темная, есть на мгновение и на времена, - задумчиво пропела я. - Правда, да не истина.

- И где же правда, а где истина?

Храмов был спокоен.

- Ваше высокопревосходительство, - вздохнула я. - Как я могу быть уверена, что все сказанное мной останется между нами двумя?

- Мое слово.

- И нас не подслушивают?

Храмов улыбнулся.

- У нашей хозяйки много достоинств. В том числе и уважение к чужим секретам.

Почему мне в это плохо верилось? Чтобы уважать секреты, надо их знать - это как минимум.

- Я с радостью побеседую с вами, но в другом месте, - решила я. - Уж простите, ваше высокопревосходительство.

Храмов вздохнул. Но как-то не слишком трагично.

- Мария Петровна, я могу пригласить вас в гости? Разумеется, ненадолго?

- Сочту за честь, ваше высокопревосходительство.

И опять какая-то искра проскользнула в серых глазах. Кажется мне - или Храмов доволен?

Беседа состоялась в доме генерал-губернатора. В его личном кабинете.

Арина была оставлена в гостиной, вместе с пирожными и чаем, а мы проследовали в кабинет.

- Итак... Мария...

- Ивановна, - вздохнула я. - Демидов не обманулся, ваше высокопревосходительство.

- Все же княжна Горская?

За время поездки у меня была возможность обдумать свои действия. И... получалось так, что выбора-то и нет. Ну и ладно, мне есть чем торговаться.

- Да, ваше...

- Сергей Никодимович. Раз уж так...

- Что ж, Сергей Никодимович, я действительно княжна Горская.

- А...

– Мария Синютина погибла. Не по моей воле, но на моих глазах. Помочь я ей ничем не могла, а потому пообещала выполнить ее просьбу.

– Вот даже как?

– Мария просила позаботиться о ее родных. Я это сделала.

– Хм... – Храмов понимал, что с этим сложно поспорить. – Иначе это никак нельзя было сделать?

– К сожалению. Но я искренне полюбила ребят. Они стали мне родными, и я не считаю, что обещание меня тяготит.

– А ваш ребенок?

– Он действительно найденный, – безмятежно отозвалась я. – Могу поклясться на сфере истины...

– Которая, кстати говоря, не действует на магов.

– Что?

Я почувствовала себя дурой. А с другой стороны... где бы я о таком узнала? Объявлений-то в газете не давали!

Храмов улыбнулся иронически и чуточку лукаво.

– Вы не знали?

– Я раньше не сталкивалась с этой областью жизни, – попробовала отговориться я. – Расскажите? В двух словах, пожалуйста?

– Если у человека есть магические способности – проявленные, не латентные, сфера истины не будет на него действовать. Она показывает, верит ли человек в свои слова, а маг всегда может в них поверить.

Полиграф не сработал.

Хотя и в оставленном мной мире он тоже работал достаточно выборочно. Обмануть его было реально, мне даже рассказывали, как именно это можно сделать.

Значит, и здесь есть такое.

– Но вы показывали... вы – не маг?

– К сожалению.

Я опустила глаза.

– Простите, если задела ваши чувства, Сергей Никодимович.

– За столько лет я свылся.

И все же грустил. Я видела это в его глазах.

Нельзя сказать, что обычные люди здесь неполноценны. Но знать, что есть вершина, которую ты никогда не покоришь, – обидно.

– Все равно – простите.

– Что ж. Если я правильно помню, княжна Горская – маг земли?

– Абсолютно верно.

– Тогда понятны и ваши успехи.

Я развела руками.

– Хотите верьте, хотите – не верьте, но магии там ровно половина.

– Допустим. Мария... Ивановна, а чего вы добивались?

Я хмыкнула.

– Понимаете, Сергей Никодимович, накануне свадьбы я узнала, что мой жених проклят.

И не солгала. Разве не так?

– Проклят?

– Ну да.

Кстати, проклятие и сейчас осталось. Во всяком случае, маноисточник у меня пульсировал рядом с Демидовым, как и в прошлый раз. Нита могла умереть, а вот ее слова – живы. Но так часто случается...

– Хм...

Я коротко изложила свои выводы о проклятии. Те же, что обсуждала и с отцом... то есть с князем Горским. Храмов задумался.

– Возможно, вполне возможно. И тогда об этом должен знать император... вот в чем дело!

– Сергей Никодимович?

– Вы не задумывались, почему Демидов – простой дворянин?

– Я не так много о нем думала. Но с его деньгами он мог купить любой титул, разве нет?

– Нет. Если на человеке лежит проклятие, для него есть определенные ограничения.

Угу. Ну, это как у нас, никто не назначит на высокую должность сифилитика, к примеру. Или прокаженного.

Храмов улыбнулся в седые усы.

– Я не знал о проклятии, но согласен. Если Демидов проклят, это многое объясняет. Итак, вы узнали – и?

– Поговорила с отцом.

– Не помогло, верно?

– Вы читаете мои мысли, Сергей Никодимович, – ответила я иронией на иронию. – За нелюбимую дочь слишком много давали, чтобы отца беспокоила ее дальнейшая судьба. А мне не хотелось, чтобы на моих детях лежало проклятье. И хоронить их тоже не хотелось.

Это Храмов мог понять. И глаза его стали серьезными.

– Что ж, вы сбежали.

– В дороге я встретила с Марией Синютиной. Я ехала в поезде, который пытались ограбить... Помните? Весной?

Храмов кивнул.

– Да.

– Мария Синютина погибла на моих глазах. Мы ехали в одном купе, когда поезд сошел с рельсов, ее просто пришибило к стене обломком оконной рамы. Она умерла... но не сразу.

– И вы заняли ее место.

– Я стала заботиться о ее братьях, сестре, матери. Кстати говоря, я даже деньги свои тратила, не ее. Из наследства Марии Синютиной я и копейки медной не взяла, я собиралась отдать его в приданое ее братьям и сестре.

– Не сомневаюсь. А что вы хотели делать дальше?

Я развела руками.

– Жить, Сергей Никодимович. Жить, а не служить лекарством от чужой глупости, знаете ли.

– Могу вас понять. Но почему именно Березовский?

– Это был первый поезд, подходящий по времени.

– Так просто... судьба?

- Кисмет, - согласилась я, вспоминая турок.

Храмов задумался.

- Вы понимаете, что надолго Демидов вас в покое не оставит? Наведет справки, и...

- А тут я уже надеюсь на вас, ваше высокопревосходительство.

- Да?

- Вам фамилия Бецкой о чем-то говорит?

Все лукавство с лица Храмова словно тряпкой стерли.

- Рассказывайте, Мария Ивановна.

Мне что? Я принялась за рассказ.

Храмов слушал, постукивал пальцами по столу, потом вообще налил себе коньяка. А мне не предложил... не очень-то и хотелось, но ведь мог бы? Жмот!

- Вот даже как...

Я развела руками. Мол, за что купила, за то и продаю.

- Мария Ивановна, а если я вам предложу свое гостеприимство?

Настала моя очередь поднимать брови.

- Вы - единственный свидетель. Но моей власти не хватит арестовать Демидова...

Я хмыкнула.

- Мало стоит это свидетельство. Доказательств-то никаких...

- Я рад, что вы все понимаете. Но мне бы и свидетеля лишаться не хотелось.

- К тому же Демидов... он проклят. А что до магии... на него сфера истины подействует?

- Не уверен.

- Дворян не пытаются.

- В некоторых случаях, но тут... да, Мария Ивановна. Слово против слова.

Я вздохнула.

- Я понимаю это. И могу задержаться у вас в гостях, но при одном условии.

- Каком же?

- Мои родные.

- Ваш отец?

- Тьфу! Да нет, конечно! Синютины!

Храмов прищурился.

- Вы считаете их - родственниками?

- Да, считаю.

И я не лгала. Вот князя Горского я родным не считала. А Ваню, Петю, да даже маман, хоть она и debilka, но жаль ведь! Пришибут же!

- Я прикажу доставить их в мой дом.

- Сегодня?

- Сейчас. И отвести вам комнаты. Думаю, мы поговорим завтра. Когда я наведу справки...

И подумаю, что с вами делать. Это мне было понятно.

– Я хотела стать полезной.

– И занялись фермерством?

– Вы недооцениваете это дело, – махнула я рукой. – Кушать надо всегда, хоть в войну, хоть в мирное время. И семенной фонд – важная и нужная вещь.

Храмов потер лоб.

– Давайте мы завтра об этом поговорим, Мария Ивановна? Озадачили вы меня...

Да и у меня виски ломило. Увы...

– Согласна.

Храмов коснулся колокольчика, вызывая слуг.

Спустя два часа я лежала на роскошной кровати. Нил сопел рядом. Арину устроили по соседству, и я знала, что где-то в особняке сейчас пытаются уснуть Ваня, Петя и даже маман.

Да, с ними мне предстоит еще нелегкий разговор. Но...

Я верила, что все наладится, так или иначе. Я постараюсь.

И знала, что сейчас не спят ни Храмов, ни Демидов, ни, надо полагать, полиция Березовского. Но...

У меня есть знания.

У меня есть дело.

Хватит ли этого, чтобы купить свободу?

Если только от Демидова. Но не от отца... это плохо. М-да... что же будет с ребятами, если я уеду?

Ничего хорошего.

Маман опять начнет гулять-блудить, это человек такой. Гулящий, иначе и не скажешь. Нет для нее жизни, если по чужим дворам не шлаться. Ваня мальчишка замечательный, но пока еще не первый. Второй, помощник, заместитель, но не лидер. Ведомый, не ведущий. Мать его подомнет, и ничего он сделать толком не сможет. Ни приструнить, ни удержать вожжи.

Арина? Я поломаю ей жизнь. Я сделала худшее, что могла, я дала Синютиным надежду. Они поняли, что может быть иначе, не так, как в их убогой хибаре, они потянулись за мной. Если я сейчас уйду – Арина точно найдет себе Венечку или Женечку, одним словом – хомут на шею. Потом раскается, но то потом.

Петя? Вариантов много, но в жизни всегда реализуется худший. Если мальчишка не отобьется от рук и не пойдет по кривой дорожке, я буду очень удивлена.

А Нила могут просто сдать в приют.

Хочу ли я этого?

Нет.

Могу ли я это не допустить?

Как повезет. Как – повезет. А везение есть совокупность знания и вовремя пойманного момента для его применения. Так что – вперед.

Я перестройку пережила, гласность и демократию. Должна и тут справиться. Обязана.

А для этого надо выспаться.

Я подгрехала поближе подушку, протянула Нилу палец, в который змееныш тут же вцепился мертвой хваткой, накрылась одеялом и уснула. Удачу лучше призывать выспавшейся и никак иначе. А то проспишь все царствие небесное, как говорила бабушка.

Спать!

С Храмовым мы за завтраком не встретились. Только с родственниками.

– Маша! Что происходит? Объясни немедленно!

Маман, как всегда, в своем репертуаре.

– Маша, все в порядке? – это Ваня.

Петя вообще промолчал, просто кинулся ко мне и вцепился как клещ. Не отдерешь. Я погладила его по голове.

– У нас неприятная ситуация.

– Какая же?

– Сергей Владимирович Демидов вчера, на приеме у баронессы, принял меня за свою невесту.

Немая сцена.

Открытые рты, выпученные глаза... первой мамаша опомнилась.

– Так тебе сделали предложение?!

Я засмеялась.

– Меня просто приняли за его невесту. Видимо, мы похожи.

Маман увяла на глазах.

– А она – кто?

– Княжна Горская. Мария Ивановна, – отчиталась я.

Маман фыркнула.

– Глупости! Маша, а он хочет на тебе жениться?

– Мама, глупости вы говорите! – Арина выступила резко и жестко. И когда только в комнате появилась? – Демидов – злой и гадкий человек.

– Это же ДЕМИДОВ!

Маман произнесла это так, что стало ясно – за копейку продаст. Одной фамилии хватило, чтобы у нее напрочь отключилось критическое восприятие. Не только продаст – еще по башке даст, свяжет, в мешок сунет и сама к Демидову отправит. Ибо не понимаю я своего (а главное – ее) счастья.

– До прояснения ситуации генерал-губернатор Храмов предложил нам быть его гостями, – резко сказала я. – Надеюсь на ваше благоразумие.

Не надеялась. Но наверняка Храмов приставил охрану. И у нее есть и благоразумие, и оружие, что ничуть не хуже в некоторых обстоятельствах...

– Разумеется, – заверила меня маман. Верилось отвратительно. Вообще не верилось.

– Петя, к тебе это особенно относится. Никуда из особняка не выходить, ни с кем из посторонних ни о чем не говорить, понял?

– Да.

– Если что – тут же ко мне.

– Маша, а как же куры?

– Я о них подумаю. Напишу записку Елпифидору Семеновичу, – решила я. – Думаю, найти кого-то приглядеть на пару дней – дело несложное.

Петя кивнул.

– А лощина? – поинтересовался Ваня.

– Я считаю, что наше дело решится достаточно быстро. А дальше... будем думать по ситуации, – честно ответила я.

Переписала бы я лощину на Ваню, но – не справится парень. Без меня не справится. А работы по селекции – это не на год, не на два, это на века. Это то, чем можно до конца жизни заниматься.

И кстати – то, что будет цениться при любых властях и при любой погоде. Ибо кушают – все.

Привычка у людей такая – кушать три раза в день, знаете ли. А хлебушек сам не прибежит, его растить надо, ухаживать...

Ваня пока не справится. А если меня заберут...

Ёжь твою рожь!

И иначе тут не скажешь. Но выхода я пока не видела.

Храмов появился ближе к обеду.

Маман сидела у себя в комнате. Принимала ванну, приводила себя в порядок. Арина, Ваня и Петя были мной озадачены в буквальном смысле. Задачками из курса арифметики за третий класс. Мой. Пусть решают, авось ума наберутся. Решают, читают, пишут... нет времени – работай, есть время – учись.

Я в свое удовольствие играла с Нилом. Малыш уже вполне уверенно держал головку, пробовал переворачиваться, тянул ко мне ручки, цеплялся за пальцы, и мне кажется, в ближайшее время он вообще сядет.

Или поползет сначала? Змеи, они такие...

Знать бы еще в подробностях, как эти малявки развиваются по месяцам, но где ж тут возьмешь учебник по педиатрии? Хоть ты сама пиши...

– Мария... Петровна?

Я встала с ковра, на котором мы играли, и вежливо поклонилась.

– Ваше высокопревосходительство.

– Прошу вас пройти в библиотеку.

Я кивнула и последовала за генерал-губернатором. Там он словно маску сбросил. Уселся в кресло, откинул голову на спинку, расслабился. И стало видно, что он стар.

Сколько же ему? Лет шестьдесят? Больше?

Он стар и устал. И я еще хлопот добавила.

– Налейте мне коньяка, Мария Ивановна. Прошу вас...

Я достала сифтер, плеснула напиток на дно и протянула Храмову.

– Вам не предлагаю, магам нельзя.

Об этом я тоже не знала. Храмов усмехнулся.

– Да, Мария Ивановна. Магические способности в случае опьянения идут вразнос. Вы и об этом не знали?

– А женщин учат пользоваться своей магией? Лекции нам читают, объясняют все, не так ли, ваше высокопревосходительство?

– К чему же так сурово? – Пара глотков коньяка сотворила чудеса, заставив Храмова помолодеть лет на десять. – Вы знаете, что магия и беременность...

– Знаю. Но считаю, что всегда можно заняться этим вопросом подробнее.

– Вот даже как?

– В любом случае меня это не касается. Я маг земли, и мое основное качество – плодородие.

– То-то вы урожай сам-десять сняли.

– Мало. Можно бы и больше.

Храмов пожал плечами.

– Мария Ивановна, а как вы оцениваете свои перспективы?

Я решила не крутить хвостом. Что-то мне подсказывало, что разговор не просто так затеян. А потому...

– Плохо. Демидов уже сообщил моему отцу?

– Он всю ночь наводил справки. Думаю, через пару дней сообщит.

Я скривилась.

Чего уж там...

– Отец явится сюда. И... меня тут не оставит. На ЕГО условиях.

– Вам это не нравится.

Храмов не спрашивал, утверждал. И я медленно опустила веки.

Не нравится? Да это еще мягко сказано! Лучше б я три раза оплешивела, это хоть лечится. А вот что делать с навязанным мне супругом?

Не хочу!

Замуж не хочу, под папашу подстраиваться не хочу, из Березовского уезжать не хочу... да черти б всех побрали, я себя человеком ощутила! Нужным, важным... и у меня всё отбирают! Я свою жизнь начала строить – и здасьте!

А в столице еще и Милонег.

Что там с ним стало, черт его знает, но подозреваю, что меня так просто с крючка не отпустят. Уж больно вкусный кусочек...

И теракт, и...

Ёжь твою рожь! Кто-то желает это оспорить?

Храмов медленно кивнул.

– Я правильно понимаю, что вам это не нравится?

– Правильно, – кивнула я.

Оставим в стороне все возмущение по поводу продажи родной дочери. Сейчас это норма. Но хоть бы торговал с приличными людьми!

– И на что вы готовы, чтобы не возвращаться к отцу?

Хм?

Мне кажется, или это прощупывание почвы?

– На многое, но не на все, – отрезала я. – Сергей Никодимович, если вы хотите мне что-то предложить, я выслушаю. И обещаю обдумать ваши предложения.

– Не любите терять время?

– Ненавижу.

– Это хорошо, у меня его тоже мало осталось.

Я подняла брови, глядя на Храмова.

– Лет двадцать в худшем случае?

– Год. В лучшем. Я умираю, Мария Ивановна.

– Вы не выглядите умирающим.

– Верно. У меня опухоль, и удалить ее нет возможности. Легкое, место такое... Я воевал, был ранен, видимо, тогда меня плохо вылечили, вот сейчас и проявилось. Врачи обрадовали. У меня примерно год активной жизни, потом начнутся боли. Может, меньше года... уходить придется на обезболивающих. Или обращаюсь в церковь, попрошу Последнее Причастие.

Я кивнула.

Вот что мне нравилось в их вере... она не была полностью канонической. И эвтаназию допускала.

Я могла это понять. Одно дело, когда человек думает, что у него все плохо, но на нем еще целину

вспахать можно. И совсем другое, когда ему все равно умирать. В этом случае он мог получить полное отпущение грехов в храме и последнюю милость – чашу с ядом. Убивающим быстро и качественно. Человек засыпал и не просыпался более.

Самоубийство?

Нет. Просто свободный выбор и свободная воля каждого. Мы не выбираем, где и как нам родиться, но у нас есть возможность выбрать свою смерть. Это так...

Грех?

Самоубийство против Божьей воли? А Он вам лично свою волю сообщал или как? Есть, есть ситуации, в которых это не грех, а благо. Или преимущество.

Я бы так и поступила, это точно. Храмов...

– Я не могу вас вылечить. И мне жаль.

– А если бы могли мне помочь?

– Смотря в чем.

Храмов усмехнулся.

– Осторожна. Мне это нравится. Я навел справки, княжна. Вы действительно заботитесь о своих братьях и сестре. Вы их любите.

Я пожала плечами, не видя в этом ничего странного.

– И сына вы любите. Хоть он и приемный.

И что?

– Я хочу, княжна, предложить вам сделку. Хотите стать моей женой?

Каких усилий мне стоило промолчать!

Проглотить ехидные комментарии, прикусить язычок и подумать головой.

Вообще, в раскладах, это было бы идеально, это такой супруг, к которому не будет претензий даже у князя Горского. Разве что...

– Храмов... род Храмовых мне знаком.

Знаком, конечно. Входит в один из юртов, кстати говоря. Не в тот, в который входит Горские, но это и к лучшему. Я же это изучала, прикидывала расклады. Надо знать, куда меня занесло.

– Мой старший брат носит графский титул. Думаю, вы об этом знаете.

Знаю. Подробно не знаю всей ситуации, но это тоже неплохо. Сам Храмов титул не наследовал, но дворянство потомственное, надо полагать, и определенная сумма денег.

С другой стороны...

Ложиться с ним в постель?

Неохота.

Все я понимаю, но не смогу. Просто стошнит... Стиснуть зубы и перетерпеть? Да у каждой женщины найдется такой мужчина. Которого НЕЛЬЗЯ, ни при каких условиях нельзя стерпеть в постели. Разве нет? И продаваться противно.

Но мне предлагают сделку... какую?

Что с меня, что с него?

Вот это я и озвучила.

– Ваше высокопревосходительство, хотелось бы точно знать, что я должна отдать и что получить взамен.

Храмов, все это время наблюдавший за мной, довольно кивнул.

– Давайте начнем со второго пункта.

Я опустила ресницы.

– Итак, вы выходите за меня замуж. Получаете через год свободу и мое наследство. Смею вас заверить, Мария Ивановна, это достаточно крупная сумма, еще и внукам хватит. Титул предложить не могу, к сожалению, но у вас будет то, что вы цените больше. Независимость.

Тем более что дворянкой я и так останусь.

Мезальянс, конечно, но и черт с ним. Титул княгини мне и так не светил. Даже не поблескивал.

Зато Марией Ивановной Храмовой уже не сможет распоряжаться князь Горский. И я буду достаточно защищена. Положение в обществе, деньги, связи, я надеюсь...

– Что я должна сделать взамен?

– Родить мне сына, – просто сказал Храмов. И поднял руку, останавливая меня. – Не отказывайтесь, Мария Ивановна. Ребенок будет не от меня.

И кто бы смог промолчать в этой ситуации?

– Не от вас?

– После заключения брака мы едем в столицу. Вы – маг земли, думаю, вы сможете сделать так, чтобы понести с первой встречи?

Я задумалась.

– Не знаю. Надо почитать. Но...

– Полная анонимность. Вы не узнаете, кто будет отцом ребенка. Но это будет маг и дворянин. Если нужны амулеты, я их обеспечу, есть и такие.

– Хм...

– Одна ночь...

Я покачала головой.

– Вы требуете от меня не одну ночь, а минимум двадцать лет. Пока ребенок вырастет, пока... а если это будет девочка?

– На этот случай мы и едем в столицу. Я упаду в ноги государю, буду просить права наследования равно для мальчика и для девочки... к тому времени, как родится малыш, я могу и не успеть.

Я задумалась.

Чисто гипотетически подобрать удачный день для залета может каждая женщина. А я еще и маг... да, я могу залететь с первого раза.

Если партнер будет магом и аристократом, это замечательно. Если будет полная анонимность – тоже неплохо.

Но...

– Кто помешает тому же Демидову после вашей смерти?

– Я позабочусь об этом.

– Как будет выглядеть ваша забота? – въедливо уточнила я. Как-никак речь идет о моей жизни.

– Я найду вам защитника.

– Ваших родных? Семью? – попробовала угадать я.

Не угадала.

– Мои родственники – это отдельная песня, – скрежетнул зубами Храмов.

Я прищурилась.

– Судя по всему, у вас не идеальные отношения с родственниками, Сергей Никодимович?

- Это не столь важно...

Я покачала головой.

- Я не стану играть вслепую. Рассказывайте все.

То, что информацию легко можно проверить, я подчеркивать не стала. Храмов кивнул и заговорил. Юрты.

Не все определяется личной силой мага, но многое. В частности, Сережа Храмов оказался в своей семье на самой низкой ступени именно потому, что брат и сестра были одаренными. Брат - с активными способностями, сестра с латентными. Конечно, сестра представляла ценность для брака.

Брат же...

Старший, первенец, любимец, все то, чем не был Сережа. Красавец, пользующийся успехом у дам, надежда родителей, блестящий ученик, выбравший себе придворную карьеру. Правда, дорос Гриша Храмов только до статского советника. Сережа в пику всем выбрал себе военную карьеру, женился, рос в чинах и званиях не благодаря родным, а сам по себе... не любили его в семье.

Пока его сын не родился магом.

Вот такая циничная шутка судьбы.

Его ребенок оказался магом, а сын Григория Храмова - вообще без способностей. Разразился скандал. Сергей хлопнул дверью...

В то время он служил на Кавказе... содержать жену и сына в столице на свое жалование еще не мог, не так много он зарабатывал. Но крутились как могли.

Пока...

Храмов был свято уверен, что в гибели его семьи виноваты его родные. Как они подстроили несчастный случай? Как вызвали к себе Лизавету, что наплели, что сказали? Знать бы! Но все концы были надежно спрятаны в огонь - для разнообразия.

Несчастный случай.

Погибли все пассажиры дилижанса. В том числе и молодая Лизавета Храмова с сыном Витей. Если бы они не поехали! Если бы...

Сергей запил. Потом пытался сложить голову на войне. Потом опять пытался... чаша с ядом - для безнадежно больных. А как быть тем, кто здоров, а жить не хочет?

Хорошо хоть - военный.

Лез и лез Сергей во все дыры, дорос до генерала, а Смерть посмотрела, да и плюнула. Мол, перебьешься. Живи, понял?

И жил. Зачем, для чего...

Пока с полгода тому назад не узнал о своей болезни.

Я подумала пару минут.

- Ваши родные не будут мне рады.

- Да.

- Мне это безразлично. Но вы втягиваете меня в ваши игры. Неужели мне мало своих?

- Мария Ивановна, вы девушка весьма неглупая. Давайте поговорим серьезно. Когда вы появились в городе, вами никто не заинтересовался. Но когда вы начали вашу деятельность... неужели вы считаете, что кто-то был введен в заблуждение - надолго? То, как вы ходите, разговариваете, держите себя... все быстро поняли, что вы благородной крови.

- Хм...

- Вы никого не боитесь, не заискиваете, не проявляете ухваток, свойственных людям подлого сословия.

Не проявляю.

Потому что родилась в стране, в которой все были равны. И окажись я на приеме у английской королевы, стесняться бы не стала. Поздоровалась бы как минимум, поговорила и себя ущемленной не чувствовала бы. Она человек, я человек... да, мы из разных миров, но это же не значит, что я – таракан? Или что я позволю к себе так относиться?

Уважай себя, и тебя будут уважать другие люди. При условии, что есть за что.

– Хорошо. Допустим. Мещанка из меня и впрямь плохая.

– Отвратительная.

Я развела руками. Мол, я старалась...

– Я предлагаю вам сейчас – свою защиту. Потом – защиту его императорского величества. Я смогу это сделать. У меня есть деньги, есть земля... купил неподалеку. Непогодородная, но вы ведь маг земли. Да и в приданое пойдет...

Я потеряла виски.

– Я хочу видеть договор. Прежде, чем согласиться или отказаться.

Храмов кивнул.

– Справедливо. Но предварительно?

– Я... готова рассмотреть ваше предложение.

Я лежала на кровати.

Нил спал рядом. Да, дети до года в основном спят. Еще они едят и гадят. Эдакие личинки человека... Но если у ребенка ничего не болит, он молча и спокойно спит. И побольше, побольше...

Что ж.

Предложение неплохое. Я получаю свою выгоду, Храмов – свою. Он получает наследника и, я так полагаю, еще раз утирает нос своим родственникам. Сын или дочь – маг, жена – княжна, перспективы самые блестящие.

А что я помню про Храмовых?

Да ничего. Пришлось отправляться в библиотеку за «Альманахом». Эдаким сборником светских сплетен... Вот когда начинаешь горевать об отсутствии интернета. Ввел два слова – и тебе сто тысяч ссылок выложили. Это ли не счастье? Только выбирай!

Увы...

И листать приходится самой, и искать, и копать...

Ничего, кое-как я справилась с задачей. В библиотеках я тоже информацию искала, бывало дело. Еще в те времена, когда интернета и в помине не было. И умела работать с книгами и газетами.

Храмовы.

Старый граф Храмов умер, его наследник Григорий Храмов. Про мать ничего не сказано, видимо тоже померши. Супруга Григория – Милада. Дети – Илья и Ольга, оба неодаренные. Даже латентных способностей нет.

Сестра – Ирина, в девичестве Храмова, в замужестве Оленина-Земская. Двое детей, сын неодаренный, вообще, дочь с латентными, как и у матери, способностями. Алексей и София.

Это – на поверхности, а что в глубине?

Оленины-Земские входят в юрт Алябьевых. С ними заключал союз и мой отец.

Храмовы входят в юрт Матвеевых. Достаточно знатный и серьезный. Кстати, Анастасию Матвееву хотели предложить как невесту для цесаревича.

Отказался, гад.

Умный...

Чисто теоретически, выйдя замуж за Храмова, я окажусь в юрте Матвеевых. Хорошо это или плохо?

Ну... юрт достаточно сильный. Но друг моего друга может стать моим другом. Если Демидов... кстати, а ведь мой бывший жених ни в один юрт не входит. Не приняли. Еще одно косвенное свидетельство в пользу проклятия.

Не захочет ли Матвей Матвеев, старый глава юрта, пристроить меня за Демидова, поимев что-то и для себя? И вообще...

Стоит ли думать о Демидове?

Глядишь, и прикончат его раньше, чем он до меня доберется? Простите, не вульгарно пришибут, а привлекут за некромантию. Хотя это – вряд ли. Недоказуемо.

Дверь скрипнула. На пороге библиотеки возникли трое Синютиных. Ваня посмотрел больными глазами.

– Маша, нам надо поговорить.

– Слушаю, – кивнула я.

Ребята разговор начинать не торопились. Мялись и жались, пока я не взяла дело в свои руки и не поинтересовалась прямым текстом:

– Чего стесняемся? У меня рога выросли? Или копыта?

Самым решительным оказался Петя.

– Маша, ты нас не бросишь?

Мне осталось только глаза закатить.

– Петя, ты взрослый человек, а такую чушь несешь. Как это я вас брошу? Вы же моя родня!

– А Горские? – уточнил Ваня. И вздохнул вовсе уж печально. – Я понимал, что ты... другая. Но так хотелось верить...

Я махнула рукой.

– Ваня, успокойся. Верь во что хочешь, а правда проста. Я – ваша старшая сестра. И все планы я буду строить с учетом того, что вы у меня есть. Пока я планирую остаться в Березовском как можно дольше. А если и отправлюсь в Москву... поедете со мной.

Ребята переглянулись.

– С тобой?

– Маман не возьму, – поспешила обломать я Арине остатки надежд. – Уж прости, но...

– Не прощу. И Никешку – тоже! – рявкнула девчонка. – Она меня продала! Предала и продала!

Логично.

– Она просто не поняла, – попробовал вступить Ваня. – Ну... вот такой она человек.

– Это оправдание? – прищурилась я. – Знаешь, Христу одинаково больно было. Вбивали ему гвозди из ненависти или по работе, а все равно неприятно...

– Мама просто не поняла, чем это чревато. Она... не самый умный человек.

Я фыркнула.

– Вань, стоял часовой. Охранял... пусть лагерь. Подходит к нему девушка и предлагает прогуляться в кусты. Он соглашается. А в кустах ему по башке дали, оружие отняли, на лагерь напали, людей поубивали... Находят потом часового. Что ему светит?

– Трибунал, – уверенно ответил Ваня.

– Так ведь он не со зла, просто дурак.

– Но люди же погибли! Трибунал, конечно...

– Вот ты сам и ответил. Что, с человека нельзя спрашивать по всей строгости, потому что он, простите, дурак? У него с того индульгенция отросла?

– Чего?

Я махнула рукой.

– Короче. Дурость – не оправдание и от ответственности не избавляет. Или получай тогда официальную прописку в доме для умалишенных. Там тебе всё простят, ты ж дурак.

С этим все были согласны. И я подвела итог.

– Сергей Никодимович сделал мне предложение. Думаю, мы с ним поедem в Москву. Вы со мной. Арина – компаньонка и помощница, Петя – паж...

– Чего?

– Мальчик для разных важных поручений.

– А-а...

– Ваня – доверенный слуга. Ну и вы все трое мои родственники. Сами понимаете, напоказ я вас выставить пока не могу, но и не брошу.

– Стесняешься?

Кажется, Арина обиделась.

Я повертела пальцем у виска. Потом вспомнила, что этот жест здесь незнаком, и покачала головой. По-простому.

– Дурачки. Ну подумайте сами, до кого проще добраться? Кого проще обмануть, заболтать, причинить вред, через кого проще всего воздействовать и на меня?

Ребята чуть расслабились.

А я только сейчас поняла весь смысл фразы Экзюпери.

Мы в ответе за тех, кого приручили.

Это моя ноша на всю жизнь. И точка. И это та ноша, которая не тянет. Ну... кроме маман.

– Я потому и маман не могу взять. Она ведь все расскажет первому встручному. Понимаете?

Ребята понимали.

– А ей не будет без нас тоскливо? – засомневался Петя.

– Дом есть, деньги есть, пусть личную жизнь устраивает, – отмахнулась я. – Авось и замуж выдадим.

Я не слишком на это рассчитывала. Но... не брать же ее с собой? Пусть лучше Демидов пробует от нее хоть какой информации добиться. Хм... а ведь маман как раз счастлива будет.

Ее дочь выгодно вышла замуж. За деньги и власть...

Какая прелесть!

Тьфу!

Но я уже понимала, что соглашусь на предложение Храмова.

Сергей Владимирович Демидов посмотрел на помощника.

– Ну?

– Пока еще ничего не ясно, господин.

– А что уже прояснилось?

– Мария Петровна Синютина...

Краткое изложение биографии Демидов прослушал внимательно. С Горскими Синютины ничего общего не имели. Мещане и мещане, мало ли таких встречается на просторах Империи? Обычная девчонка, была, жила, потом приехала домой, купила участок земли, выращивает там урожай...

Вроде бы тоже ничего странного? Да, но часто ли у нас таким делом занимаются молоденькие девушки? Нет, подлomu сословию такое не по зубам. А вот княжна Горская могла бы справиться.

Косвенно в пользу версии говорило и то, что она маг земли. Чем ей еще заниматься?

Внешнее сходство. Хотя и не настолько сильное...

Демидову и в голову не приходило, что женщина в вечернем макияже с укладкой – и женщина с тупой на грядке это не две разных женщины. Это два разных образа. Манеры, поведение, одежда... да все! Все разное!

Добавляли неуверенности и ребенок, и манера поведения, разительно отличавшаяся от поведения княжны...

И как тут быть?

Выход лишь один. Послать кого-то в город, где Мария Синютина прожила последние пять лет. Показать портрет, расспросить, а то и привезти в Березовский, пусть скажут, одна это девушка – или уже другая?

– Что интересно, Мария Синютина купила Туманную лощину.

– И ее там никто не сожрал?

Демидов выпрямился.

Полной информацией он не обладал. Но знал, где его прадед нашел полезную любовницу. Первая часть истории, до бегства Ниты, была ему известна. Вот вторая уже нет. Не успели рассказать. Да и кто бы? Те, кто был в лощине в тот момент, все померли, где уж там разбираться? И не хотел предок Демидова соваться туда. От греха... Потому и прожил долго, и своей смертью умер, повезло. Нита бы его не пощадила.

Демидов об этом не знал. И о наличии малыша не подозревал. Но...

– А саму Марию Синютину расспросить не пытались?

– Она у Храмова.

Демидов скрипнул зубами.

Вот уж с кем у него отношения не сложились. Храмов откровенно не любил Сергея Владимировича, и, между нами, было за что. За неуплату налогов, преступления, безнаказанность... да много за что.

Демидов ответно не любил старого вояку. А где вы видели любовь между... к примеру, лисом и таксой? У них совершенно разные цели в этой жизни, один удирает, второй ловит...

Выцарапать Синютину...

– Ее родственники?

– Там же.

Хм...

Косвенно это говорило в пользу версии Демидова. Косвенно. Потому что Храмов мог и просто пожелать ему насолить. Оставалось только копать глубже.

Но если это действительно Мария Горская...

Руки Демидова сжались в кулаки.

Стерва, дрянь, гадина!!! Ты мне ответишь за все, видит Бог! Ты мне ответишь и за побег, и за унижение, за насмешки, за...

Даже за мятеж зулусов в Африке! Попомню я тебе все!

– Наводите справки, – распорядился Демидов. – Тщательно, ошибиться тут нельзя.

Порученец поклонился и поспешил выйти. Он знал, на что способен его хозяин, и вовсе не желал оказаться объектом его гнева. Лучше пусть он обрушится на кого-то другого.

К примеру – на эту мещанку. Не повезло ей...

Крупно не повезло.

Глава 2

В Москву! Разгонять тоску!

Единственное, о чем я попросила Храмова. Что должна была сделать ДО отъезда, в обязательном порядке. Все остальное можно отложить на потом, но если уж мы едем в Москву...

Алина Кальжетова.

Та самая, о которой рассказал Андрей Васильевич. И я ему обещала...

Обещала, да. А собралась только сейчас, перед отъездом. Так, может, и еще бы тянула... ладно! Действительно некогда было! Иногда я жалела, что в сутках не сорок восемь часов. Собралась бы, но зимой. А теперь вот приходится раньше идти.

Побывать на кладбище, положить медальон в могилу и взять с нее горсть земли. Принесу ее на московское кладбище, положу на могилу друга. Почему-то мне кажется, что Андрею Васильевичу это понравилось бы.

Старая история...

Я понимаю, что Андрей Васильевич повел себя тогда не лучшим образом. Но... Сколько ему лет-то было? Девятнадцать? Ага, в этом возрасте все такие умные и рассудительные, аж страшно. И поступки совершаем сплошь обдуманные и взвешенные, и понимаем все намеки с полуслова, и мыслим идеально...

Потому и поговорка сложена: если бы юность умела, если бы старость могла.

С точки зрения сегодняшнего Андрея, его поступок был непростителен. Тогдашнего... он дорого заплатил за свои ошибки. И я не видела смысла осуждать его. Мне было просто жаль талантливого и неглупого человека.

Храмов пожал плечами, но попросил меня взять сопровождающего. Я отказываться не стала. У меня из всей защиты и охраны только Нил... да, я не спорю, это круче вареного яйца, но есть один маленький минус. Малыш не умеет работать вполсилы, он бьет насмерть. Это и правильно, все же лучший враг – мертвый враг, но и минусы есть.

К примеру – закон не одобряет убийства.

Храм не одобряет всякого рода... существ.

А я резко не одобрю, если меня решат избавить от ребенка. В пользу государства или храма. Что я смогу сделать?

Не знаю. Но пушу в ход все. От магии до знаний моего мира.

Вы знаете, что такое терроризм? Но вы таки не знаете, что такое «окна Овертона», «НЛП-программирование», вы не сталкивались с сектами и экстрасенсами... В моем мире много хорошего, да. Но и грязи более чем достаточно. И в ход я пушу все.

Вплоть до терроризма. Это – моя семья, и я никому не позволю ее тронуть. Ни Синютиных, ни Нила... свое я буду защищать до последней капли крови.

Капли крови – врага. Не свою же проливать?

Как говорится, доблесть не в том, чтобы умереть за родину, доблесть в том, чтобы перебить всех врагов во имя своей родины. А потом и на могилках у них поплакать можно. Есть здесь и такое высказывание. И мне оно – нравится.

На кладбище я ехала в открытой коляске. На козлах – кучер, сзади лакей, он же телохранитель.

Легкое летнее платье, шляпка, перчатки, прическа... сейчас я выглядела уже как княжна. Если еще и загар убрать, но это – увольте. Ходить бледной немочью ради моды?

Перебьетесь, граждане! Это не мода для меня закон, а я для моды. Женщина должна носить то, что ей идет, и выглядеть так, как ей больше к лицу. А не следовать тупо дешевым стандартам, которые установлены невесть кем!

Кладбище было тихим и спокойным. Кресты, обелиски, кипарисы, местное дерево смерти... еще хвойные, кажется, пихта... или что-то еще? Нет, не ботаник я.

Искать нужную могилу можно было долго и безрезультатно, а потому я попросила найти мне

смотрителя кладбища или сторожа... Такой нашелся быстро.

Почему-то во всех мирах они одинаковы. Старички, с бородой, с хитро-угодливим выражением глаз. И даже собачонки крутятся здесь такие же. Мелкие и кудлатые.

Для начала я протянула сторожу рубль. Монета исчезла, а старик рассыпался в благодарностях и обещаниях выпить за мое здоровье.

- Лучше собаке поесть купи, - махнула я рукой.

- А это уж всенепременно. Жучка помощница у меня верная. А вы чего ищите-то, барышня? Чем помочь?

- Кальжетовы.

Фамилии хватило. Дедок погрузнел.

- Знаю, а то ж... грустная это история, барышня...

- Расскажите. И проводите меня к... ним?

- Как скажете, барышня.

Мы шли по кладбищу, и я слушала дедушку Прокопа.

Кальжетовы.

Да, некогда это была хорошая семья. Родители, два сына, дочка-солнышко... жить да радоваться? Казалось бы, да, но бог не любит слишком счастливых...

Первой ушла дочка. Влюбилась в какого-то хлыща, а там... умерла, одним словом. Я не стала настаивать на подробностях, понимая, что приличные барышни таких историй не слушают. Мать после смерти дочери слегла, отец не отходил от нее, но спасти несчастную не смог никто. Сгорела в один год.

А там и отец за ней убрался. Любили они друг друга.

Дети же...

Один сын пошел в армию и сложил там голову. Сколько ж он прослужил... лет десять? Даже меньше, не женился, детей не завел... Второй начал пить, гулять, быстро опустился и помер. Такая вот история. И род пресекался...

Я остановилась перед участком, некогда ухоженным, а сейчас грустным и заброшенным. Как же тоскливо выглядят могилы, которые никому не нужны!

Бурьян, сорняки, и сквозь этот мусор проглядывают глаза с обелисков.

Пять человек...

Пять людей, которые могли бы жить долго и счастливо, если бы одна глупая девчонка не влюбилась в такого же глупого мальчишку... Как часто мы ломаем не только свои судьбы, но и тех, кто нас любит!

Как легко мы причиняем боль самым родным и близким...

Я поблагодарила сторожа, а потом подумала пару минут...

- А перчаток у вас нет? И... грабли какие-нибудь, что ли? Прибраться здесь...

Дедушка Прокоп хмыкнул.

- Да что тебе ручки-то ломать, барышня? Ты только скажи, а я все и сделаю...

Вообще, меня тянуло самой привести все в порядок. Но здесь так не принято. Просто нельзя. А потому...

- Возьмите. И приглядывайте, что ли, за могилой...

Я протянула старику пять рублей. Дед схватил купюру и расплылся в улыбке.

- Вы бы, барышня, погуляли покамест, а я сейчас все и управлю?

Логично. Кто платит, тот хочет видеть, за что он платит.

– Пожалуй, я и правда прогуляюсь... благодарю.

Хотя, как думается, прогулка по кладбищу может быть в радость только некрофилам.

Больше часа я бродила по кладбищу. И за мной тенью следовал телохранитель.

Разглядывала могилы, надгробия, читала эпитафии и чувствовала себя героем повести Джерома. Ага, той самой, «Трое в лодке, не считая собаки».

Проникалась духом столетий, благостью пространства и прочей трансцендентальной чепухой. Солнышко греет, малыш сопит, деревья шумят, травка зеленеет... благолепие и красота! Кладбище, правда, вокруг, но разве это мешает сливаться душой с окружающим тебя миром?

Мне – не мешает. Магия земли, она ведь еще и к некромантии склонна. Вот и потянуло меня на кладбищенскую лирику.

Когда я вернулась, на участке Кальжетовых было чистенько. Даже ограду дедок умудрился подкрасить! И это за какой-то час... опыт не пропьешь.

Я наградила его еще одним рублем и попросила оставить меня одну. Ненадолго. Можно даже далеко не уходить.

Все закивали, и я осталась одна. Подошла к обелиску Алины, коснулась рукой...

– Здравствуй, Алина. Привет тебе от Андрея...

Показалось мне, или тревожно зашумели кипарисы? Как будто меня кто-то слушал... может ли быть такое?

Не знаю и знать не хочу. Но если слышит – пусть слушает.

– Я узнала его случайно и хочу сейчас сказать одно. Он – пожалел. Ты победила. Он искренне горевал о самом лучшем и светлом, что было в его жизни. О тебе. Если бы можно было вернуться назад и все переиграть, он бы остался. Он клялся мне в этом перед смертью, а в такие минуты не врут. Он любил тебя. Может, только тебя и любил за всю свою жизнь. И просил положить это в твою могилу.

Я вытянула руку с медальоном и разжала пальцы.

Металлический кругляш упал на землю, и та зашевелилась, повинувшись моей воле, он канул в комья земли, как в воду. Это даже сил особых не потребовало.

– Он сказал, что твой локон уйдет с ним в вечность. И память. И его любовь. Помни это и прости его. Прости, но он себя никогда не простит. Он ушел непросщенным.

Ветерок скользнул по моему лицу, и я вдруг... ощутила. Это было как укол боли. Острой, подсердечной... Алина тоже была здесь. Она мучилась и из-за своих родных, и из-за Андрея, и... она не могла уйти.

А вот сейчас...

Прохладное прикосновение, словно тонкие пальцы провели по лицу.

– Спи, Алина. Ты отомщена.

И легкий вздох, словно вдаль уносится нечто невесомое.

А я почти увидела, как медальон преодолевает землю, доски гроба и укладывается на грудь девушки в истлевшем уже платье. М-да, некрасивое это зрелище – мертвец тридцатилетней давности.

Почему-то мне грустно. И слезы капаят на землю.

Проснулся и завожился у груди Нил, серьезные не по годам глазенки вглядывались в мое лицо. Я погладила его по голове.

– Все в порядке, маленький. Просто мне больно за них за всех. Очень больно.

Они могли быть счастливы. А вместо этого разрушили и сломали свою жизнь.

Вот так.

Покойтесь с миром. А я постараюсь не повторять ваших ошибок.

В дом Храмова я возвращалась задумчивая и грустная. Что же с собой делают люди... за что?

Ни за что.

Просто так.

Слово с делом у Храмова долго не расходилось. На следующий же день мы принялись собираться. Хотя что мне там собирать?

Пара платьев, остальные пришлось оставить, Сергей Никодимович пообещал заказать новые по последней столичной моде. Так что положить смену белья, одежду для Нила, и я была готова. Ване, Аришке и Пете тоже долго собираться не потребовалось.

И вот мы уже стоим на перроне.

Счастливая маман провожала нас в столицу.

Ох, вот где была сценка...

Кому рассказать... сидит маман за завтраком, входит в комнату Храмов, весь такой из себя, аристократ, сразу видно, не в первом поколении, кланяется и заявляет:

– Анна Николаевна, я прошу руки вашей дочери Марии.

Ответом мужчине послужило мягкое «бумц». Маман стекла со стула от избытка чуйств-с. И нет, она даже не притворялась. Синяк на щеке, которой она душевно приложила об ножку стола, до сих пор переливался всеми оттенками весенней зелени.

Ничего, подняли, отряхнули, привели в чувство, повторили вопрос. Головой маменька так кивала, что китайские болванчики плакали фарфоровыми слезами.

Согласна?

Да, да, ДА!!!

Главное, чтобы Маша не отказалась.

Маша не отказывалась. Я стояла рядом с Храмовым и скромненько улыбалась.

Сергей Никодимович обрисовал мамаше дальнейшие перспективы. Как его теща, она получит содержание. Дом у нее и так есть – дальше на ее усмотрение.

Дети?

Дети пусть сами решают, с кем оставаться, с сестрой или с матерью. Дети твердо выбрали сестру, мамаша погоревала, но смирилась. Ежемесячное содержание в сто рублей скрасило ей горе разлуки.

Насчет детей мы с Храмовым тоже поговорили.

Деньги были, не составило бы труда устроить Петю в элитную гимназию, Арину в пансион для девочек, а Ваню отправить в институт. Увы, проблему составляли сами Синютины.

Они не виноваты в своей необразованности, но... но и полноценное образование на имеющемся фундаменте они просто не потянут. Поэтому решено было просто.

Ваня не собирался получать дальше образование, его устраивало наше фермерское хозяйство. Так что он будет заниматься Туманной лощинкой. Пока я рядом – я помогу, потом посмотрим... уж как обычное хозяйство она тоже процветать будет, хотя и не так, как с магом земли. Подтянуть его по самым основным предметам, ну и деньги он получит. Третий из тех, что от тетки остались. Женится, детей нарожает, дом поставить поможем...

Ваня был согласен целиком и полностью.

Арина сейчас могла рассчитывать на более выгодную партию. Например, купеческого сына. Дворянского – вряд ли, все же папа Синютин не выслужил потомственного дворянства. Да и смерть его...

Дуэль, ага...

Набухался, поперся в бордель, там по пьяни и подрался. С летальным исходом. Это уж чтобы честь

мундира не порочить, его красиво оформили. Ну и детей жалко, так им хоть какие копейки шли, пенсион... хоть с голоду не померли.

Для хорошей партии Арине нужно было образование, воспитание и приданое. Приданое будет, образование и воспитание я обеспечу. За пару лет обтешем, найдем гувернантку, а там и замуж выдадим. Девчонка была не против.

Петя... с ним все было намного сложнее. Мальчика требовалось срочно подтянуть до уровня гимназии, а там пусть получает образование и решает, кем стать. Хотя мечта у мальчика была, ему хотелось стать поваром в самом-самом элитном столичном ресторане. Я не возражала, по крайней мере на прокорм ребенок себе заработает. Но – образование.

Петя клятвенно обещал, что подтянется.

Проще всего было с Нилом. Малыш будет при мне, а я постараюсь его не упустить.

Усыновить малыша Храмов не обещал. Да и с нашим ребенком все будет достаточно сложно. И со мной.

Храмов не стал скрывать и честно обрисовал мне возможные расклады.

Его семья входит в юрт Матвеевых. Семья Горских – в юрт Алябьевых. Они не друзья и не враги, скорее, им нечего делить, они нейтральны. Насколько могут быть нейтральны два крокодила, плавающие в одном озере.

Союза не получится. Он изгой в своей семье. Что до Марии Горской, отец сочтет за благо выдать меня замуж по-тихому и забыть. Я совершенно не против.

Но!

Чтобы не было никаких проблем, надо получить высочайшее соизволение. Если император согласится...

Я подумала и рассказала про свой вклад в спасение цесаревича. Храмов тоже задумался. Потом кивнул и пообещал что-нибудь за это выторговать. И главное – не отдавать меня в руки Романова. А вот как избежать рук Матвеева и Храмовых...

Это нам еще предстояло обдумать. Да, именно нам.

Взваливать проблемы Храмова на свои плечи я не собиралась, но согласитесь, определенные плюсы он в моих глазах получил. Он решал большую часть моих проблем. Увы, добавлял при этом свои. Ну да ладно, справимся.

А еще Храмов рисовал для меня политические расклады. Понимала я дай бог десятую часть, но запоминала прилежно.

И что Матвеев хочет выдать дочь замуж за цесаревича.

И что Алябьевым более выгодно, если цесаревич женится на француженке, они ведут дела именно с Францией, а вот Соболянские поддерживают Матвеевых. Так, к примеру...

Что они от этого получают? Союз. У Матвеевых хорошо развита магия огня, у Соболянских – воздуха. Вместе они непобедимая сила, только представьте себе огненный вихрь!

А вот магия земли хорошо представлена в юрте Годуновых. Да-да, Годуновых. Но у них в основном мужчины, женщин-магов практически нет, а тех, кто есть, они замуж на сторону никогда не выдают. И подминать себя не дают. Ходят слухи, балуются некромантией, но не пойман – не побили.

Раскладов было так много, что у меня начинала болеть голова и ныть зубы. Но я стискивала их крепче и слушала, слушала...

Я осознавала, что игроком никогда не стану. Но понимать, как хотят тебя использовать, в моем положении уже благо. Все, все проблемы в жизни происходят именно от недостатка информации. Или от неправильной ее подачи.

А в остальном наши с Храмовым планы полностью совпадали. Я собиралась жить в Березовском и растить детей. Хоть своих, хоть чужих.

Храмов собирался умереть с чувством выполненного долга. И исполненной мести.

Он не обвинял однозначно и стопроцентно, не имея доказательств, и я лишней раз старалась не беречь рану, но у меня создалось полное впечатление, что его жена и сын не просто так погибли.

Ой, не просто.

Магия.

В этом мире магия решает если не все, то очень многое. И погибший сын Сергея Храмова мог претендовать на главенство в семье. Дворянин, маг, у отца чины и звания... ладно, тогда их не было, но все равно – уже два первых пункта достаточно увесисты.

Маг и дворянин.

А что из младшей ветви, так и ничего страшного, зато сил хватает. Оба родителя тогда были живы, могли и переиграть в пользу более талантливого внука.

Сейчас Храмов собирался это и сделать. С опозданием, но... Ничего, что при этом меня подставляли под удар?

Ничего страшного. Я девочка не беззубая, маг земли, аристократка, отобьюсь. Кому угодно лапы отобью. Да и Березовский – территория Храмова.

И – Демидова.

С последним выходил серьезный минус, но Сергей Никодимович собирался серьезно поговорить с кем надо. За Демидовым точно установят наблюдение. Посадить вряд ли получится, слово против слова мало что значит, да и власть у него есть, и влияние. Отобьется.

А вот если начать следить...

Попадется он рано или поздно! Не там, значит – тут. Это уже вопрос оперативной разработки, а этим Романов заняться может. Но и мне придется с ним пооткровенничать.

Я не возражала.

Одно дело – когда против твоей воли, когда на общих основаниях и разрабатывать тебя будут, наплевав на твое положение. Другое – когда сама пришла, тут и поторговаться можно.

Да и я уже освоилась в этом мире...

Не как аристократка, воспитания мне решительно не хватает. Но нечто среднее...

Храмов, не теряя времени, дрессировал меня еще и в этикете. Как он сам сказал, да, у меня аристократические манеры. Но...

Проявлялось это лучше всего, когда я себя не контролировала. Память и навыки Маши Горской, память тела у меня осталась. А вот когда я бралась решать вопросы, когда что-то делала...

Есть рамки, которые не нарушит ни аристократка, ни мещанка. У каждой – свои. А я непринужденно смешивала все в одну кучу.

В Березовском, который далек от столицы, это сходило за эксцентричность. А в столице?

Хамкой посчитают. И душой. Мы этого никак допустить не могли. А потому поезд нес нас к столице, а мы разговаривали, и разговаривали, и разговаривали...

Ей-ей, будь мы влюбленными, у меня язык бы устал намного меньше. Там хоть на романтические вздохи и взгляды можно перерывы делать. А тут – перебежешься. Запоминай дальше, работай...

И я работала.

Неласково встретила нас Москва.

Именно этими словами я и подумала про дождливую тоскливую погоду, про серое небо, про вечно спешащих куда-то людей...

Разные миры, а москвичи все так же живут втрое быстрее, чем в других городах. Столичный темп, что ли?

Карета и кучер ждали нас. Даже две.

Для нас, для вещей... особняк в Москве у Храмова был. Небольшой, аккуратный, в два этажа, серьезных приемов не устроишь, так, вечеринку человек на пятьдесят.

Храмов высадил меня и детей у подъезда и поцеловал руку, обозначая мой статус.

- Я сразу по делам, чтобы не тратить время. Осваивайтесь, Машенька, я приеду к вечеру.

Я кивнула и отправилась осваиваться.

Но с этим проблем не было.

Предупрежденные почтой, слуги встретили меня, как и должны были. Как невесту хозяина. Со всем возможным почтением помогли устроиться, пообещали все показать, устроили меня, Ване и Арине, даже Пете отвели отдельные комнатухи, пусть маленькие, но свои.

Мне вызвали куафера, модистку, приготовили ванну... и жизнь завертелась колесом.

Храмов вернулся только вечером, усталый, но довольный.

Ужин как раз был готов, самое время поделиться информацией.

- Машенька, все отлично складывается.

- Да?

- Безусловно! Высочайшая аудиенция у нас назначена на послезавтра, а человек, о котором я говорил, сейчас в Москве.

- Но не в курсе, что станет героем вашего плана.

Храмов развел руками.

- Это не нужно ни вам, ни ему, ни мне. Кровь у нас общая, этого достаточно, а знать лишнее... Нет, ни к чему. Хватит и того, что мы с вами знать будем.

Я утвердительно кивнула. Да, этого достаточно. Мы будем знать, а больше никому и не надо. Храмов уже поделился со мной своим планом, и я не возражала. Хотя нормальную княжну такой план заставил бы хлопнуться не то что в обморок - в летаргический сон. Но у меня он никакого протеста не вызывал.

Медицинская процедура, не более. А все остальное - сопутствующий антураж. Перетерпим, перетопчемся. А вот к высочайшему визиту надо бы подготовиться как следует. Император, не хухры-мухры...

Ох... у меня же подходящего платья нет. А там все регламентировано...

Кремль.

Старый и величественный.

Если сравнивать Москву и Петербург в моем мире... я не могла сказать, что мне больше нравится. Это все равно что сравнивать топ-модель - и настоящую русскую красавицу. Каждая из них в чем-то уникальна, в чем-то проигрывает сопернице, в чем-то выигрывает.

Местная Москва получила все, что в той истории вложили в Петербург. И стала...

Восхитительной.

Нет, здесь не появилось разводных мостов, здесь нет белых ночей, но архитектура...

Удивительное сочетание мощности и изящества. Не легкомысленной воздушности, но основательной и неторопливой грации. Белый камень, черепичные крыши, зелень садов, небрежный флер очарования роскоши.

В той реальности собор Василия Блаженного так и остался единственным и неповторимым.

В этой же...

Мастера превзошли себя еще не раз. И выглядело это так... хвататься за кисти и краски и рисовать, рисовать, рисовать... увы, не мне. Я рисовать не умею.

Ну, хоть бы фотоаппарат!

И какой там невроз, когда вокруг такая красота? Какие волнения? А какая чудесная башня вон там, слева... кажется, что она из яичной скорлупы сделана, такая хрупкая... обсерватория?

Как же здесь красиво!

Его императорское величество Иван Четырнадцатый впечатление производил. Как-то довелось мне в той жизни пообщаться с местным олигархом. Владелец заводов, газет, пароходов.

Так вот.

Он его величеству и в подметки не годился. Хотя сила тоже была и харизма перла. Но это – другое. Полная власть в жизни и смерти миллионов людей. Полная уверенность... даже не так. Знание о своей власти. И осознание ответственности, которую она налагает. Крест, безусловно, но несет его величество этот крест с таким достоинством, что вызывает только уважение.

Лев?

Нет. Дракон. Или еще кто пострашнее. И внешность тут ни при чем. Внешне это немолодой человек, лет пятидесяти, невысокий, темноволосый, с сединой на висках.

Военная выправка, как и у Храмова, короткие усики, спокойные серые глаза. Цесаревичу до него – как до Китая на раках. Там, конечно, есть задатки, но вот такой внутренней силы просто нет.

Маг воды?

Ни фига!

Маг водоворота, не иначе. Судя по силе – там внутри настоящий Мальстрем, а еще Сцилла, Харибда и Кракен плавают непринужденно. Если шарахнет, половина страны накроется. И не так уж важно, во что он одет. Хоть бы и в набедренную повязку – внимание обращают на себя в первую очередь глаза, а не скромный серый мундир с одной-единственной орденой звездой.

Второго человека рядом с императором я тоже узнала почти сразу.

Романов. Игорь Никодимович.

И поспешно присела в реверансе. Зашуршал шелк светло-зеленого платья, блеснул жемчуг. Я знала, что рядом замер в поклоне Храмов. Но долго ждать не пришлось.

– Твоя невеста очаровательна, Сергей.

Аудиенция началась.

– Благодарю, ваше императорское величество.

– Государь.

– Благодарю, государь.

– Княжна Горская... доставили вы хлопот моей службе безопасности.

Полноценного упрека в императорском голосе не звучало, а потому я позволила себе невинно потупить глазки.

– Умоляю простить меня, ваше императорское величество. Я не знала о трудностях вашей службы безопасности.

– При этом вы спасли жизнь моему сыну.

Я промолчала. А что тут скажешь? Не стоит благодарности? Это я случайно? Оно само получилось? Или – уплатите мне за услуги?

Тут что ни ляпни, все равно душой выйдешь.

– Не хотите поведать нам с Игорем Никодимовичем, как это вышло?

Я вздохнула.

Как-как... жить хотелось. Вот и вышло.

– Ваше им...

– Государь, Мария. Так будет удобнее.

– Государь, я не знаю, кто ставил защиту на ваш дворец. Но маги земли могут ее активировать.

Император нахмурился. И я поспешила рассказать про солярные знаки, про то, что именно увидела, про то, как позвала...

Для моей защиты дворец не откликнулся бы. Но он спасал кровь Рюриковичей. Это совсем другое дело, для того его и строили.

Как крепость.

Вот оно, главное различие. Петербург – изящество, открытость, дружелюбие. Москва – крепость. Которой хоть и придали внешний лоск, хоть и увили цветочками, но изначально строилась она, чтобы защищать. Так и ощущается.

Бастионом.

Грозным, неприступным, не бывавшим в руках врага, ибо в этой истории Наполеон решил не ходить на Русь. Потому и жив остался, и размножиться смог.

Император поглядел на Романова.

– Займись. Я правильно понимаю, Мария, вы не просто маг земли – ваша магия активна?

– Да, государь.

– И как вы собираетесь подарить наследника вашему супругу?

– Меня интересовал этот вопрос, государь, – опустила я глазки долу. – Если я правильно поняла, магия проявляется в зародыше примерно через полгода после зачатия. То есть женщина должна воздерживаться от магии примерно полгода. Потом, если ребенок не наследует магическую силу, надо продержаться еще три месяца без магии. А если наследует, то можно колдовать практически сразу.

Император приподнял брови удивленным жестом.

– Вы рассчитываете, что родите мага?

– Я – маг земли, государь.

Это же понятно. Активное плодородное начало в действии, практически гарантия зачатия того, кого нужно и когда нужно.

– Что ж. Мое благословение у вас есть.

Я опустила в глубоком реверансе. Храмов поклонился.

– Вы, Мария, поговорите сейчас с Игорем Никодимовичем, покажете и расскажете, как именно воздействовали.

– С удовольствием, государь.

– А мы с вашим супругом пока что уточним расклады. Насколько я помню, Алябьевы не дружат с Матвеевыми...

Я снова сделала реверанс.

Подобный подход давал надежду на будущее. И вообще, вы мне дайте хоть какие гарантии безопасности, а дальше я и сама разберусь. Невелика проблема.

Романов вышел из-за спины его величества и предложил мне руку. Я коснулась пальцами полусогнутого локтя и проследовала рядом с мужчиной.

Царские милости надо отрабатывать. Даже если ты их пока и в глаза не видела.

Романов вел меня по дворцу.

Я показывала пальцем на те символы, которые были мне знакомы.

– Вот этот и этот.

– И вы можете на них воздействовать, Мария Ивановна?

– Только при непосредственной угрозе хозяину дома. Тогда неважно, кто их активирует, – честно призналась я. – Подозреваю, что в противном случае от меня и косточек не осталось бы.

– Сейчас – не получится.

Не вопрос, констатация факта. Я медленно опустила голову. Нет, не получится, и пытаться не

стоит. Размажет как фреску по ближайшей стене, тем дело и закончится. Кто бы ни строил Кремль, кто бы ни встраивал защиту в древние стены, он это предусмотрел.

Предки не дурнее нас были, это уж точно.

– Игорь Никодимович!

Улыбка, веселый голос, простой серый мундир. И – знакомое лицо.

– Ваше высочество, – я присела в реверансе прежде, чем успела что-то сообразить.

– Ваше высочество...

– Игорь Никодимович, так вы нашли ее? Мою спасительницу?

– Княжна Мария Горская, ваше высочество, – представил меня Романов.

Я снова присела.

– Нет-нет! – Цесаревич подхватил меня под локоть, давая понять, что не стоит церемониться. – Княжна, я вам жизнью обязан...

Мне осталось лишь развести руками.

– Ваше высочество, в тот момент я плохо отдавала себе отчет в своих действиях, но повторись та ситуация – поступила бы так же.

– Слова искреннего человека. Игорь Никодимович, надеюсь, у княжны не будет никаких неприятностей?

– Что вы, ваше высочество! Ее светлость любезно согласилась показать мне, как и что она сделала, и только.

Цесаревич на миг задумался.

– Могу я составить вам компанию?

Судя по лицу Романова, он бы предпочел сверлить зубы без наркоза. Но – что ты хочешь? Остается лишь старательно улыбаться и кланяться.

Дальнейшая экскурсия проходила втроем.

По лицу было видно, что Романову хочется как следует потрясти меня, но при цесаревиче это просто неосуществимо.

Я тоже не возражала пооткровенничать, но – не здесь и не так. Оказывается, ходить по ярмарке с дрессированным медведем или ходить по дворцу с цесаревичем – разница невелика. Так и так все липнут и глазают. Едва успела шепнуть Романову, чтобы приходил в гости, поговорить. И то цесаревич, остановившийся с кем-то поговорить, практически сразу же вернулся.

И... мне кажется, или меня откровенно «клеят»? Полное ощущение.

Комплименты, улыбки, восхищение, легкие, словно невзначай, прикосновения...

Парня понять можно. Если я в зеркале вижу «секси герл», подозреваю, что и он видит то же самое. Фигурка у меня самое то. Объемные верхние и нижние прелести при тонкой талии и стройных длинных ногах. И все это прокачанное, на свежем воздухе да на грядках, плюс легкий загар, который не удалось запудрить, плюс роскошные волосы и симпатичное личико.

А еще – загадка.

Что привлекает мужчину в женщине? Картинка?

Тогда почему две трети красавиц не особенно счастливы в браке?

Нет, не внешность, и не секс, и не приданое. Это может послужить затравкой для начала реакции, но главное в женщине – загадка. Нечто интересное и неразгаданное.

В данном случае все совместилось. И мордашка, и загадка, а главное – чужая собственность. Видели, как барбосы косточку делят?

Тот случай.

Только эта «косточка» с мозгом и сама выбирает, с кем оставаться. Уж точно не с цесаревичем, который мне...

Нет, не то чтобы не понравился. Парень как парень. Симпатичный, стройный, высокий, наверняка пользуется успехом у дам. Просто – не мое.

Отсутствие химии плюс четкое осознание возможных проблем при дальнейшем сближении. Так что... холод, холод и еще раз холод. Ну почему мы не пошли другим путем?

И на сколько это еще затянется? У меня ребенок дома один!

Ладно, с Аришкой, но ведь ему рано или поздно ко мне захочется! А что способен натворить маленький полоз...

Лучше не думать.

Авось не придется по развалинам бегать.

Романову я была искренне благодарна. После появления цесаревича он постарался свернуть нашу экскурсию, уложив ее в полчаса, и проводил меня обратно, к кабинету его императорского величества.

Ага, если б это избавило нас от цесаревича!

От кабинета мы шли полчаса, к кабинету малым не час! Потому что каждый встречный норовил поклониться, а цесаревич обязательно начинал общение. Хотя бы парой слов. Хотя бы о погоде.

Все я понимаю, так, наверное, надо, но бесит!

К счастью, ждать Храмова долго не пришлось, примерно через десять минут после нашего появления вышел и он.

Я разулыбалась так счастливо, что цесаревич даже обиженно захлопал ресничками. Наверное, обиделся, что его внимание не оценили. Храмов все понял правильно и со значением поцеловал мне руку. Пометил территорию.

Цесаревич явно сдаваться не собирался. Но объяснить все Храмову возможным не представлялось. Ладно, в карете поговорим. Или дома. Или...

– Ваше высочество...

Поклон, снова поклон, реверанс. И вот мы прощаемся с Кремлем, и карета уносит нас домой.

Долго я молчать не смогла.

– Что сказал государь?!

Храмов откинулся на спинку сиденья и устало прикрыл глаза. На худом лице четко обозначились морщины, под глазами пролегли тени.

– Все лучше, чем я мог надеяться. Его императорское величество – человек благодарный и добро помнит. Там, где это не угрожает отечеству.

Пауза, и мне оставалось только молчать и ждать. Но Храмов и сам не сторонник долгих рассуждений. А потому...

– Завтра едем к вашим родителям. Послезавтра свадьба. Высочайшее разрешение будет завтра с утра.

Насколько я понимала, это серьезная милость. В другом случае оформлять бы все пришлось неделями, чиновники – они в любом мире такие чиновники...

– Романов хотел прийти побеседовать.

– Через два дня. Я напишу ему.

– А... наследник? Когда?

Храмов прищуривается, становясь похожим на хитрого кошака. Драного жизнью, но не побежденного.

– Сегодня я видел нужного нам человека. Думаю, в ночь после свадьбы...

Неплохая идея. Никому и в голову не придет, что вместо супружеского секса у нас намечается другая вечеринка. Кстати...

– Кто будет на свадьбе?

– Мы двое. Горские, если пожелают.

Я хмыкнула.

– А ваша родня?

– Также если пожелают.

Понятно. Ваню, Арину, Петю – придется прятать. Чтобы вся эта кодла не приперлась... я бы на такую удачу рассчитывать не стала.

– Матвеевы? Или Алябьевы?

– Письма я отправлю. Сегодня же.

Ага. А если они не успеют дойти или юртовские не придадут приглашениям особого значения... да и черт с ними! Век бы не видеть, жить да радоваться. Но ведь не дадут...

Кстати говоря...

Рассказала про цесаревича и наткнулась на озабоченный взгляд Храмова.

– Не ко времени...

– С глаз долой – из сердца вон.

– Вы себя недооцениваете, Мария.

Я только хмыкнула. Это не голливудские фильмы, где в героиню обязательно влюбляются все мужчины, включая человекообразных обезьян. Это реальная жизнь, а я не такая уж красавица. Кстати...

– А что помолвка цесаревича? Я как-то и забыла...

– Расстроилась. К немалому удовольствию его отца.

– А следующая кандидатка?

– Пока еще не выбрали. Место свободно...

Храмов явно меня подначивал, но... за что мне нравится генерал-губернатор, так это за понимание. Он увидел, что меня начинает мутить от одной мысли, и тут же прекратил подтрунивание.

– Подозреваю, что это будет француженка или итальянка.

– Дай бог. И побыстрее.

В мои планы не входит даже легкая интрижка с цесаревичем. Наоборот – отпихиваться буду четырьмя лапами.

Режьте меня, стреляйте, вешайте... не пойду!!! Даже спать с ним не хочется. Полученное удовольствие, если оно вдруг случится, явно не стоит проблем, которые на меня свалятся. Убьют ведь...

Особняк Горских производил впечатление унылости и запущенности. Была жива мачеха – занималась домом. Умерла – и папаша впал в траур. Но жалеть его я не собираюсь. Он меня не пожалел.

Ждать долго не пришлось. Отец вошел в гостиную походкой уставшего от жизни человека. Выглядел он лет на десять старше, глаза тоскливые, а лицо – как у человека, у которого в жизни больше нет ничего хорошего.

Впрочем, при виде меня в его глазах загорелось новое чувство.

Гнев.

– Ты!

Церемониться я не собиралась.

– День добрый, папенька.

Память тела подсказывала спрятаться куда-нибудь и молиться, авось пронесет. Но то реакция забитой добрыми родственничками девочки Маши, которая в жизни на бунт не решится. А я нахально улынулась.

– Как ты посмела вернуться в этот дом? После того, как меня опозорила на весь свет?!

Я пожала плечами. Этак, небрежно...

– Позвольте, папенька, в чем именно заключается позор? В том, что все узнали о вашем отношении к родной дочери?

– Что?!

– Сколько времени мне было отмерено в браке с Демидовым? Год? Два?

– Да как ты смеешь?!

Ей-ей, поведи папаша разговор иначе, я не пошла бы на конфликт. Но в данном случае...

– Вы прекрасно знали, что он проклят. Вы знали, чем мне это грозит. И смеее упрекать меня за то, что я бежала, спасая свою жизнь?

– Наглая дрянь!

Папаша замахнулся на меня. Я уже приготовилась пнуть его как следует – не понадобилось. Занесенную руку перехватил Храмов.

– Позвольте представиться, князь. Сергей Никодимович Храмов, жених вашей дочери. Высочайшее соизволение уже получено, завтра свадьба. Надеюсь, вы будете.

Да-а... умеет Храмов ошеломить собеседника. Дай он князю в нос, и то эффект был бы меньше.

Папаша медленно опустил занесенную руку.

– Высочайшее соизволение?

– Предлагаю все обсудить спокойно...

Князь помолчал пару минут, приходя в себя.

– Прошу вас в кабинет, Сергей Никодимович. Мария, ты...

– Ваша светлость, этот вопрос непосредственно касается вашей дочери. Полагаю, она имеет право участвовать в разговоре.

Князь скривился, но промолчал. Только кивнул. Но я не обольщалась, это не победа, это временный успех. Его еще надо развить и закрепить.

Ну и ладно, попробуем. Куда ты, папенька, денешься, от высочайшего соизволения? Приказы императора и в этом мире не оспариваются. Они выполняются с восторженным визгом, так что берегите уши.

– Я ожидала худшего, – призналась я Храмову, когда мы ехали домой.

– Я тоже.

Но... все сложилось вполне удачно. Князь поругался примерно с полчаса, потом согласился, что замужество снимает все вопросы, а жених хоть и не идеален, но не хуже Демидова. Дворянин, герой нескольких войн, орденами увешан так, что новогодняя елка от зависти рыдает, состояние поменьше, чем у Демидова, но... оказывается, у меня достаточно богатый муж?

Будет, в перспективе...

Про все состояние Храмов мне не рассказывал, но оказывается, он владеет землей, в его собственности есть несколько заводов и рудников. Просто Демидову больше везло. А вот заводы Храмова медленно разорялись, не принося особой прибыли.

Раньше его это не сильно волновало, но сейчас...

А уж как меня это волновало!

Рудники...

Если я правильно понимаю, талисман Ниты давал Демидову возможность чувствовать рудные жилы. Вот и причина его удачливости. Заранее знать, где копать, где пройти мимо, где разрабатывать дальше шахту, где вкладывать деньги, где бросить – это серьезное подспорье.

А вот что могу – я? С кровью Полоза в жилах?

Хотя ответ и так ясен.

Ни-че-го. Первое время – так точно ничего. Сначала надо бы родить ребенка, а уж потом пробовать свои силы. Даже не сомневаюсь, что выложусь до доньшка, а как это скажется на малыше? Что бы там Нита ни говорила, так ли хорошо полозы разбираются в человеческой анатомии?

Лучше не проверять на себе. Или хотя бы потом, когда на карте не будет стоять все мое будущее.

Папаша покивал, а я прямо-таки видела расчетливые искорки в его глазах.

Муж стар, помрет скоро, а там и дочка богатой вдовой останется. Можно ли ее потом будет подсунуть Демидову? И с детьми можно, и без детей можно. Почему нет? Тем более, фертильность чадушка будет доказана, а над ребенком, если что, и опеку взять вполне реально.

Это понимали и я, и Храмов. Но молчали.

Зачем грубыми лапами разрушать прекрасные мечты о богатстве? О больших деньгах?

Это мы знали, что папенька не получит больше того, что мы ему дадим. А он пока этого не знал. И хорошо, спокойней будет.

– Я не знала про заводы и рудники.

– А это повлияло бы на ваше решение, княжна?

– Нет. Но хотелось бы знать подробности.

Храмов чуть грустно улыбнулся.

– Да, Мария, я богат. И все это останется вам и моему ребенку. Думаю, вы сумеете сберечь состояние и не размотаете его на шпильки и тряпки.

– Я же не умею ничем управлять, – перепугалась я. – И биржа для меня лишь слово. А про заводы я вообще не в курсе, и с рудниками не дружу.

– А если я назначу управляющего?

– Я все равно буду проверять, чтобы он не воровал. Но разбираться-то лучше не стану... Итак, подробности? Вам придется меня учить, если хотите получить хорошие результаты!

– Машенька, вы полагаете, я мог бы остаться независимым от Демидова, не будь у меня своего состояния?

– Я об этом не задумывалась.

– Безусловно, у вашего первого жениха дела идут намного лучше. Но и мое состояние позволяет мне на него не оглядываться, а кое в чем и соперничать.

– Так я узнаю подробности?

– Мои рудники не слишком выгодны. Я потом покажу бумаги. Медь, полудрагоценные камни, иногда драгоценные, но очень редко. Ни золота, ни серебра.

– И это невыгодно?!

– Рудное дело всегда связано с риском...

Я была полностью согласна.

– А как получилось, что вы их приобрели?

По губам Храмова скользнула улыбка.

– Машенька, вы видите, сколько у меня орденов? Каждая награда приносит не только славу, но и деньги. А если умело их вкладывать... тратить мне было не на что, семьи нет, детей нет, а утереть нос родным очень хотелось. Молодой был, глупый...

Я кивнула.

В принципе, логично. Во что можно вкладываться, если ты не разбираешься в банковском деле? В недвижимость, в золото, в производство... в данном случае – в собственное производство.

– Мне бы хотелось побывать на рудниках.

– Машенька, вы маг земли, я знаю. Но...

Я подняла руку, останавливая Храмова.

– Клянусь. Я не сделаю ничего во вред вашему наследнику.

Сергей Никодимович несколько минут вглядывался в мое лицо, а потом кивнул.

– Верю. И искренне благодарен вам.

– Так можно будет?..

– Обещаю. Как только домой вернемся.

Я улыбнулась. Магию я применять не буду. А вот попробовать возможности крови Полоза хотелось. Если Нита могла и чувствовать жилы, и разворачивать их... а что могу я?

Интересно же, господа!

Ночь наползает на старинный город. Укутывает черным платком обнаженные мраморные плечи дворцов, таинственной вуалью затеняет сады и парки, рассыпает щедрой горстью звезды по небосклону. Скрадывает шаги людей, смазывает черты, щедро мажет серой краской кошек.

И не только кошек.

Этот человек явно старается никому не показаться на глаза.

Он скользит в тених словно рыба в воде. Его можно увидеть, но взгляд просто соскальзывает с него, словно капля воды со стекла. Тихо и неотвратно он движется к дому Храмова.

Вот и нужный забор.

Сложно ли преодолеть его?

При наличии нужных навыков – минутное дело. Куда там японским ниндзя? Несколько легких движений – и вот уже тень скользит по саду. Тихо-тихо, так, что не шевельнется ни один листок. Не слышат чуткие собаки, не видят ничего сторожа...

Шаг, другой...

Вот и особняк.

Где же нужное ему окно?

Убийца вспоминает. Да, операцию пришлось готовить в большой спешке, но сложно ли дать пару монет уличным мальчишкам, чтобы понаблюдали?

Вот они – покои княжны Горской, которая так и не станет госпожой Храмовой.

Тень скользит по стене, к окну, открытому по случаю летней погоды.

Да, это нужная ему спальня.

Спит на роскошной кровати под балдахином княжна, рядом с ней видно детское личико... ребенок? Да, ему говорили, у нее есть ублюдок, то ли нагуляла, то ли...

Неважно.

Ребенка тоже придется убить, чтобы не орал раньше времени.

Жалость? Это чувство было неведомо убийце.

Скользнула по тонким пальцам змейкой шелковая удавка. Мужчина склонился над кроватью...

Он даже не сразу понял, что происходит. Не осознал.

Но в темноте распахнулись глаза.

Блеснули ледяным сиянием золота.

На миг убийца застыл, парализованный страхом. А потом уже не было ничего. Только расплавленное золото глаз, в которое он падал, падал...

Последним чувством человека, который никогда не упускал свою жертву, был ужас. Неизмеримая жуть. Испуг такой силы, что на штанах у мертвеца осталось мокрое пятно.

Тело опустилось на пол, словно из него все кости вытащили. Откинулась в сторону еще теплая рука с удавкой.

Ее светлость княжна Горская чертыхнулась, поминая какого-то полевого ежика и вылезая из-под одеяла. С большим удовольствием она бы выкинула труп в окошко и навсегда забыла о нем. Но...

Где тут спальня ее будущего супруга?

Надо разбудить Храмова, а потом он пусть сам решает, что делать с неудачливым ассасином. Захочет в окно выкинуть – пусть сам и тяжести ворочает. Так-то...

– СУКА!!! – Демидов швырнул бокал в стену, оставив на дорогах шелковых обоях грязное пятно. – ТВАРЬ!!!

Других приличных слов у него не было. И кто бы сдержался на его месте?

Мария Синютина действительно оказалась княжной Горской.

Она собирается замуж за Храмова.

Более того, она уехала в Москву с женихом, просить высочайшего соизволения. И останавливать ее уже поздно. Есть сомнения, что они получают просимое?

У Демидова их даже рядом не было. Достаточно ему Храмов крови испортил...

Демидовы привыкли быть самовластными князьями на Урале. Это в столице они захолустные дворяне, а здесь – сила. И любого назначенного губернатора Демидов рано или поздно подминал под себя...

Не в этот раз.

Храмова можно было только убить. Но и убивать его было невыгодно. Кавалер столько орденов, что перечислять полчаса можно, знаменитость, его военные подвиги в академиях изучают! Попробуй тронь такого!

Тут же воронья налетит...

Тут и храм, и романовские шавки, и просто полиция – все копать будут. И могут накопать чего не надо. Нет, убивать Храмова невыгодно.

А подчинить и нечем...

Родных нет, близких нет, на тех, что есть, ему плевать. Матвеев, гипотетически, мог бы урезонить наглого губернатора, но чем ему за это будет обязан сам Демидов?

Ой, не пучком соломки...

Не оказалась бы цена выше возможностей.

Ладно еще Алябьевы, те тихо сидят, а Матвеев рвется к трону. И Демидов ему стал бы хорошей опорой. Только вот сам Сергей Владимирович о таком даже и не мечтал. Чем выше, тем опаснее, для него так точно.

Проклятие, знаете ли...

Если бы удалось его снять, дело другое. А сейчас лучше не связываться. В тени как-то уютнее. И денег заработать можно побольше...

Вот и выходит, что нет управы на губернатора. Купить нельзя, убить нельзя, надавить нечем... когда

Демидов узнал о болезни генерал-губернатора, он плясать готов был. Все же такое дело, шило в мешке не спрячешь, тем более – от врага.

Демидов торжествовал и уже не ожидал пакостей. Таких – точно...

Но Храмов и эта стерва?!

Как она вообще посмела?!

Как он посмел?!

Демидов в ярости запустил в стену массивным пресс-папье. Только малахитовая крошка брызнула во все стороны.

Что же делать, что делать?!

Впрочем, Демидов не был бы тем, кем он был, и не ворочал бы такими деньгами, не умей он подчинять чувства голосу рассудка.

Приступ бешенства прошел, и мужчина начал рассуждать здраво.

Итак, Мария собирается замуж за Храмова. Ну и пусть... какие проблемы?

Не Демидов будет ее первым мужчиной? Да и пусть, все соплей меньше. Все равно Храмов последние месяцы доживает, а после его смерти можно будет прибрать к рукам аппетитную вдовушку. И никто ему не помешает.

Заодно и наследство получит.

А если случится так, что ребенок будет... дети – они такие хрупкие создания, такие уязвимые, буквально одно движение – и все. Конец.

И повеселевший Демидов принялся составлять новые планы.

Игорь Никодимович Романов задумчиво смотрел в огонь. Живое пламя он любил и камин разжигал регулярно.

Сам, никому не доверяя... это был почти ритуал. Пирамидка из березовых полешек, поднесенный огонь на кончике бересты, и пламя, сначала робкое, а потом жадное и веселое, танцующее на золотистых углях.

Неудивительно, что княжну Горскую никто не мог найти. Удивительно, что она смогла выжить. Впрочем, женщины вообще очень живучие. Романов уже дал указание собрать всю информацию о ее жизни в Березовском.

Часть загадки она прояснила. Осталась еще одна часть, но княжна явно не намерена ничего скрывать. Это-то Игорь Никодимович понимал.

И невольно... восхищался.

Вот представьте себе, хрупкая изнеженная барышня, которая росла оранжерейным цветком, и вдруг такие поступки.

Спасение цесаревича.

Побег.

Выживание в условиях, в которых не каждый мужчина справится... есть чем гордиться. А Мария Горская принимает все как должное. И на дальнейшую жизнь у нее свои планы.

М-да... надо бы к ней присмотреться повнимательнее.

Как известно, кадры решают все. А княжна может оказаться весьма перспективным кадром для его службы. Согласие?

А что, кто-то в нем сомневается?

И Романов вновь уставился на угли, просчитывая возможные варианты.

Она вернулась!

Высокий красавец метался по комнате, заламывая руки.

Вернулась!!!

ЖИВАЯ!!!

Радость?

Нет. Отчаяние и испуг. Кому как, а ему это – приговор. Что же делать, что делать...

Хотя *что* делать – ему сейчас скажут.

Дверь открылась, и в комнату шагнул высокий седоволосый мужчина. Милонег откровенно расслабился.

– Господин...

А больше он ничего не успел, даже испугаться.

Боевые артефакты – такая штука, один удар – и нету человека. И тела нет, и работы для некроманта... Седоволосый хмыкнул и бросил артефакт на кучку пепла, минуту назад бывшую блестящим красавцем-офицером.

Жаль, конечно, больно уж материал хорош. Но ничего не поделаешь. Княжна Горская то ли проговорится, то ли нет, рисковать не стоит. А такие «Милонег» товар нередкий, нового найдем...

Убийца развернулся и вышел из меблированных комнат.

Нет, он не боялся быть узнанным.

Некоторые вещи замечательно меняют внешность. Парик, бакенбарды, немного грима, подушечки за щеки – и перед вами совсем другой человек. Никто его не опознает.

Хорошо бы и с княжной разобраться, но это позднее. Мало ли что...

Дверь скрипнула – и закрылась за незнакомцем.

Глава 3

Разборки, стрелки, разбитые тарелки

Мне откровенно повезло: Храмов не спал. Сидел за столом, что-то писал – и удивленно поднял брови, увидев меня с малявкой на руках. Не оставлять же малыша рядом с трупом.

– Что случилось, Машенька?

– У меня в комнате труп, – решила не церемониться я. А чего? Лучше одно потрясение, чем три часа нервотрепки.

К чести Храмова, он только удивленно приподнял брови.

– Хм... и давно этот труп там лежит?

– Минут десять, – прикинула я. – Пришел, залез в окно и, кажется, хотел что-то нехорошее сделать.

– То есть...

– Убить меня.

Храмов кивнул и поднялся из-за стола.

– Пойдемте посмотрим, Машенька.

Я не возражала.

Дохлый труп мертвого человека так и лежал на прежнем месте. Сергей Никодимович наклонился, профессионально (интересно, откуда навыки?) обшарил его карманы...

– М-да. Машенька, вам повезло.

– Правда?

Храмов покачал передо мной черным кожаным кисетом с какими-то знаками, развязал его и аккуратно потащил наружу что-то интересное.

– Смотрите. Артефакт естественной смерти, – передо мной закачалась на шнурке какая-то блямба с торчащей из нее пирамидкой. – Осторожно, не трогайте. Стоит поцарапаться – и вы тут же умрете. От естественных причин.

Руки я и так тянуть не собиралась – на них был ребенок. А подрастет еще – и я его уже не подниму. Такой слоненок становится...

– Надо сообщить Романову, это по его ведомству, – решил Храмов.

Я вздохнула.

– Что будем говорить?

Теперь задумался и Храмов. И быстро пришел к простому выводу.

– Машенька, а как он умер?

Я развела руками.

– Я виновата.

– Вы же маг земли...

– Ну да. Но склонность к некромантии у меня, видимо, есть, – честно призналась я. А что, я же на кладбище что-то почувствовала? Значит, есть! – Я не знаю, как именно это получилось, но... я просто очень испугалась.

Храмов кивнул.

– Понимаю. Стихийная магия.

– Да, наверное... я даже повторить это сознательно не смогу. А ведь этот вопрос возникнет...

– Оставьте этот вопрос мне, Машенька.

– А мне что говорить?

– Спали, проснулись, увидели труп. Прибежали ко мне.

Я кивнула.

– Спасибо, Сергей Никодимович.

– Не за что. Это и в моих интересах, Машенька. – Глаза Храмова вдруг стали живыми, яркими. Словно ему в голову пришло нечто интересное. – Скажите, это ведь – не первый раз?

Я развела руками.

– Нет, не первый.

– Я не ошибусь, если предположу первый случай пару месяцев тому назад, в Березовском? На вечере у баронессы?

Строго говоря, первый случай был с Карпом, но невелика та рыбка.

– Я не хотела. Могу поклясться чем угодно, хоть своим здоровьем. Я не думала, что так получится, и не желала человеку смерти. Хотя она на моей совести.

И солгала, и не солгала. Так-то.

Храмов кивнул.

– Стихийная магия всегда самая сложная. Потому что непредсказуемая.

Мне осталось только развести руками.

– Идите, Машенька, одевайтесь. А я пока пошлю весточку Романову.

Честно говоря, я бы спокойно поспала до утра. А уж потом людей тревожила. Но нет так нет...

И я послушно отправилась одеваться.

Нил сопел у меня на руках, тихо и безмятежно. Я поцеловала его в кончик носа.

– Спасибо, малыш. Ты у меня просто чудо.

Змееныш приоткрыл глазки, зевнул и опять заснул. Вот уж у кого ни угрызений совести, ни душевных терзаний. Хотя мне ли рот открывать? У меня-то их тоже нет.

Надо нацепить это замечательное палевое платье. Когда мы с Храмовым обговаривали гардероб, я специально включила несколько таких нарядов. Не идет мне этот цвет – я в нем кажусь отвратительно нездоровой. В самый раз для полиции. Круги под глазами нарисовать, что ли?

Нет, не стоит. Это тот случай, когда не надо переигрывать. А лучшее – враг хорошего.

Ёжь твою рожь!

С этим недоделанным киллером я совсем забыла, что у меня сегодня свадьба. И ночью поспать не придется...

Думаю, к следующему утру я буду похожа на зомби без грима.

Если б этот ассасин паршивый не помер, я бы его сейчас сама прибила!

Объяснения с Романовым Храмов взял на себя. Ко мне, как я поняла, претензий не было. Да, покушались. Но кто сказал, что я женщина хрупкая и беззащитная? У меня жених есть, меня обидеть не всякий может, так-то...

Романов не сильно и расследовал вопрос. Умер – и умер, все равно б казнили. Тут другое интереснее – кого хотели убить?

Понятное дело, меня, но как княжну Горскую – или как будущую госпожу Храмову?

Этот вопрос и меня заинтересовал, и сильно. Пришлось рассказать про Милонега.

Романов посетовал, что я раньше не сказала. Я перевела стрелки на цесаревича, получила задумчивый кивок, мол, все правильно, нечего тут языком трепать, и Романов принялся отдавать приказания. Скоро Милонегу придется ой как несладко...

Надеюсь, мне что-то да расскажут о ходе расследования. А пока...

Свадьба.

Свадьбы бывают разные. Банально, но...

Я бывала едва ли не на всех типах свадеб. От студенческих, с селедкой и водкой в качестве основного блюда, до пышных банкетов, которые можно назвать апофеозом самоутверждения. Распадались и те и другие браки одинаково часто, а если нет разницы, зачем платить больше?

Что-то подобное я высказала и Храмову, когда тот заговорил про свадьбу.

Генерал-губернатор одобрил мой подход, и мы решительно вычеркнули застолье, гостей и прием. Вместо этого был вписан фуршет для тех, кто соизволит прийти. Так, шведский стол, не особо обильный, чтобы никто не напивался и не засиживался.

Равно вычеркнули мы и роскошное платье, и прочие благоглупости. А зачем?

Так что к алтарю я шла в простом белом платье, без всяких изысков. Обычный приталенный силуэт, аккуратный вырез затянут кружевом и кружево наброшено на волосы в качестве фаты. Я давала клятву быть верной и честной, слушаться и повиноваться...

И только мы с Храмовым знали, что клятва не будет скреплена магически.

Венчание проходило в домовой церкви. Приглашенный батюшка вещал о долге и любви, мы вежливо внимали. Свидетели и гости тоже помалкивали. Да и было их не так чтобы много.

Горские – три штуки, мой отец с сестрами. Копиями мачехи, кстати. Братец не явился, ни один, ни второй, впрочем, оно и неудивительно. Слишком все быстро произошло. А братья у меня – один военный, второй в специальной школе. Там еще отпрашиваться надо... проще не связываться.

И Храмовы.

Вот эти персонажи были поинтереснее. Не знаю, когда и как Сергей Никодимович их известил, но...

Стояли, глазами сверкали. Убили бы, будь их воля. Факт!

Я их за это сильно не винила. Чего уж там... богатый, пожилой и смертельно больной дядюшка – женится! А у них, может, наследство уже давно распределено! Уже ясно, что и кому, сколько и когда, а тут молодая жена!

Отвратительно!

Ужасно, кошмарно, недопустимо... только вот поди не допусти! Поздно пить «Боржоми», когда почки отвалились. А священник накладывает благословение.

Я покорно целую распятие... эх, жаль его салфеточкой нельзя со спиртиком. Ну ничего, авось с одного раза микробов не нахватаюсь.

Какие ж у них глаза злые.

Стоит старший брат Храмова. Если Сергей Никодимович похож на луч лазера, то этот – на подушечку для иголок. Толстоватый, опухший, одним словом – никакой. И выглядит старше больного Храмова.

Того болезнь состарила и горе, война и горы, а этого что?

Называется синдром «пережрал-перепил». Живи, ни в чем себе не отказывая, и будет тебе букет проблем. Красивый, медицинский, здесь, кстати, врачи тоже по-латыни говорят. И понять их так же нереально. Видимо – общемировое.

Жена, напротив, сухопарая, тощая, прямая, словно палку съела, глаза темные, злые, буравчиками. Губы сжаты в ниточку, темные волосы гладко зачесаны назад. Ее бы воля – меня бы сейчас распятием не благословили, а огрели по всем местам. Потом еще и добавили.

Сын – копия папаши. Но вот так облизывать меня взглядом все-таки не стоит.

Дочь пошла в мать.

Сестра Храмова вообще не приехала, видимо не в столице сейчас. Ну и пусть ее. Как известно – самая лучшая твоя родня живет на другой стороне планеты. Вот в случае с Храмовыми это факт.

Наконец священник завершает свои читалки и объявляет нас мужем и женой.

Теперь нас можно поздравлять.

Первым подходит мой отец. Хорошая мина при плохой игре – наше все.

– Мария, я рад. Сергей, позвольте называть вас так, на правах тестя...

Они обмениваются рукопожатиями, я целую сестер, правда без особой приязни. Ну так и не с чего ей было взяться.

Не стоило травить тогда еще княжну, она ведь все в дневнике записывала. И как ей платья портили, и туфли, и всякую дрянь подмешивали... понятно, дети не виноваты, они просто за матерью отношение перенимали, но...

Мне их любить тоже не за что.

А сейчас – особенно.

Знаю я эти выходки, потому и за ручонками слежу за шаловливыми... Так и есть. Ножнички.

Не обратила бы внимание, ходила бы с дыркой на юбке.

Дрянь сопливая!

Я ловко перехватываю руку сестрички, так, что ножницы падают на пол со звоном.

– Дорогуша, ты что-то потеряла?

Девчонка покрывается красными пятнами. Я насмешливо смотрю на отца.

– Кажется, у девочки незаурядные способности к шитью? И вышивке?

Иван Горский, соображая, что произошло, сдвигает брови. Не дурак ведь... Потом соображает – и тоже наливается злой краснотой. Оплеуху девчонке при гостях не отвечает, сдерживается...

Дома, я думаю, малявке еще достанется. Одно дело – воевать в стенах дома, другое – пытаться опозорить семью прилюдно. За такое драть надо. Розгами. Дважды в день в самый раз будет...

Девчонка некрасиво краснеет уже полностью, но молчит. И поделом. Попалась – молчи, а то еще добавят, за чистосердечное-то...

– Братец...

Гриша Храмов цедит слова так, словно они ему язык обжигают.

Сергей не подает виду, также обнимает брата, произносит что-то традиционно вежливое, а я обнимаюсь с сушеной воблой – его супругой.

– Вы просто очаровательны, Мария. Сергею повезло...

– Это мне повезло, – не удерживаюсь я. – Ах, если бы Бог смилостивился и позволил мне подарить супругу наследника.

Судя по гримасе...

Прикопала б она меня здесь и сейчас, да нельзя.

Сынок, Илья Григорьевич, норовит тиснуть меня за попу при братском объятии. Ну, эту науку мы в троллейбусах осваивали в час пик. Жаль, у меня каблук не шпилька, но и так получается неплохо. До вечера прохромает.

А больше никого и нет.

Такая вот счастливая свадьба.

Вечер выдается еще более счастливым.

Я переодеваюсь в простое темное платье. Храмов тоже в простом выходном костюме, правда, сидит на нем гражданское... не очень. Сразу видно, человек к форме привык.

– Так хорошо?

Маска скрывает лицо, капюшон плаща – волосы.

- Идеально.

На углу уже ждет карета. Закрытая, без гербов, наемная. Она и везет нас к скромному домику из розового камня. Трехэтажному такому, без вывески...

Красные фонари и золоченые завитушки – это дешево. А реально великосветский бордель – не терпит суеты и обнародования. Там все очень скромно, аккуратно, элегантно...

И приходят туда в масках.

Нас встречает бордель-маман. Вот не знала бы...

Скромное строгое платье. Правда, фигуру оно подчеркивает идеально, портной хороший, сразу видно. И ткань дико дорогая. И украшения.

Но никакой непристойности, никакой вульгарности.

- Господин...

Последняя буква чуть-чуть растягивается.

- Называйте меня Григорием. Моя спутница – Элен.

- Очень приятно, – улыбка полна очарования. – Что я могу для вас сделать?

Храмов подхватывает тетку под локоток, отводит в сторону и принимается что-то нашептывать ей на ухо. Тихо-тихо...

Та мрачнеет, потом оглядывает меня и улыбается.

Что ж...

Выбор сделан, карты брошены. Да и...

Вот честно – не хочу я жить в роли незамужней девушки. Лучше уж вдова с ребенком. Тут есть свои тонкости, но прав у меня будет больше, чем обязанностей.

В чем разница?

Девушка обязана подчиняться всем. Отцу – раз, братьям – два (причем не суть важно, обычно старшим, но бывает, что и младшим тоже), матери – три. Если семья входит в юрт, то обязательно главе юрта. Это четыре.

Про мужа и его родню вообще не говорим.

Пожив в этом мире, я пересмотрела свои взгляды на классика. Если кто помнит пьесу Островского с его великолепной Кабанихой, так вот, я тетку понимаю. Небось, пожила в атмосфере патриархата – и озверела. Я бы на ее месте и похуже озверела.

Вдова...

Кому я буду обязана подчиняться?

Тут сложный вопрос. Официально я маг земли – так что главе юрта. Но как себя поставишь. Маги – ресурс сложный, загадочный... да, ими можно управлять, можно подчинять, но лучше по добровольному согласию. А то ведь и обратка прилететь может.

Где-то перестараться, где-то недостараться, ни одна клятва не может предугадать всех последствий. Даже об опасности можно предупреждать по-разному. Можно заорать: «Извержение вулкана, бегите, спасайтесь!», а можно сесть за стол и сообщить: «Да, тут через пару часов вулкан откроется, покушать успеем...» Предупредил? Ага, сообщил, порадовал, поулыбался, сел покушать. А вулкан и правда открылся. И сбежать далеко не все успеют, даже если поверят.

Поэтому лучше договариваться полюбовно. Особенно если маг сильный, активный и доказавший свою независимость. У меня это есть.

Подчиняться главе рода Храмовых?

Ну, тут сложно сказать. С одной стороны, я получаюсь младше Григория Храмова по возрасту-статусу. Жена, потом вдова брата, повод для опеки.

С другой стороны – маг земли, мать ребенка-мага... поди надави! Я могу ведь и протолкнуть идею о том, кто может, а кто не может наследовать.

Опекунство над моим сыном или дочерью? Тоже вопрос сложный.

Если я доказываю свою дееспособность, никто у меня ничего не отберет и не заберет. А магам это сделать не так чтобы сложно. Есть хорошие шансы побарахтаться. Что для этого надо?

Выйти замуж за хорошего человека и родить ребенка. Даже не от него. От родственника по крови. От его сына, например.

Эту историю Храмов мне тоже рассказал, скрывать не стал.

После смерти жены и сына... на войну он попал не сразу. Сразу он ушел в глубокий красивый запой. Выходил из него до борделя и обратно.

Вот тогда и вспомнил...

Алина Кальжетова – не первый и не последний случай. Только те, кто поглупее, ищут, где избавиться от ребенка, а те, кто поумнее, – где можно выйти замуж.

Если повезет, ребенок рождается недоношенным. Это и в двадцать первом веке прекрасно практиковалось, у меня так знакомая хвостом вильнула. Ей вообще повезло, она на восьмом месяце была, когда они с мужем в аварию влетели. Не сильно, но роды начались. Машина пострадала, люди целы, но испуг, нервы... Супруг до сих пор уверен, что его сынок родился шестимесячным. Точный-то срок недоношенности ему никто не сказал.

Вот и у Сергея Храмова роман случился.

Дочь купца, симпатичная девочка... отец быстро понял, в чем дело, но было поздно. Ребенок уже образовался. К чести семейства, травить девочку они не стали, выдали замуж, а ребенок родился одаренным... и способности – проявленные.

В папу.

Правда, отец-in-law об этом не догадывался, да и ни к чему. И так все неплохо сложилось. Сын пошел воевать, заслужил себе уже потомственное дворянство, семья гордится...

Как я поняла, Храмов там тоже лапку приложил, потихоньку. Может, эта помощь и дала ему силы жить дальше? Признать сына он не мог, даже сказать ему о себе, но все же сын.

Только вот по документам – не его. Но ведь не обязательно же объявляться или официально участвовать в жизни малыша? Это было просто невозможно.

Фактически – это разрушить чужую семью, влезть в дела чужого рода, подставить хорошую женщину... нет, на такое Сергей Храмов был не способен. Хотя сына ему повидать несколько раз удалось.

И он отправился воевать.

А там...

Время все расставило на свои места, и Храмов смог помочь сыну. Втихорца, но серьезно.

Сейчас мне предстояло провести ночь с этим самым сыном. Интересно, что именно должна бандерша моему супругу? Думаю, немало, за такую-то подставу.

Меня поманили к высоким договаривающимся сторонам, осмотрели цепким взглядом...

– Главное условие – неизвестность?

– Да.

– Хорошо. Элен, вы понимаете, чем рискуете?

Я вовремя вспомнила о своем «псевдониме» и кивнула.

– Вполне.

– Пойдемте переоденемся.

– Объект хоть издали покажете? – мрачно уточнила я.

– Покажем...

Мужчина был весьма и весьма.

Высокий, чем-то похожий на Храмова, с резкими чертами лица, черноволосый и сероглазый, лет сорока. На пальце поблескивало обручальное кольцо, что сразу убавило ему обаяния.

Женатик – в борделе?

Ай-яй-яй...

Обстоятельства, они разные бывают, но как женщина я такого не одобряю. Хотя и сама... гхм.

Душевно ж мы осуждаем других за то, что с легкостью разрешаем себе.

А так – мужчина вполне себе симпатяшный. Встреть я его в том мире, даже не задумалась бы, открыла сезон охоты. Вполне в моем вкусе, ни животика, ни плешки...

На пальце – кольцо с рубином. Маг огня. Тоже – по желанию, можно носить, можно не носить, но если надевать, то вполне определенной формы: квадратный камень в определенного вида оправе, с гербом твоего юрта.

У магов земли – изумруд, воды – сапфир, воздуха – аметист.

Я такое кольцо никогда не надену, женщинам не полагается.

Внимательно смотрю, запоминаю, потом перевожу вопросительный взгляд на бандершу. Та провожает меня в небольшую комнатку. Основная ее принадлежность – кровать. Рядом тумбочка со всяким... секс-инструментом.

– У вашего... клиента особых предпочтений нет, стандартные наклонности, – просвещает меня мадам. – Вы еще девушка?

– Да.

На губах бандерши расцветает улыбка. Явно подзаработает, но мне плевать. Хоть бы и тройную таксу, всякий труд должен быть оплачен. Пусть деньги скрасят ей эту договоренность.

– Советую надеть. – Мне протягивают белое платье. Я беру и киваю. – Служанку прислать?

– Не стоит.

– Лицо...

Я улыбаюсь. И снимаю маску. Это с волосами я сделать ничего бы не смогла, они ни под один парик не влезут, а вот черты лица поменять куда как проще.

Не лицо. Вторая маска из краски. Макияж а-ля Клеопатра. Эффектно увеличенные глаза, причем я сильно подчеркнула их зеленым. Так что нужный оттенок они приобретут, особенно в полумраке.

Правильно нанесенные пудра и румяна легко меняют очертания скул.

А губная помада легко изменит контур губ, тут главное брать что-то стойкое, чтобы по всему лицу не размазать в процессе. Хотя мало кто будет целовать шлюху. Не в упрек мужчинам, просто так оно и есть.

Поменять прическу, да и сами волосы можно поменять на один вечер, ладно уж. Я вымыла их с басмой, и они стали угольно-черными. Плюс распрямить их под ту же Клеопатру.

Очень нарочитый макияж, скрывающий личность.

Бандерша одобрительно оглядывает меня и кивает.

– Хорошо.

А никто и не сомневался, что хорошо.

Получилась такая экзотическая смуглая красотка. Ничего общего с Марией Горской.

– Надеюсь, умыть девушек у клиента привычки нет?

Тетка улыбается, понимая, что я нервничаю.

– Таким извращением он точно не страдает. Ждите.

Что мне еще остается?

Платье садится почти по фигуре, подгоняется достаточно легко, застежками. Снять тоже несложно. Развязать пояс, расстегнуть две застежки, на плече и на бедре, – и остаешься голой, как палец. Не надевать же под него корсет и панталоны?

Я молча сижу на кровати и жду. Полчаса, сорок минут... интересно, зеркало напротив – с двусторонней прозрачностью? Искренне надеюсь, что за нами никто наблюдать не будет. Неприятное ощущение.

По той жизни знаю, что некоторым это доставляет удовольствие, но не мне. Наверное, я другие книги читала или у меня другие вкусы.

Дверь открывается.

Светильники дают мягкий приглушенный свет, я поднимаюсь навстречу гостю.

Вблизи он еще лучше, чем издали. Выше меня почти на полторы головы, широкие плечи, улыбка...

– Однако! Какой сюрприз...

Я молча склоняюсь в поклоне. Меньше слов, больше дела.

– Откуда ты родом, девочка?

– Из Египта, господин.

– И как твое имя?

– Лейла, – выбираю я вполне интернациональное.

– Хм... подойди ко мне, Лейла.

Игра начинает меня забавлять. Медленно подхожу, опускаюсь в поклоне на колени так, чтобы волосы закрыли лицо, стою и жду.

Меня поднимают очень осторожно. Мягко, бережно...

– Ты красивая девочка...

Горячие руки скользят по моему телу, в голове приятно шумит, ноги слабеют...

– Мне позволено будет раздеть господина?

– Да...

Я медленно раздеваю мужчину. Параллельно пользуюсь знаниями еще из той жизни. Здесь коснуться, здесь погладить, словно невзначай, что-то, а таких сведений в интернете было много. Почему бы и не просветиться, если ты хочешь доставить удовольствие себе и партнеру?

У этого мужчины явно нет проблем с потенцией.

Потом я касаюсь своей застежки, смотрю вопросительно и получаю ответный кивок. Можно.

И белое платье падает к моим ногам полупрозрачным облачком кисеи.

Дальше...

Дальше все получается как нельзя лучше.

Единственная ехидная мысль мелькает на краю сознания. В кои-то веки мужчина платит за то, чтобы его поймали. Редкая практика, нет?

Да...

Для первого раза – более чем достаточно.

Из кровати меня не выпускали часа три, не меньше. И удовольствие я получила. Эгоистом мой партнер не был, обо мне позаботился, неприятных впечатлений у меня не осталось.

Просто – много. Сила трения, она все же есть. И натерло мне достаточно сильно. Это в тот момент не заметно было, а когда запал прошел – засадило.

Уснул он как собственник. Не выпуская меня из рук.

Я лежала тихо, пока мужчина не расслабился окончательно, потом коснулась его щеки.

Запоминая.

Нос с горбинкой, тень от густых черных ресниц на щеках, высокие скулы, синеватую щетину, которая уже пробивает себе дорогу, твердый квадратный подбородок... не знаю, кто была его мать, но от родителей он взял самое лучшее.

Спи, мой первый мужчина.

Я даже не знаю, как тебя зовут, да и не надо. Ни к чему.

Если только потом случайно столкнемся, но и так вряд ли ты узнаешь в княжне Горской – невольницу Лейлу.

Накинула белую хламиду, вытащила из шкафа свое платье и покинула комнатку. Искупаться и поспать.

Других желаний у меня нет.

Ах да...

Коснулась ладонью живота.

Хотите – верьте, хотите – нет...

Я буквально ощущала под пальцами биение теплого живого сердечка.

С одного раза?

Хм... с первого. Но – не с одного, это уж точно.

Предохранение?

Обычно о нем заботятся в борделях. Мужчины пользуются определенными изделиями, здесь их делают из овечьих кишок. Надежность низкая. Дамы проверяются у врачей, последствия... ликвидируются.

Заклинания? Противозачаточные?

Это, простите, из области сказок. Вмешиваться в функционал организма можно, но сложно, дорого и доступно не каждому встречному. Уж точно не пойдет такое заклинание в массовое производство.

Почему? Да потому же, что и противозачаточные таблетки. Еще в той жизни у меня была знакомая... пропила курс. За три месяца сменила сорок восьмой размер на пятьдесят второй. Потом рассказывала, сколько надо сдать анализов, чтобы подобрать правильные таблетки.

Люди – уникальны, организм у всех различный. Что одному хорошо, второму и на уши не налезет. Так что подобрать общее заклинание для всех просто не получится. А исследовать каждую проститутку частным образом...

Ага, два раза.

Так что забеременеть оказалось несложно, как и предвидел Храмов. Программа-минимум выполнена.

Теперь домой.

Только вот переодеться бы где...

Долго искать где – не пришлось. Слуга ждал меня под дверью, проводил в комнату, где показал мне на таз и кувшин с водой. Я быстро обтерлась губкой и принялась одеваться.

Храмов вошел, когда я застегивала последние пуговички.

Бессонная ночь далась супругу тяжело. Под глазами залегли синие тени, лицо осунулось...

– Машенька?

– Можем уезжать, – просто сказала я.

И получила в ответ счастливую улыбку.

- Да?

- Да.

- Слава Богу!

Я не могла выказать такой же энтузиазм, но пусть человек порадуется.

- Едем?

- Да.

Дома пришлось попотеть, смывая краску как с лица, так и с волос. Последние до конца так и не отмылись, ладно, не за один раз. Все равно в прическе оттенок особо не видно.

Арина помогала мне, болтая без умолку.

- Нил всю ночь беспокоился.

- Да?

- Да. Как вы уехали, так нервничал, хныкал, ничего кушать не хотел...

- Солнышко мое маленькое...

Я переживала, и малыш нервничал.

- Потом вроде как успокоился, даже уснул. Но спал все равно плохо, крутился...

Пеленать ребенка я сильно не давала. Пусть дрыгает лапками. Сильнее будет. Да и не нравились змеенышу коконы из пеленок, свободы хочется.

Вот и сейчас он лежал на кровати, сучил ножками, пробовал переворачиваться. А потом еще поползет, еще и на зуб все будет пробовать...

Интересно, как дальше будет?

Сейчас-то я его таскаю спокойно, и вес невелик, и я в форме. А позднее? Месяца с третьего мне бы уже тяжести не таскать... даже такие любимые и обаятельные.

Ладно, разберемся. Аришка поможет.

- Маша, у тебя все в порядке?

- Более чем.

- Тебе точно не причинили вреда?

Я покачала головой.

- Аришка, все в порядке. Вас тут никто не обижает?

- Нет. Нас просто... стараются не замечать. Обидно даже.

- Радуйся. Слуги просто не знают, как себя с вами вести, а гости, значит, внимания не обращают. Вот и проблем будет меньше.

- А обратно мы скоро поедем?

- Со дня на день.

Арина расслабилась.

- Хорошо. Скорее бы...

Я тоже так думала. Ну ее в болото, эту столицу. И на вечеринки меня не тянет, и в магазины... а вот в лощинку хочу. И в горы. И вообще...

Хочу в Березовский.

Но надо дожидаться Романова.

Игорь Никодимович появился после обеда. И выложил передо мной несколько фотографий.

Здесь они есть, хотя и дороги. Дагерротипы, слышали? В этом мире они назывались нъепсами. Время выдержки одного нъепса – минут двадцать. Людям, конечно, сложно, но чего не сделаешь ради памяти? И сидят, и глядят, и не шевелятся.

Милонегу на одной из фотографий я узнала сразу.

– Он.

– Хм...

Я заподозрила неладное.

– Он вообще жив?

– Вообще мертв, – в тон мне ответил Романов. – Убили с помощью боевого артефакта, там только горстка пепла осталась.

Я аж присвистнула от неожиданности. Оперативно работает неизвестный злодей, не успела я наступать, как ниточку тут же и оборвали.

Нет, надо уезжать.

И – быстро!

– Кто это его так?

– Неизвестно.

Я вздохнула.

– Тут я тоже ничем не помогу. Уж простите...

– Мария Ивановна, где и как вы с ним познакомились?

Я подумала пару минут. А потом ехидно улыбнулась.

– Игорь Никодимович, а вы не хотите проехаться со мной к Горским?

– Простите?

Такого предложения глава КГБ (ладно, охраны, но я переименовала для себя) уж точно не ожидал. Я улыбнулась еще раз.

– Я раньше вела дневник. И готова отдать его вам, если вы обещаете не обнародовать мои девичьи секреты.

Романов фыркнул.

– Мария Ивановна, вы так готовы... доверить их моей службе?

– Ничего предосудительного я не делала. И к алтарю шла девушкой, – отозвалась я. – К тому же, Игорь Никодимович, это идеальный способ избавиться от шантажистов.

– Что?

– Чем больше людей в курсе твоих секретов, тем меньше желающих тебя ими шантажировать. А тут все ваше учреждение в курсе будет, куда уж больше...

Романов хмыкнул. Понял, что я шучу...

– Может, мне и будет стыдно за детские глупости. Но пусть лучше мне будет стыдно сейчас, чем больно потом.

– Что ж. Если ваш супруг, Мария Ивановна, не возражает...

– Не возражает, – кивнул Храмов, который присутствовал при разговоре.

– Тогда мы можем поехать прямо сейчас.

Так мы и поступили.

Единственное условие, которое поставил Храмов, – взять с собой хотя бы Ваню. Я и взяла, чего тут спорить?

Нил удобно устроился в слинге, обнимая меня за руку, которой я его поддерживала. Детка моя...

Все, я готова, можем ехать.

Лицо папаша, когда мы заявили с Романовым, торжественно извлекли мой дневничок и глава охранки прижал его к сердцу, надо было видеть.

И глаза...

Я навеки сохраняю это в своей памяти. Жаль, рисовать не умею, еще бы и нарисовала. Вот чертить, план здания набросать – это пожалуйста, а чтобы человека, там, или собачку, цветок красивый... Это – не мое.

Многое мне бы высказал князь Горский, но тут лучше не вкаты. С Романовым шутки плохи, это все знали. А потому...

– Мария, передай супругу, я хотел бы приехать сегодня.

– Может быть, завтра, папенька? Мой супруг себя не слишком хорошо чувствует... он слегка утомился.

Намек мужики поняли. И князь кивнул, мол, завтра приеду.

Я передала приветы сестричкам и откланялась.

У меня были еще два дела. И оба хотелось осуществить без свидетелей.

С Романовым мы расстались за воротами особняка. Ваня посмотрел на меня.

– Маш, куда теперь?

– На почту.

На почте я много времени не провела. Просто сложила в деревянные ящички побрякушки, которые некогда позаимствовала у дам в больнице, и отправила по нужным адресам. Благо узнать их несложно, в «Альманахе» и такое печатают.

Да и чего скрывать?

Где живет, например, князь Горский? В резиденции Горских, ясно же! Где живет Романов? В резиденции Романовых. И адрес половина столицы знает. А вторая может легко найти, просто спросив.

Так что я отправила побрякушки законным владелицам и порадовалась. Все, больше этого груза на моей совести нет. Я страховалась тогда, это так. Но воровкой быть никогда не хотела. Правда, мне просто повезло. Повернись дело иначе – и эти побрякушки могли мне жизнь спасти.

Второй пункт...

Кладбище.

Андрей Васильевич.

Я успела узнать и где его похоронили. Так что цветочный магазин на очереди. Мне нужна большая красивая корзина цветов. Четное число.

И лента с надписью.

«С любовью».

Больше я ничего не напишу. Права не имею. Да и кто я Андрею Васильевичу? Не родственница, не подруга, не, не, не...

Просто одинокая душа, такая же, как он сам.

Просто человек, который ему обязан жизнью.

Как же грустно и тоскливо, когда уходят хорошие люди...

На кладбище было тихо и грустно.

Те же кипарисы, те же обелиски, только имена другие.

Вот и нужная мне могила, покамест с простым деревянным крестом. Потом, через годик, когда земля осядет, можно и обелиск ставить.

Простой холмик, цветы уже убрали...

Я поставила корзину на землю. Плюнула на все и присела рядом.

– Вот я и пришла, Андрей Васильевич. Здравствуйте...

Песок легко пересыпался между пальцами. Бездумно так...

Шумели деревья, Ваня, которому я на руки передала малыша Нила, отошел подальше и слышать меня не мог. А мне так хотелось с кем-то поделиться...

– Я была в Березовском, Андрей Васильевич. Выполнила вашу просьбу. Как же вы так, не дождались...

Мешочек с землей легко открывается, черная сухая пыль сыплется между пальцами, смешивается с песком, словно бы растворяется.

– Она вас тоже помнит, Андрей Васильевич. Помнила. И ждала. Сейчас душа Алины свободна. Надеюсь, что и ваша тоже... я пока еще ничего не знаю о некромантии, не знаю о своей силе, ничего не знаю. Только вот связями обросла как корабль – ракушками. И очистить все рука не поднимется, люблю я их всех... А еще меня во что-то непонятное тащат. У всех свои планы, замыслы, и никто со мной считаться не будет... выжить бы...

Слезы медленно капаят на сухую землю. Сочувственно шумит ветер. И мне очень-очень грустно.

Ничего.

Здесь можно расклеиться. Можно позволить себе поплакать. Побывать самой собой, хотя бы недолго. Не Железным человеком, а просто, обычной женщиной.

Через два часа я ухожу с кладбища полностью спокойная. Глаза красные, лицо слегка опухло, ну и что? Мне теперь и поплакать нельзя?

Отвяжитесь все, у меня токсикоз! И только посмейте сказать, что его не бывает сразу после зачатия!

Вот и особняк Храмова.

Я выхожу из кареты, ухоженный сад, мраморная дорожка, начинаю подниматься по лестнице... Словно кто-то дергает меня за руку.

Ай!

Подворачивается нога, я падаю на одно колено, звонко вылетает мраморная крошка из ступеней, обиженно верещит придавленный Нил, что-то кричит отчаянно Ваня...

Все сливается в одну какофонию звука, благо происходящего я не вижу, лежа чуть ли не носом в ступеньку...

Мысль у меня одна, но очень «умная»: «Хорошо хоть до этого киллера Нил не доберется. А то скажут – мор на убийцу напал».

Потом к ней прибавляется вторая: «Интересно, кому ж я так мешаю?»

Да и вообще, пора бы и честь знать! Погостили в столице – надо рвать когти в провинцию, пока мне их вообще не оторвали.

Меня кое-как затащили в дом.

Храмов ждал в гостиной, он был явно недоволен. Интересно, чем? Покушением?

Ага, если бы.

Ответ нашелся быстро.

На столе стояла роскошная корзина с белыми розами, ничуть не хуже той, что я оставила на кладбище.

– Это что?

– Это, Машенька, прислал цесаревич.

Ответом супругу стал приоткрытый рот и хлопающие глаза. С какого, простите, черта? Я ему что – авансы раздавала?

– И вот это...

«Вот этим» оказывается приглашение на бал, который состоится через четыре дня. Все там же, в Кремле...

– Ёжь твою рожь!

– Не слишком дипломатично, но верно по сути.

– И что теперь делать?

Храмов развел руками.

– Судя по всему, его высочество заинтересовался вами, Машенька.

Дальше генерал-губернатор дипломатично сделал вид, что не слышал адреса, по которому я послала цесаревича.

Заинтересовался он! Ага, два раза!

Ему не Маша Горская интересна, а единственная женщина, которая перед ним не расстилается в восторге плюшевым ковриком. Что – не так?

Это же психология. Положи рядом с котенком игрушку – и ему будет плевать. Попробуй отобрать эту игрушку – и тебя тут же настигнет возмездие в виде кошачьей лапы. Надо было сразу идиотский восторг изображать, надо!

Не додумалась.

Дура.

А теперь что делать?

– Ничего, – мрачно отозвался Храмов. – Уезжать побыстрее, благо моя должность не предполагает долгого отсутствия в Березовском.

Я злобно зашипела.

– Может, мне его изнасиловать?

– Цесаревича?

Храмов посмотрел дикими глазами, потом понял, что я шучу, и рассмеялся.

– Ох, Машенька...

– Я не шутила.

Я как раз представляла, как пристаю к цесаревичу, хватаю его за воротник, применяю прием... и дальше все по тексту. Какому?

«Камасутры» начальника.

Залюблю так, что ноги таскать не будешь, гад! Отловлю, вылюблю, выкину... Кто сказал, что бабы не могут мужиков насиловать? Даешь феминизм! И сто пятьдесят оттенков... неважно какого! Все равно – не отвертятся!

Гр-р-р-р!

Вот мало мне проблем было, так еще и это?

– А что с покушением?

– Сообщим Романову.

Я снова помянула несчастного ежика. Нет, ну что за жизнь? Не убьют, так вылюбят! И еще неизвестно, что хуже.

Да, цесаревич Василий. Молодой, красивый, при короне в перспективе... стать фавориткой?

Да лучше сразу удавиться! Оно безболезненнее будет! Тут и магия не поможет, прикопают под кустиком и скажут, что он уж сорок лет из меня растет!

Неужели непонятно?

Тут и государственные интересы, и собственные расклады юртов... лезть в это? Пытаться привязать к себе пресыщенного жизнью человека, которому все уже не по разу предлагалось?

Это даже не наивно. Это смешно, глупо и нелепо. И я этим заниматься не буду. У меня свое дело, свои родные, свой ребенок... скоро два будет. И вы хотите, чтобы я...

- А если потребовать осмотра лейб-медика?

Храмов задумался.

- Вы точно беременны, Машенька?

- Уверена.

- Вам может стать плохо на балу.

Я хлопнула в ладоши.

- Сергей Никодимович, вы такой умница!

Ни убавить, ни добавить!

Мне становится плохо на балу, я требую осмотра медика, тот подтверждает, что я того-с... в залете. Цесаревич оказывается не при делах - мне ведь можно все и запретить до родов. А потом и после родов, годика на два или три...

А еще мне нужен свежий воздух. В провинции!

Я потерла руки.

- Обещаю, мне станет плохо практически сразу же.

- Машенька, не переусердствуйте...

- Обещаю. Ёжь твою рожь!

- Что случилось?

- А покушались-то на меня из-за чего? Если чтобы я вам наследника не подарила?

Тут уж настала очередь Храмова задуматься.

- Гришка, конечно, на многое пойдет, но чтобы так?

- Там не только Гришка. Там еще его супруга, дети, семья жены... что - некому?

- Знать бы. Там еще и Демидов...

- Демидову выгодно покушаться на вас, не на меня.

С этим поспорить было сложно. Оставалось ждать Романова.

Убийцу, увы, не поймали. Допросить было некого, а опрос соседей ничего не дал. Да и что тут можно сказать?

А только одно.

Этот человек - не профессионал. Профессионалы таких пошлых ляпов не допускают. В родном мире бы меня три раза пристрелили, и никто не понял - ни откуда стреляли, ни что именно кто-то стрелял...

А тут шума много, пользы мало.

Вывод?

Либо непрофессионал, либо вообще новичок, либо кто-то поскупился, либо меня и не хотели убивать. Напугать, предупредить - это другое. Заставить уехать из столицы как вариант...

Что ж.

Посмотрим после обнародования приятной новости, что и как будет происходить. Кто как среагирует. Кто обидится, кто разозлится...

А если за мной еще придут убийцы...

Лучше пусть это будет в Березовском. Там трупы прятать легче.

В кои-то веки Анна Синютина была счастлива.

Без купюр и дополнений.

Откровенно и бездумно.

А почему нет? Что еще надо для счастья скромной вдове? Да удачно выдать дочку замуж! И уж куда удачнее!

Генерал-губернатор! Лучше него в Березовском партия – только Демидов. И то...

Скажем честно, у Демидова есть один недостаток. Возраст. А у Храмова то же самое – достоинство. Маша прекрасно может остаться молодой вдовой. И мамочку она не бросит. И братиков с сестричкой тоже.

Не та Маша?

Об этом Анна Синютина даже и не задумывалась.

Конечно, это ее дочка! Что она – свою плоть и кровь не узнает? Это у них в крови! Анечка удачно вышла замуж, ее сестра... ладно, ту родители замуж выдали, теперь вот Машенька.

Жаль, Ариночку замуж выдать не удалось, такая партия была хорошая. Но, может, все еще впереди? Машенька наверняка поспособствует, чтобы Ариночка выгодно вышла замуж...

Анна предавалась розовым мечтам, лежа в гамаке во дворе своего дома.

Рядом на столике стояли сладости, время от времени она надкусывала сушку или разворачивала и съедала конфетку... может себе позволить! Имеет право! Сейчас-то ее зять всем обеспечит! Поди, плохо?

Теща генерал-губернатора...

Анна даже зажмурилась от счастья. А когда открыла глаза, рядом с ней стоял мужчина. И она его отлично знала.

Демидов. Сергей Владимирович.

Как он попал во двор?

Ага, а то там попасть сложно? Щеколду откинуть ножом, калитку пнуть... замки и засовы – это от честных людей, вежливое напоминание вора, что хозяев дома нет. А у Демидова специалистов хватало. В том числе и подобного профиля.

Анна вскочила.

То есть – попыталась.

Вот вводная. Вы дама, за сто килограммов, лежите в гамаке, да рядом еще столик стоит...

Столик чудом не перевернули на Демидова. А сама Анна прочно запуталась в гамаке. Демидов наблюдал за этим с плохо скрытым отвращением. Но... в засуху и из лужи напьемся. Ему нужна была информация, эта корова может ее предоставить.

Осталось – договориться.

Да, судя по всему, Мария Синютина и есть Мария Горская. Но нужны подтверждения, в том числе – документального характера. К примеру...

Умом Демидов обделен не был, два и два он складывал прекрасно.

Если Мария Горская заняла место Марии Синютиной, куда делась последняя? Тут двух вариантов быть не может. Только умерла.

Где может быть тело?

Среди неопознанных. Тогда девушку должны были описать и похоронить за казенный счет. А как иначе? Не держать же тело невесты сколько времени?

В таких случаях хранят прядь волос, чтобы можно было установить родство, но и только. Это и экономнее, чем весь труп держать. Он, извините, место занимает, а еще протухает, гниет, разлагается...

За чей счет хранить будем? Казны? Здесь такого расточительства не понимают.

Где хоронят?

В общей могиле. Есть такие. Копают рвы на краю кладбища, скидывают туда всех бродяг без роду-племени, которых угораздило умереть, потом, когда ров наполняется, его засыпают, ставят один крест на всех, с примерной датой, тут сентябрьский ров, там октябрьский, и копают новый.

Копаться во рву, разыскивая конкретное тело?

Вот еще не хватало! Намного проще позаимствовать образцы волос и сравнить с родственными. Это обошлось Демидову в сущие гроши.

Осталась Анна Синютина.

Можно ли позаимствовать у нее волосы или кровь так, чтобы она об этом не узнала?

Запросто!

Но...

Демидову нужен был свой человек в стане врага. Так что мужчина поклонился толстухе, словно княгине.

– Госпожа...

– Ваше... ваше.... – задохнулась то ли от восторга, то ли от жира толстуха. Закатила глаза, облизала пересохшие от волнения губы, и кто бы знал, каких трудов Демидову стоило не скривиться от отвращения.

– Называйте меня просто – Сергей Владимирович. – Демидов ослепительно улыбнулся и помог жирдяйке выпутаться, стараясь не показать своей безгливости. – Я хочу поговорить о вашей дочери...

Игорь Никодимович Романов занимался странным делом.

Он – музицировал.

Пальцы скользили по клавишам старого рояля. Едва касались, взмывали вверх, обрушивались всей тяжестью – и вновь становились легче пуха.

Не вяжется с образом сурового главы охранки?

А и неважно. Ему – неважно, главное, что музыка прекрасно приводила мозги в порядок. А Романову это очень требовалось после разговоров с княжной Горской. То есть, простите, уже с госпожой Храмовой.

Полученная им информация сильно меняла картину мира.

Милонег...

Да кто бы обращал внимание на паршивого... ладно, пусть даже красивого гвардейца? Кто он вообще такой? Таких на пяточок пучок в базарный день, на развес по лавкам!

Красота?

Так через одного. Есть деньги, есть статус, будет и магия. Уж косметическая – точно.

Магия? Да у Милонег той магии был огрызок счастья! В юртах таких тоже полно, и цена им невысока.

Умение охмурять женщин?

Да, с этим сложнее всего. Но... Вот на кой черт держат этих мамок-нянек-гувернанток, если каждый

смазливый проходимец...

У Игоря Никодимовича было две дочери, и его гнев был вполне оправдан. Сегодня же стоит заняться... мало ли что? Мало ли кто?

Дневник княжны Горской лежал на рояле вместо нот. Никодимов не переворачивал странички, он размышлял. Слишком мало он знал про Милонегу, чтобы делать выводы. А вот поискать еще таких же «подсадных красавчиков» стоило. Ох как стоило.

Сам Романов подстраховался бы, почему он думает о противнике плохо?

Итак, девушки и красавцы – раз.

Артефакты – два.

Милонег – три.

Уже есть где копать. И Романов с удовольствием во всем этом покопается. А еще есть княжна Горская. Второе покушение за два дня – уметь надо. Интересно, кому она так мешает?

Обязательно разберемся!

Романов еще раз пробежал пальцами по клавишам и медленно опустил крышку рояля. Работа...

Какое же замечательное слово, если она – любимая.

Глава 4

Прощай, Москва, у нас свои печали...

Четыре дня я просидела дома.

А куда мне было ходить? И главное – зачем?

Модистка приехала на дом, платье мы обсудили, куафер тоже обещал приехать на дом. Украшения мне Храмов подарил, шикарные сапфиры в золоте, а еще супруг мне достал то, что ценнее всяких побрякушек.

Книги!

Да, вот это у меня и раньше было. Мужчины мне никогда не дарили драгоценности, понимая, что счастливого визга не будет. А вот справочники могли его вызвать, равно как и прилив благодарности. И не надо думать про дешевых девушек! Вы знаете, сколько может стоить качественный справочник? Ей-ей, иные золотые побрякушки по весу дешевле выйдут!

Так что я сидела и читала про магию земли. С огромным удовольствием. Разбиралась в основных принципах построения заклинаний. Что самое смешное, больше всего учебник по магии земли был похож на смесь трех наук.

Агрохимия, ботаника и геометрия.

Откуда последняя?

А вот оттуда. Заклинание надо не просто произнести, его надо составить, рассчитать, начертить схему – видимо, это одна из причин, по которой женщин считают неспособными к магии. Кто ж дамам высшую математику преподает?

А для меня, изучавшей в школе и геометрию, и тригонометрию, и даже интегралы поймавшей за хвост, все эти «сложные» формулы были детскими игрушками.

Арина с ужасом смотрела на учебники, но даже прикоснуться лишний раз не решалась.

Я задумалась об изобретении транспорта. А еще логарифмической линейки. Это очень полезное приспособление, кто пользовался, тот помнит. И я решила посоветоваться с Храмовым.

Сергей Никодимович заинтересовался.

Как оказалось, своего Маннгейма здесь не родилось, а если и появлялся кто-то, то быстро сливался. Другой мир, другое мышление. Деламейн и Биссакер были, и даже что-то запатентовали, но широкого распространения их линейки не получили. А моя...

Тот, кто считал с ее помощью логарифмы, никогда не забудет ни вид линейки, ни какие там деления. Это не калькулятор, где ты в кнопки тыкаешь, и черт его знает, что в электронных мозгах происходит. Мы за подобную «технику» мигом вылетали из класса и получали двойку в журнал. Математичка у нас была... брр!

С другой стороны, сколько лет после школы прошло, а линейку я помню от и до. И основные формулы интегралов напишу, и производные, и логарифмы...

Еще и посчитаю.

Вопрос у меня к Храмову возник уже на второй день, мужчина подумал – и вызвал ко мне сначала ювелира, чтобы тот воплотил мои мечты в реальность, а потом и специалиста из патентного бюро.

Описание, обоснование, несколько примеров...

Остальное?

Остальное сделают деньги. Патент будет оформлен на имя Марии Ивановны Храмовой и будет приносить мне доход. Большой?

Да кто ж его знает!

Сколько у нас тех линеек продавалось до изобретения калькуляторов! А ручка с таблицей умножения? А идея-то примитивная, а как полезно?

А еще штангенциркуль. И обязательно – с нониусом.

На большее я замахиваться не стала, а вот эти три вещи подробно нарисовала ювелиру. Уж не знаю, сколько ему заплатил Храмов, но все было у меня в день бала. Почти такое же, как дома, только сделано из серебра. Ну да ладно, в массовое производство все равно из других материалов пойдет, а мне можно и такие.

Не так уж часто я ими пользоваться буду.

Кстати – кто додумается, неплохо заработает. Можно ведь и элитные штангенциркули делать, с инкрустациями, и логарифмические линейки с брюликами... Все можно.

Это я и изложила Храмову.

Сергей Никодимович пообещал позаботиться о хорошей идее.

– Вы очень выгодная супруга, Машенька.

– Надеюсь. А... пока не забыла! Отец отдал приданое?

– Меньше, чем стоило бы, но отдал, – кивнул Храмов. – Вот, возьмите.

Банковская книжка, номер счета, сумма на счете.

– Что это?

– Я не оформлял вдовью долю юридически, я просто положил ваше приданое в банк, а доступ будет только у вас.

Я кивнула.

В чем-то это и правильно.

Портили жизнь только две вещи. До конца не смывшаяся краска с волос – и постоянные букеты от цесаревича.

Свин коронованный, ты что, на другую бабу запасть не мог? Вот и еще один букет с утра. Роскошные розовые розы, громадная корзина. Ёжь твою рожь!

– Вынеси в гостиную, – попросила я Арину.

– Маша, тут не только букет.

– А что еще?

– Вот, смотри.

Перед моим носом покачнулся бархатный мешочек.

– И что там? Ты посмотрела?

– Ага...

– И?

Особого интереса я не испытывала. Что бы ни было – мне ничего не нужно.

– Вот!

Вот – оказался браслет. Красивый...

Изящные чеканные звенья из золота, тонкая работа, гравировка в виде роз...

– Отдай Сергею Никодимовичу, пусть отправит обратно, – распорядилась я.

– А ты не хочешь его себе оставить?

– Зачем?

– Ну... я бы оставила.

Я посмотрела на сестричку.

– Арина, а ничего, что за него потом благодарность потребуют?

– От бабы не убудет.

У меня слов не нашлось.

– Арина. Отнеси. Это. Сергею Никодимовичу.

– Сама не хочешь, мне оставь. В приданое.

– Приданое я тебе и так дам, не обижу. Ариш, не стоит принимать подарки абы от кого, ты за них потом вдвое заплатишь!

– Тебе легко говорить, у тебя и так все есть.

Я демонстративно оглядела себя.

– Что у меня есть? Что есть такого, чего нет у тебя? Реквизит?

– Рек... чего?

– Мне надо одеваться и выглядеть определенным образом. И то я не слишком стараюсь. Сама видишь.

Арина выразительно скривилась.

Все верно. Простое домашнее платье, никаких украшений. Только сережки в ушах и обручальное кольцо на пальце. У Арины тоже серьги в ушах есть, кстати. Простые, золотые, без камней. Но тут закон строг.

Крестьяне, мещане, чины до восьмого класса не имеют права носить никакие камни. Покупать – могут, продавать могут, в конце концов, это всегда выгодное вложение денег. А вот носить – нельзя.

Начиная с восьмого класса можно носить полудрагоценные камни.

Потомственные дворяне имеют право носить драгоценности, на здоровье. Любые, с любыми камнями. Исключение лишь одно – красный алмаз. Вот его можно носить только правителям, но учитывая, как их мало в мире (и королей, и алмазов, последних даже и меньше)...

Браслет был без камней. Но тонкость работы, изящество, аккуратность звеньев и гравировки... нет, это не стандартный ширпотреб.

– А может, оставим?

– Арина, мне долго упрашивать?

Сестра скривилась, но украшение отнесла. Вот и ладно.

Не нужно мне такого счастья, ни от кого. Дорогие подарки я могу принять от мужа, а все остальные идут лесом.

На бал я ехала крайне недовольная.

Да, куафер помог чем мог. И волосы мои уложили так, что цвет особо в глаза не бросался, и украсили богато, и цветами, и лентами, и кожу напудрили – опознать во мне Лейлу было нельзя. Но цесаревич Василий...

Эх, не умею я с такими кадрами работать. Еще в том мире терялась.

Давать каждому – простите, до костей сотрется. Да и просто противно. Обламывать жестко – напакосят в ответ. Не раз случалось. А то как же!

Он же такой, ну просто чумовой, из грязи вылез в князи, корона на голове уже не умещается, аж на задницу съехала, и тут самому Ему отказывает какая-то коза!

Да за такое...

Вот мне и прилетало. И за такое, и за сякое, и за всякое. Везет некоторым женщинам, они как-то умеют отказывать так, чтобы никого не обидеть. А я...

Увы.

И еще раз – увy.

А потому на бал я ехала как на каторгу. Храмов подбадривал меня, но действовало плохо. Ладно, мне просто сыграть поаккуратнее. А там...

Можно залечь дома еще на пару дней, а потом уезжать с чистой совестью.

Пару раз заезжал Романов. Уточнял насчет Милонеге, но я мало что могла сказать. Дневник отдала, остальное же...

Дура была. В упор козлиной сущности под мундиром не видела.

Романов понял, покивал и отвязался. В целом, я подтвердила его теорию о бабах-дурах, так что человек не напрягался. Не стоит думать, что он такой уж узколобый. Но вот принято так.

Как во времена плантаторского Юга.

Женщина – нежное и хрупкое существо. Мужчина ее опекает. А мысль о том, что на хрупкой даме можно поля пахать и огороды окучивать... даже если она ему приходит в голову, человек все равно молчит. Ведь не поверит никто. Или того хуже – поверит.

Бледно-голубое платье, в тон сапфирам, изящно ниспадало складками.

– Машенька, соберитесь. Если все пройдет хорошо, уедем уже через три дня.

Лучшего стимула мне и не надо было. Я расправила плечи и принялась подниматься по лестнице, опираясь на руку супруга.

Первый бал, второй бал... я человек не тусовочный. И здесь я поняла это со всей определенностью.

Шумно, в глазах рябит, в носу чешется... Дома с книжкой куда как лучше.

Да простят меня те, для кого тусовка – это профессия. Они идут «торговать мордой», и даже успешно. Для них это работа, для них это образ жизни. А у меня нет такой нужды.

Для меня это адова каторга. Точка.

Но приходится улыбаться и кланяться, а потом кланяться и улыбаться. Получается неплохо.

Кстати, в статусе я не сильно потеряла, став из княжны Горской – госпожой Храмовой. Интересно, почему так?

Разъяснил муж.

Сильная семья, сильный юрт, незапятнанная фамилия, а разница в возрасте... что такого? Наоборот, меня будут рассматривать как умную и предприимчивую особу. Была молодая жена, стала молодая вдова, привилегий больше, ответственности меньше...

Прагматизм!

Понимать надо!

В этот раз цесаревич Василий ждать себя не заставил. Явился с небольшой свитой, раскланялся направо и налево, протанцевал пару танцев с симпатичными девушками и соизволил заметить нас с Храмовым.

– Сергей Никодимович, рад вас видеть.

– Ваше высочество...

Супруг склонился в поклоне. Я сделала то же самое. Улыбнулась.

– Мария Ивановна, вы просто очаровательны сегодня.

– Благодарю вас, ваше высочество...

Улыбки, комплименты...

– ...надеюсь, вы останетесь в столице? Сезон только начался...

Ну да.

Сезон начинается два раза в год. Если не ошибаюсь, в том мире это весна и осень. На лето было принято уезжать из столиц...

Здесь примерно так же. Конец лета – и начало весны, с поправкой на местные реалии. На новогодние праздники, на летний выезд на воды...

Как по мне – хуже жизни и не придумаешь. Таскаться с бала на бал, с вечеринки на прием, но кто меня спрашивать будет?

– ...танец?

– Да, разумеется, ваше высочество.

Ёжь твою рожь!

Пока я была в задумчивости, меня тут уже ангажировать успели. На танец. И хорошо, если один.

Плохо.

Вальс.

Ладно, хорошо, что не полонез или мазурка, там бы я точно озверела, а вальс танцевать легче всего. Особо сложных фигур тут нет, слушай музыку и старайся не отдавить ноги партнеру. Если б еще этот партнер молчал!

Так нет же!

– Мария, вам нравится в столице?

– Москва всегда великолепна, ваше высочество.

– Так жаль, что вы живете в провинции...

Тебе, может, и жаль. А мне – нет.

– Провинция замечательно подходит, чтобы рожать и воспитывать детей, ваше высочество.

– Вы еще так молоды, Машенька, вам еще рано думать о детях...

– Увы, ваше высочество, женская и мужская молодость суть вещи разные. Если вы можете оставаться молодыми до седых волос, нам, женщинам, намного раньше приходится и устраивать свою судьбу, и заканчивать свой женский век.

Цесаревич хмыкнул.

– Вы не хотели бы остаться в столице на этот сезон?

– Я сделаю так, как повелит мой супруг, – похлопала я ресницами.

– Сергей Никодимович просто не понимает, что вы молоды, вам хочется развлекаться, веселиться...

Хочется.

В Березовский. К своему огороду, на свободу, и вообще...

Я же понимаю, что мы разговариваем об одном, а подтекст совсем другой.

Хотите остаться в столице?

Со мной?

Так вот, ваше высочество, – не хочу. О чем и намекаю в ответ. Я замужем, я себя прекрасно чувствую, собираюсь родить мужу наследника и изменять ему не стану. Неинтересно мне ваше предложение. Никак. Цесаревич это понимает, но кому ж понравится, когда рыбка с крючка срывается? Вот и кружат меня по залу.

Не просто так, нет...

А с умыслом. Когда заканчивается музыка, мы оказываемся рядом с небольшим альковом. Туда меня и впихивают, кстати с большой ловкостью, свидетельствующей о немалом жизненном опыте подобного рода.

– Мария...

Интересно, зачем оборудуют подобного рода комнатки? В которых из мебели только кровать размером три на три и зеркало напротив? Чулки поправить?

М-да. Здесь в обморок падать не стоит, а то на кровати и разложат. Так что...

- Ваше высочество, подобное поведение недопустимо.

Не знаю, на что рассчитывал цесаревич, но только не на подобное заявление, высказанное тоном семидесятилетней училки в хроническом климаксе.

- А...

- Чего вы добиваетесь, ваше высочество?

Да понятно чего, но прямо-то не скажешь? Поэтому цесаревич (хорошо ж его дрессировали) мигом нашел дипломатический ответ:

- Мария, я всего лишь мечтаю о минуте вашего внимания.

- Вы ее получили, ваше высочество. Что дальше?

- Если бы вы знали, насколько вы очаровательны сейчас, Машенька...

Мне осталось только закатить глаза. И тем же занудным тоном начать разъяснять:

- Ваше высочество, вот представьте. Сделали вы мне определенного рода предложение, чтобы не терять время. Взяла я и согласилась. Что дальше?

Взгляд был ошарашенным, но ненадолго. Что делать дальше, парень хорошо представлял. А вот последствия - не очень.

- Дальше - получаем мы несколько минут удовольствия на двоих. И быстро расходимся. Только вот вы - с ощущением одержанной победы, а я - чувствуя себя дешевкой и продажной девкой. Вы считаете, что это равноценный обмен?

Округлившиеся глаза цесаревича явно говорили, что он вообще о чем-то таком не думал. Оно и понятно, откуда ж такие мысли возьмутся? Он не дурак, нет. Просто дамы, которые его окружают, готовы на все. В том числе и сами о последствиях позаботятся.

- Машенька, не надо так говорить...

- Есть, ваше высочество, второй вариант. Наша интрижка затягивается, вы оставляете моего супруга в Москве, ну и меня при нем - для своего удовольствия. В этом случае я опять становлюсь продажной девкой, мой муж посмешищем, а для вас опять же никаких последствий. Хотя... вряд ли ваш отец одобрит нечто подобное в преддверии вашей свадьбы.

- Никакой свадьбы не будет, Машенька.

- Почему? - искренне удивилась я. - Не с ее высочеством Александрой, так с другой, найдут кого-нибудь, род продолжать нужно. Ах да, забыла. Вы же мне еще бастарда сделать можете, чем опозорите окончательно. Это в Европе подобное допустимо, а у нас-то не принято гнилую капусту за розы выдавать.

- А если свадьбы не будет, Машенька?

- Как вы меня успокоили, ваше высочество! Значит, и долго мучиться мне не придется. Либо отравят, либо зарежут, чего тут непонятного? Романов и постарается, с благословения его величества.

- Машенька, доверьтесь мне. Я смогу вас защитить.

Я прищурилась.

На дебила цесаревич не был похож. Вообще.

В мою душу закралось страшное подозрение. Романов, мне нужен Романов! Или - не нужен?

За такое и зарыть могут. Не дождавшись ничего... ох, ёжь твою рожь! Но не самой же лезть? Я же маг земли, это некромантия, а мне нужна магия разума.

Андрей Васильевич рассказывал - что?

Маги воды способны к управлению человеческим разумом. Только вот ближайший маг, которого я знаю, - его императорское величество.

Диалог мне представился просто потрясающий.

- Ваше величество, у вашего сына кто-то того-с... по мозгам поездил.

– С чего вы взяли?

– А он меня хочет того-с... понять.

– Тогда точно – поездил. Утюгом-с...

Смешно?

А мне вот не смешно.

Хорошо хоть, думает человек куда как быстрее, чем пишет, и мысли эти у меня заняли доли секунды. А потом я встряхнулась.

– Простите, ваше высочество. Но я другому отдана и буду век ему верна. Не надо лишать меня последнего, что мне осталось, – моей чести.

Пушкин подействовал. Вот она, великая сила классики!

– Машенька...

Пальцы на моей руке разжались. Я смотрела холодно и спокойно.

– Ваше высочество, я не стану предавать моего супруга. Это подло. Не делайте из меня – мразь.

Интересно, сколько человек за нами следили?

Из алькова я выскользнула и кое-как удрала на балкон. Туда было ближе, чем искать Храмова.

Пронесло?

Ох, вряд ли. Надо побеседовать с Романовым, обязательно. Или – не надо? Если этот приворот, или что там закрепилось, может пропасть только с моей смертью?

Ох, что-то как-то кисло стало. И тошно. И... Уезжать надо. Быстро!

– Госпожа Храмова...

Голос был явно издевательским. А еще – дамским. И незнакомым. Хотя сколько у меня тех знакомств?

Я обернулась.

На балконе стояла девушка примерно моего возраста. Выше меня на голову, блондинка, с большими голубыми глазами. Типаж – такая Янни Хусси лет в шестнадцать.

– Мы знакомы?..

Девушка подняла брови. Видимо, нечасто ее в лицо не узнавали.

– В вашем захолустье меня могут и не знать.

– И не знают, – подтвердила я. Как же забавно выглядят такие шестнадцатилетние р-роковые девушки с позиций моего опыта и возраста.словно садовая ящерка изображает динозавра.

– Анастасия Матвеева! Дочь графа Матвеева!

Я улыбнулась уголками губ.

– Рада знакомству, виконтесса. Меня вы уже знаете, так что вам угодно?

– Оставь в покое цесаревича! Он мой!

Наверное, я дура. Даже точно – дура. Потому как не удержалась. И чего я с ней спорю?

– А его высочество об этом знает?

– Достаточно того, что ты, деревенщина, знать будешь!

– Sapienti sat, – согласилась я. И решила не развивать конфликт. – Можете не переживать, Настенька. У меня есть муж, я собираюсь родить ему наследника, и другие мужчины в этот план не вписываются.

Искренности в моем голосе было столько, что девчонка явно поверила. И даже на миг расслабилась. На миг.

Потом опять зашипела коброй.

– Вы... вы уединялись...

Я сделала шаг к свету.

– Смотрите, Анастасия.

– К-куда?

– На меня. На мое лицо, губы прическу... похоже, что я целовалась? Или что-то еще?

– Н-нет...

– Вот видите. Вам ничего не угрожает.

– Уж точно не с вашей стороны.

– Нет. Не с моей.

Матвеева окончательно расслабилась. А я решила, что настало время претворять в жизнь вторую страничку нашего плана.

Сделала шаг вперед. Еще один...

– Помогите, мне плохо!

И осела у ног девушки, цепляясь за ее юбку. А чего? Сама пришла, сама и виновата. Пусть с тебя хоть польза будет, дуреха ревнивая, сопливая.

Анастасия взвизгнула – и рванула с балкона на третьей скорости.

Долго ждать народ не пришлось. Почти сразу же появились человек десять, меня подняли, сунули под нос какую-то вонючую гадость, и меня немедленно замутило.

– Уберите, меня тошнит...

Придворные переглянулись.

Дальше было по нашему плану.

Лекарь. То есть лейб-медик.

Осмотр. Конечно же, магический. И улыбка, адресованная Храмову.

– Мои поздравления, ваше высокопревосходительство.

Храмов расцвел.

Я изображала бледную немочь, лежа на софе, хорошо хоть, с балкона перетащили. Ничего не имею против свежего воздуха, но там пол мраморный, холодный, а мне еще рожать. Нечего на камне вылеживать!

Лекарь поцеловал мне руку и тоже поздравил. В глазах мужчин читалось... да целая фраза там читалась, типа: «А дед-то еще о-го-го».

Дамы делились на две группы. Первая радовалась, что одной конкуренткой будет меньше, вторая радовалась за меня.

Цесаревич тоже подошел поздравить. Хотя глаза у него были тоскливые...

Вот и ладно, вот и замечательно, вот и проваливайте все на фиг! Я понимаю, что для кого-то возможность лечь под цесаревича – это все. Деньги, связи, продвижение кого-то близкого по службе, а для меня-то что?

Все, что мне нужно, я и сама прекрасно возьму, сделаю, найду...

Фаворитка – это круто? Э, нет, господа. Это вы романов начитались. А в жизни все намного гаже и грязнее. Конкуренция, сплетни, слухи, склоки... а если дело дойдет до беременности...

Окститесь, господа!

Это мадам де Монтеспан могла от венценосного любовника рожать крольчихой! И то... если

почитать мемуары ее современников, там такое найдется...

Черная месса – это так, это подстраховка. Сатана, он как? Может, и отзовется, а может – абонент занят. Поэтому в ход идут намного более земные средства.

Кинжал, яд, слово, дело...

Чтобы лезть в этот гадючник, надо ума лишиться. А я пока еще головным мозгом пользуюсь, и он ясно шепчет – домой, домой, пора домой...

В карете Храмов поцеловал мне руку.

– Машенька, вы были великолепны.

– Благодарю вас, – с достоинством ответила я.

– Вы расскажете, о чем с вами говорил цесаревич?

Скрывать я смысла не видела. И поделилась честно. И что говорил, и что делал, и о своих подозрениях... Храмов выслушал меня, а потом покачал головой.

– Нет, Машенька. Вы неправы.

Я выдохнула, словно вынырнувший с километровой глубины кит.

– Да?!

– Уверен.

– Почему?

– Потому что его величество – маг воды. Думаете, он не заметил бы подобное воздействие на сына?

Я хмыкнула.

– А он на сына ежедневно и регулярно смотрит? Смотрит, следит, проверяет... кроме того, оно может быть скрытым и активизироваться, когда мы оказываемся рядом. О таких случаях я тоже где-то читала.

Ага, где-то.

В родном мире и читала. Своего рода «спящий резидент». Пока рядом нет никого, способного дать команду, он и не отсвечивает. А когда окажется...

Да, я читала немного не о том. Были случаи гипноза. Человеку в подсознание закладывалась установка. Например, если рядом с тобой три раза свистнут, ты встаешь на одну ногу и начинаешь пять минут без продыху орать «кукареку». Или интереснее – берешь нож и идешь резать всех, на кого взгляд упадет.

Там – гипноз. Здесь – магия. Может такое быть? Да запросто!

Храмов еще подумал – и помрачнел.

– Такое могут и пропустить. Вот что, Машенька, с Романовым надо поговорить, но по-умному.

– Это как? – подозрительно уточнила я.

Супруг принялся объяснять. Я слушала и проникалась уважением. Ей-ей...

– Сергей Никодимович, иногда мне жалко, что я не постарше лет на двадцать. Я бы точно в вас влюбилась.

– Мне тоже иногда жалко, Машенька. Но такие молодые девушки, уж простите, не в моем вкусе, – поддержал шутку супруг.

Обидно было до слез.

Второй хороший человек на моем пути. И его я тоже потеряю. Земля – не панацея... Кстати!

А женьшень?

Знают здесь о нем – или не знают? А то вдруг...

Увы. Как оказалось – знали. И использовали. И даже магически проапгрейдили. Не тот случай. Не поможет.

Эх, жизнь.

Романов появился на следующий день, ближе к вечеру.

– Здравствуйте, Мария Ивановна.

– Игорь Никодимович, мое почтение.

– Как ваше самочувствие?

– Замечательно, спасибо.

В глазах Романова плясали веселые искорки.

– Вот-вот, и я тоже удивился. Маг земли, и вдруг...

Я ухмыльнулась.

– Не вдруг. А после интересного разговора с Анастасией Матвеевой.

– А подробнее можно? – заинтересовался Романов.

Я как можно ближе к тексту пересказала разговор. Разве что чуток сместила акценты. Получалось, Анастасия полностью уверена, что будет избранницей цесаревича. На чем это основано?

Да кто ж ее знает?

Вы сами подумайте, что может быть такого, что она знает, или сделает, или... а ментальная магия вообще существует? Привороты, отвороты?

Вот заворот кишок – точно есть, может, и все остальное не сказки?

Романов озадачился. Это хорошо.

– Его императорское величество тоже рад, что вы уезжаете.

– Его императорскому величеству есть до нас с мужем какое-то дело? – искренне удивилась я.

Масштаб, уж простите. Где император, а где мы...

– После того, как цесаревич предложил перевести вашего мужа в столицу...

– Надеюсь, его императорское величество не согласился?

– Нет. И настоятельно порекомендовал вам уезжать. Побыстрее...

Я кивнула. И заговорила про Милонегу.

Что, как, зачем...

Нет известий? Ну и черт с ним, что от меня зависело, я сделала, глубже не полезу. У меня другая задача.

В книге по магии земли я нашла и несколько рецептов из некромантии. И хотела бы опробовать один из них. Пока ребенок в виде зародыша, там пара клеток, особых проблем быть не должно. Да и в принципе, Нита ведь обещала, что их не будет.

И уехать мы еще не успели, если что, можно будет снова встретиться с... м-да, а имени-то я и не знаю.

Вот как в жизни бывает, а? Ведь приличная замужняя женщина, и муж в курсе, а такой финт ушами! И не спросишь...

Ладно! Лицо я запомнила, остальное приложится.

Или лучше не рисковать? Подождать до следующего приезда в Москву? Да, наверное, так будет лучше...

В следующие два дня у нас перебывало множество гостей. Рада я была только одному – юристу из патентного бюро, который оформлял патент на мои «изобретения». В том числе и международный.

Ладно – двоим.

Еще Романову. Все гарантия безопасности.

Все остальные...

Папаша смотрел кисло. Вдова с ребенком – это уже совсем другой коленкор. Я перехожу в ведомство Матвеевского юрта, а его планы могут тромбоном накрыться.

Сестрички злились. Ладно, может, лет через десять, когда поумнеют, и удастся наладить отношения? Я поинтересовалась, не собирается ли папенька еще раз жениться, но тот махнул рукой. Детей хватает, три брака было, куда еще – солить?

Побывали у нас и Храмовы.

Причем – сразу с медиком. Очень настойчиво просили, чтобы тот меня обследовал, мало ли, может, лейб-медик что-то да упустил...

Сергей Никодимович, который еще раз приглашал лейб-медика на дом, ехидно порадовал братца, что с ребенком все в порядке. Равно как и с его матерью.

Более того, есть заключение, что это – его ребенок. В нем течет кровь Сергея Храмова.

Вот бумага, ознакомьтесь.

Ознакомились, скисли, как трехнедельное молоко, и удалились, обжигая взглядами. Так-то вас! Перебьетесь, стервятники!

Не знаю, как бы там сложилось с нашим отъездом, но – повезло.

Мы гуляли с Нилом по саду, потом вернулись в мои покои, я решила переодеть малыша, но стоило мне зайти в спальню, как мелкий захныкал.

– Что случилось? Солнышко, зайка мой...

Я принялась успокаивать ребенка, но – бесполезно. Сначала он хныкал, потом принялся откровенно орать в голос.

Я вышла на балкон.

Нил чуть-чуть успокоился. Но все равно похрюкивал, как бы намекая, что повторить – несложно. У меня зародились подозрения...

– Арина!!!

Сестра не отозвалась. Я махнула рукой и вызвала служанку.

– Дуня. – Имена прислуги я запоминала специально. Вежливость – самое главное в нашей жизни. – Помогите мне, пожалуйста...

– Да, госпожа?

– Я почему-то плохо себя чувствую в этой комнате.

– Госпожа?

Служанка не поняла. А вот как объяснить...

– Я подозреваю, мне что-то подкинули. Что-то, чего здесь быть не должно.

На лице девушки проявилось понимание.

– Ох, госпожа! Так это ж где угодно быть может...

– Не может.

Пока я ждала служанку, я успела провести краш-тест. Мы с Нилом прошлись по всем моим комнатам.

Бяка была только в спальне. Даже в уборной малыш успокаивался. Но стоило вернуться в спальню, и он начинал сопеть, кряхтеть, ворчать, всячески показывая, что сейчас грянет буря.

Про Нила я служанке не сказала, но что плохо только в спальне – уточнила.

Девушка все равно сомневалась, я видела это по глазам.

– Дуняша, я – маг земли. И могу чувствовать то, что другие не заметят.

– Ой! А женщина ж...

– Колдовать я не могу. Но чувствовать-то могу!

Может, и не стоило тратить время на объяснения. Но мне нужно было, чтобы служанка поработала с полной отдачей, а не «на отвяжись». Я бы пакость прятала – я бы ее получше спрятала. Чтобы сразу не нашли...

А что там может быть?

Да что угодно! Отдохлой мыши до пробирки с ртутью. К примеру.

Знаю случай, у знакомых в квартире был паркет. Развелись. Муж остался в квартире, жена ушла. Года не прошло, муж свалился. Таскали по всем больницам, лечили... загнулся б, если б ему грамотный врач не попался. И отравление ртутью поставил, и мужику мозги вправил...

Подняли паркет, нашли ртуть. Она ее в гостиной под паркетину неподалеку от батареи вывалила, сразу и не проявилось. А уж потом, когда отопительный сезон начался...

Правда, жене ничего не было. Доказать-то никак...

Год прошел, если кто и помнил, как она градусники покупала, так давно забыл. Да и не преступление у нас градусники купить...

Недоказуемо.

Дуня прониклась и позвала на помощь еще двух служанок. Я наблюдала за поисками с балкона, входить в комнату просто не рисковала. Нил начинал закатываться, стоило мне сделать в том направлении хоть шаг.

Арину где-то носило.

Два часа поисков, перевернутая кверху дном комната, но дурой я себя не почувствовала. Нет.

Потому что в подушке нашлось интересное дополнение. Маленький мешочек из черного шелка, набитый чем-то сыпучим. Дуня и нашла, за что получила рубль. И по полтинничку двум другим девушкам. Заслужили.

Стоило вынести мешочек из спальни, как я смогла туда спокойно зайти. Нил молчал.

Открывать я его не стала. Аккуратно подцепила на листок бумаги и отправилась к Храмову. Где и положила находочку на стол.

Долго ждать не пришлось, супруг вызвал Романова. Тот осмотрел мешочек, даже не прикасаясь, и вызвал местных экспертов.

В мешочке оказалась кладбищенская земля, наговоренная на смерть. Интересно, кто меня так не любит?

Для Храмова оказался интереснее другой вопрос. Кто подsunул сию прелесть. Расследование развернулось по всем правилам.

Слуг трясли как груши. Проверяли со всеми возможными клятвами.

И – ничего.

В мою голову закралось страшное подозрение. Но...

Доверять его Храмову? Или Романову?

Нет, этого я не сделаю.

– Арина!

Сестра по-прежнему не отзывалась. Не было ее и в комнате. Подозрение медленно перерастало в уверенность.

– Ваня!

Долго звать братца не пришлось. Ваня мигом примчался вместе с младшим и вопросительно поглядел на меня.

– Маша, что случилось?

– Аринка где?

– Не знаю... здесь где-то...

– Срочно! Найди ее!

– Маша, ты...

– *Срочно*, – нажала я голосом. – *Сверхсрочно*!

Ваня и Петя сорвались с места. Я подхватила Нила и зашагала по комнате. Я – дура? Да, похоже, что так... Или нет?

Что лучше, доверять и разочароваться – или не доверять никому?

Но глупо как-то со стороны Арины...

Ребята вернулись где-то через час. Сестры не было ни в ее комнате, ни в доме. Нигде.

Что ж, оставалось только идти к Храмову и каяться.

Романов еще не ушел из нашего дома. Меня внимательно выслушали и приняли к сведению. А потом начали опрашивать слуг уже о другом. То есть – что делала Арина, с кем она встречалась, куда уходила...

Я ведь не сидела с ней все время и дома постоянно не была. Нил тоже почти все время при мне.

Сестра осталась без присмотра. И...

Почему подкатили к ней? Да все просто. Ваня уже взрослый и не дурак, нахлебался. Петя еще мелкий, может что-то да ляпнуть старшей сестре или брату. А вот Арина... Мечтающая о лучшей жизни и легко поддающаяся на провокации... Идеальный клиент врага.

Результаты расспросов не обрадовали.

– Она сестре завидовала, – сообщила одна из горничных. – Ходила и нудела, почему одним все, а другим ничего. Ее прямо перекашивало, когда портниха приезжала, куафер, а когда господа на бал отправились, вообще пеной изошла. И то ей не так, и се не этак...

– Кажется, за ней кто-то ухаживал, – сообщила другая горничная. – Я у нее браслетик симпатичный видела...

– Какой?

– Золотой такой...

Я присутствовала при допросах. И задумалась.

– Золотой, пластинки с гравировкой в виде роз?

– Да...

– Сергей Никодимович? Арина вам не приносила такой браслет?

– Нет. А должна была?

Пришлось пересказать историю с букетом и браслетом. И уточнить, можно ли наложить заклинание на предмет.

Романов задумался.

– А там точно драгоценных камней не было?

– Вроде нет... я не приглядывалась, – растерялась я. – А что?

– Заклинание наложить можно, но на металле плохо держится. Слетает почти мгновенно. Если только на камни...

Я покачала головой.

– Я не приглядывалась.

– И даже в руки не брали?

Я погладила Нила по круглой головенке.

– У меня маленький был на руках. Он весь извертелся, куда уж тут побрякушки разглядывать? Да мне и неинтересно было. Отдать мужу и забыть. Арина говорила, что можно бы оставить браслет, но я распорядилась...

Давно я себя так глупо не чувствовала.

– И не проверили, отнесла она его – или нет?

– Зачем?

Романов посмотрел с сочувствием.

– Мария Ивановна, Арина вам сильно завидовала. И кто-то сумел этим воспользоваться.

– Может, все-таки магия?

Мне жутко не хотелось верить в худшее. Мало ли что... бывает же? Разве нет?

Романов покачал головой.

– Ментальная магия, Мария Ивановна, сложное и опасное дело. Поверьте, есть боевые артефакты, но ментальных... их просто нет. Эти заклинания не держатся. И... это очень специфическая отрасль знаний.

Я скрипнула зубами.

– Просто золото?

– Золото, мужчины... Мария Ивановна, не стоит так переживать.

– Неужели? – почти прошипела я.

– Если за Арину Петровну взялись всерьез, она просто не имела шанса устоять. И покрепче нее люди ломались.

– Почему она не могла мне сказать?

– Версий много. Деньги, любовь, возможность остаться в столице, к примеру... вспомните Милонегу? Вы – и то поддались, уж на что вы рассудительная особа.

Я покраснела.

Романов сейчас ткнул меня носом в дневничок Марии Горской. Но ведь и правда – девочка поддалась, а по сути она – это я.

Плохо...

Я подумала еще пару минут.

– Есть ли у нас шанс найти Арину живой?

Мужчины переглянулись. И этот жест лучше всяких слов рассказал мне неприятную правду.

– Вы думаете, что она уже мертва. Правильно?

– Да, – вздохнул Романов. – Это было бы логичнее всего.

– Но искать ее надо!

– Будем искать. Обязательно.

– Не верю я, что она знала...

Романов закатил глаза.

– Мария Ивановна, тут сложно не знать. Смотрите, это – кладбищенская земля. Это явно ноготь

мертвеца.

– Фу.

– Гробовой бархат и тесьма, вот монеты еще, которые на глаза покойникам кладут... извести вас хотели. Что непонятного?

– Я же маг земли.

– Это не магия, это ведьмовство, если хотите. Порча – она и на магов действует. Вы бы и ребенка, и здоровье потеряли, а там и жизнь.

– В чем разница между магией и ведьмовством?

– Магия взывает к силам стихий. Воздух, земля, вода, огонь. Ведьмовство же... бывает такое. Маг одарен силой от Бога. Но если Бог сил не дал, человек может прикупить их в другом месте. У...

– Не поминайте к ночи, – остановил Храмов.

– Мне об этом не рассказывали, – честно призналась я.

– А о таком и стараются не говорить. Хорошего там мало... сила-то есть в любом существе. Вот ее и можно вытянуть. Небось собаку в жертву принесли, а то и корову...

– А отследить это нельзя?

– А как?

– Ну...

– То-то и оно, Мария Ивановна. То-то и оно. Пока гром не грянет, эту пакость не почувешь. Тем и опасно.

Я промолчала.

Вот в церковных вопросах я до сих пор ориентируюсь достаточно плохо. А в магических – и того хуже. Нет в свободном доступе литературы по этой теме, вот и «плаваю».

– Но ведь находят где-то...

– Да, Мария Ивановна. И находят, и вляпываются... кто хочет – тот всегда найдет.

Мне осталось только вздохнуть.

Ох, Аришка, Аришка, как же я тебя не уберегла?

Ваня воспринял новость плохо.

– Маш, она не могла.

– Я тоже в это не верю!

– Ее могли запугать, могли обмануть...

– Наверняка, Ванечка. Наверняка.

Ваня чуть успокоился. Петя – тот просто ревел в голос.

Потом пришел Романов и взял у обоих кровь. Для поиска.

Некромантия? Ну и что, главное – действует!

Хоть бы не опоздать! Хоть бы...

Увы – что бы ни случилось с Ариной, поиски оказались бесполезны. Ее так и не нашли.

– Что это значит? – поинтересовалась я у Романова. Напрямую, без экивоков, благо искали ее прямо в нашем особняке. Магу было все равно, где проводить ритуал поиска.

– Что она мертва более суток – первое. Настолько мертвая кровь не ответит.

– Но есть и другие возможности?

– Да, только они куда как хуже. Если она жива, ее кто-то прячет. Это плохо. Это значит, что ей

могут воспользоваться в дальнейшем. По родной крови многое можно сделать...

Я пожала плечами.

– Но ведь не мне! Я-то Горская...

– Но вы их всех любите, – припечатал Романов. – И братьев, и сестру, и мать...

Я отвела глаза.

Все верно, за мальчишек я тоже кинусь не хуже кобры. Равно как и за Аришку. Ёж, ну куда эту дуру занесло?! Чего ей на месте не сиделось?!

Хотя ответ я и так знала. Была у меня еще в той жизни подруга, которая всем завидовала. И вопрос «Почему?» был у нее главным в лексиконе. Почему у Таньки ноги длиннее, почему у Маньки муж богаче, почему Иринке должность, а ей шиш, почему, почему, почему...

Да потому что!

Не надо сидеть на попе и ныть! Возьми себя за шкуру, повышай квалификацию, займись спортом, сходи в салон к хорошему парикмахеру, прекрати бесконтрольно жрать плюшки – и мигом избавишься от половины проблем. Но ныть-то проще!

Только вот чему завидовала Арина?

Хотя было чему, ладно уж...

Образование, воспитание, происхождение, все те шансы, которые волей судьбы достались мне – и не достались ей! Но тут-то я не виновата!

А, ладно. Чего над пролитым молоком плакать...

Романов обещал искать и искать, жаль, найти он пообещать не мог. Я сейчас тоже ничего не могла сделать. Допустим, я изобрету что-то интересное. Какой-нибудь ритуал поиска. Но применить-то его я не смогу! Да и обнародовать тоже, лучше промолчать.

Оставаться в столице? Напрашиваться на новые покушения?

Увольте.

Ровно через четыре дня мы садились в поезд. И кто бы знал, как я радовалась возвращению в Березовский!

От цесаревича, кстати, не было ни букетов, ни приветов. Да и не надо! Перебьюсь!

То ли император ему мозги вправил, то ли Романов что придумал... главное в этом деле не процесс, а результат.

Результат меня устроил.

Свободна, беременна, еду в Березовский...

Где ты, Аришка?

Узнаю, кто все это затеял, – вырву печенку и сожрать заставлю. На моих глазах!

Моя семья – неприкосновенна. И любой уяснит это на конкретных примерах. Богом клянусь!

Бордель мадам Рошуар пользовался большим успехом у знатных господ. У дам тоже, но – тсс!

Мало ли кому хочется весело провести время вместе?

На то и стены, чтоб молчать. А мадам в чем-то была молчаливее стены. Но вот такого поворота событий она не предусмотрела.

– Ваше сиятельство...

– Я хотел бы выкупить одну из ваших девушек.

– Конечно, ваше сиятельство.

К этому гостю мадам относилась с симпатией. А почему нет?

Богатый, щедрый, без извращений, девушкам чаевые оставит, ей доплатит... за такого держаться надо. Она и держалась.

Просто Храмов ей в свое время сильно помог. Денег дал... было, было... Они тогда оба друг другу помогли. Сергей дурил и пил, она металась, не зная, куда податься, то есть зная куда, но не имея денег...

Так-то она не мадам Рошуар, так-то она Сонька Рожкова, но слишком уж простонародно звучит, правда? Софи Рошуар куда как интереснее...

– Лейла.

Оппс!

Вот этого поворота София не предусмотрела. Выкупить? Лейлу? Оно бы и неплохо, но...

– Ваше сиятельство...

– Что-то не так?

– Я не могу исполнить вашу просьбу, ваше сиятельство. – Крутить мадам не собиралась. Чревато.

– Почему?

– Лейла ушла к другому клиенту, – призналась мадам. И даже не сильно соврала.

Мужчина задумался.

– Имя вы мне не назовете, я понимаю...

Мадам развела руками.

Все понимаю, все одобряю, но и вы меня поймите. Не пользовался бы мой бордель таким успехом, болтай я направо и налево!

– Возможно, вы передадите ей мою записку?

– Это – возможно, ваше сиятельство.

– И ответ от нее?

– Если он будет, ваше сиятельство.

Мужчина вырвал листок из записной книжки, набросал пару слов. Свернул, запечатал. Приложил приятного цвета ассигнацию.

– Прошу вас.

Мадам кивнула, пряча бумажки на объемистой груди.

– Обещаю.

Сроки она не оговаривала, правда. Вот, приедет дама в следующий раз в Москву, тогда и... а что такого?

Ситуация достаточно деликатная, кто б не понимал!

– Возможно, сегодня вам будет интересна девушка того же типа?

Мужчина подумал немного, а потом кивнул.

– Давайте.

Утром он ушел. Мадам допросила девушку и выяснила, что клиент остался...

Недоволен?

Нет, не то.

Обслужили его по полной программе, и чаевые он оставил, и вроде все было хорошо. Только вот девушка и сама признавалась, что не она была нужна.

Не она...

Такие вещи женщины чувствуют.

Мадам вздохнула – и решила написать Храмову. Честно рассказать, посоветоваться... это и его касается. Его жена – его проблемы.

Игорь Никодимович Романов стоял навытяжку перед сюзереном.

И трепетал.

Насчет кракена Мария была права. И насчет ментальной магии – тоже.

Его императорское величество и владел, и пользовался, просто не афишировал. Нет-нет, не стоит верить в сказки о телепатии. Мыслей император не читал. И не внушал.

Но надавить – мог.

Описaeшьcя от страха – сам все выложишь.

– Мой сын? И внушение?

– Я предположил приворот. И проверил. Вот, ваше...

– Государь.

– Государь.

Романов выложил на стол две куколки, словно вырезанные ребенком из причудливых корешков, и три шелковых мешочка с неизвестной начинкой. Император взял одну из них, брезгливо повертел в пальцах.

– Обезврежена?

– Да, государь.

– И – кто?

– Пока неизвестно, государь. Мы работаем над этим...

– Кто – неизвестно, но приворот вы предположили? Подробнее, Игорь!

Романов опустил глаза.

– Государь, я побеседовал с княжной Горской. То есть с госпожой Храмовой. И она отмечала не вполне адекватные реакции наследника...

– Это – как?

– Подозреваю, что привороты перекрылись, государь. Вот это – вообще не наше, – палец Романова уперся в одну из куколок. – Явно английская штучка, у меня с собой заключение специалиста...

– Аликс?

– Вполне возможно, государь.

Иван Четырнадцатый скрипнул зубами.

– Головы поотрываю.

Романов промолчал. А что тут скажешь?

– Я подозреваю, государь, что за покушениями стоят либо эти – либо те.

Палец Романова коснулся двух написанных на листке бумаги фамилий. Его императорское величество хмыкнул.

– А точнее?

– Я собираю данные, государь. Пока эти двое в равной мере...

– Ладно. Ищи.

– И мне кажется, что куколки тоже из того источника, ваше императорское величество.

– Где их нашли?

Романов опустил глаза.

– Государь, к моему стыду...

– Не мнись! Не в покаях же наследника, верно?

– Верно, государь. Зная, что покои проверяют, или не имея возможности туда попасть, заговорщики поступили умнее. Вот это было в карете. Вот это в библиотеке, которую навещает его высочество, вот это в стойле его любимого жеребца...

Его величество хмыкнул.

А и верно.

Даже краткосрочный контакт, но был ведь! Потому и эффект своеобразный, потому и действует не в полной мере, и перекрылось...

– Что с княжной?

– Она в тягости. Уехала вместе с супругом в Березовский.

– Вот и отлично. Пусть пока там и остается.

Романов поклонился. Он напишет Храмову. Но и так... это отвечает желаниям четы Храмовых. Остаться в Березовском? Да с превеликим удовольствием!

А вот что ему делать?

Приезд княжны Горской кое-что прояснил, а кое-что еще больше запутал. Ладно, ему не привыкать. Разберется. И ниточки расплетет, и заговорщиков... на ниточки распустит. Дайте только время.

Глава 5

Дом, дети, церковь...

Токсикоз?

Такого слова магам земли не говорят. Ибо – неправда.

Я себя замечательно чувствовала, я отлично выглядела и собиралась бегать бегом вплоть до родов. А что до магии...

Храмов просил ее не применять, но что тогда делать с лошинкой? Это мой бизнес, мне это нравится, я тренируюсь, если на то пошло!

Бросить все?

И рассчитывать на милости от природы? Погоды, мужчин, родственников и любовников? Ага, щас-с! Это можно делать тому, кто в Африке живет. Там кокосы и так падают, а холодов не бывает. А в нашем климате хочешь жить – изволь крутиться.

Волчком.

Единственное, на что я согласилась, – охрана, бричка, ну и, конечно, постоянные консультации у врача. Это понятно, не стоит волновать человека. Сергею этот ребенок – последний шанс утереть нос родне. А мне – страховка.

Не буду врать – ребенка хотелось. Но... не так, чтобы с визгом умиления носиться по Березовскому.

Да, ребенок. Да, будет. Дальше – что?

Ничего.

Растить, воспитывать, учить, обеспечивать. Любить?

Можно и любить. Но как по мне – гроша ломаного не стоит любовь, из-за которой оборванные и грязные дети оказываются на вокзалах и просят милостыню. Может, я и не буду с истерическим визгом «Моя прелес-с-с-сть!» тискать младенца. Зато он будет в тепле, холе, ухожен, накормлен, присмотрен – и далее по списку. Вот как Нил.

Я не могу сказать, что смотрю на него и плавлюсь от умиления. Но ребенок сыт, сух, чист, ухожен, все время при мне... что еще надо-то?

Кто-то мне возразит, что слово «любовь» подразумевает все вышеперечисленное... так вот – нет! Даже половины не подразумевает. Анна Синютина своих деточек любит. Обожает даже. И?

Так что я на это слово приобрела рефлекторную идиосинкразию.

Да, Анна Синютина...

У Пети случилась истерика в первую же ночь после приезда.

Мальчишку скрутило так, что Ваня испугался и помчался ко мне. Хорошо, мы с Храмовым спали в разных комнатах, а то конфуз мог бы получиться. Но и так...

Когда Ванька влетел с выпученными глазами, я несколько минут даже не могла сообразить – в чем проблема? Уже потом дошло, и я бросилась успокаивать мальчишку.

Петя рыдал – аж люстра дрожала.

Служанка пыталась его утихомирить, металась рядом со стаканом воды, я посмотрела на это дело, вручила Нила Ванюшке, потом взяла лейку для цветов – и выплеснула все ее содержимое на Петю.

– Добавить?

Хватило.

Водичка там была холодная, отстоянная...

Петя дернулся и посмотрел на меня. Я уселась на кровать как была и притянула к себе мокрого братца. И плевать, что ночнушка тут же промокла насквозь, да и сидеть неудобно. Не до того!

– Ты чего распищался, мелочь?

Петя затряс головой. Реветь он перестал, только икал и всхлипывал. Трясся как осиновый лист, крепко прижимался ко мне, и отодрать его не представлялось возможным. Ваня с сочувственным видом сидел рядом. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем он успокоился, и еще с полчаса, пока я не добилась внятного объяснения. Или хотя бы наводящего слова.

– Ари-и-и-и-и-ина...

– Ну... бывает, – попробовала я утешить мальчишку. – И поумнее, чем она, ловились.

– Она же... я же...

Петя винил и себя в том, что произошло с сестрой. Оказывается, он замечал, что Арина кем-то увлеклась. Но думал – несерьезно. Лакей какой... мало ли их в доме?

А она вот...

Как она могла?

И что мы теперь делать будем?

Пришлось утешать, гладить по голове и обещать, что мы ее обязательно найдем. И даже если она наделает глупостей, все-все исправим.

Я не сильно на это надеялась, но – родственники. И лучше уж Петя с Ваней, чем мой папенька, так-то. Эти меня хоть замуж не выдавали за Демидова.

Легок на помине, Демидов посетил нас на следующий же день.

Явился с букетом цветов, поцеловал мне ручку.

– Ах, Машенька, Машенька...

Я улыбнулась. Холодно и высокомерно, одними уголками губ.

– Надеюсь, вы понимаете, что подобное обращение меж нами недопустимо? Я замужем, и прошу уважать моего супруга.

Демидова перекосило. Но при плохой игре он сохранил хорошие манеры.

– Ах, Машенька, для вас – любой каприз.

Ага, за мою силу и мои деньги, кто б сомневался. Перебьюсь!

– Мария Ивановна, и надеюсь, мы больше не вернемся к этому вопросу.

Демидов покривился, но спорить не стал. И то, ему было о чем поговорить, кроме соблюдения правил приличия. Это к невесте он мог обращаться – Машенька. А к чужой жене уже не стоит, если не хочешь нарваться.

– Мария Ивановна, может быть, вам не стоило так спешить?

– Что вы, Сергей Владимирович! Я еще поспешу и наследником мужа порадовать! – очаровательно улыбнулась я.

– Наследником? – прищурился Демидов. И так уставился на мой живот, словно ему в глаза рентген встроили. – А...

– Разве не в этом цель любого брака? – Я продолжала улыбаться. – Вам тоже хотелось наследников... живых и здоровых.

Намек Демидов понял, недобро улыбнулся, но сказать ничего не успел.

– Машенька, у нас гости?

Храмов явился как нельзя более вовремя. Я развела руками.

– Мой дорогой супруг, с вашего позволения, я вас оставляю? Я чувствую себя не слишком хорошо...

– Конечно, Машенька.

Храмов поцеловал мне руку и переключился на Демидова. Ну-ну...

Пусть померяются хвостами. Со всей великосветской учтивостью. А мне не до того. Надо бы еще к

мамаше съездить.

Ваню я с собой взяла. Петя остался дома.

Да, Храмов решил, что ребята тоже будут жить с нами. А то выманить меня на них – дело двух минут для умного человека. Синютины не возражали. Их тоже все устраивало. Правда, живность пришлось пристроить по соседям, Петя с собой только щенка забрал, но это не так страшно.

Маман выглядела не просто счастливой – она аж светилась собственным светом. Да и чего бы не светиться?

Лежит, отдыхает, неясно от чего, но ведь устала, бедненькая. Рядом на столе сладости, вино, солнышко светит, птички поют... И что еще надо в этой жизни? Ей точно ничего.

А вот как рассказать про Арину?

– Машенька! Ванечка! – обрадовалась маман. И поспешила покрыть нас поцелуями. Приznak великой любви-с...

Я не дергалась. Проще потерпеть, да и оттянуть неприятный момент хотелось.

Ага, оттянуть!

А часовой рассказ о том, как все замечательно, не хотите? Ни Петя, ни Арина любящую мамочку не интересовали. В принципе. А вот работа ее пищеварительного тракта, то бишь сколько раз она пописала, когда по-большому сходила и какие у нее проблемы, – дело другое. И трещала бы она так до морковкиной свадьбы, если бы мне не надоело слушать и я резко не переключила тему на Арину.

– Арина с нами не приехала.

– Почему? Она меня не любит?

Действительно, другой причины нет? От «заболела» до «некогда». Нет, у маман все завязано четко на нее. Любит, не любит... кошмар!

– Она осталась в Москве.

И что сказала эта достойная дама? Поинтересовалась, где ребенок, с кем, чем занимается? Да ей такое не то что в голову не пришло – рядом с ушами не проходило!

– Вот и ладненько. Может, она там личную жизнь устроит!

Я щелкнула зубами. И выложила последнее, что могла.

– Я подозреваю, что ее похитили...

Ага, если б мамаша в это поверила! Или дала себе возможность задуматься!

– Ой, да кому она нужна? Сбежала, небось, с каким-нибудь смазливym парнем, вот и вся недолга! Но ты подумай, если она в подоле принесет, это ж какой позор! Надо было ее за Никешу замуж выдать!

Я едва не застонала.

– Ты не понимаешь? Я думаю, что у нее проблемы...

– Да нет у нее никаких проблем, о чем ты говоришь? – отмахнулась маман. – Наверняка по мужикам пошла. Вот, помню, я в ее возрасте...

Бессмысленно. Все было без толку, все слова, все разговоры, ее ничего не интересовало, кроме себя и своих переживаний. Вообще ничего. Толковать с этой любящей матерью о чем-то серьезном – все равно что кошке квантовую механику объяснять. Долго, упорно...

Бес-по-лез-но.

Ее разум просто ничего не воспринимает, кроме ее проблем. Дочь? И что, что дочь? Она ее любит, вам что – мало?

Ах, хорошо бы и сделать что-то?

Нет, извините. Это – по другому ведомству.

Я махнула рукой, оставила мамаше денег на хозяйство и уехала. Ну ее к чертовой матери!

Лезть к нам она не будет, Храмов позаботился. Денег я ей дам, помимо назначенного содержания. Дочерний долг выполняю. Этого – достаточно.

Время шло.

Мы собрали второй урожай, начали готовиться к зиме. Озимые нам тоже пригодятся, но под них надо готовить почву.

Так что моталась я каждый день в лошину как на работу.

Вот и сегодня приехала, Ваня остановил бричку где обычно, на краю поляны, я огляделась вокруг.

А хорошо все-таки. Солнышко светит совсем по-летнему, денек хоть и осенний, но теплый и уютный, птички чирикают, люди работа...

А где, собственно, все?

Почему такая тишина вокруг? Почему никого нет?

Не поняла?

– Маша? – Ваня вопросительно посмотрел на меня. – А почему никого нет?

– Не знаю. Слезть помощи, – цыкнула я. Сейчас мы все выясним.

Беременность пока не была заметна, но прыгать все равно не стоило. Ваня слез сам и протянул мне руки – мол, снимаю.

Я сползла на землю. Мои охранники уже спешили и осматривались по сторонам. Искали... следы?

Да, наверное.

И мы их нашли. За одним из барачков.

Они все там лежали, небрежно сташенные в кучу. Все.

Разум даже не сразу осознал представившуюся мне картину. Не вязалась она никак, ни с чем...

Несколько десятков трупов, сложенные едва ли не в поленницу. Мои рабочие, их охрана... как?

Они просто лежали. И я пока ничего не могла понять. Никого не видела... что происходит?

Моя сопровождающие переглянулись. И казаки отправились осматривать трупы. Переворачивали, что-то показывали друг другу... я покамест молча ждала вердикта. Сама лезть не торопилась – не хотелось мне трогать мертвяков, лучше подумать о другом.

Что можно сделать в такой ситуации?

Вариант первый – удрать. Только не факт, что получится. И по дороге не напорешься на засаду.

Вариант второй – остаться и осмотреться. Тоже можно нарваться, хоть так, хоть этак. Но хоть поймешь, к чему готовиться. Сколько было нападавших, что им надо, куда уехали...

Что мы единогласно и решили, не сговариваясь.

А что еще делать? Какая из нас боевая сила?

Я, Ваня, двое казаков в охране. С кем мы справимся?

С тремя-четырьмя налетчиками, не больше. Остальные нас возьмут тепленькими.

Магия земли – это вам не огонь или ветер, она ни разу не боевая, пока докричишься... заготовки у меня были, но то заготовки. А как сработает?

И как на ребенка подействует?

А еще со мной Нил. И им я тоже рисковать не могу. Змееныш и так нервничает, дрожит...

– Аким, – окликнула я казака, – что случилось? Как думаешь?

– Никак бандюки, барышня, – отозвался казак. – Подозреваю, в побег сорвались... и следы тут от обмоток, и сделано грубо, и сапоги поснимали, и...

Я задумчиво кивнула.

Ну да.

Где рудники, там и каторга. А где каторга...

– А с ошейниками как?

Спросила – и тут же поняла, что глупость сказала. На каждую хитрую попу есть кое-что с винтом. Если побег устраивали под конкретного человека. Если на каторгу угодил кто-то с магическими способностями. Если у кого-то нашелся «ключ»...

Вариантов хватает.

Да и сами ошейники – они почти срastaются с кожей, но заклинание-то не вечное! Его надо проверять, подновлять, а это деньги. И силы. И магия.

Поленился хозяин или, там, надсмотрщик проверить, понадеялся на кандалы-решетки – и не уследил. А они ослабли. И «выгорели». Такое тоже бывает.

Или купили у какого-то не слишком щепетильного мага «ключ», да и передали. Запросто.

И сорвалась орава каторжников в побег. И пошла... куда?

Этот вопрос я и озвучила казакам. Аким посмотрел на Митьку, младшего из казаков, который сейчас как раз бродил, осматривая поляну.

– Что скажешь, Мить?

– Плохо. Их человек тридцать, может и побольше.

Других слов, кроме «мать-перемать», у меня и не осталось. Тут и привычный ежик не поможет.

Тридцать.

Человек.

– Нам не справиться.

Спорить никто из казаков и не стал.

– А до города как? – Ваня озвучил то, что волновало всех. И верно...

Каким чудом мы добрались сюда? И ни на кого не наткнулись? Ни с кем не встретились?

– Как давно все произошло? – поинтересовалась я.

– Кровь еще свежая, – отозвался Аким.

И – не договорил. Понял...

Я отвязала ребенка от груди и протянула Ване.

– Начнется драка – беги. Хоть его спасешь.

– Маша, – оторопел брат. Но ребенка на руки принял, хоть и не понял пока, что к чему. А я уже все понимала. И смотрела на кое-как построенные бараки. Там и рабочие непогоду пережидали, и я с семенами возилась, и инвентарь хранился – было где укрыться. Там-то нас и ждали.

И верно, зачем гоняться по лесу за добычей, рискуя ее упустить? Проще дождаться, пока она сама тебе в руки придет.

– Сообразительная, – протянул ехидный голос.

Из бараков выходили люди.

Один. Два, три...

Какая разница?

Их все равно было слишком много. И двое уверенно сжимали ружья, а у остальных был сельхозинструмент. Между прочим, мой! За мои деньги купленный!

Почему-то это было обиднее всего.

Впереди стоял здоровущий мужик, обросший бородой по самые глаза. И выглядел он...

Опасный подонок.

Вот не было у меня других слов, кроме этих. Есть те, кого жизнь заставила, а есть патологические твари, которые от своей тварности еще и удовольствие получают. Этот – из вторых. Любую мерзость сделает и кайф словит. Еще и сам дополнит какими-нибудь гадостями, такому подсказывать не придется.

– Бросайте оружие, – приказал он казакам.

– А ты отними, – ощерился Аким.

Грохнул выстрел.

Аким успел уклониться, но плечо ему все равно продырявило. Правое... не боец.

Казак и с одной рукой многое сделает, но кровь... его бы перевязать. А то потеряет сейчас крови много... хотя на то и рассчитано. Не убить.

Взять живьем.

Пока – живьем, только вот такая жизнь хуже смерти окажется.

Есть у меня одно плохое качество. Умные люди стараются от драки уйти, а я, когда понимала, что надежды нет, – первая лезла. И до последнего дралась, кусалась, царапалась, кидалась...

Вот и сейчас я ощутила те же эмоции.

Может, я здесь сегодня и лягу. Но вас, тварей, со мной зарюют!

Я сделала шаг вперед. Никто меня не остановил, не ждут опасности от бабы. А зря... просто магия земли – не моментальна. Мне нужно пару минут, чтобы активировать заклинание. И вы мне их дадите!

Страху не было. Только ярость.

– Что вам нужно?

– А ты не догадываешься?

Мужик смотрел так... Он победитель! Он меня уже раздел, облапал, поимел, прекратил в дрожащий и воющий от боли кусок мяса... он все это предвкушал. И сделает. И своим людям на потеху бросит... что ж! Меня и совесть мучить не будет!

– Храмов за свою подстилку много чего сделает, да и за ублюдка тоже...

У меня пальцы сжались в кулаки.

И здесь?!

Ах ты, мразь!

И ведь делает... в этом мире еще не развита так культура терроризма, народ еще спокоен. Но ростки пробиваются.

– Обзовись, тварь, – почти выплюнула я.

– Что? – не понял мужик.

– Ты кто такой?

– Федор Сивый! Не слышала, нет?

Мужчина торжествовал победу. Аркан силы раскручивался над моей головой, невидимый, но от того не менее страшный.

– Слышала, – процедила я. Ох как слышала.

Тварь та еще, на большой дороге разбойничал, никого не пожалел за всю свою жизнь... а коли так, то и я его не пожалею.

Маги земли – не боевые маги?

Конечно, конечно... если фантазии не хватает!

А мне и нужно-то было несколько минут. Заклинание я составила еще в Москве, а вот опробовать решила только сейчас.

Что такое человек?

Да набор химических элементов.

А земля из чего состоит? Никто не догадывается?

Принцип – один и тот же, управление людьми, управление металлами... мозги только приложи.

И последняя подсказка.

Какой металл обеспечивает жизнь человека каждую его секунду? Их, конечно, много, но один...

Гемоглобин – знаете? Один – глобин, четыре гема, то есть железо.

А железо – металл. А металл подвластен магам земли. И у меня нескромное преимущество. Здесь пока не подозревают про валентности, электроны и прочие радости, которые в моем родном мире начинают вбивать детям на химии еще в восьмом классе. Худо ли, бедно...

Мне повезло, у нас оказался хороший учитель по химии и биологии. Вроде бы и не слушаешь особо, потому что не нужно это тебе, а кое-что да зацепится.

Железо в гемоглобине находится в степени окисления плюс два. А если перевести его в плюс три? Или в плюс шесть?

Можно просто в плюс три, благо источник электронов находится тут же – кислород. Отличный окислитель.

И что у нас получается?

Метгемоглобинемия.

Это такая болячка, когда часть крови не способна переносить кислород. Именно по той самой причине. Ну и результат? Нехватка кислорода. Удушье.

Заклинание удачно накрыло штук десять каторжников, в том числе и главара. Мужчины захрипели, падая на колени, руки непроизвольно потянулись к горлу... ну хоть глоток воздуха! Хотя это им и не поможет.

Суть не в отсутствии воздуха, суть в том, что кровь больше не переносит его к мозгу, а кислородное голодание тканей... Минуты три. Может, пять. Потом все.

Расход сил?

Я бы сказала, что приличный. Но чего не сделаешь для хороших людей?

Еще одно движение, и заклинание захватывает следующий десяток каторжан. А на оставшихся бросаются казаки, с явно недобрыми намерениями. Тут и Аким на рану плюнул, понимая, что главное – свалить как можно больше врагов, пока те растеряны. Не сопротивляются, не понимают, что происходит...

Ваня, мудро упавший под стену, как только заклинание активировалось, кашлянул оттуда.

– Маша?

– Лежать, бояться! – цыкнула я.

Пока мы всё тут не осмотрим, нечего вылезать и подставляться. Подождем результатов...

Долго ждать мне не пришлось. Разъяренные казаки буквально растоптали оставшихся беглецов. Кого порубили, кого оглушили и принялись сноровисто связывать. Потом обыскали всю лощину, проверили следы – и только тогда я разрешила вылезти Ване с ребенком.

Потери были...

Мои люди.

Церковники, которых черт принес сюда именно сегодня. Или Бог?

Кто там за мученическую смерть отвечает? Досталось бедолагам... одни выколотые при жизни глаза чего стоили, кровь запеклась на лицах, гримасы боли, так сразу и не узнаешь, кого убили.

– Твари! – прошипел Ваня.

– За что это они так? – удивилась я. – С чего такие зверства?

Вопрос закономерный. Не бывало у беглых такой ненависти к церковникам. А тут... просто коммунизм в отдельно взятой лошине.

Религия – опиум для народа? Мочи наркоторговцев!!!

Надо будет поинтересоваться, обязательно. А еще...

– Аким!

– Да, госпожа?

– Может, пошлешь товарища в город? Пусть едет, расскажет все, да и подкрепление позовет?

Аким задумался. Оглядел трупы.

– Госпожа, а что это вы с ними сделали?

– Я потом расскажу, как время будет. Я же маг земли...

Казак кивнул.

На самом деле вопрос звучал так – надо ли это скрывать или не надо. Нет, не надо, шила в мешке не утаишь. И магические следы наверняка остались, и вскрытие провести можно, и церковники расследовать будут... тут дешевле с самого начала не врать. А вот разработку заклинания отдать врагу – пусть помучается. То есть – нашла листок в отцовской библиотеке, в старой книге. Запомнила, применила.

Пусть потом князь Горский оправдывается и библиотеку конспирирует от церковников. Заслужил за свое отношение к дочери, вот!

Аким тем временем подозревал Митьку.

Долго размышлять младший из казаков не стал, вскочил на лошадь – и бодро направился в обратный путь. Авось всех каторжников мы перебили? Не попадется ему никто по дороге?

Я подошла полюбоваться на труп Федьки Сивого. Туда тебе и дорога, паскуда, и не жалко ни капельки... а вот посмотреть – интересно.

Трупов я не боялась. Итак...

Симптомы – удушье. Выпученные глаза, язык вывалился...

Некрасиво?

А что бы эти твари со мной сделали? Подозреваю, ничего хорошего. Так что на труп я взирала с определенным эстетическим удовольствием.

Подошел Аким, кашлянул за спиной.

– Госпожа...

– Да?

– Я этих тварей порасспрашивал. Все здесь.

– А в побег они как сорвались?

– Друг у Сивого был на воле, под него побег и делался. Передали амулетик.

– Сволочи, – с душой произнесла я.

– Хуже того. Они сюда целенаправленно шли. К вам, госпожа.

– Ко мне? – заинтересовалась я.

– Сивый, конечно, молчал, но кое-что слышали. Прорвалось... Он хотел вас захватить, а вот зачем...

думаю, об этом только Сивый и знал.

– Логично, – кивнула я. – Такое абы кому не доверишь... ладно, пусть потом этих умников еще расспросят.

– Госпожа, а как вы их?

Я решила не скрывать.

– Магией.

– Так вы ж...

Аким аж оторопел от неожиданности. Я приняла менторский вид.

– Считается, что женщины не могут колдовать. Это верно. Но – просто потому, что нас не учат.

У казака было такое лицо... ему только что шаблон порвали. Начисто.

– Так ведь бабы... это... и вы того...

– В тягости? – угадала я.

– Да...

– Если ребенок унаследовал дар – ему ничего не будет, – махнула я рукой. – Я бы рисковать не стала, но в другом случае нас все равно ничего хорошего бы не ждало. Вас бы убили, меня бы изнасиловали и тоже убили... что так, что этак – все равно вилы.

Аким кивнул.

– Это да. Жизнь мы с Митькой вам задолжали.

– Взаимозачет, – махнула я рукой. – Вы – мне, я – вам. Остаток-то мерзавцев вы добивали.

Аким покачал головой, явно оставаясь при своем мнении. Ваня протянул мне Нила.

– Маша...

Малыш уютно устроился у меня на руках. Прильнул головенкой к плечу. Я погладила его по выбивающемуся из-под шапочки завитку.

– Я тебя скоро и не подниму. Растешь...

Аким улыбнулся.

– Справный хлопец будет. Расти, малыш, я тебя саблей владеть научу.

Я кивнула. Вот это будет в тему.

Прошлась по лощине.

Нет, нагадить сильно каторжники не успели. Только пришли, видимо.

Успели перерезать всех, успели поиздеваться над церковниками, а вот что-то разгромить, поджечь, разломать, вытоптать – нет. Даже грядки не сильно поуродовали. Больше посадки пострадали от моих действий, когда я тут кого смогла заклинанием накрыла.

В ногах до сих пор чувствовалась противная слабость.

– Маша, будешь?

Ваня откопал где-то флягу и протягивал мне.

– Там что?

– Квас.

– Отлично, – обрадовалась я. Спиртное мне нельзя, а тут сахар, дрожжи, как раз подпитка! Еще бы шоколадку, но чего нет – того нет. Я вообще здесь съестного не держала. Зато нашлась краюха хлеба. Мы разломали ее и душевно слопали на троих.

Оставалось только ждать.

Аким прогуливался вдоль уложенных строем пленников, смотрел зло, пару раз даже кого-то пнул... Поговорить о правах человека? Вот совершенно не тянет! Хватит этим гадам, что в живых оставили.

Вот за что они рабочих?

Такие же заключенные, у них семьи есть, дети... свяжи ты, избеи, но не убивай! Подневольные же люди, не своей волей сюда пришли.

Надо будет узнать, может, кто в семьях нуждается... хоть копейкой, да помогу!

Мы с баронессой последнее время серьезно занялись благотворительностью. Проводили лотереи, благотворительные вечера... баронесса проводила, я поддерживала. Ей сейчас намного легче стало, все не одна старается.

Опять же... романтика.

В нынешнее-то время – получилась почти сказка про Золушку. Княжна, сбежав из дома, от немилого брака, живет среди простых людей, потом влюбляется, замуж выходит за прекрасного принца...

Тот факт, что принц на пятьдесят лет старше, да и смертельно болен, молвой просто игнорируется. Начисто. Зато сколько «романтизму»! Аж из ушей прет!

Остается махнуть рукой и смириться. И улыбаться всем, кто желает меня поздравить.

Пусть так...

Храмов ждать себя не заставил.

Митяю повезло, он никуда не влетел, ни на какую засаду не наткнулся, а потому приехал в город очень быстро. Тут же к губернатору, рассказал обо всем, и получаса не прошло, как к нам в лошину малым не вся казачья сотня сорвалась.

Ладно, полусотня – точно.

И церковники... Эти-то откуда узнали? Но ведь примчались!

Храмова не было, ему уже становилось тяжело ездить верхом. Да и вообще – болезнь брала свое. Когда живешь рядом с человеком, это заметно.

Четче выделяются вены, с лица словно лишняя плоть уходит, глаза западают, кожа желтеет, волосы редеют...

Признаков много, и на первый взгляд не слишком значительных, но в совокупности...

Жаль его. Хороший человек. Слуги на генерал-губернатора разве что не молятся, в особенности служанки. Ни к кому под юбку не лезет, никого не обижает, жалование платит в срок, премии к праздникам... чего надо-то?

Это меня куда-то в сторону понесло.

– Кхм... ваша светлость?

Я повернулась к мужчине, который со мной заговорил.

– Да? Э...

– Отец Александр, к вашим услугам.

– Рада знакомству, отец Александр, – кивнула я попу лет сорока. – Я могу вам чем-то помочь?

– Сложно сказать, ваша светлость. Не могли бы вы рассказать мне, что тут произошло?

Я могла.

Спокойно, без суеты изложить и как мы приехали, и как встретились с беглыми, и что они мне говорили. И даже заклинание.

Поправку я уже внесла во всю историю – сказала, что свиток нашла у отца в библиотеке. Даже само заклинание согласилась и зарисовать на свитке, и написать.

Церковник покивал головой.

- У вас, ваша светлость, активные, проявленные способности?

- Да... вы не знали? Я не скрывала...

- Обычно у женщин они не проявляются. И вы, простите...

Взгляд на мой живот был очень выразительным. Я развела руками.

- Что ж тут такого? Да, я маг земли. Да, у меня активные способности. И я смогла их применить. Жить хотелось...

- Вы, наверное, за ребенка боялись, ваша светлость?

- Очень, - кивнула я. - Но за себя тоже. Если б они меня схватили, ребенка все равно бы убили. И я бы погибла.

- Редко встретишь в столь молодой девушке такую мудрость.

- Это не мудрость. Это же любой понятно было бы...

- Не любой, - вздохнул церковник. - И вы так спокойны...

- Вы еще два фактора не учитываете, - огрызнулась я. - Два раза примененное заклинание из меня все силы выпило. Чтобы истерику устроить, мне хоть бы на ногах держаться нужно. А я и так едва стою...

- Простите, ваше сиятельство.

- Я и так не обижаюсь. И... вы сами сказали - я княжна.

Церковник покачал головой.

- Не понимаю...

- В меня с детства вбивали, как себя вести. Что подумают обо мне эти люди, если я сейчас сорвусь в пошлую и вульгарную истерику? Что скажут? Вот дома я позволю себе и рыдать, и кричать... да и ребенок у меня на руках, и ребенок у меня внутри... разве детям такое полезно?

- Вы очень умны, ваша светлость.

Мне осталось лишь развести руками.

- Я стараюсь, отец Александр. Но жизнь, как видите, подкидывает сюрпризы.

- Ваша светлость, вы позволите нанести вам еще визит? Если что-то...

И что мне оставалось делать? Конечно, я позволила.

- Машенька, это слишком опасно.

Я посмотрела на Храмова усталыми глазами.

- Сергей Никодимович, вы прекрасно понимаете, что это разговор ни о чем. Ездил - и ездить буду. Могу брать с собой больше людей в сопровождение.

Подтекст Храмов считал четко.

Даже если сейчас он мне что-то запретит, сколько ему осталось-то? Меньше года, хорошо, если ребенка на руки взять успеет. И мужчина смирился.

- Ладно... Я усилю охрану, а вы мне пообещаете быть осторожнее.

- Это и моя жизнь. Конечно буду.

- Ребенок?..

- Все в порядке.

- Может, стоит пригласить доктора?

Я понимала, что это не ради меня. Мне-то доктор не нужен, а вот мужу будет спокойнее.

- Конечно. Пусть посмотрит - на всякий случай.

Храмов расслабился и кивнул.

– Приглашу. Машенька, еще раз прошу – осторожнее...

Я кивнула.

Интересно, кто и зачем спустил с цепи этого Федьку? Не просто так он шел, ох не просто так...

Следующая неделя выдалась суматошной.

Примчалась маман. Попробовала упасть в обморок, развешивалась о своих переживаниях, получила пятьдесят рублей и удрала тратить. Куда и страдания делись...

От всех остальных так же дешево откупиться не удалось.

Визиты наносились буквально без продыху. Приходилось сидеть, рассказывать всем, как я испугалась, пить чай в диких количествах – и ничего не поделаешь. Надо.

Храмов дневал и ночевал в управе. Понятное дело, на его территории ЧП, ему и отвечать. Выяснилось все достаточно быстро.

Побег был совершен с одной из демидовских шахт. Делался он действительно под Федьку Сивого, и было, было почему.

Славен оказался сей разбойник. Не так, как Емелька Пугачев или Кудеяр, нет. Федьке слава благородного разбойника была глубоко по параллели. Он предпочитал золото.

Обычно его ватага нападала, без жалости резала всех, не оставляя свидетелей, даже баб с детьми не щадили. Потом забирали деньги – и давай ноги. Но, в отличие от прочих банд, которые пропьют-прогуляют и снова на большую дорогу, Федька выделялся практичным подходом к вопросу. На прогул он давал десять процентов от силы. А остальное прятал.

Казна или общак? Или личная заначка? Не суть важно название, важна именно суть.

Заначка была. И знал про нее только Федька. Может, и кто еще, но поди найди этого человека? Вот и вытащили Сивого...

Сам-то он триста лет бы на каторге гнил, но это великое заклинание: «деньги». Оно воистину творит чудеса.

Кто вытащил?

Так подельники.

Если кто думает, что все заканчивается бандой, которая грабила на дорогах... зря! Ей только начинается. А еще есть скупщики, есть заказчики, есть...

Что могли, из Федьки вытряхнули. Но и такие люди не дураки, и опять же, чтобы спрашивать – надо знать, что именно спрашивать. А Федька настаивал, что главный – не он.

Был, был у него хозяин. Видимо, тот и расстарался. Освободил...

Увы, найти его не представлялось возможным. Смерть Федьки обрубилась последние нити. Каюсь, я подумала про Демидова. Муж тоже про него подумал, но не докажешь ведь! Да и не стоит списывать на человека все грехи только потому, что он тебе не нравится.

Еще заходили церковники.

Больше я с ними ничем не поделилась. Хватит им и того заклинания, которое я уже составила. Но главное – работает! И ведь ничего не добавляется, не убавляется, просто аккуратно перераспределяются электроны. У железа их становится меньше, у того же углерода – больше.

Отец Александр честно признался, что их специалисты не могут разобраться в том, что я им написала. На каком принципе оно работает?

Я тоже ничем не помогла. А что я сейчас смогу сделать? Прочитать лекцию по строению атома? Рассказать о его аналогии с солнечной системой, как рассказывали нам, про электроны, протоны, про то, что электрон – и волна, и частица...

Не смешно.

Они с меня тогда с живой не слезут.

Зашел в гости и Демидов.

Принес букет алых роз, поцеловал ручку и долго извинялся. Мол, он бы никогда не подверг мою жизнь такой опасности...

А я смотрела и думала, что моя-то жизнь ей как раз и не подвергалась. Хотели б мне вред причинить – пристрелили бы сразу. Или навалились бы всей кучей, слова бы сказать не дали...

Нет, кто-то дезинформировал Сивого. Определенно.

Ему сказали, что меня надо взять живьем, вот он и тянул время. Недолго, чтобы беглецы успели нас окружить. Чтобы я не сбежала. Чтобы не причинить мне лишнего вреда.

Напугать, ошеломить... и вот еще один вывод.

Федька не знал, что я маг. Или... он знал, что у меня в охране нет магов, а меня просто не принял всерьез. Баба же...

Опять местный шовинизм сработал в мою пользу.

– Сергей Владимирович, – когда мне надоело, я решительно оборвала излияния, – я вам благодарна за понимание. И надеюсь, что больше таких случаев не будет...

– Да, мне бы тоже этого не хотелось, Мария Ивановна. Замучили проверками, на все рудники ездят, ищут, а что ищут – непонятно!

– Если ищут, значит, найдут, – «утетила» я. – Дело житейское.

Почему-то Демидову это не понравилось. Да и черт с ним.

Суматоха длилась еще с пару недель, а потом вроде бы начала утихать. Увы... спокойно жить в этой жизни мне на роду не написано.

– Я хотел съездить на рудник Приозерный. Не хотите составить мне компанию?

– Хочу, – тут же оживилась я.

На рудники Храмов ездил не часто. Вопреки многим заблуждениям, хорошо налаженное дело – это такое, которое не требует ежедневного хозяйского присутствия. Грамотный управляющий плюс система стукачей – и можно жить более-менее спокойно. Наезжать время от времени, но не сидеть сиднем на самом руднике.

– Вас надо вводить в курс дела, – пояснил Храмов. – Я уже скоро...

Он не договорил. А я не стала продолжать. Все и так ясно. Год – это самый большой срок.

– Там управляющий?

– Там подземные воды.

Я задумалась. Ненадолго.

– Я ведь маг земли... может, я смогу посмотреть? Что-то почувствовать?

Храмов пожал плечами.

– Я бы сильно не рассчитывал на что-то. Машенька, вы ведь не первый маг земли...

Я кивнула.

– И что?

– Думаете, никто не предпринимал попыток? Почувствовать, понять, что и где, притянуть жилу... так, к примеру?

– Было? – оживилась я.

– Было. Сил не хватает.

Я хмыкнула.

– На что именно? Даже посмотреть?

- У всех разный радиус просмотра. Допустим, метров на пять вы увидите вглубь горы. Но штреки-то тянутся на сотни метров. И на сколько у вас хватит сил?

- Не знаю. Но если не попробовать, то ничего и не получится, правильно?

- Машенька, я не буду спорить. Но не надейтесь слишком сильно, так разочарование будет меньше.

Я кивнула.

- Я не буду надеяться. Но посмотреть же надо?

- Посмотрите. И я вас людям представлю. Должны они знать, кто будет их хозяйкой вскорости.

Я прикусила губу.

- Мне жаль, что я не могу лечить.

- Мне тоже, - откликнулся Храмов. - Завтра с утра выезжаем.

- Я буду готова.

В пять утра я стояла в гостиной со спящим ребенком на руках. Ехать предстояло долго.

Нас встречал суетливый мужчина лет шестидесяти.

- Иван Федорович Северинов, управляющий, - представил мне муж.

Я кивнула.

Храмов представил меня:

- Моя супруга Мария Ивановна - маг земли.

- Ваше высокопревосходительство, это замечательно!

- И я хочу показать ей шахты.

- Эм-м-м...

- Не переживайте, Иван Федорович, жена у меня дама крепкая. Она не заробеет.

Кажется, управляющий в этом искренне сомневался, но не спорил.

- Ваш дом готов, ваше высокопревосходительство.

- Отлично. Сегодня мы отдохнем, а завтра с утра отправимся осматривать рудник.

- Как прикажете, ваше высокопревосходительство. Только вот вода...

- Не страшно, - махнул рукой Храмов. - Да, и счетные книги приготовьте, я посмотрю.

- Уже все готово, ваше высокопревосходительство.

В целом, хотя управляющий и поддакивал, и лебезил, впечатление у меня от него было приятное. Ну, подхалим. Сейчас это нормально.

Воруется немного. Тоже не страшно.

Но злым или жестоким он не выглядит, и вроде человек неплохой...

Ваня зашел ко мне вечером.

- Маш, можно я в рудник спускаться не буду?

- Можно, конечно, - кивнула я. - Побудешь с Нилом?

Петя остался дома, а вот старший брат увязался со мной. После того случая с беглыми он от меня и на шаг не отходил. Храмов не протестовал, его это устраивало.

Нила я просто не могла оставить.

А еще... что-то мне подсказывало, что внутри меня растет мальчик. И он тоже будет магом земли.

Кровь Полоза...

Кажется, все мои дети будут именно такими магами. Кто сильнее, кто слабее, но им передастся это свойство.

Забавно.

Демидов мог получить в род такие способности, а вместо этого променял их на... да на барахло, честно-то говоря! На ерунду!

Подумаешь, приданое там у какой-то девки было, а у Ниты не было! То, что я чувствовала рядом с рудником, было ценнее всякого золота и связей. Это было... Я и слов-то таких не могла найти, нет их в человеческом языке. В Березовском это так не чувствовалось. И когда я работала с землей – тоже. Может, потому что там использовался дар мага земли, а здесь шептала сама кровь.

Кровь от крови, плоть от плоти...

Я – часть этих гор. Они – часть меня.

Мы слышим друг друга.

И я понимала, именно здесь я дома. Я в безопасности.

Как же здесь хорошо...

Я засыпала под тихий шепот рудных жил.

Рудник.

Честно говоря, никогда не бывала, представляла в основном по рассказам Бажова. И выглядело это достаточно мрачно. Шахта, в которую надо спускаться, забои, факелы, наверное, плохой воздух...

Теперь мне предстояло увидеть, как это выглядит в действительности. М-да, в той жизни у меня бы невроз от одной мысли начался. В этой...

Шахта.

Фактически есть гора. На ее склоне тщательно укрепленное бревнами отверстие. Большое, можно пройти не сгибаясь, и не только мне, а и кому повыше. Над головой нависают тонны породы. Сама шахта укреплена деревом. Но выглядит это очень ненадежно.

Кое-где пробиты вентиляционные отдушины, но воздух все равно жуткий. Кислорода в нем – явно меньше нормы.

Освещение действительно факельное. Электричество сюда не добралось и еще долго не доберется.

Подъемник – железная клеть. Чувствуешь себя крысой в ловушке.

Крысы здесь тоже есть.

Нет, они не бегают по полу, не пищат и никого не кусают. Они мирно сидят в небольших клеточках.

– Зачем это? – удивилась я.

– Рудничный газ, – пояснил управляющий. – Человек не почует, а крыса сразу подохнет, она тварь нежная...

Я прикусила язык.

Что такое рудничный газ, я примерно помнила.

– И как от него избавляться?

Иван Федорович замялся. Ответил супруг:

– Смертник.

– Что?

Я аж головой замотала. Какой, на фиг, смертник?

– Рудничный газ хорошо взрывается, – объяснил Храмов. – Если он пошел – такое бывает, – ему дают распространиться. Потом выбирают человека, который готов рискнуть жизнью ради свободы. Дают ему в руки факел на длинной палке и запускают в рудник.

- И...

Я понимала, о чем речь, но... это - правда? Так делают?!

- Газ взрывается. Если смертник выживет, его отпускают. Если нет... то нет.

Меня аж передернуло.

- Кошмар!

Мужчины переглянулись. Весь вид говорил об одном и том же. Баба... что с нее взять?

От основного коридора вниз идут шахтные колодцы. Над ними подвешены клетки, в которых люди опускаются вниз.

- Там вбок идут штольни, - объяснил управляющий. - В них люди и работают.

Брр...

Мы медленно спускались под землю. И почему никто не говорил, как здесь жарко? Должно же быть холодно? А вместо этого с меня пот ручьем льет! Не просто жара - еще и влажность жуткая, аж со стен иногда капает.

- Жарко...

- Да.

- А почему?

Мужчины развели руками. Вот уж никто и никогда не задумывался.

Люди... В каких-то обтрепых, заросшие, страшные, с рудничной пылью, которая въелась в кожу. Часть прикована, часть может передвигаться спокойно.

- Это каторжники?

- И каторжане есть, и вольнонаемные, - отозвался Иван Федорович.

Да, отличить одних от других было несложно.

- И вы их каждый день разводите по местам?

Мужчины опять переглянулись.

Я поняла, что КЗОТов, правозащитников и прочего здесь отродясь не водилось. И люди спят прямо здесь. И годами не видят солнечного света. И...

- Это просто убийство!

- Машенька, - вздохнул Храмов. - Сюда попадают за серьезные грехи. Такие, как убийство, как раз. Разбой, грабеж... да, еще политические. Ты думаешь, они заслужили что-то лучшее? Они также убивали своих жертв.

Я прикусила губу.

- Все равно... это медленная и мучительная смерть.

- Пусть приносят пользу, - безжалостно отозвался Храмов.

Меня передернуло, но спорить я больше не стала. Жутко это...

Сам рудник меня не напугал. Мне было там вполне уютно и спокойно. Ни невроза, ни клаустрофобии, или что там испытывают люди под землей.

Я понимала, что надо мной тонны камня, но - не боялась. И прислушивалась к своим ощущениям.

Мне - спокойно?

Да, мне спокойно и уютно. Дискомфорт у меня от вида людей в руднике. А сам рудник... я медленно касалась пальцами стены штолека.

- Здесь хорошо...

Мужчины ждали, пока я освоюсь. Я медленно вела пальцем вдоль стены. Вот порода, вот прожилка

руды, вот еще одна прожилка...

– Рудные жилы там, внизу?

– Да.

– Можно посмотреть?

Мы спускались все ниже и ниже. Конечно, не втроем, за нашими спинами теснились еще человек десять. Все вооруженные, все оглядываются по сторонам...

На этом руднике добывается медная руда, иногда попадает малахит. Почему мы сюда приехали?

Возникла проблема.

Подземные воды.

Откуда они – непонятно, но они затапливают штреки, гибнут люди... это-то ладно, но ведь и до жил не добраться. А добычу как вести?

Храмов сейчас должен был принять решение – что делать дальше. Может, прекратить добычу, может, начать разработку в другую сторону, или еще что...

Вот и один из нижних ярусов.

Жила...

На первый взгляд я бы не отличила медную руду от обычной породы. Чутье подсказывало – это другое. Я коснулась пальцами медной руды, не обращая внимания на окружающих, потом посмотрела на Храмова.

– Можно, чтобы все отошли? Я... хочу послушать!

– Конечно, Машенька.

Пара минут – и я осталась почти одна. Присутствие людей я ощущала на грани сознания. А вот горы...

Могучие, древние... и усталые.

Люди, ох эти люди, которые лезут, терзают их, вредничают, пакостят... эти горы устали от людей. Им хочется покоя, а в них лезут и лезут, и земля отторгает тех, кто пришел...

Жила?

Да, есть жилы, и крупные. Влево, вниз, потом еще туда, вглубь породы... я бы легко показала их и проследила.

А еще есть полости. И подземные воды тоже есть. Я отлично их чувствую. Кстати – не так далеко. Вот полость с рудничным газом, а если спуститься метров на десять пониже, будет подземная река.

А что бы сделать с жилами?

Я задумалась.

С одной стороны, мне не нравится рудник. Мне не нравится, что здесь делают с людьми. С другой стороны, это и мое благосостояние. И моих детей тоже.

Нельзя ли лъзя?

То есть – нельзя ли извернуться так, чтобы и горы сильно не тревожить, и людям было чуть полегче, и медь добыть...

Насколько сильна моя власть над рудными жилами?

Я прислушалась к себе.

Забавно...

Если брать как мага земли, то силенок у меня маловато. Раз-два и обчелся. Меня пара заклинаний вымотала до предела.

А если вспомнить о крови полозов?

А тут совсем другой разговор. Я же чувствую горы, не тратя и капли своего дара. Я просто их ощущаю как часть себя. Или себя как их часть. Что сложного понять, где у тебя рука, где нога, где кожа, где вена? А что сложного пошевелить ногой? Или рукой?

Я крепко задумалась. Прижалась к стене посильнее, почти слилась с ней.

Вот есть жила.

Большая, хорошая... и идет под горой. Глубоко.

А если ее повернуть? Или проследить?

Я зажмурилась еще крепче...

Медленно, очень медленно передо мной проступало все, что я хочу увидеть. Это как смотреть в головоломку. У меня в детстве была такая – стеклянный куб-лабиринт. И по нему надо было прокатить металлический шарик.

Сначала вертишь его в руках, и он кажется тебе просто мешаниной из стекляшек. А потом начинаешь видеть, что и куда идет, как это выглядит...

– Сергей Никодимович! – негромко позвала я.

Супруг подошел ко мне очень быстро.

– Машенька?

– А можно мне лист бумаги? И уголек какой?

– Хм... сейчас посмотрю.

Нашелся и лист, и грифель. И я принялась чертить, даже не открывая глаз.

Рисовать я по-прежнему не могу. А вот сделать примерную карту выхода жил... Почему нет?

Зарисовать сейчас, наверху прикинуть по памяти, чтобы ничего не забыть. А тут вообще сплошной малахит идет!

И медный изумруд!

С ума сойти! Он же редкость дикая!

– Машенька?

Храмов терпеливо ждал. Я дочертила последние линии и кивнула.

– Можем подниматься.

– Вы что-то увидели?

– Да. Есть ли карта рудника? И самих гор?

– Конечно, есть. Хотя и не слишком подробная, но...

– Мне подойдет любая.

С любой я погорячилась. Но спустя час, проведенный в кабинете управляющего, две выпитые чашки чая и две сотни вспомненных матерков я кое-как смогла соотнести то, что увидела, с тем, что нарисовали местные умельцы. И принялась черкать грифелем по карте.

– Вот здесь можно пробить шурф. Здесь – вода. Здесь полость с газом...

Мужчины смотрели в полном ошалении.

– А вот тут жила. И еще вот здесь, примерно, малахит. Там такая залежь! Вагонами выгружать придется... не знаю, как вы это на поверхность вытащите!

– Машенька, вы уверены?

Я хмыкнула. И черкнула значок на карте.

– Здесь ни шурфов, ни штреков нет, правильно?

– Да.

– Попробуйте поискать здесь. Если руда найдется, вы ищете, где я скажу. Что вы теряете, кроме пары дней работы?

Мужчины переглянулись. И верно – ничего.

– Попробуем, – согласился управляющий. – Спасибо, госпожа...

– А мы пока поживем здесь. Я книги до конца проверю, – кивнул Храмов. – Да и отдохнем немножко...

Управляющий закивал.

– Конечно, ваше высокопревосходительство, конечно...

Я мило улыбнулась.

Мне предстояло ждать пару дней, а потом проверить – полозова кровь сработала, или мне все показалось? Было откровенно интересно.

– Господин, что делать с этой?

Мужчина небрежно толкнул кончиком трости девичье тело, скорчившееся в углу комнаты.

Тело отозвалось стоном.

Девушке так досталось за последние несколько дней, что жизнь в ней держалась лишь чудом.

Избили, изнасиловали, поиздевались – и это еще не полный список всех радостей.

Тот, кого называли господином, подумал пару минут.

– Пока не трогать, а то подохнет. Покажи лекарю, пусть посмотрит. Вдруг она еще для чего пригодится? Пусть пока поживет...

– Как прикажете, господин.

Мужчина кивнул и отвернулся.

Девчонка пока не занимала никакого места в его планах. Но – вдруг?

Здесь и сейчас это просто еще одна монетка в копилку. Медная, плохонькая, почти зряшная, но кто знает, что перетянет на весах и в какой миг?

Цена монеты – грош. Цена жребия – корона.

Осталось только подбросить монетку в нужный момент...

Пусть пока полежит в кошельке. Пусть подождет своего времени...

Глава 6

Время родиться, время умереть

Я сидела дома и ждала.

В рудник меня, понятное дело, не пустили. Ни к чему женщине под землю лезть.

Традиция? Что-то вроде того.

Ну и супруг был против. Ему не хотелось лишний раз мной рисковать. Так что я сидела и ждала, а рудничные рабочие под командованием управляющего пробивались к указанному мной месту. Благо, это можно было сделать даже с поверхности земли. Сложно, но можно.

Потребовалось засыпать небольшую расщелину и проложить два моста, чтобы протащить все оборудование. И вгрызться в гору немного с другой стороны, там, где никто еще не копал.

Храмов со мной не ждал, понятное дело. Он был в центре событий.

Указывал, распоряжался, наслаждался жизнью... я его понимала. Сколько ему осталось такой активности? Если бы мне предстояло умереть, я бы тоже предпочла провести последние дни на ногах, а не развалиной.

Не лежа в кровати.

Сколько мне отпущено, то и мое...

– Маша?

Ваня вошел в комнату. Нил увидел его и приветственно захрюкал. Или замаякал? Осмысленной речи змееныш пока не демонстрировал, но хоть и не шипел. Обычный младенческий говор, который понимают только родители.

Я не родитель, а потому понималось плохо. Но вроде бы Ваня ему нравился.

Ваня подхватил малыша и поднял на вытянутых руках. Подбрасывать я не давала, памятуя, как, давно еще, подбросили моего племянника. Не поймали. У ребенка – три сломанные кости. У «подбрасывателя» – четыре выбитых зуба.

Ну да ладно, дела прошлые. А Ваня и Нил были друг другом довольны.

– Красавец! Скоро я тебя и не подниму!

Нил хрюкнул что-то в ответ, улыбаясь во все четыре зуба.

Да, вот зубы у него уже прорезались. Клыки, как легко догадаться. Надеюсь, и остальные не задержатся, а то вид получается жутковатый...

– Что случилось?

– Да ничего. Читать надоело, вот и решил зайти, поболтать о том о сем.

– Поговорить, – поправила я.

Ваня стремительно избавлял свою речь от простонародного говорка. И просил всех поправлять его. Учился, читал, двигался к своей цели.

Свое дело? Отлично, но сколько ж надо знать, чтобы тебя не обманули?

Вот Ваня и старался день и ночь. В нищету ему очень не хотелось. Дали шанс выбраться? Да он зубами и когтями уцепится, сам выползет и остальных вытащит. Молодец он у меня.

Да, брат, хоть и нет у нас общей крови.

– Мы как приедем, поедем в лошину?

– Обязательно. А ты сомневаешься?

– Твой супруг недоволен, – кивнул Ваня. – И со мной он, кстати, разговаривал, чтобы я на тебя повлиял.

Я сдвинула брови. Но закатывать скандал Храмову не тянуло. Да и ребенок опять же...

Токсикоза у меня нет, но двигаться он уже начинает. Знаете, какие своеобразные ощущения? Когда тебя пинают в печеньку, отталкиваются, видимо, а потом с разгону врезаются в мочево́й пузырь! Судя по ощущениям, пока ребенку было просторно, и он использовал маму как бассейн. А что маме было весело...

Так это ж хорошо, разве нет? Пусть мама подвигается побольше!

– Считай, поговорил. Не повлиял. Еще вопросы будут?

– Будут. Маша, а зачем тебе лошадка? Ты унаследуешь больше, чем десять таких стоят.

Я фыркнула, подумав, что Ваня сильно преуменьшил. Но...

– Ты еще не понял? Бросить я могу в любой момент. Но есть множество причин, по которым я езжу на сельхозработы.

– Какие? – заинтересовался брат. Он-то видел только деньги.

– Я маг земли. Мне надо отрабатывать навыки, составлять новые заклинания, пробовать свои способности, нащупывать нечто новенькое – где я еще могу это сделать? Дома, на фикусе в кадке?

– Неудобно будет, – прокомментировал Ваня.

– Вот, правильно. Очень неудобно. Мне нужно место, где я буду чувствовать себя самостоятельной. Все же дом моего мужа – это дом моего мужа. Не мой дом, понимаешь?

– Понимаю.

– Мне нужна определенная независимость. Финансовая в том числе. Да, это копейки медные по сравнению с тем, что мне может дать муж. Но это мои копейки. Наши, Ванечка. Нельзя складывать все яйца в одну корзину, просто нельзя. И не стоит забывать, что мой муж зависит от главы юрта. И от императора. Да, у нас есть защита, но она достаточно эфемерная. Если что-то пойдет не так, хорошо бы иметь свою точку опоры, а не полагаться на чужие деньги или связи.

– Я никогда о таком не думал.

– Я думала, Ванечка. Поэтому ездила, ездить буду, и никто мне ничего не запретит.

Дверь комнаты стукнула. Я воззрилась на Храмова, появившегося на пороге с таким выражением лица, словно ему сейчас сообщили про крупный выигрыш в лотерею.

– Машенька!

– Да?

– Мы нашли!!!

Малахитовая руда обнаружилась именно там, где я указала. И полость с рудничным газом – тоже.

Этого оказалось достаточно.

Карту с моими пометками управляющий спрятал поближе к сердцу. А у меня с Храмовым состоялся серьезный разговор.

Смысл был в том, что надо молчать.

Молчать, и молчать, и еще раз молчать.

Пока о моих талантах знают трое. Я, мой супруг и управляющий. То есть все – люди, объединенные личной выгодой. Даже управляющий больше сворует с прибыли. Он человек разумный и понимает, что лучше не сорок рублей за один раз, а сорок раз по рублю, но без лишнего риска. Если я его сильно притеснять не буду, а я не буду, он тоже в бутылку не полезет.

Он на Храмова, считай, лет десять работает, притерлись друг к другу. Если я все оставлю как есть, механизм будет работать. Не забывай только смазывать премиями.

Я подумала и согласилась.

А молчать...

Если кто-то узнает – не видать мне покоя. Навек в горы загонят. И это еще лучший вариант. Худшие даже представить страшно. Я ведь сама не отобьюсь, верно?

Верно.

От меня просто не ждали подлости, вот и противодействия не придумали. А так... Да стопроцентно что-то есть. Маги существуют чуть ли не четыреста лет, а справляться с ними не научились?

Ага, кому другому расскажите!

Так что молчать, молчать и молчать. Хотя на другие рудники мы тоже съездим, мало ли что и где я почувствую. Но там уже все тет-а-тет с супругом, никаких управляющих. А ценные указания он и сам раздаст.

Я подумала и согласилась. Пусть так и будет.

Время шло.

Прошла осень, наступила зима, ребенок рос внутри меня, и было все сложнее передвигаться. Да и не принято здесь это. Ни визиты в данном состоянии, ни что-то еще...

К нам ходила в основном баронесса, я вообще ни к кому не ходила. Хотя цветы и карточки получала.

Храмова в Березовском любили. И известие о том, что я жду ребенка, порадовало всех. Кроме Демидова, конечно. Но на того мне было плевать три раза.

Сам Сергей Никодимович же...

А что тут скажешь?

Болезнь медленно и верно брала свое. По дому он уже передвигался с большим трудом, опираясь на трость с роскошным золоченым набалдашником в виде головы пуделя. Каюсь, я заказала.

Дела он еще вел, но поговаривали все чаще и чаще о назначении нового губернатора. Да я и сама понимала, что это начало конца.

Очень часто Храмов приходил и просто сидел в моей гостиной.

Мы почти не разговаривали, я вообще забывала про него, возясь с Нилом, но Храмов смотрел...

Пару раз я поймала его взгляд, направленный на нас, и мне даже дурно стало.

Не от страха или каких-то негативных эмоций. Он смотрел на меня как на шанс, вырванный у судьбы зубами и когтями. И... я боялась не оправдать его надежд.

Я испытывала благодарность к этому мужчине. Мне хотелось, чтобы Храмов ушел спокойным и довольным, чтобы он знал – все получилось.

Я постараюсь не подвести его. Обещаю...

Вскоре после Нового года Храмов решил сдаться болезни.

Он написал его величеству, прося принять отставку, и получил ответное письмо.

Его императорское величество отставку принимал, сожалел о болезни своего верного слуги и писал, что позаботится о его жене и сыне. Мне будет назначена пенсия, а мой сын будет зачислен в Соколиный полк.

Здесь ведь не было Петра, так что Преображенского, Семеновского и прочих полков не было. А соколиный...

Юриковичи же!

А символ Рюрика – сокол. Считаю, элитные войска.

Я не сомневалась, что будет мальчик. Храмов тоже. И отписал его величеству, что по всем признакам я жду мага земли.

Его величество соизволил ответить вторично, что рад за нас. И повторно обещает мне свою защиту и покровительство.

Храмов чуть успокоился.

В марте он слег окончательно.

Ходить ему было больно, хворь брала свое, и я понимала – счет пошел уже даже не на месяцы. На

дни.

Ребенок решил появиться на свет в самом конце марта. Плевать ему было на символику.

Хотя и у меня это получалось плохо, я даже не помню мартовские знаки зодиака. Да и без разницы, какой там гороскоп. Был бы сын здоровый и умный, а остальное – детали.

Что можно сказать о родах?

Это – больно.

Маг там земли, не маг, орала я так, что дрожали стены и качались люстры. А три приглашенных медика, кажется, едва сдерживались, чтобы не плюнуть и не треснуть меня по-простому по башке чем потяжелее.

Больно, больно...

А потом боль достигла пика – и оборвалась. И я услышала не менее яростный рев откуда-то снизу.

– Мальчик, – обрадовал меня кто-то.

И в руки мне положили нечто красное, пищущее и выглядящее не слишком привлекательно.

– Уа-а-а-а-а-а!!!

Ладно, с голосовыми связками проблем не будет.

Сил хватило приложить ребенка к груди – и отключиться.

Вечером я разглядывала сверточек в колыбели.

Храмов уже назначил прием на завтра, чтобы при всех объявить мелкого своим сыном. Признать, назначить наследником... мужчина был счастлив. Он выиграл. Малыш уже сейчас был магом земли.

Я смотрела на него, а в памяти всплывала та ночь. Я играла чужую роль, я лгала, но... было что-то очень искреннее в те украденные у судьбы часы. Или мне это кажется?

Мозги отказывают на фоне гормонального взрыва?

Что там могло быть? Снял человек себе девочку на ночь, вот и все. А уж что я там себе навоображала, это уже детали. Никому не важные и не интересные.

И все же, все же...

Я бы хотела еще раз встретиться с этим мужчиной?

Да.

Хотя даже имени его не знаю. Вот ведь... судьба.

Мне оставалось только возиться с детьми – и ждать. Ждать – чего?

Не знаю. Но – делай что должен, и будь что будет. Кто сказал, что это неправильно – для меня?

Гостиная была полна народа. Пришли все, кто что-то значил в Березовском.

Мы с Храмовым принимали гостей, сидя в креслах. Я – в силу недавних родов, Сергей Никодимович уже и стоять толком не мог. Все понимали, никто не кривил нос, никто не шептался по углам... ладно, шептались, но не о манерах, а о другом.

Сколько осталось Храмову.

Что будет со мной после его смерти...

Животрепещущие вопросы, в том числе и для меня. Жаль, ответов нет.

Наконец пробил полдень. Люди замолчали в ожидании зрелища, развернулись к нам... Два лакея подскочили к Сергею Никодимовичу, помогли подняться на ноги, поддержали, служанка с поклоном вынесла ребенка...

– Сим утверждаю, что это мой сын, плоть от плоти, кровь от крови. Его имя – Андрей Сергеевич Храмов. Прошу всех быть свидетелями.

- Свидетельствуем, - отозвались люди.

- Мой сын, от моей супруги, назначается и моим наследником, а моя жена будет его опекать, пока ему не исполнится двадцать лет.

- Свидетельствуем.

Демидов тоже здесь, смотрит недовольно и зло. И плевать на него три раза.

- Если кто-то знает нечто опровергающее мои слова - пусть скажет здесь и сейчас, в противном случае я прошу подтверждения по людским и Божьим законам.

Епископ Амвросий, который специально приехал ради этого аж за сто пятьдесят километров, медленно склонил голову, показывая, что все серьезно.

Фактически сейчас Храмов передавал меня и сына под две опеки.

Государя - и церкви.

В текущих координатах это значило, что я не выйду замуж без двойного согласия и благословения. Если тот же Демидов захочет меня подмять, ему придется заплатить в две инстанции.

Не просто главе юрта, нет. Ему придется договариваться с церковью, что недешево (Храмов отдал им рудник, и не самый бедный), и с его величеством. При таком раскладе выйти замуж мне будет не сложно, а невероятно сложно.

Ну и пусть.

Вот уж куда я не рвусь, так это в кабалу. Не хочу, не буду... Здесь женщина становится собственностью мужа, а надеяться, что тебе хороший хозяин попадется? Увольте меня от подобных глупостей.

Благословение было дано и получено, церемония подошла к концу. Все принялись поздравлять нас.

Сергей Никодимович медленно опустился в кресло. Я внимательно следила за ним.

Плохо ему последнее время, очень плохо.

Ребенок занял свое место у меня на руках.

Я так и не поняла, в какую секунду все изменилось.

По лицу Храмова вдруг разлилась зеленоватая бледность, дыхание вырвалось из груди с каким-то непонятным всхлипом...

Стукнула о паркет выпущенная из пальцев трость.

Голова мужа запрокинулась назад, словно последнее усилие стоило ему жизни.

Словно?

И в мертвенной, упавшей на комнату тишине кто-то тихо прошептал:

- Преставился...

Я не стала бросаться к телу.

Не стала рыдать или изображать скорбь - у меня на руках был ребенок. Неудобно по чисто техническим причинам, знаете ли.

Вместо этого я кивнула лакею, который столбом замер рядом с моим стулом.

- Лекаря!

Словно заклятье с человека спало - метнулся что есть сил. Благо два лекаря из трех пока еще оставались в нашем доме - наблюдали за мной и за ребенком. Долго звать и искать не пришлось. Через пять минут один из врачей вбежал в гостиную, склонился над телом.

- Мертв.

Я и не сомневалась.

И люди как отмерли. Заговорили, зашумели... еще бы! Такое событие! На сто лет обсасывать хватит!

Демидов, видя, что всем не до меня, сделал шаг, другой, приблизился почти вплотную...

– Очень вовремя умер ваш супруг, правда, Машенька?

Не знаю, на что рассчитывал сей образчик сколопендры, я просто пожала плечами нарочито небрежным жестом.

– Вовремя. Осталось только узнать – для кого именно?

Демидов аж подавился заготовленной порцией яда.

А и правда – для кого? Мне-то все равно, меня бы устроило, если бы Храмов еще пожил. А Демидова?

И негодяй сделал шаг назад. Отступаю, мол, но не сдаюсь. Непобежденный и недодавленный. Ладно, дайте только время. Мы еще разберемся, кто тут есть кто! И есть ли хоть слово истины в гнусном намеке?

Не хотелось признаваться даже самой себе, но...

Если бы Храмов не успел признать ребенка, мое положение было куда как более шатким. Если был убийца...

Я кивнула лакею, и тот позвал ко мне врача.

– Нельзя ли обеспечить расследование?

Говорила я не слишком тихо, и мои слова слышали все присутствующие. Кто-то отшатнулся назад, кто-то, как епископ, наоборот, сделал шаг вперед.

– Расследование, дочь моя?

– Сергей Владимирович подал мне хорошую идею, – не стала скрывать я. – Мой супруг скончался слишком... он едва успел признать сына и взять его на руки. А если бы не успел?

Такие намеки церковный иерарх ловил на лету.

– Дочь моя, я обещаю взять это дело под свой личный контроль.

Я благодарно улыбнулась.

– Верю, ваше преосвященство, вы не оставите нас своей милостью.

Не знаю, что покажет вскрытие, но рисковать я не буду. Промолчи сейчас – и тебя сожрут потом. В очень скором будущем.

Нет уж!

Моя репутация должна быть крепче и прозрачнее алмаза!

Вечер я коротала в компании Вани, Пети и двоих малышей. Один из них лежал в колыбели, второй активно ползал по полу и пытался попробовать на вкус все, что попадало к нему в руки. Особого внимания удостоивалась одна из погремушек – деревянная. Зубки, что ли, чешутся?

– Что теперь будет? – тихо спросил Ваня. Днем у нас как-то времени поговорить и не было.

– Похороны.

– А...

– Расследование, безусловно. А потом похороны.

– Думаешь, губернатора действительно...

– Вряд ли. Но пусть ни у кого не останется подозрений.

Ваня задумчиво кивнул.

– А если окажется, что – да?

– Я этого точно не делала. А остальные... ты виноват?

– Нет.

- Петя?

- Машка, хватит глупости говорить!

Я фыркнула. Подобное обращение значило, что брата я крепко вывела из себя. И никак иначе.

- Лучше говорить, чем делать. Ты меня понял? В этой комнате собраны все люди, которые дороги мне, вот они меня и волнуют. А остальные...

- Арина?

Я осеклась на полуслове.

- Ваня, если бы я знала, где она!

О сестричке не было ни слуху, ни духу. Храмов нанял нескольких сыщиков, но найти дуреху не получалось. Она словно сквозь землю провалилась.

Нигде не снимала квартиру, не пользовалась документами, никуда не уезжала, не покупала ничего, не училась нигде, не регистрировала свадьбу или что-то еще...

Если честно, у меня были самые плохие мысли на этот счет. И, кажется, у Вани тоже.

- Думаешь, найдем - живой?

- Продолжать поиски стоит. А уж что мы найдем...

- Ты не надеешься.

- Но и не брошу эту балбеску.

- Спасибо.

Ваня крепко сжал мою кисть, поглядел прямо в глаза. Да, досталось парню. Он ведь благодарит не за Арину - за всех и сразу. Тяжко ему...

- Держись, братик. Нам - да не справиться?

Ваня медленно кивнул.

- Справимся. Обязательно справимся.

Стоит ли говорить, что я как в воду глядела?

Храмова действительно отравили. Какой-то гадостью... я даже название выговорить не смогла с первого раза. Какое-то растительное соединение. Я так поняла, какая-то выварка или вытяжка из аконита.

А что?

Лютики-цветочки у меня в садочке... мало кто помнит, что этими цветиками-семицветиками с пещерных времен народ травил. Натуральный, экологически чистый яд. Все свое, домашнее...

Видя, что я так и не понимаю, в чем суть, епископ вежливо разъяснил мне.

На расследовании я настояла очень удачно, быть бы мне первой подозреваемой. А так...

Сына моего муж признал, признал при всех, тут у меня нет мотива.

Замужество?

Тут у меня полнейшее алиби, рядом со мной последние месяцы ни одного мужчины не появлялось.

Выгода?

Я - княжна. Тут тоже пролет. Одним словом, мне Храмова травить было незачем. А вот его семье - запросто. Может, и кому-то еще, кто ж знает? Расследовать надо!

В столицу уже отписали.

Новый генерал-губернатор уже назначен, едет, это некто Александр Викторович Благовещенский. Фамилия не особо из старых, не так чтобы богатая, но человек очень достойный, личным примером показывающий, что всего можно добиться. И воевал, был ранен, и на гражданской службе себя

самым достойным образом проявил, и женился удачно...

Образец для подражания, одним словом.

Я кивнула. Честно говоря, меня никакие губернаторы не интересовали. Не мешался бы никто под ногами! У меня была своя программа действий.

Первое – оправиться от родов.

Второе – до года мне мелкого так и так кормить, считай – привязана и к месту, и к ребенку, потом полегче будет.

Третье – разобраться с наследством и наладить взаимодействие с управляющими.

Четвертое – удачно пристроить братьев.

Мало?

Да стоит только начать, не будешь знать, за что хвататься! Это я еще молчу про папеньку, про Матвеева, про Демидова, про столицу...

Молчу, молчу, молчу...

А как мне в голос взвыть хочется! Кто бы знал!

Похороны состоялись ровно через три дня.

Я стояла у гроба, который медленно опускался в землю. Не плакала, не изображала страдание – это пошло. Да и просекаются такие вещи на раз-два.

Если уж берешься изображать какое-то чувство, следи за достоверностью игры, а то публика год плеваться будет. Я картинно рыдать не умела, вот и не изображала ничего. Стояла во всем черном, под вуалью, комкала в руках платок и молчала. Принимала соболезнования, отвечала такими же протокольными фразами – и только.

Первая бросила горсть земли на гроб, первая положила букет из темно-вишневых, почти черных роз на свежий холмик. Не рыдала, не выла, не кидалась...

И была вознаграждена фразой, которую уловила по пути к карете:

– ...ты что хотела? Это не быдло, это – княжна, она иначе поди и не может, бедная...

Вообще-то могу. Но не буду.

Стыдно признаться, но каких-то сильных чувств я не испытывала. Поймите меня правильно, мне было жалко Храмова, как любого хорошего и достойного человека. Я сочувствовала ему, сострадала, понимала, мы оказались полезны друг другу, мы были союзниками, но и только. В моем сердце он места не получил.

Случись что-то с Ваней – и я буду рыдать вполне искренне.

Аришка пропала – я не могу сказать, что постоянно думаю лишь о ней, но, безусловно, пойду на многое, чтобы помочь сестричке.

Храмов умер.

Я знала, что он умрет, и я старалась не привязываться.

Андрей Васильевич, при том, что мы общались куда меньше, стал для меня вторым отцом. Храмов ничего подобного не сделал.

Это не хорошо или плохо, это просто данность.

Мне его жалко. Но жалость не заставит меня ни выть, ни рыдать, ни биться в истерику. А свечку за упокой я схожу поставлю. Обязательно.

Поминки.

Здесь этот обычай тоже есть.

Накрывать пришлось два вида столов – для бедных и для богатых.

Для бедняков – официально взяла на себя городская управа. Я внесла примерно половину суммы, и

на главной площади поставили бочонки с вином и столы с пирогами, кутьей и прочим, что полагается. Я не вникала.

Любой, кто захочет помянуть генерал-губернатора Храмова, может прийти, выпить, закусить, получить горсть мелочи на помин души, иногда еще и вещи раздают... Здесь так принято.

Для «высшего общества» был накрыт стол у нас в доме.

Блюда примерно те же, но приготовлены намного лучше. Поток соболезнующих не иссякал. Мне целовали руку, мне глядели в глаза, мне выразительно сочувствовали и предлагали всяческую помощь. Застолья здесь не устраивали – понимали, как это тяжело. Обходились фуршетом.

Но и так...

К середине дня я уже на ногах не стояла. Тяжело было не морально – физически. Раньше я не понимала, отчего так устала Маргарита на балу у Сатаны. Сейчас же...

Каторжно тяжело быть точкой фокуса. Каждому улыбнуться, для каждого найти хотя бы пару слов, каждого поблагодарить и все время, каждую секунду держать лицо. Помнить о своей роли и не выходить за рамки.

Получится?

Я должна, я справлюсь...

Шло время, шли гости...

Большие часы пробили шесть вечера, когда...

Дверь распахнулась.

– Его светлость граф Благовещенский с супругой и дочерью!

Я повернула голову и застыла.

Маруся, ты дура.

Нет, даже не так. Ты хроническая, клиническая идиотка! Хотя имя бы выяснила, не стояла бы сейчас в позе удивленного суслика!

Потому что ко мне неторопливой походкой приближался отец моего второго сына.

Тот самый мужчина, который видел меня в облике Лейлы.

Единственный мужчина, который...

Ёжь твою рожь!!!

Маруся, возьми себя в руки, тебе не семнадцать лет! Соберись, иначе косточки не соберут!!!

Истощенный вопль внутреннего голоса позволил мне прийти в себя. Я медленно склонила голову.

– Ваше сиятельство.

– Госпожа...

Теплые пальцы, горячие губы на моей руке...

– Примите мои соболезнования. Ваш супруг был замечательным человеком. Я плохо знал его, к сожалению, но люди, подобные Сергею Никодимовичу, являются истинными героями нашей отчизны.

Я наклонила голову, скрывая глаза.

– Благодарю вас, ваше сиятельство. Моему мужу были бы приятны ваши слова. Он был о вас самого высокого мнения.

– Он лично рекомендовал меня его императорскому величеству.

Храмов, ёжь твою рожь! Не помер бы ты – я бы сейчас из тебя все вытрясла! Что за, мать вашу, интриги? Какие рекомендации?

Хоть предупредил бы!!!

Каз-зел!

Ох, о мертвых... зато – правда! Предупреждать же надо!!!

Хорошо, что глаза я так и держала опущенными. А лицо привычно оставалось бесстрастной маской. А то в мои сильные чувства к усопшему сейчас бы поверили все.

Очень сильно хотелось его выкопать и попинать труп ногами. Что за... мать его, ежа, интриги?!

Пришлось срочно отвлекаться на спутниц моего собеседника, чтобы не выдать себя.

Имеем – блондинку. Того астенического типа, который так был популярен в оставленном мной двадцать первом веке.

Тощая, вытянутая, правда, натуральная блондинка, такой оттенок не подделаешь, смотрит на меня с неодобрением.

Ну да.

Судя по смело открытой шее и декольте, вам, дама, даже не тридцать. Вам под сорок, и вы очень плохо воспринимаете тех, кто моложе.

Сама грешна, бывало. Иногда накрывает самой примитивной и вульгарной завистью. И бьется простая мысль – к тем бы данным да мои мозги, я бы тогда бы...

Противоядие – довольство жизнью.

Если ты понимаешь, что прожила не зря, если ты все сделала правильно и так, как хотела, если... тогда тебе все равно, какая там фигурка и кому сколько лет. Подумаешь, проблема! Я уже собой довольна, а вот что именно ты наворишишь в своей жизни?

Но это я осознала. А стоящая передо мной дама подобной мудростью не владела. И смотрела на меня достаточно зло.

Я знала, что она видит.

Аппетитную фигурку, затянутую в черное платье простого фасона. Толстенную косу, свежесть и красоту юности. Даже после родов я выглядела несомненно лучше, чем сия дама.

И лучше, чем ее дочь – такая же астеническая блондинка.

Хотя смотря кто будет судьей! На подиум бы меня точно не взяли. Зато у меня нет веснушек, как у ее дочери, нет длинного вытянутого лица, да и зубы у меня намного лучше. Это – радует.

– Мои соболезнования, – процедила блондинка.

– Благодарю, ваше сиятельство, – отозвалась я дежурным уже тоном.

Ничто не приводит в чувство так хорошо, как враги. Явные, не замаскированные.

И чего мадам на меня взъелась? Нет, не понять мне бабскую логику. Иногда это просто мимо меня. Увы...

Вечером я сидела в библиотеке.

Разбирала бумаги, надеясь найти хоть какие ответы, злилась, шипела, ругалась.

Зачем Храмов выкинул этот финт ушами? Хотя... тут и так понятно. Помощь Александру, помощь мне, помощь маленькому еще Андрею...

Но сказать-то можно было?

Или нельзя?

Предсказать мою реакцию Храмов мог, вот и сэкономил время и силы. А, все равно – гад! Вот как мне теперь жить с этим? Как гулять по Березовскому, как встречаться каждый день с этим мужчиной... хорошо хоть он меня не узнал. Это-то я видела. Лейла, если и оставила след в его памяти, никак не ассоциировалась со мной. С княжной Горской.

Ну, хоть тут – радость.

Андрей в безопасности, на него никто претендовать не будет. А я сама?

Что именно я чувствую?

Я прислушалась к себе.

Нет, определиться я просто не могла. С одной стороны, что-то было. И это было хорошо.

С другой...

Это у меня настроение романтическое. А у него? Мало ли девок в борделе? Нет, лучше уж промолчать. Подождать, посмотреть, что будет дальше. Я первый шаг делать не буду, так оно спокойнее. У меня своя жизнь, свои планы на нее, а разные женатые товарищи...

Кстати – это веский повод не связываться. Не стоит лезть в чужую семью, я это уже проходила. В одном мире наступила на грабли, в другом туда же?

Обойдусь!

Нужно все решать последовательно. Вступление в наследство, письмо его императорскому величеству, письмо Матвееву, письмо отцу... Посмотрим, что мне ответят все вышеозначенные, а уж потом будем решать, что делать.

И никакой пока личной жизни! У меня траур, я скорблю по мужу и не собираюсь давать на себя лишний компромат.

Лучше уж теорию магии поизучать.

Опять же, весна на дворе. Пора сажать, сеять и вообще – выезжать в лошину. Даром я, что ли, с рассадой возилась весь последний месяц? Оказывается, у беременной магички земли все в рост прет как сумасшедшее. Вот я и пользовалась. А сейчас пора высаживать часть рассады в открытый грунт. Да и теплицы опробовать...

Вот и нашлось дело.

А то любовь, морковь... займись, Маруся, морковкой! С нее хоть прибыль будет!

Все же мне пришлось ненадолго прервать свои дела. И даже появиться на нескольких приемах...

Крестят ребенка, когда ему исполнится сорок дней. С чем это связано?

Якобы до сорокового дня женщина считается не вполне чистой и не может участвовать в церковных таинствах. Подчеркиваю – якобы, потому как я эту литературу и в своем мире не изучала, и здесь не рвалась.

А вот на сороковой день мать может присутствовать при крестинах своего чадушка, ну и – вперед.

Честно говоря, когда я это услышала, мне захотелось от души помитинговать. Клары Цеткин на них нет, святош паршивых! Их самих, простите, тоже не мужик рожал! И вообще, как может процветать такое ханжество?

Иконы Богородицы вешаем? И молимся, и все такое, но она-то тоже рожала! И что? Считалась до сорокового дня не такой? Ну, знаете...

Мне просто за женщин обидно! Это не самый приятный процесс, тяжелый, кровавый, мучительный, но век за веком, раз за разом женщины идут на него, чтобы продолжить чей-то род. И они же – нечистые? Рожать – рожай, а в церковь мордой не вышла? Воля ваша, но что-то неправильное, непорочное здесь есть.

Хотя, может, и объяснения найдутся? Кроме мужского шовинизма?

Не религиовед я ни капельки, просто не понимаю, почему Пресвятой Деве молятся, а к женщинам все равно отношение как второй сорт – не брак.

Хотя...

В двадцать первом веке и того хлеще было. До сих пор вспоминается, как какой-то кадр в рясе предлагал отменить образование для девочек. А зачем им? Все равно станут женами, матерями... чтоб его Роза Люксембург каждую ночь во сне гвоздила!

Здесь, кстати, в этом отношении намного приличнее. Девочки тоже получают образование. Да, женщинам сложнее. Но если уж женщина стала специалистом, отношение к ней очень уважительное. Явно – и не дура, и с характером. А от таких хорошие дети получаются. Может, со временем и магия в роду появится.

Да-да, потому что терпение, труд, умение добиваться своего, идти к своей цели и преодолевать все препятствия – это тоже своеобразная магия. Которая ни капельки не влияет на деторождение.

Но это я ушла в сторону.

Крестным отцом малыша его императорское величество назначил... как вы думаете – кого?

Своего дядюшку со стороны отца, Рюриковича, Петра Александровича.

А чтобы не гонять недавно родившую женщину в столицу, князь сам приедет в Березовский, ну и церемония состоится здесь.

Иван Четырнадцатый обещал нам свою защиту и покровительство?

Вот, получите и распишитесь. Косвенно, но Андрюшка получается родней императорской семье, как крестник. Злоупотреблять этим, конечно, не стоит, да и к моменту совершеннолетия Андрюшки, может, его крестного и в живых-то не останется – старичку уже под семьдесят. Кстати, Храмов воевал под его началом, так что и с этой стороны замотивировано, но статус ползет вверх, как ртуть в градуснике.

Это реально круто. В это время иметь в крестных кого-то из императорской семьи (и плевать, что там народу два десятка) – это как в двадцать первом веке здороваться за руку с президентом.

Письма пришли и мне, и губернатору. И – началось.

Песец?

Да, и он тоже пришел. Вместе с письмами. Улегся, расправил шубу и прижмурился на манер кота. Не ждали?

Так это ваши проблемы. Я – здесь.

С супругой нового генерал-губернатора мы встретились в городе. Совершенно случайно.

Я делала покупки, а что забыла в городе она? Кажется, тоже ходила по лавкам. Мне нужны были брошь и перья для эгрета, так я и оказалась в ювелирной лавке. Договорилась обо всем и уже собиралась покинуть это место мужской скорби, как дверь распахнулась.

В лавку величаво вплыли графиня с дочерью.

Я чуть склонила голову.

– Ваше сиятельство.

И улыбка. Легкая, аккуратная, одними уголками губ. Обозначение, мол, я вас рада видеть – в меру.

Тут такой нюанс. С одной стороны, я сейчас чуть ниже по положению, дворянка, но без титула. С другой же стороны – я по рождению княжна, я маг и вхожу в один из юртов. Не самый слабый.

Благовещенская – графиня, но никакими способностями она не обладает, а по рождению простая дворянка. Разве только очень богатая.

Она старше, я моложе. Кто кого должен приветствовать? Я – ее, но не роняя себя. Как-то так.

Сложные все эти этикетные танцы. Мне – сложно!

– Госпожа Храмова, – приветствовала меня графиня, поджимая губы. И чего так рожу кривить? Одета я с соблюдением всех правил приличия, а что у ювелира...

Не в трактире же?

Кто сказал, что в трауре нельзя ездить по магазинам? Это на балы нельзя, развлекаться не стоит, а остальное – можно. Жизнь-то продолжается.

Увы, тот же протокол требовал хотя бы минимальной светской беседы. Иначе по городу пойдут слухи, что мы в ссоре.

Я заулыбалась.

– Сегодня замечательная погода, не правда ли?

– Отвратительная, – ляпнула доченька.

Хм? Положим, на улице и правда этакая морось, вроде водяной взвеси в воздухе, но к чему же так резко? Я тебе не нравлюсь? Так это взаимно, но хамить-то зачем? А получи в обратный зад!

– Да что вы, Ирэна Александровна, погода просто чудесная. Она так полезна для цвета лица! Я всегда стараюсь гулять в такое время, кожа потом просто бархатная.

Девушка надулась. С кожей у нее была беда – то ли пигментные пятна, то ли еще что... да и вообще, кожа неровная, нездоровая, с рытвинами. Некрасиво.

– А мне все равно не нравится.

– Ирэна, – одернула ее мать. – Госпожа Храмова может гулять по лавкам, когда ей заблагорассудится, у нее нет семьи...

Не поняла?

А мои дети? А братья? Что вообще за наезды? С чего вдруг?

– Какие мои годы, ваше сиятельство, – ласково пропела я. – Дети уже есть, а мужчины – дело наживное. Захочу замуж выйти, так найдется прорва желающих.

– Да... мы слышали, – пропела графиня. – О... желающих.

Получилось это так, словно я шлюха. И я окончательно разозлилась.

– Не могу ответить вам той же любезностью – никогда не считала сплетни достойным занятием.

Получилось достаточно резко. Графиня покраснела, некрасиво, пятнами.

– Сплетни?

Я мило улыбнулась.

– А также слухи. Прошу меня простить. Мне пора домой, к детям. Знаете, двое сыновей – это такое счастье! Но времени на всякие глупости вообще не остается. Всего вам наилучшего, ваше сиятельство. Ирэна...

Вышло очень прочувствованно.

Я развернулась и удрала, пока до дам не дошло. Шипение настигло меня уже в дверях, но было необратимо поздно.

Кажется, сегодня я приобрела врагов?

А, плевать. Я им и так не нравилась. Хотя с чего бы? Видит бог, я себя вела как ангел. Не понимаю...

Визит императорского дядюшки в Березовский?

Это – СОБЫТИЕ. С большой буквы. Всех букв.

Это песец для генерал-губернатора, для всей власти в городе, вообще для всех. Считай, область будет трясти месяц до приезда и месяц после. Чего удивительного, что новый генерал-губернатор пожаловал ко мне в гости? На этот раз – без сопровождающих.

Презентовал мне коробку дорогого шоколада, поцеловал ручку, предложил побеседовать...

Пришлось пригласить мужчину отобедать, благо кухарка была на высоте. Там, за столом, постепенно и разговорились.

Общих знакомых у нас, правда, не нашлось. Я честно призналась, что потеряла память в результате покушения, что бежала из столицы... оказывается, у меня достаточно романтическая история. Выглядело это, на мой взгляд, как метания институтки в маразме, да и на взгляд собеседника, думаю, тоже. Но ведь не объяснишь же?

Как тут расскажешь, что тело прежнее, а мозги уже другие?

И эти мозги аж спинным концом чувствуют – дело плохо, надо бежать! Вот и сбежала! И до сих пор ни о чем не пожалела!

Такое расскажешь, потом неизвестно, куда тебя сдадут. В психушку (синий дом) или в монастырь? Или по-простому, на опыты?

Если есть разум, есть и магия разума, наверняка. Выпотрошат и выкинут. А мне это не нужно. А еще ведь и другой вариант имеется...

У каждого современного человека в голове лежит определенный багаж знаний, которым ни с кем бы не делиться.

Ядерное оружие, боевые отравляющие вещества, бактериологическое оружие... Думаете, ни в одном мире не разберутся, как это сделать и куда применить? Ага, все дураки, одни мы додумались...

Ох, не стоит о таком и намекать даже. Ведь хуже будет.

Молчу, молчу...

Мы мило беседовали с Александром Викторовичем, упомянули погоду, природу, рудники, я честно рассказала о своей опытной полянке, мужчина вежливо послушал, а там и заинтересовался.

Кому не понравится идея получить при меньших затратах больше продуктов? Лучше качеством, быстрее, может, два урожая за год?

Постепенно мы разговорились, и мне была обещана всевозможная помощь.

Я наглеть не стала, попросила только бесплатную рабочую силу. Из того же источника, то есть из тюрьмы. Это мне было обещано. А еще – помощь мага земли, если таковой окажется в ведении генерал-губернатора.

От предложения проинформировать о моей работе государя я отказалась.

Рано.

Сначала нужны результаты, а уж потом можно что-то показывать. Тут как с диссертацией. Ори ты во весь голос, что хочешь совершить великое открытие, – не засчитают. Ты ручками поработай, напиши, результаты представь...

Тогда и корочку получишь. А до того – извини, сиди на месте молча. Это правильно. Великих замыслов, вон, по пивнушкам собирать можно, вам там каждый третий расскажет, как он Америку открывал. Лично, вместе с Колумбом. А как до дела доходит, так громкий пшик на ровном месте. И ничего – кроме дыма и вони.

Сошлись мы на том, что я оказываю всяческое содействие во время визита князя. А мне в свою очередь помогают в моей работе.

Я спорить не стала. И долго еще сидела за столом после ухода гостя.

Интересный мужчина. Яркий, умный, харизматичный... будь я моложе...

Черт!

Ну почему он – женат?!

Второй раз я на эти грабли наступать не собираюсь! В любовницы не пойду и скрываться не буду! Не хочу! Хватит с меня!

Но – почему?

Ох, Маруся... мне кажется, или мы – влипаем? Прямо хоть маскарад-дубль устраивай! В облике Лейлы... нельзя! И думать о таком нельзя. И вообще, мне есть о чем еще подумать!

Маруся, ты – неблагодарная свинюшка!

У тебя практически все есть, а ты еще чего-то требуешь?

Прижми хвост!

Самовнушение отлично подействовало. И я быстро пришла в себя.

Тут не до любви, тут дел по горло. И – нет, я не обольщалась. Если кто думает, что все это из-за меня... Да что вы! Срочно передумайте!

Сдалась я триста лет императорской семье! Разве что очень косвенно.

Тут, скорее, совокупность фактов и статей.

Первое – я спасла жизнь наследнику, и мне немножко, но обязаны.

Второе – я спешно вышла замуж, забеременела и удрала из столицы. Вместо того чтобы лечь под наследника. И за это мне тоже поставили плюсик. Фаворитки – штука хорошая, но только те, кого ни в коем случае не представишь в образе супруги. К примеру, актрисы, балерины и прочие дамы полусвета. А я княжна. И со мной возможен морганатический брак. Да и полностью меня от двора не удалишь, могу выползти... нет, не нужна цесаревичу такая фаворитка. И то, что я это поняла, мне зачли авансом.

Третье – Демидов.

Вот ни разу я не сомневалась, что про некромантию Храмов рассказал кому надо. Но прижать Демидова все равно не на чем. А суматоха, которая поднимется из-за визита, дает возможность для внедрения. Или подвода своих шпионов к нужным людям?

Не сильна я в этой шпионской терминологии, хоть и смотрела в свое время «Семнадцать мгновений весны». Даже читала.

Все это можно охарактеризовать просто – взбаламутим воду в озере и посмотрим, кого выловить сможем.

А ведь наверняка есть еще и четвертый, пятый, шестой слой... это как с айсбергом. Мы видим надводную часть. А подводную – никогда. Пока не наткнемся всем «Титаником».

Мы видим только внешнее, то, что нам соизволили показать политики, а что там внутри? Какие цели, задачи, кто и чего хочет достигнуть?

Мы и игроков-то никогда не узнаем.

Так что я с чистой совестью выкинула все посторонние мысли из головы и сосредоточилась на своих делах. А все остальное...

Спасибо, конечно, его величеству, разодолжил, но чем за это платить придется?

Я не знала. И подозревала, что все равно не обрадуюсь. Игры власть имущих, они такие, не обязательно предусматривают, что все пешки дойдут до другой стороны доски. Но куда можно еще сбежать в Российской империи? И так на Урал забралась, все равно достали!

Может, попробовать другую сторону земного шара?

Хотя – нет. В Америку я точно не поеду.

После того, что ацтеки и майя устроили, там такое творилось...

Одно дело гнобить и спаивать простяг-индейцев, согласно «священному праву белого человека», другое дело с шаманом индейского племени поспорить. А шаманов там стало много!

Ты его споишь, а он тебе спяну бурю найдет. Или еще чего поинтереснее. Вулкан под домом откроет, зверье натравит... смешно? Да те же домашние мыши могут такое устроить, если их много! Заречешься связываться! Или на леммингов посмотреть – когда они стаями к своей цели рвутся, я бы им на пути и слона не поставила. Жалко животное.

Всякое бывало.

Не состоялась тут колонизация. И бизонов не перебили. И индейцев в резервации не загнали. И чужакам индейские племена рады не были. Ни капельки.

Может, я и стану там своей, рано или поздно. Но стоит ли тратить на это всю жизнь? Только если другого варианта не останется. И вопрос встанет остро – жить или умереть. Так что я пока поживу здесь.

Но бдительность терять нельзя!

Как там говорил кто-то из героев «Гарри Поттера»? Постоянная бдительность?

Вот-вот, она самая.

Косвенно мои подозрения подтвердил визит Демидова.

Мне преподнесли еще одну коробку дорогого шоколада. Я поблагодарила, но к ручке не допустила по уважительной причине – у меня на ручках уютно устроился ребенок. Нил.

К Андрею он не ревновал, понимал, что тот мелкий, не опасный и вообще не полоз, но старался проводить со мной побольше времени. И оторвать змееныша бывало сложно.

Ладно...

Я его все равно люблю. А когда речь идет о Демидове – еще и рада его присутствию. Малыш – моя дополнительная защита. Лучше оправдываться за превышение мер допустимой самообороны, чем молча лежать на кладбище.

– Мария Ивановна...

– Сергей Владимирович.

Гладкие фразы, красивые речи, светская беседа, вроде бы ни о чем, но на самом деле позволяющая прощупать собеседника. Что он чувствует, о чем думает...

Это как разведка боем.

Надеюсь, я ее выдержала. Демидов перестал рассказывать о красотах природы и перешел собственно к делу.

Меня последовательно попытались уговорить взять крестной матерью какую-то родственницу Демидова. Я отказалась, сказав, что кандидатуры уже согласованы на самом верху.

Потом мне предложили няньку и гувернантку – замечательных специалистов.

Я отказалась вторично, не понимая, то ли Демидов лбом об забор по дороге шарахнулся, то ли я произвожу впечатление такой непроходимой дуры. Ага,пусти в свой дом врага. И подпусти его к детям! Тут родственников не всегда подпустишь, а уж чужих людей тем более!

Потом мне предложили приехать погостить. Разумеется, после крестин, где-нибудь к Рождеству.

Пришлось отказаться еще раз. И объяснить, что у меня траур по супругу. Лучше – пятилетний. Но ладно, хотя бы на год.

И нет, к отцу я тоже не собираюсь, захочет – сам приедет. И вообще, простите, вам пора.

Демидов был весьма и весьма недоволен, но крыть-то нечем. Дама в трауре может отмазаться от любых гостей. Особенно если никого не принимать и ни к кому не ходить. Тут главное – строго следовать этикету.

А он здесь не хуже, чем был некогда в южных штатах. Вдова не должна принимать гостей, не должна танцевать, веселиться, наносить визиты...

Я и не буду!

Не дождетесь!

В результате Демидов откланялся, а я отправилась играть с малышкой. Хоть развеяться. Интересно, чего от меня хотела эта скользкая гадина?

Нет, неинтересно. Интересно, что мне надо сделать, чтобы Демидов отвязался раз и навсегда. Но, подозреваю, это придется выяснять эмпирическим методом.

Эх, тяжело жить на белом свете...

Так я и поступила, отказываясь последовательно от всех приглашений. По поводу вступления губернатора в должность, благотворительный бал, еще какой-то вечер...

Нет уж! У меня репутация! А еще – куча дел.

Ими-то я и занималась. Если у кого есть дача, вы себе очень хорошо представляете, сколько проблем сваливается по весне.

Одна рассада чего стоит! А я-то хотела ее еще магически прокачать! Считаю – работать придется с каждым ростком, каждым растением, здесь поточное производство и штамповка не получатся. Грубо говоря, нет возможности проапгрейдить сразу кучу семян репы неизвестно какого вида, чтобы выросла сказочная репка. Большая, вкусная и красивая.

Надо работать с каждым ростком в отдельности. Причем – дозировать воздействие, записывать, что именно ты сделала, пометать каждый десяток рассады...

Было массовое производство, там я ничего с прошлого года не улучшала. Семена и так будут

отличной всхожести, устойчивы к заморозкам, с неплохими вкусовыми качествами – для продажи этого довольно.

А вот для опытной деланки...

Там я делила по десяткам. Где-то воздействовала сильнее, где-то слабее, меняла форму, меняла тип магии, меняла границы воздействия, записывала все в лабораторные журналы, которые приловчился вести Петя...

Времени это занимало столько, что к вечеру я просто падала.

И плевать – на все.

Балы?

Да мной можно было полы к вечеру мыть, я бы не почувствовала! Гвозди на мне выпрямлять и лошадей подковывать! Хорошо еще, Андрюшка получился на редкость спокойным и флегматичным ребенком. Заставить его орать могли только мокрые пеленки или голод. В первом случае отлично справлялась нянька, во втором я приходила, кормила его досыта, и малыш опять засыпал.

Нил вообще блаженствовал. У него уже начался выполз на волю, он пробовал все на вкус, везде тянул ручки, хорошо хоть до столов пока не долезал. Но чувствует мое сердце, все еще впереди.

Ох, наплачусь я с этим мелким кошмариком!

Может, ему какую-нибудь зверушку завести? Что-то младенцеустойчивое?

Ага.

Черепашку. В бронированном сейфе. Всех остальных мне будет искренне жалко. Имеющие детей отлично знают, что милое чадушко способно отгрызть хвост крокодилу и взсос поцеловаться с гадюкой. С бо-ольшим ущербом для змеи. А редкие исключения обычно только подтверждают правило.

Ладно, пусть пока так ползает.

Пришли известия с рудника.

Управляющий выражал мне самые искренние соболезнования и осторожно интересовался перспективами.

Я отписала, что им довольна и менять ничего не собираюсь. Как работал при Храмове, так и при мне работать будешь. А решишь воровать – замурую так, что никто и не найдет. Сказки про Медной Горы Хозяйку, небось, все читали? Вот... останутся от тебя одни подошвы.

Бажов здесь если и родился, то написать еще ничего не успел, да и вряд ли напишет, жизнь-то у него будет совсем другая. А у меня с его сказками получилось... В общем, как-то само получилось.

Петя последнее время отвратительно спал, плакал, переживал, хоть за меня, хоть за Аришку, и у меня вошло в привычку приходить к нему, посидеть с ребенком пару минут перед сном. И поболтать.

Что можно рассказать малышу (я-то его воспринимала в своей системе координат, где до шестнадцати все одно ребенок), чтобы он уснул?

Сказку.

А будучи магом земли, да еще горное дело, да Урал...

Не виноватая я. Но и «Медной Горы Хозяйка», и «Огневушка-поскакушка», и...

Оказывается, я почти все сказки из «Малахитовой шкатулки» помню. Почти наизусть. Во всяком случае, уютный, мягко округлый и какой-то очень домашний говорок Баждова мне удавался просто идеально.

Я и не заметила, как к нам присоединился Ваня.

Как повадились подслушивать под дверью служанки.

А в один чудесный день Петя положил мне на колени тетрадку. Он записал все сказки и предлагал их издать. Никогда таких не слышал...

Я подумала, полистала тетрадь, отцензурировала все неподходящее, вроде победы коммунизма и плохих царей, – и согласилась. Почему – нет?

Любой, кто читал эти сказки, сейчас кивнет. Они достойны того, чтобы их узнал весь мир. Единственное условие, которое я поставила, – я не получаю с них ни медяка прибыли. Все до последней монетки идет на помощь приютам, сиротским домам и больницам.

И тут уж никаких дискуссий!

Да их и не было.

Издатель – Ваня аж в Москву отписал – подумал недолго и согласился. Более того, обещал написать об этом на титульном листе книги. Я сначала заспорила, а потом махнула рукой, да и согласилась. Только попросила, чтобы не меня указывали, как автора, а Марию Синютину. Княжна Горская, да и госпожа Храмова, не могут развлекаться подобным образом. А отдать авторство кому-то из мальчишек... им это окажется не под силу.

Сломаются.

Как писал какой-то поэт, «мы прошли огонь и воду, но согнулись в сени славы»... Это он правильно сказал. Действительно, можно бороться с обстоятельствами, не сгибаясь или не разгибаясь, но поди поборись со всеобщей любовью? Тут и беруши не помогут.

Книга вышла быстро. Разлетелась в одно мгновение.

И была допечатана бешеными тиражами. В том числе и чуть ли не на туалетной бумаге – для самых нищих. Благодаря четырехлетке, читать здесь и крестьяне умели. А сказки пришлись по душе всем. От царских палат до нищих хижин. Правда, последние обходились обрывками бумаги и устным пересказом.

Я тоже не теряла времени.

Оценив вкусовые качества овощей, а также размер и скорость роста, ко мне стали обращаться люди. Даже слегка улучшенные магически овощи и фрукты были здесь в диковинку. Меня просили о рассаде, о саженцах, о семенах, и я не собиралась отказывать.

На мой счет закапали приятные денежные суммы. Не слишком крупные по меркам княжны Горской, но приятные. И позволяющие не трогать ни наследство, ни основной капитал.

Вот и отлично.

Я и так на безденежье не жаловалась, но – приятно, когда не только тратишь, но и зарабатываешь. А то когда еще мои проекты серьезные деньги приносить начнут!

– Березовский...

Тонкие холеные пальцы мужчины перебирали четки.

Красивые.

Бусина малахита, бусина змеевика, малахит – змеевик. Красиво.

Там и куплено, кстати. Давно еще, в молодости, с тех пор шелковая нитка несколько раз рвалась, перетиралась, приходилось перенизывать четки на другую нить.

Выкинуть и забыть?

Мужчина привык к ним. И иногда доставал из шкатулки, трогал пальцами бусины.

Да, тогда он был молод...

Сейчас он тоже еще не стар. И крепок, и никто у него не отнимает права вести за собой юрт. Император? Что ж, если все пойдет как надо, и император окажется его родственником. Надо только приложить немного усилий.

– Березовский...

Вредная привычка говорить вслух. Но в кабинете он один, да и не излагает он вслух все мысли. А вот так... обведя пальцем небольшой кружок на карте, так действительно легче размышляется.

Урал.

Интересы у юрта есть. Возможностей нет. Не было. Но теперь есть княжна Горская. Ныне –

госпожа Храмова...

Каменные бусины мягко щелкали друг об друга.

Девочка. Совсем еще девочка...

На нее можно повлиять, можно склонить на свою сторону, можно напугать, заставить, принудить, так, что она этого не поймет, еще и благодарна будет за помощь. Не ей тягаться с таким зубром интриг и хитростей, как он.

Но надо все делать достаточно быстро.

Если он правильно просчитал, княжну собираются тем или иным образом привязать к императорской семье. А оттуда ее уже не выцарапаешь. Иван Четырнадцатый таких вольностей не допускает и не прощает.

Правда, и сейчас ему перебегут дорогу, но... не сильно. Да и княжна поспособствует, куда она денется.

В голове мужчины уже складывался хитроумный план. Не вышло с одним, так выйдет с другим. Все обязательно получится... надо только поторопиться.

Мужчина отложил четки и коснулся звонка, вызывая прислугу. Ему срочно надо было отправить несколько писем доверенным лицам.

Сергей Владимирович Демидов отбросил в сторону перо и выругался.

Сломал, конечно.

Вслед за пером полетела чернильница, но и черные разводы на шелковых обоях настроения не улучшили.

Дела шли...

Отвратительно они шли! И вообще – в обратную сторону!

Судите сами.

За последние полгода в роду Демидовых случилось четыре смерти. Умерли старшая сестра Сергея и ее дочь – Полина. Умерли случайно, поехали кататься, началась гроза, лошади испугались и понесли. И – все. Даже магам, чтобы спасать, надо застать людей в живых, а тут и лошади погибли, и люди.

Умер двоюродный брат Сергея, Вячеслав.

Умер троюродный дядюшка. Этот, правда, в силу возраста, ему уж под девяносто было, но Вячеславу-то? Всего двадцать семь! И тоже по чистой случайности, на охоте! Один выстрел – и все. Стрелявшего нашли, сопляк, семнадцать лет, отец его первый раз на охоту взял, вот щенок безмозглый и палил во все, что движется. Остановить не успели! А пуля – дура, но цель нашла.

Не то чтобы Демидов сильно горевал, но ведь тенденция! Род Демидовых пресекался.

То, о чем говорили Мария с ротмистром в больничном парке, выступало во всей красе. Демидовых оставалось раз-два и обчелся.

И как тут быть? Что делать?

В проклятие Демидов верил. Знал о нем еще с той поры, как рассыпался пеплом змеиный оберег. Старинное ожерелье, позволяющее искать рудные жилы, дающее роду богатство и удачу...

Прадед – насколько знал Демидов – оказал когда-то услугу нечисти и получил в награду это ожерелье. А уж что там было, как было... Да кто ж теперь узнает, через столько-то лет?

Если уж откровенно, не распространялся Андрей Демидов о своем поступке даже в дневнике. Кое-как на словах сыну объяснил, что это за талисман и как с ним обращаться. А до конца всей правды не сказал.

Да и что тут скажешь?

Поденок, мол, я, сынок, девочке жениться обещал, ребенка сделал, самое ценное забрал (не девственность, а талисман) и бросил ее. Обманул. На другой женился, а ее собирався то ли любовницей, то ли приживалкой оставить.

Кто ж такое о себе добровольно расскажет? Вот и поскромничал мужчина, постеснялся. А все беды происходят именно от недостатка информации.

Не знал Демидов, кто проклял их род, не знал и как бороться. Да и о проклятии прадед Андрей не догадался, а потом уже и поздно было два и два складывать. И сидел сейчас его далекий потомок и напряженно размышлял.

Выбора нет.

Ему необходим наследник – это раз.

Ему необходимо нечто взамен утраченного талисмана – это два.

И тут выходила на первый план княжна Горская. Не просто выходила...

Наивно было думать, что подвиги Марии на руднике останутся в секрете. Там сказали, тут намекнули, да и вообще, промышленный шпионаж существует с той поры, как промышленность появилась. Так что Демидов знал – княжна способна почуять жилу.

Чем это хуже талисмана?

А ведь она это сделала, будучи беременной, и ребенок не пострадал. Складываем два и два? Магичка земли, проявленная, с громадным потенциалом. Остается только им воспользоваться. А как? В том-то и дело, что никак! Не получится!

Раньше можно было на ней жениться, а жена обязана повиноваться мужу. Особенно если брак дополнить кое-какими ритуалами, о которых отлично знал Демидов.

Некромантия?

Да. И во многом, кстати, завязанная на первую брачную ночь. Недаром первый мужчина всегда важен для девушки... тут можно многое привязать. И покорность, и подчинение... любовь? Да о чем вы? Кому нужны эти слюни-сопли, когда речь идет о власти над конкретным человеком! Власти, понимаете!

Приказал – сделали! А то любовь, морковь... ха!

Сейчас уже не получится. Ни с первой кровью девственницы, ни с первым ребенком женщины, а это очень сильные факторы. Остальное может и не подействовать, тем более на мага!

И что остается?

Добровольное сотрудничество?

Вот проблема, девушка решительно не желала сотрудничать добровольно. Совершенно! Демидов вспомнил свою беседу с княжной и едва зубами не закрипел.

Все его предложения были попросту отвергнуты! Все!!! Словно он милостыньку просит... да что ж такое?!

Вариант честно прийти, признаться и заключить союз Демидов не то что не рассматривал, он просто в голову мужчины не пришел. С кем союз? С девчонкой неполных двадцати лет от роду? Да вы смеетесь, что ли?!

Но девчонка была. И ее дар мог решить несколько проблем Демидова. А получить он все это не мог. Это все равно что под носом у голодного крокодила подвесить кусок мяса и рассчитывать, что ящер будет только облизываться.

Демидов задумчиво прошелся по кабинету, поднял чернильницу, зачем-то посмотрел в нее и тут же безразлично отбросил, вытирая испачканные пальцы. Конечно, не оттерлось...

Что ж.

Он попробует еще раз поговорить с княжной. Но если она не согласится... пусть пеняет на себя!

Крокодилы моралью и нравственностью не отягощены и способны на все. На то и крокодилы.

– Сволочь! Ах, какая мразь!!!

Женщина отбросила в сторону письмо и вытерла глаза. Потом еще раз, потому что тушь с речниц и пудра превратили лицо в клоунскую маску, а ей ни к чему так выглядеть... еще муж зайдет, заинтересуется...

Нет, ни к чему.

Письмо было перечитано еще раз, как будто это могло что-то изменить. Увы...

Ах, какая же сволочь!!!

Тяжело, когда тебя шантажируют. Когда всплывают твои давно похороненные секреты, когда прошлое оборачивается змеиным оскалом, кусает и отравляет настоящее своим ядом.

А ведь все начиналось так хорошо...

Она была молода и красива. Он был не так молод, но знатен, богат, маг, наконец... Да, она решилась вручить мужчине свою честь и любовь. И что? Кто бы ее осудил?

Действительно, кто?

Всего лишь весь высший свет, который почему-то считал, что сначала надо замуж выйти, а уж потом ноги раздвигать. А женщина поступила опрометчиво.

Весь ужас положения она поняла потом, когда под сердцем заворочался ребенок... ладно, еще не заворочался, но она поняла, что в тягости, и пришла с радостной вестью к любовнику.

И тот – отказался жениться. А к чему ему девушка без дара? Чтобы и дети такие же были? Нет, не пойдет... Кое-что он для нее сделал, устроил брак с человеком, который ни о чем не догадался, помогал по мелочам, а иногда и по-крупному...

Но и требовал.

Вот как сейчас, сблизиться с этой маленькой сучкой, Марией Горской-Храмовой... Ух, как же женщина ее ненавидела! За что?

За все!

За молодость, красоту, магию, детей – сама она так и не смогла родить второй раз, ребенок от мага выпил все ресурсы организма, хоть и не стал магом... да за все!!!

И дружить с ней?

Что ж.

Выбора не было, она постарается. А вот второе требование оказалось куда как страшнее. Ей предстояло рисковать, и ладно бы ей одной...

Но выбора не было.

Или риск и выигрыш – или позор, бесчестье, развод. Сразу же.

Вот и бесилась женщина, понимая, что ее загнали в угол. Но тут уж рыдай, не рыдай... Придется действовать.

Глава 7

Крестины и кретины

Город колбасило.

Я оставалась в стороне от всех проблем, душевно общаясь только с церковниками. Ну и с баронессой Ахтырской.

И с губернатором.

Супруга и дочь генерал-губернатора тоже набились в гости, куда ж деваться. И их можно было понять.

Я – подходящего им круга. Нравлюсь я, не нравлюсь, а лучше дружить. Мало ли что?

Мало ли кто?

Дочке еще замуж выходить надо, вдруг в моем окружении кто-то подходящий да появится?

Я не спорила. Но остальные визиты ограничила очень жестко. В том числе и демидовские, хотя Сергей Владимирович и пытался пару раз прорваться ко мне. Но вытаскивать даму из спальни не комильфо, а я просила дворецкого отвечать, что плохо себя чувствую, болею и вообще...

Траур у меня.

Траур!

Моей сельскохозяйственной деятельности это никак не мешало. С рассадой я отлично работала и дома, а выезжать в лощину можно было раз в несколько дней. Главное, не устанавливать четкий график, чтобы не отследили и не выявили закономерность. И время тоже. Обычно я старалась уехать затемно, а возвращалась – как получится. Иногда раньше, иногда позже...

Церковники развернулись, и неподалеку от лощины строился храм. Маленький, вроде того, что я нарисовала, но в данном случае размер не самое важное. Какой он будет красивый, вот что...

Кстати, ко мне уже обратились. Не просто так, нет...

Поделочные камни понадобились.

Змеевик малахит, орлец... много чего им хотелось для украшения храма. Я честно сказала, что продам, если в цене сойдемся. И получила искренне удивленный взгляд отца Александра, который и пришел ко мне с этим предложением.

Деньги?

С церкви?

Куда мир катится!

С его точки зрения, мое согласие должно было выглядеть так: «Вот вам бумаги к управляющему, берите что захотите. А ежели подлец заупрямится или на деньги намекнет, так я его велю на конюшне пороть».

Ага, уже побежала!

Нет уж, господа рясоносные, хотите камни – платите. Пусть не полную стоимость, скидку я сделаю, но платить все равно придется. Я при советской власти воспитывалась, а не при церковной, у меня пиетета перед вами нет.

Попытки меня пристыдить тоже результатов не дали. Может быть, ругались бы мы долго, но тут пришло письмо от управляющего. Он писал, что наткнулись на громадную залежь малахита. И даже вырубили уже глыбу весом чуть не в десять пудов.

Вот тут-то церковники и заинтересовались.

Можно ведь и «малахитовую шкатулку» внутри храма оборудовать. И получится так...

Это будет не архитектура, а высокое искусство. И начать можно уже сейчас, в преддверии визита высочайшего гостя. Показать хотя бы начало строительства, похвастаться сделанным, попросить дополнительное финансирование... это во всех мирах одинаково.

Сошлись на цене ниже среднерыночной, но достаточно приличной. И работа закипела.

Впрочем, я в это серьезно не вникала. Пусть сами разбираются, сами камнерезов ищут, сами все делают. Мое дело простое. Поставка камня.

Остальное – не мои проблемы.

– Мария Ивановна, мое почтение.

– Сергей Владимирович, рада вас видеть.

Ага, как бешеную собаку. Караулил он, что ли? Не успела выехать со двора, как нарисовался, гад! И выглядел Демидов как-то плоховато...

Побледнел, осунулся, стал одутловатым, под глазами залегли круги...

Не знаю, как в нем все это сочеталось, но, на мой взгляд – он стал еще противнее и гаже, чем был. Но ведь и не пошлешь по матери!

– Мария Ивановна, я надеялся побеседовать с вами...

Я вздохнула.

– Сергей Владимирович, я плохо себя чувствую. Простите, я не принимаю последнее время...

Чувствовала я себя замечательно. Просто на кой черт вы мне все сдались? Есть несколько человек, которых я рада видеть, несколько – которых не могу выгнать, а остальные...

Нет меня!

Я сплю, я плохо себя чувствую, я в отъезде... да что угодно! Лишь бы вы поняли намек и вежливо укатились ко всем чертям! Демидов намека не понял.

– Я не отниму у вас много времени, Мария Ивановна.

– Я вас слушаю, – согласилась я. – Вы не возражаете побеседовать по дороге в лавку?

Называется, прогулялась за тканями. Но так хотелось ноги размять!

– Конечно, Мария Ивановна.

Демидов предложил мне руку, я сделала вид, что ее не заметила. Вот еще не хватало, с этой гадиной под ручку ходить. Сергей Владимирович намек понял и чуть отстранился. Но...

– Мария Ивановна, у меня к вам серьезное дело.

– Я вас слушаю?

– Вы предлагаете мне изложить его прямо здесь, посреди улицы?

Я пожала плечами.

– Сергей Владимирович, у нас не было никаких общих дел. И с моим мужем у вас тоже не было ничего общего. Так что привело вас ко мне?

– И... – выразительный взгляд в сторону Вани.

– Мой брат все равно все узнает. Я же и расскажу.

Демидов нахмурился.

– Просить вас об уединении не имеет смысла?

– Нет.

– Даже на пару минут? Пусть ваш... сопровождающий оставит нас ненадолго.

Ваня с Нилом зашипели хором. Змееныш громче, Ваня тише, но выразительнее. Я хмыкнула.

– Сергей Владимирович, или вы говорите все здесь и сейчас, или давайте распрощаемся? Эта беседа не доставляет мне удовольствия. Так что у вас за дело ко мне?

– То дело, которое у нас все же было и осталось незаконченным.

Я подняла брови.

– Простите?

– Наша свадьба.

Я чуть носом не полетела.

– Сергей Владимирович, вы еще вспоминаете об этой безумной затее?

– Более того. Мария, вы сами ставите меня в такое положение... я прошу вашей руки.

Я даже не сразу сообразила, о чем речь. А потом замотала головой так, что едва второй раз не полетела носом, спасибо, Ваня подхватил.

– Нет.

– Мария, это будет выгодно нам обоим. Вы получите мужа, статус, положение в обществе... это будет равноправный брак. Мы можем даже договор заключить.

Я только хмыкнула.

Равноправный брак, с договором...

Это обязывает, да. Не брак, а мечта феминистки. Все, что у меня есть, у меня и остается, я могу распоряжаться своими деньгами и временем, я могу...

Да все, что угодно. Это почти что брак двадцать первого века – полная свобода рук и действий. С одной стороны.

А с другой...

Кто там что проконтролирует? В том же Березовском? Кому я буду жаловаться на нарушение договора? И смогу ли я пожаловаться?

Нет, я в это не верю. Морковка вкусная, но я не осел.

– Нет.

Демидов смотрел зло и холодно, и я лишний раз уверилась в своем ответе.

– Подумайте еще раз, Мария.

– Мне сказать вам это слово еще сто раз? Сергей Владимирович, – я решила быть откровенной до конца, – останься вы последним мужчиной на земле, я предпочту любую обезьяну. Лишь бы с вами не связываться.

Вышло резко, но доходчиво.

Демидов помрачнел еще сильнее.

– Это ваше последнее слово, Мария?

– Да.

– Что ж, не обессудьте.

Я поджала губы.

– Всего вам самого лучшего, любезнейший.

– И вам... дорогая невеста.

Демидов развернулся и ушел.

Ваня посмотрел ему вслед.

– Маш, может, не стоило так-то резко?

Я покачала головой.

– Ваня, я жалею только об одном.

– Да?

- О том, что не могу убить этого человека.

Ваня подавился слюной и едва не уронил Нила. Хорошо я вовремя подхватила змееныша, который нервничал, вертелся и вообще проявлял агрессию. Как мог, конечно.

- Тише, мой хороший. Пока - не могу, но, может, нам еще представится случай его убить?

- Шуточки у тебя, - опомнился Ваня.

Мне оставалось только плечами пожать. И с чего он решил, что это шуточки? Я серьезно.

Здесь и сейчас мне объявили войну и пообещали не брать пленных. А раз так...

Жаль, что я не могу убить Демидова первой. Он-то меня вряд ли пощадит.

Сорок дней пролетели весьма быстро, обернуться не успеешь. А вот и перрон.

И высочайший гость, который выходит из вагона, этак небрежно, по широким откидным ступенькам. И чего б не шикавать, когда рядом стоит пара солдат и тебя всегда готовы подхватить?

Играет оркестр, блестит золото вышивки и медь труб, сияют драгоценности дам и улыбки девушек. Мужчины все серьезны и солидны. Кто-то сверкает мундирами и эполетами, кто-то в штатских костюмах.

Конечно, на перроне собрался весь высший свет Березовского. В том числе и я - рядом с семьей генерал-губернатора, но чуть в стороне. Сама по себе.

Мое черное платье резко контрастировало с разноцветными нарядами дам. Я подумала и решила немного поиграть на контрасте.

Платье - черное.

Украшения - черное серебро. Серьги и пояс, других нет. Эгрет на шапочке. Правда, не перья, аккуратная брошь из гагата и серебра.

И сам фасон платья.

Никаких четких линий, ничего жесткого или строгого, все очень плавно... Рукава, мягко расширяющиеся от локтя, высокий воротник, но вставка из кружева, под которой соблазнительно белеет шея и кусочек груди, серебряный тяжелый пояс, юбки без малейшего признака рюш или воланов, просто тяжелый гладкий шелк, падающий до пола... Драпируется он очень красиво.

Немного серебряной вышивки. Совсем чуть-чуть и там, где без нее не обойтись. Манжеты, воротник.

Ничего не открыто, все подчеркнуто, и я не произвожу впечатления бесполого создания или скорбной тени. Да и не хочу.

Император все знал. Разыгрывать бог весть что перед его дядюшкой - глупо и бессмысленно.

А еще...

Александр.

Мне хотелось привлечь к себе его внимание. Хотелось, черт возьми!

Я понимаю, что он женат, но... не могу я удержаться! Не могу!

И в груди перехватывает от одного его вида, как у нервной институтки. И хочется смотреть и улыбаться. И сны снятся... неприличные.

Вот что это за засада такая?

Знаю я ответ, знаю! Но формулировать - не хочу! А вот показаться ему красивой, изящной, соблазнительной, даже несмотря на траур, - хочется!

Я даже волосы украсила не так, как местные дамы. Сейчас в моде шляпки-блинчики, с цветами. А я заказала себе «таблетку» с небольшой черной вуалью. Посмотрелась в зеркало и поняла, что удалось.

Траур?

Да нет, просто женщина решила одеться именно так. В черное. Скромно, элегантно и со вкусом. А

что немного непривычно...

Спишут на столичные или заграничные моды. Есть наглость – а есть и эксцентричность. Вот у меня второй случай.

Конечно, о том, что князь остановится у меня, и речи не шло. Это неприлично, я вдова. Поэтому вся ответственность легла на плечи генерал-губернатора и его супруги. Даже под толстым слоем пудры было заметно, какие у нее круги под глазами. Явно нелегко пришлось.

Поезда пришлось ждать минут пятнадцать, но со мной никто особо говорить не рвался. Я и не настаивала. Стояла, разглядывала толпу.

Меня тоже разглядывали, кто бы сомневался, но мне из-под вуали удобнее.

Генерал-губернатор вежливо поздоровался, поцеловал мне руку и поинтересовался, не соглашусь ли я приехать к нему на прием по случаю прибытия важного гостя. Увы, пришлось отказаться.

Вдова – так вдова. Мне неприлично.

Баронесса Ахтырская просветила, кстати говоря. Мимоходом, в непринужденной светской беседе. Решили, что мне завтра нанесут визит.

Разумеется, предупредят заранее...

Оркестр, цветы, улыбки...

Мне его высочество поцеловали ручку и назвали «милой девочкой». Поинтересовались, как малыш, услышали, что все замечательно, и милостиво соизволили потрепать еще и за щеку.

Я стоически терпела.

Торжественная часть продлилась каких-то полтора часа, а потом все отправились согласно регламенту.

Гость – к генерал-губернатору.

Я – домой.

Остальные кто куда, но большинство – готовиться к приему.

Что меня смутило на церемонии – ненавидящий взгляд супруги генерал-губернатора.

Дарья Благовещенская смотрела на меня так, словно я у нее любимую болонку отравила. Но почему?

Как я ни гадала, у меня не было ответа на этот вопрос.

Про мою встречу с ее супругом она знать не могла. Мало ли, ходит мужчина по борделям – и ходит, дело житейское. Это у нас, дам-с, романтические чувства, а для большинства мужчин данное действие как стакан воды. Выпил – и домой, под бочок к жене. Умные женщины и не ревнуют, это нелепо. Было бы к кому.

Здесь между нами ничего не было.

Храмов наверняка ни с кем своим проектом не делился.

Может, Дарья встречалась с Марией Горской? Да нет, она бы мне наверняка напомнила об этой встрече. Здесь так принято.

Так в чем же дело? Почему на меня так смотрят?

Превентивно, что ли? Если там супруг такой кобельеро, что ни одной юбки не пропустит? Нет, Храмов сказал бы об этом. Да и слухи, сплетни... нет. У Благовещенского, скорее, обратная репутация – слишком делового и занятого человека. Но с чего тогда на меня взъелись?

Не понимаю.

Но и ломать голову сильно не буду, ну ее в болото, эту очаровательную даму. Пока напрямую не пакостит – пусть живет. Целая и невредимая.

А я пока пойду детьми займусь. Поиграть с ними, сказку Нилу рассказать, с Андрюшкой повозиться – он уже такой забавный, глазенками следит, словно что-то соображает... А может, и соображает, кто ж его знает?

Да, с детьми возиться намного приятнее, чем морочить себе голову, размышляя о всяких там дурах. Может, у нее гормональный стресс или климакс тяжело протекает, а я себе голову ломаю. Да тьфу на нее!

На следующий день мне нанесли визит.

Генерал-губернатор и его высочество.

Князь соизволил откусать предложенные блюда (зная от баронессы, что у Петра Александровича гастрит, я подобрала подходящее меню, за что и удостоилась благосклонной улыбки), похвалить кухарку и предложить назначить дату крестин на третий день от сегодняшнего.

И поинтересовался, кто будет крестной матерью.

Этот вопрос был великодушно оставлен мне на откуп, и стоит ли говорить, кого я назвала?

Баронессу Ахтырскую, конечно.

Для нее это тоже честь. А мне с ней еще работать и дружить. Честно говоря, за время пребывания в Березовском я стала считать ее кем-то вроде тетушки. Умной, достаточно жесткой, но охотно помогающей хотя бы советом. А грамотный совет в трудной жизненной ситуации дорогого стоит.

Александр Викторович заикнулся было, что его супруга или дочь...

Я отказалась наотрез.

Простите, ваше высокопревосходительство, никак не могу. Мы не настолько хорошо знакомы... крестины – это не только политическое мероприятие, случись что со мной, и крестные станут моему ребенку вторыми родителями. В князе я уверена. Баронесса и так что мать родная для половины беспризорников города. И я не передергиваю, она действительно делает очень многое. А ваша супруга? Или дочь? Она сможет стать Андрюше матерью?

Такого вопроса Благовещенский не ожидал, а клясться не рискнул. Видимо, понял, что врать нехорошо. Так что вопрос был решен единогласно, и меня оставили в покое.

Кажется, кто-то пытался прорваться в гости. Но я упорно держала оборону. Даже на сельхозработы не поеду. Подожду, пока высокий гость уедет обратно в столицу.

Церковь была тоже полна народу.

Я бы половину выгнала, а вторую половину просто не пустила, но кто меня спрашивать будет? Так что все пышно, торжественно, раззолочено... я, в простом черном платье, смотрюсь словно чернильная клякса на платье невесты.

Священник, читающий молитвы...

Лично архиепископ, который тоже зарабатывает себе очки. А что? И престижно, и почетно, и засветиться есть возможность...

Кучка дам, умиленно сюсюкающих рядом с моим чадушкой. Не заразили бы чем...

Все прошло как нельзя лучше, и мы, довольные и счастливые, вышли из храма. Ребенок немного поорал, когда его окунали в лохань, но это и понятно. Кому ж понравится? Голым задом в холодную воду... фу! Тут кто хочешь заорет.

Хорошо еще купель была чистая, я лично послала вчера Ваню договариваться и ее отмывать. Святость – святостью, а мыло и щетка лишними не будут. Я бы и марганцовочки на всякий случай насыпала, для пущей святости. Молитва с марганцовкой – оно надежнее будет.

После крестин я поехала домой, а все остальные – по своим важным делам.

Что в эти дни происходило в городе?

Ваня и Петя, посланные на разведку, рассказали мне последние новости. Действительно, весело всем. От криминального мира, которому досталось в принципе, за существование, до высшего света.

Трясло – всех.

Чего этим хотели добиться, я не знала. Но была уверена, что город наводнили агенты Романова. А уж если Игорь Никодимович чего пожелает...

Знать бы, что именно он пожелал.

Визит вежливости – как цирковое представление. Зрителям удовольствие, артистам – каторжный труд. Вот это можно было сказать про визит Дарьи и Ирэны Благовещенских.

Понятное дело, надо.

Пока императорский дядюшка в городе, надо проявлять ко мне внимание и понимание. И у меня нет выбора, если я сейчас скажу, что больна...

Отказать им нельзя. Никак. А общаться тоже не хочется, ни мне, ни им. Это же видно!

Пришли, защебетали о погоде, природе, моде – беспроегрышные темы, разговор на которые можно поддерживать бесконечно. Я и поддержала.

А глаза у визитерш – злые. В основном у матери, но и дочь не сильно от нее отстает. Спросить, что ли, где я им дорогу перешла? Или не я?

Может, моя мать?

По возрасту, скорее, она с Дарьей могла пересечься и оставить о себе «добрую» память. В дневнике княжны было написано, что отец любил ее мать, а та очень любила жизнь. Многозначительная фраза...

Попробовать выяснить?

– Скажите, Дарья Петровна, а вы мою мать не знали? Княгиня Лидия Горская? Я ее почти не помню, но может быть...

– Мы вращались в разных кругах, – отрезала мадам.

И не врет, это видно. Хотя...

Да, в то время, когда моя мать вращалась в высшем свете как княгиня Горская, Дарья Благовещенская еще не была женой генерал-губернатора. И статус пониже, и происхождение...

Могли не общаться.

– Жаль. Я так надеялась узнать о ней что-нибудь. Я плохо помню мать.

Дарья покачала головой.

– Нет, не знала. Полагаю, в Москве намного больше ее знакомых.

Я пожала плечами.

– Возможно. Жаль, я не знаю, когда попаду в Москву.

– Вы не собираетесь в столицу?

И взгляд острый, жесткий... будь я менее внимательна, я бы и не заметила его. Но – это важно для Дарьи? Почему? Какая ей разница?

– Нет, не собираюсь. Я не хочу туда ехать... мы с Сергеем Никодимовичем были счастливы там.

И платочек к уголку глаза. Комедия, причем дурная, но иного от меня не ждут.

Гости переглянулись.

Кажется, я нарушила какие-то их планы? У них были какие-то мысли на мой счет? Им надо, чтобы я была в Москве?

Спустя минут двадцать я распрощалась с гостями, но вопросы остались. Что стоит между нами? Где я им перешла дорогу?

Не понимаю. Ничего не понимаю, но и спиной поворачиваться не буду.

Высочайший гость задерживаться не стал. Я презентовала ему на память книгу сказок в роскошном подарочном издании (прислали из столицы) в малахитовой шкатулке. А что?

Что можно подарить человеку, у которого и так все есть?

Вот лично я не знаю, остается брать оригинальностью. Кажется, удалось угодить, во всяком случае простились со мной очень тепло. И мне казалось, что теплота эта не светская, не для галочки, а нормальная и живая. И...

Было у меня полное ощущение, что Петр Александрович что-то знает. И хотел бы мне рассказать, да нельзя.

И глаза у него поэтому грустные, и все он понимает, а – нельзя. Молчать надо.

Но что именно?

Куда меня хотят втиснуть или во что впутать?

Ох, вряд ли мне это понравится.

Когда дядюшка императора уехал, жизнь потекла своим чередом.

И в первый же день я отправилась в лощину. Коляска чуть покачивалась, лошади цокали копытами по дороге, я думала о своем...

Когда раздались выстрелы, я даже не сразу поняла, что происходит.

Пуля свистнула у уха, сбила с меня шляпку... сантиметром бы ниже... Меня хотят убить?

– Маша!!!

Ваня заорал так, что лошади взвились на дыбы. И я увидела, как с козел медленно, запрокидываясь назад, падает кучер. И на груди у него...

Кто сказал, что кровь – алая?

Она черная, черная...

Как-то все я охватила в одну минуту.

И летящие со всех сторон пули, и бегущих к нам людей, и казаков сопровождения, которых выбили первыми, посчитав более опасной добычей.

Я.

Ваня.

Нил...

Хорошо хоть, Андрюшку с собой не взяла, дома оставила.

Змееныш уже напрягся, готовясь зашипеть. Но я успела первой. Магия земли неповоротлива? Ребята, вы просто не умеете правильно с ней работать!

Пыль!

Самая обычная пыль... что это такое? Да частички почвы. И не надо для нее никакого ветра, ничего не надо, только...

Кажется я немного переборщила.

Гриб встал как от ядерного взрыва. И мы оказались как раз в центре воронки. Теперь нападающие не могли нас видеть. Но... обстреливать нас им это ни капельки не помешало бы. Просто пока никто не стрелял, видимо растерялись. Надолго ли?

И что теперь делать?

Ваня переполз вперед, хватая поводья.

– Сможешь развернуть?! – крикнула я.

Гнать вперед было нецелесообразно. Мало ли кто там ждет еще...

– Не знаю...

– Сдержать?

Я сползла на дно возка. Хоть ненадолго, но укроет. А надолго мне и не надо, только прислушаться.

Люди, вы же по земле ходите. И нападаете на мага земли?

Ага...

Двенадцать человек.

Восемь здесь, четверо еще впереди, на случай, если я прорвусь... ну, не обессудьте, вы сами это выбрали.

Я прищурилась.

Нил тихонько зашипел... все, сейчас он сорвется. Я видела, что малыш в ярости, что у него не только глаза засияли золотом, у него и волосы стали опять золотыми, и когти на пальчиках появились...

Главное, чтобы нас не накрыло. А окрестности... Живых тут, кроме моих убийц, все равно никого нет. А этих мне не жалко. Надо только, чтобы Ваню не задело...

Как я умудрилась это сделать – я не знаю. Но когда Нил зашипел...

Резонатор.

Всего лишь резонатор.

Звук усилился и пошел наружу. А внутри нашего кокона ничего страшного не произошло. Не пострадали ни мы, ни лошади.

А вот те, кто был снаружи...

Инфразвук.

Да еще усиленный в несколько десятков или сотен раз, я так и не поняла, во сколько именно.

Убийцы были достаточно близко, чтобы накрыло почти всех. Восемьмерых. До тех четырех я не дотянулась, но и они пока до меня не дотянутся. А потом мне и не надо...

Больше всего мне было обидно за местную фауну. Птиц, белок, мышей, даже насекомых. Инфразвук – он такой, он не разбирает, кого валить. А потому звери в радиусе около двадцати метров тоже сильно пострадали. Но больше и не надо было.

Убийцы медленно опускались на траву.

Все, их можно больше не бояться.

Я коснулась рукой Ваниного плеча, тряхнула.

– Маша?

– Я сейчас уберу облако. Разворачиваем коней – и обратно, в Березовский. Сможешь?

– Если уберешь – смогу. А нас не...

– Некому.

Про оставшихся четверых я умолчала. Пусть их полиция ловит. А мне на сегодня острых ощущений хватит. Вот с лихвой, еще и останется на будущее.

Я погладила головку малыша, которая опять темнела. И глазки у мальчика становились обычные, карие.

– Ты мое солнышко. Ты мое ручное сокровище. Или чудовище. А чудовище – от слова чудо?

Что сказал на это Нил?

– Вя...

Я порылась в сумочке и сунула ему бутылочку. Благо брала с собой. Малыш выцедил ее до капли и сыто засопел.

Ваня наконец справился с лошадьми и замялся.

– Маш... а люди?

– Никто не выжил, – просто ответила я.

И не врал. Наши погибли сразу, под обстрелом. Снесли конвой, сняли кучера. Вторым залпом накрыли бы и нас с Ваней. Первым пытались, промазал кто-то невезучий.

А врагов тоже можно не считать. Их теперь можно просто хоронить, там все внутренности, небось, в кашу.

– Ты уверена?

– Ваня! Гони!!!

Теперь дошло. И брат засвистел в два пальца.

– А ну, пошли!!!

Лошади оказались умнее и так рванули с места в карьер, что я пребольно треснулась локтем. Зашипела не хуже гадюки, но ругаться не стала. Претензия у меня была только одна – побыстрее бы!

И мечта.

Хочу бронированный автомобиль! Большой, надежный и уютный! А изобрести не могу. Здесь вообще пока автомобилей нет.

А бронекарету?

Можно?

Хочу, хочу, хочу...

Ваня бешено нахлестывал лошадей и вопил как резаный:

– Выноси, родимые!!! Не выдайте!!!

Не знаю, что действовало лучше – вопли или кнут, который так и свистел над конскими головами, но летела коляска что есть силы.

Я прижала к себе недовольно вопящего ребенка и попробовала успокоить.

– Тише, мой родной, мой золотой, тише...

Нил на уговоры пока не поддавался. Оно и понятно, какое тут тише, когда едва из коляски не вылетаешь? Тут надо громче и вдохновеннее. Не добавляли ему спокойствия и истерические нотки в моем голосе, но справиться с ними я пока просто не могла.

Я успокоюсь, конечно, но не сразу же?

Ох, как же хорошо, что Андрюшку с собой не взяла! Я бы и Нила дома оставляла, но змееныш такие концерты закатывать будет! Ребенку это вредно, доорется до грыжи, лечи его потом. А Андрюшке проще. Спать, есть, менять пеленки, опять спать...

Как бы я сейчас с двумя детьми?

Кто это был?

За что?

Вот не такое уж я важное существо, чтобы на меня засады устраивать, нет?

Тише, тише, маленький мой, все хорошо, все спокойно... тсс...

Нил сверкнул золотыми глазенками и заорал еще сердитее. Кажется, он всерьез злился.

Не нервничал, не переживал, а именно злился, голос был разозленным и негодующим. Ладно, успокойся, детка. Найдем мы этих гадов. И лично покусаем! Обещаю...

Постепенно мы успокаивались вместе с малышом.

Ничего, и не такое переживали в девяностые. Я вообще два раза танк видела! А заказчики? Вы знаете, какие они бывают? Да рядом с ними любые киллеры – просто котята пушистые!

Вдох, выдох...

Вот так, ровнее дышать, крепче держаться, прижимать к себе малыша... и клятвенно пообещать, что я решу эту задачу!

Не проблеме, нет...

Задачу.

Я не знаю пока – КТО.

Я узнаю. И этот кто-то жестоко поплатится за свою наглость. И за моих людей тоже...

Нил медленно затихал рядом со мной. Да за один волосок с его головы я по кустам кишки кому хочешь разматаю! Слово даю!

Богом клянусь, сволочи, вы поплатитесь!!!

В Березовский я въехала уже спокойная и крайне недовольная жизнью.

Паника?

Знаете, ни одна паника десять километров тряски не выдержит. Вылетит на повороте. Хорошо хоть, мы с Нилом удержались. Заодно и подумать успела.

Вот это уже серьезно. И плохо. Я и так-то спокойно никогда не жила, но против меня лично ничего направлено не было. Практически.

Или нет?

Маша Горская два раза смерти избежала. На помолвке – и на балу. Может, и третий получился, когда я удрала из столицы. Случай в поезде не считаем, да почти ничего не считаем. Аккурат до беглых заключенных.

Но там – может быть и так и этак. Могли на меня нацеливать, могли на кого-то другого... бывает. Бездоказательно – вот и не стоит включать случай в статистику. Разве что повинуюсь паранойе? Но ведь это не значит, что за мной никто не охотится?

Кто-то покушался на меня в столице.

И кто-то отравил Храмова... кто?

Интересно, это один «некто» или их несколько? Ох, нет. Что-то мне подсказывало, что не стоит углубляться в теорию мирового заговора. Один гад в траве ползает, максимум два.

Столичный – и местный.

Кстати, а что там, правда, с отравлением моего благоверного? Я так и не узнала у Александра... голова в его присутствии вообще отключается. Самое важное вылетает, одни розовые сопли и остаются. И слюни, тоже розовые.

Но в любовницы все равно не пойду! Даже если предложит... вот! Я ж говорю – дура! Надо о деле, а я о чем думаю?

Итак, вполне возможно, что есть две разных лужи. Очень грязные, вонючие и пакостные. И в каждой меня мечтают утопить.

Первая – та, в которую вляпалась еще княжна Мария, во времена влюбленности в красавчика Милонегу. Зато вторая – лично моя. Демидов? Которого я сильно пробросила со свадьбой? Я подозреваю, что Демидов мне много чего не спустит. Но убивать?

Ему бы сначала размножиться, а потом уже меня убивать. И жениться не обязательно, важно получить потомство, а уж как он там его получит... да плевать ему на это будет! Усыновит, или подставную мать найдет – такие вещи в любом мире легко решить. Так что убивать меня смысла нет, скорее, похитить.

Отравить Храмова? Вот это вполне в духе Демидова. Пока мне еще одного ребенка сделать не успели или еще что поинтереснее придумать... и время ему как раз подходит. Если бы Храмов умер, не успев официально дать имя ребенку, мне было бы намного сложнее.

Не сложилось.

Я под опекой церкви, я под опекой его величества... не успел Демидов. Никак не успел.

Попытается ли он еще раз? Да кто б сомневался, что попытается. И не раз. Может, проще его один раз убить, чем каждый раз отбиваться? Надо эту мысль потом еще обдумать.

Но сегодня хотели убить – меня. И если бы не отвлеклись сначала на мое сопровождение...

О сопровождении распорядился еще Храмов, пока был генерал-губернатором. Потом его просто не

отменили, вот и ездили ребята. Но относились достаточно наплевательски, понятное дело. Кому я могу быть нужна? Так казаки и рассуждали, превратив мой конвой в синекуру. За это и поплатились.

Захотелось откровенно взвыть.

Вот никогда ничего подобного не испытывала, но... Жалко вдруг стало всех. До слез, до соплей, не знаю до чего... просто – жалко. Вот за что страдают посторонние люди? Потому что какая-то сволочь решила, что я угрожаю ее сволочным планам? Просто так?

За что!?

Храмов, казаки, даже те бедолаги, который перерезал Сивый, даже те, кто погибли от моей магии, – за что?! Ведь могло бы не быть столько жертв, могло...

Даже княжна Мария Горская. Та, настоящая, за что она погибла? За чьи интриги?!

«Я тебя вытащу на свет божий, – яростно поклялась я, то ли себе, то ли тени погибшей девушки. – Я тебя не просто вытащу, я лично тебя раздавлю! Найду гадину и оторву голову! А потом еще и спляшу на могиле! Ты мне за все ответишь! За все...»

Мысли были не слишком внятными, но позволяли держаться. Я еще здесь. Мыслю, я существую, я как-то влияю на происходящее. Я точно не в обмороке, хоть и хочется.

Я справлюсь. Я обязана.

Подозреваю, мы на долгое время станем достопримечательностями Березовского.

Когда Ваня гнал лошадей по улицам так, что прохожие едва отскакивать успевали. А я с ребенком сидела, скорчившись, на дне возка. И сам вид... И то, как Ваня остановил коляску возле канцелярии генерал-губернатора – лихо, так, что лошади на задние ноги осели.

Народ выбегал из здания и смотрел, а я сидела и двинуться с места не могла.

– Машенька?

Брат заметался, не зная, что делать, то ли кидаться к людям и орать, чтобы помогли, то ли ко мне.

– Все в порядке, – шепнула я. – Все в порядке.

– Я сейчас... подожди минуту!

Кажется, мне не поверили.

Я погладила макушку Нила.

– Малыш, мы его найдем?

И показалось мне, или в карих глазах малыша сверкнули золотые искры. Яркие, огненные...

Найдем. Определенно!

Александр Викторович себя ждать не заставил. Оно и понятно, Ваню знали. И когда он появился, растрепанный, в крови – кто ж знает, что там просто деревяшки царапнули, – да еще, как я потом узнала, начал кричать про покушение, прямо с порога... Конечно, взбаламутил он всех, кого мог.

А я сидела в коляске, так же прижимая к себе ребенка. И вообще... Ноги у меня точно были. Но какие-то ненадежные и неустойчивые, так что я лучше тут посижу.

– Мария? Как вы себя чувствуете?

Я идиотски хихикнула.

– Всегда бесил вопрос – как вы? Неужели кто-то будет себя хорошо чувствовать после покушения?

Александр Викторович пригляделся ко мне и кивнул.

– Понятно.

А потом просто распахнул дверцу коляски и буквально выволок меня. Вместе с ребенком, вцепившимся в меня не хуже детеныша макаки.

Я оказалась у него на руках. И было так легко и просто положить голову мужчине на плечо. Так

спокойно. Так... правильно?

Маруся! Опомнись!!!

Меня без особого напряжения пронесли по коридорам канцелярии, открыли ногой дверь в кабинет и вошли внутрь. А там и сгрузили в огромное кресло. Я вздохнула...

Кабинет Храмова.

Когда-то я пришла сюда в первый раз... здесь ничего и не изменилось. Только зелени добавилось и безделушки на столе другие. Из общей картины резко выбивалась рамка для фотографий – из хрусталя, золота и жемчуга. Красивая вещица, но здесь, в царстве дерева и бронзы, совершенно неуместная. На ней жена и дочь Благовещенского. Обе улыбаются, но выглядят еще более неестественно. И радости на лицах никакой, все натянуто. О чем я только думаю?

А о чем должна?

О том, как пули свистели у меня над головой?

А сапоги у меня над головой не свистели?

Почему-то вспомнилась госпожа Белладонна. И мультфильм про поросенка Фунтика. И я закатилась идиотским смехом, отчетливо понимая, что это истерика. Но не имея сил ее как-то прекратить.

Вообще никаких сил.

Кажется, Ваня забрал у меня ребенка. Кажется, Благовещенский что-то пытался сказать...

Я была в том состоянии, когда все чувства отключаются. Дурацкий смех рвался наружу, потом меня начало трясти, я задрожала, застучали зубы...

Пощечина оказалась благом. По крайней мере я перестала хохотать как кукабарра. Съежилась в кресле, подтянула ноги к груди, наплевав на все правила приличия, обхватила колени руками... я бы сейчас и под кровать забилась.

– Простите.

Я покачала головой. Мне было не до извинений, накатывал следующий приступ истерики, и я боялась с ним не справиться.

– Мария, возьмите!

Мне в руки впихнули стакан с чем-то непонятным. Я машинально сделала глоток.

Черт!

– Коньяк?

– Да.

– Мне нельзя! Я ребенка кормлю!

Глаза у Благовещенского были очень удивленными.

– Вы – сами?

Ах да! Здесь это не принято. Но я даже не покраснела, только рукой махнула.

– Я сама... это важно?

– Н-нет. Что с вами случилось?

Я медленно, контролируя каждое движение, поставила стакан на стол. Еще не хватало его разбить. Или руки дрожать так начнут, что я все залью коньяком. Или...

Так, хватит истерик! Подумаешь, убить пытались! Да ты скоро памятные даты отмечать вместо церковных праздников сможешь. Сколько там тех христианских? Полкалендаря? Вот и у тебя не меньше будет! В этот день меня чуть на балу не угробили. А в тот – на железной дороге...

Интересно, я сегодня перестану хихикать как идиотка? Благовещенский как-то странно покосился на меня, но я уже взяла себя в руки. Еще одной истерики не будет, хватит. Вдохнула, выдохнула несколько раз, тряхнула головой...

– Все. Я в порядке. Александр Викторович, Ваня не рассказал, что произошло?

– Нет, Мария Ивановна.

Я прикрыла глаза и принялась рассказывать. Как мы выехали из города. Как нас обстреляли. Где это примерно произошло и как мы отбились.

Реакция у Благовещенского была странной.

– Вы – маг?

– Маг земли. Это важно?

– Д-да... у вас же двое детей!

– Один мой, один усыновленный, – въедливо уточнила я. – А что?

– Но женщины-маги же...

– Бесплодны? Нет. Выкидыш будет, если ребенок не обладает магическими способностями.

Благовещенский помотал головой, но, видно, решил, что теоретические вопросы прояснит потом, и принялся отдавать приказания.

Вскоре управа превратилась в сумасшедший дом, кто-то бежал, кто-то распоряжался, на улице зашумели люди, затопали конские копыта, а я все так же сидела в кресле, не имея сил даже чтобы встать.

Нил сполз с моих рук и отправился исследовать кабинет.

Благовещенский вернулся и пристально посмотрел на меня.

– Мария Ивановна, я вас отвезу домой.

– Пожалуйста.

Я была не в силах даже встать. Откат пошел, наверное. Или сил много потратила?

Может быть, и то, и другое...

Я не протестовала, когда меня так же, на руках, донесли до коляски, а потом и от коляски до дома. И сдали встревоженным слугам.

Меня уложили в постель и послали за врачом. Кажется, кто-то меня осматривал. Кажется, мне приносили Андрюшу на кормежку.

Я все это воспринимала как лунатик. Что-то делала, говорила, двигалась, но не осознавала. Мозг отключился начисто, и, кажется, еще в коляске. Потому что был один момент, который мне точно почудился.

Когда Благовещенский проводит ладонью по моим волосам.

Так нежно, так... интимно.

И тихий шепот: «Бедная девочка...»

Такого ведь не может быть, правда? Это просто сон, я всего лишь приняла желаемое за действительное. И Ваня должен был быть рядом, он же позаботился о Ниле? А он ничего не видел, иначе сказал бы...

Бред.

Просто – бред.

– ДОЧКА!!!

Вот уж кого черт принес!

Маман, легка на помине! Вечером ее ко мне не пропустили, а вот с утра... и не лень ей такой концерт устраивать? Особенно за завтраком?

Нет, не лень.

Стоит, улыбается беспощадно беззубым ртом, седые кудельки уложены в прическу, розовая блузка не особенно гармонирует с зеленой юбкой, зато цвета какие! Издали видно! А сколько стекляруса! И шляпа размером с колесо от телеги. И перчатки на толстых пальцах... брр!

Ладно, я просто пристрастна. Так бывает.

Пришлось пригласить матушку за стол. Поставить еще один прибор, и дама набросилась на нехитрую еду.

– Машенька, вы так плохо кушаете!

Я пожалала плечами. Завтрак был в английском стиле. Каша, вареные яйца, сыр, колбаса, масло, хлеб. Чай с вареньем.

Нам до обеда хватало, но маман привыкла не к такому, это ясно.

– Что еще нужно?

– Что-нибудь сладенькое. К примеру, пироги.

– Пирогов не будет, – отрезала я. – Что случилось?

– Я так волновалась, ТАК ВОЛНОВАЛАСЬ!!!

Мне минут пятнадцать рассказывали о своих волнениях, прерывая повествование громким чавканьем. И подвели итог:

– Наверное, мне стоит к вам переехать.

Ваня чуть со стула не упал. Я нашлась первой.

– Матушка, а как ваша личная жизнь?

– Так с мужем и переедем...

– С мужем?! – Петя взвыл так, что Нил зашипел во сне. – Ты вышла замуж? Мам?

– Выхожу. Мне Демьян Петрович предложение сделал.

– Будете жить у мужа – или у вас?

Маман захлопала глазами.

– Машенька, ты ведь осталась одна. Тебе нужна компаньонка, и кто может быть лучше меня? Родной-то матери!

О том, что я все-таки княжна Горская, маман запомнила начисто.

– Баронесса Ахтырская, разумеется, – ответила я.

Маман скривилась, но крыть было нечем. Все же...

– Чужой, посторонний человек!

– Этот разговор в любом случае преждевременен, – отмахнулась я. – Мой траур будет длиться еще около года, а то и больше. Все это время я не выезжаю и никого не принимаю – за исключением официальных случаев. Вот как с крестинами. Так что компаньонка мне не нужна. А потом посмотрим.

– На крестины ты меня не позвала, – надулась маман.

– Извини, – отозвалась я.

Не позвала. И приняла меры, чтобы маман не явилась. Вот уж кого я не хотела демонстрировать миру! Поймите меня правильно, она живет в своем доме, делает что захочет, я даю ей деньги, фактически она сидит на моей шее. Я взяла на себя все заботы о ее детях. Я решаю любые проблемы.

Но все перечисленное не означает любви. Или даже желания пообщаться. Я обещала Маше Синютиной не оставлять ее родных, я выполнила свое обещание. Даже если мне хочется матушку головой в унитаз помакать.

И уж конечно, я не стану жить с ней под одной крышей.

Это я и постаралась вежливо донести до маман. Та удалилась, весьма обиженная, а я кивнула Ване.

– Возьми у меня из шкатулки с деньгами четвертную и бегом к Елпифидору Семеновичу.

– Маш, зачем?

– Узнать все о будущем отчине. Кто, что, как, где – ты понял?

– Да. Думаешь, надо?

Думаешь?

Да я была в этом уверена!

Баронесса примчалась ко мне на следующий же день. Визиты обычно наносят с одиннадцати утра, вот в одиннадцать она и примчалась. Посочувствовала, расспросила меня о происшедшем и рассказала последние новости.

Как оказалось – Благовещенский не стал хлопать ушами. Он отправил людей на дорогу, по которой я ехала.

Все было на месте, именно такое, как я описала.

Мертвые казаки.

Мертвые убийцы, правда, числом шесть.

Мертвые птицы. Животные. Вот с насекомыми вышло как-то иначе, видимо просто внимания не обратили.

Да и черт с ними, с мухами и блохами! Я понимаю, что это важная часть экосистемы, но – не получается у меня сочувствовать тараканам. А вот почему шесть человек, если было восемь?

Ответ я знала.

Те четверо, которые остались впереди, поняли, что произошло. И когда мы уехали, они увезли своих поделщиков. Не всех.

Почему двоих? Да потому, что через них могли на кого-то выйти.

Черт!

Вот что мне стоило хоть посмотреть на убийц? Хоть внешность знала бы! Но и в голову не пришло! Хотя меня никто и не обвинял. Все, наоборот, поражались моему мужеству и выдержке. И сочувствовали.

А я сидела дома и составляла списки.

Я не Холмс! Но как-то же можно выцепить эту гадину? Наверняка!

Андрей Васильевич мне рассказывал кое-что, Храмов тоже, что-то можно вытащить и из газет... в конце концов, я ребенок двадцать первого века! А если нас чему и учит этот безумный век, так одному.

Работать с информацией.

Ее потоки льются ежедневно, ежечасно, они просто уничтожат неподготовленного человека. А мы с ними справляемся. И ведь не жалуемся! Как-то извлекаем нужное, структурируем... почему не попробовать и тут?

Я ожесточенно листала «Альманах», когда прибыл отец Александр.

– Проси, – распорядилась я служанке и принялась приводить себя в порядок. Поправила воротник на платье, убрала выбившуюся прядь волос. Еще раз бросила взгляд в зеркало.

Темно-синее платье. Ни вырезов, ни разрезов, все закрыто. Такого густого оттенка, что кажется черным при правильном освещении. Белое кружево воротничка и манжет. Простое, без лишних изысков. Волосы уложены в обычный узел. Из украшений – маленькие сережки и цепочка с крестиком. И та под платьем, так, сама цепочка виднеется, а крестик уже нет.

Скромно, достойно, аккуратно.

Отец Александр оглядел меня с явным одобрением. Особенно когда я склонила голову и подошла

под благословение.

– Мир вашему дому, дитя мое. Как вы себя чувствуете?

– Не слишком хорошо, – честно призналась я. – После вчерашнего.

– А дети?

– Со мной был только старшенький, – я бросила взгляд в угол.

Нил играл на ковре. Андрюшка спал в своей люльке. Расстаться с детьми я сегодня просто не могла. Они как-то успокаивали.

– Слава Богу, вам удалось спастись.

Я перекрестилась.

– Батюшка, а что стало известно про моего супруга? Вы же помните... с отравлением?

Отец Александр нахмурился.

– Вам не доложили?

Я развела руками.

Честно говоря... да не докладывал мне никто! Стопроцентно, доложили генерал-губернатору. А я-то кто? Всего лишь вдова Храмова. Да, у меня есть деньги, но статус – «вдова», это не «жена генерал-губернатора». Кто и что мне расскажет?

И как?

У меня же траур, я никого не принимаю. Допросами нарушить мой покой полиция, видимо, побоялась: хоть и вдова, а дочь князя, не хвост собачий! Вот и получился информационный вакуум. Я была не в претензии, но знать хотелось бы.

– Нашли человека. Это некто Лидия Иволгина.

Мне это имя о чем-то говорит? Ни о чем.

– Кто это?

Отец Александр вздохнул и развел руками. И, кажется, даже чуть-чуть покраснел.

– Ваш муж дружил с ней. Достаточно долго.

Я медленно кивнула. Ну, оно и понятно. Кого-то ж надо того-с. И лучше содержать одну любовницу, чем посещать публичные дома. Оно и дешевле, и для здоровья полезнее будет.

– Потом Сергей Никодимович заболел. Но в завещании упомянул даму и щедро отблагодарил.

– Он был благородным человеком, – медленно произнесла я.

Отец Александр посмотрел на меня, кивнул, мол, мы друг друга поняли, и заговорил чуть более свободно.

– Уже после вашей свадьбы они встречались. Беседовали, только беседовали, поверьте мне...

Я махнула рукой. Да и спали бы, что это для меня поменяет?

– Батюшка, Сергей Никодимович был мудрым и добрым человеком. Он не бросил бы старых друзей.

Отец Александр окончательно расслабился.

– Когда вы родили, она испугалась, что завещание будет переписано. Ну и...

– Отравила моего мужа?

– Он был у нее накануне. Поделится известием.

– И ему подлили яд?

– Да, Мария Ивановна.

Я прикусила губу.

Вот... как хотите! Чем часто травились, насколько я помню? Свинцовыми белилами, серными спичками, мышьяком, крысомором... тем, что было рядом, близко, под рукой и несложно достать. А аконит?

Или что там из растительных ядов? Он применяется в косметологии?

Вот не думаю...

Так откуда он взялся? У меня, к примеру, бутылочка с ядом в секретере не стоит, мало ли кто на огонек заглянет? А я тут и всегда готова!

Как-то странно это.

Что я и сказала священнику. Но – увы. Отец Александр так не думал. Мало ли? Она могла и давно задумать злодейство, вот яд и прикупила. Вечно мы, женщины, все усложняем!

– И что стало с госпожой Иволгиной?

– Казнили, конечно, – искренне удивился поп.

Я едва не чертыхнулась вслух. Последнюю ниточку оборвали, гады! Вот как так можно?

– А ее на сфере истины проверяли?

На меня посмотрели крайне удивленно.

– Это достаточно дорого. Зачем такие сложности, Мария Ивановна?

– А если ее кто-то научил? Или науськал?

– Поверьте, на подлости люди чаще всего и своей волей идут. Охотно идут. И на преступления тоже.

Я и не сомневалась. Но вдруг?

Отец Александр расспросил о здоровье детей и перешел, наконец, к цели своего визита.

– Мария Ивановна, там, на дороге, вы опять применяли магию.

– Да, – потупилась я.

– И не совсем то заклинание, о котором говорили?

Я кивнула.

– Другое, все верно.

– Могу ли я узнать, где вы его прочитали?

– У отца. Записала по памяти, – кивнула я. – Если подождете, сейчас прикажу принести бумаги.

Заклинаниями придется делиться, это плата за то, что меня оставят в покое. Я позвонила в колокольчик, вызывая служанку, и приказала принести мне тетрадку из стола. Бегло пролистала, убедилась, что это именно то, – и отдала священнику.

– Вы позволите?

– Конечно...

В тетрадке были несколько заклинаний, расчеты, заметки. Не уверена, что священникам будет легко разобраться, но пусть стараются.

– Это все, что я помню из той книги. Записывала по памяти, как могла.

– Мария Ивановна, благодарю!

Получив просимое без малейшего сопротивления, священник расплылся в улыбке и стал похож на дружелюбную гиену.

– Мария Ивановна, может быть, вам переехать в монастырь?

Я удивленно подняла брови.

– Зачем?

– Это уже не первое покушение на вашу жизнь. Стоит ли рисковать? Следующее может и увенчаться успехом.

Я покачала головой.

– Я не буду в безопасности и за стенами монастыря.

– Будете. Это я могу гарантировать.

– И что это будет за жизнь? Шаг за стены сделать нельзя. Тюрьма – только более комфортная и уютная.

– Вас ни в чем не будут ограничивать. Обещаю.

Ага, как же. А я по сценарию во все верю! Как вы это представляете? Да в монастыре на каждый чих надо благословения просить. Останешься там – и не заметишь, как подстроишься, прогнаться станешь... нет!

Не хочу!

Лучше пусть сразу убивают. Это хоть быстро будет. А заживо себя хоронить, закрываться от мира – я не готова. Да и раскроют меня достаточно быстро. Это здесь я в своем доме, а там все будет на виду, все под руками... нет! Я не согласна!

От монастыря я отбилась. Но...

– Мария Ивановна, у меня есть другое предложение. Вам нужна охрана.

Я задумалась.

Охрана мне действительно была нужна. Своя, собственная. Достаточно серьезная, чтобы меня не достали убийцы. Только вот где ее взять?

– Нужна.

– Мы можем предоставить вам охрану.

Мне захотелось сразу отказаться. Не раздумывая. Вот еще шпионов мне за спиной не хватало! Но... а что делать-то?

Как быть с охраной?

Как хотите, а еще один такой случай... а если б эти сволочи в Нила попали? Это тоже возможно... Ребенком рисковать я не хочу. И Ваней. И Андрюшкой.

Да что угодно может случиться. Но... связываться с церковью больше необходимого? Тоже страшновато.

– Это весьма неожиданное предложение.

– Мария Ивановна, вы неглупы и прекрасно понимаете всю его выгоду, – улыбнулся церковник.

– Понимаю, – рассеяно ответила я. – И я вам благодарна.

– Я пришлю завтра людей?

– С вашего позволения, я немного подумаю над этим вопросом. И дам вам ответ, – аккуратно обошла я острый угол.

Священник нахмурился. Но что тут скажешь?

– Мария Ивановна, прошу вас не рисковать своей жизнью.

– Не буду. Но и вы поймите меня правильно, это очень ответственное решение.

Мы еще немного покрутили словесные кружева, но расстались «при своих». Я не согласилась ни на что, но пообещала подумать.

Ох, не хотелось мне связываться с церковниками. Еще с того мира не хотелось. Знаю я такие предложения, пальчик дашь – смотришь, а челюсти уже подметки дожевали. Сделаешь первый шаг, и тебя пригребут в общую копилку. Насмотрелась я на разные секты.

И не надо мне говорить, что то – секты. Разница в масштабе, а не в принципе.

И я начала раздумывать, где бы взять свою охрану, когда мне доложили о визите генерал-губернатора.

Конечно, я распорядилась его пустить.

Александр Викторович вошел, поцеловал мне ручку и протянул букет цветов. Я невольно ахнула.

В этом мире мне их еще не дарили. Ни разу. Те, что присылал цесаревич, я не считаю, это другое. Это не выбрать самому, а просто заказать доставку. Души-то он в эти подарки не вкладывал!

А тут белые розы, не здоровущие, вроде шпаг, а кустовые, аккуратные, а с ними какие-то мелкие цветочки, зелень...

А запах! Такого у голландских сортов отродясь не бывало! Запах роз в мгновение ока заполнил всю комнату.

– Благодарю вас!

Вежливые слова, красивые фразы...

Минут пять мы беседовали ни о чем. Я предложила гостю присесть и что-нибудь выпить, он согласился на чай и сообщил, что погода сегодня чудесная...

Потом Нил посмотрел на гостя – и решил атаковать. Полоз уверенно пополз и попробовал залезть на колени к гостю. Благовещенский рассмеялся и подхватил его на руки.

– Красавец. Богатырь!

Я невольно улыбнулась. Какой матери не приятно слышать похвалу своему ребенку?

– Он у меня еще и умница.

– Да! – заявил Нил, который начинал осваивать разговорную речь.

Я улыбнулась и потрепала малыша по растрепанным волосам. Если бы не он... Но об этом я промолчу. Даже на исповеди.

Слуги принесли чай, сервировали стол и ушли. И только потом Александр Викторович перешел к делу.

– Мария Ивановна, это ведь не первое покушение на вас?

– Нет. Было еще в столице.

– А здесь?

– Вы про Сивого? Вряд ли это имело отношение ко мне.

– Мне говорили иначе.

Я точно не говорила, поэтому и продолжала молчать. И смотреть.

Какой же он красивый... и рядом с ним спокойно. Есть мужчины, от которых просто идет это ощущение надежности. Как от каменной скалы.

Жаль, в той жизни мне такие не попадались. А кто встречался, те были давно и прочно заняты. Вот и Благовещенский тоже не свободен.

– Мария Ивановна, вы не можете ездить где хотите без охраны.

Я опустила глаза.

– Не могу, ваше высокопревосходительство. Но и где нанять охрану – не знаю.

– Я мог бы распорядиться о казачьем конвое.

Я покачала головой.

– Это не добавит мне симпатий среди казаков. Уже второй раз из-за меня страдают их люди.

– Сами виноваты. Расслабились.

– Кто ж знал, – пробормотала я. – Ничего не известно? Кто, что...

- Нет. Пока - нет.

Я вздохнула.

- Придется ограничить свои передвижения.

- Это не поможет. Кто захочет, легко вас выманит, - отмахнулся Благовещенский. И нельзя было не признать его правоту.

- Что вы предлагаете, Александр Викторович?

Генерал-губернатор побарабанил пальцами по столу. А руки у него красивые.

Память нахально подкинула еще одно воспоминание - о его руках на моем теле, и я покраснела. Ушами так точно, хорошо хоть их под волосами не видно.

- Я поговорю со знакомыми.

- Хм?

- Рано или поздно, Мария Ивановна, пострадает кто-то из ваших близких. Наемные убийцы никогда не переведутся, вы это понимаете.

Я понимала.

- Им нужна удача всего один раз, а мне - каждый раз. В том-то и беда.

- Хорошо сформулировано. И я не уверен, что вам хватит удачи.

Конечно не хватит. Согласно теории вероятности, одно покушение будет удачным. Так или иначе, рано или поздно... Кто окажется жертвой? Я, Ваня, Петя, Нил? Аришка уже где-то в неизвестности...

Про сестру я тоже спросила. Но Благовещенский покачал головой.

- Мне никто ничего не докладывал.

Спрашивала я не просто так. Храмов искал по официальным каналам, то есть потом все дела по наследству достались Благовещенскому. Но если ничего...

- Что за знакомые, ваше высокопревосходительство?

- Свободные охотники, Мария Ивановна.

Я подумала пару минут.

- Такие же наемные убийцы, ваше высокопревосходительство?

Благовещенский посмотрел на меня чуть более серьезно.

- Да... примерно.

Я потребовала разъяснений и получила их.

Есть люди, которые физически не могут жить в рамках закона. Тесно им там.

Неуютно.

По живости характера они постоянно куда-то да влезают. Авантюристы, люди без дома, семьи и родины, люди, жизнь которых напрямую зависит от оружия и умения им владеть.

Наемники.

То, что в Америке носило некогда название «ганфайтер».

Их-то мне и предлагалось нанять. Да, дороже. Но это обеспечит мне хоть какую-то безопасность.

Думала я недолго.

- Ваше высокопревосходительство, я доверюсь вашим рекомендациям. Но хотелось бы предварительно побеседовать с этими людьми.

- Я напишу своим знакомым. А вам придется некоторое время посидеть дома.

Дома – так дома. Я пока повожусь с рассадой. А отправлять ее в лошину можно и без меня. Хотя тянет, ох тянет... Самой бы повозиться, покопаться...

– Сколько примерно?

– Пару недель, Мария Ивановна.

Что ж. Это еще по-божески.

И если выбирать между церковью и Благовещенским, лучше уж второй. Если так посудить – за ним стоит государство. А церковь в этой ветке реальности находится с ним в тесной смычке. И даже играет достаточно подчиненную роль.

Работать – так на императора. Но оставалась еще пара вопросов.

– Может, мне проще уехать в Москву?

– Там вы будете в такой же опасности, как и здесь, Мария Ивановна.

– Буду, – согласилась я. – Но вы за это уже не будете в ответе.

Кажется, я попала в цель.

Благовещенский выпрямился в кресле и сверкнул глазами не хуже, чем лазерными лучами.

– Вы хотите меня оскорбить, Мария Ивановна?

– Нет, Александр Викторович. – Я не отвела взгляда. – Понять ваши мотивы.

Словно две шпаги зазвенели, скрестившись. Благовещенский сдаваться не собирался, я тоже... победителем вышел Нил, которому надоело молчание, и он, не особо раздумывая, потянулся к пирогу. И едва не перевернул чайник.

Пришлось ловить.

Мне – чайник, Александру Викторовичу – малыша. Справились мы успешно, но противостояние на том и закончилось. Благовещенский улыбнулся, показывая, что я хоть и неправа, но – ладно уж. Объяснит.

– Мария Ивановна, я многим обязан Сергею Никодимовичу. И он просил позаботиться о вас.

– У вас есть и своя семья.

– Безусловно. Но моей семье это не навредит. А вам нужна охрана.

Что ж.

Долг Храмову – причина не хуже и не лучше других. С наемниками я поговорю, посмотрю, кто и чем дышит. Две недели просидеть дома?

Да и пусть!

Посижу. Переживу.

А если кто-то сюда полезет... мой дом – моя крепость. Я все же маг земли. И уж несколько маленьких, но приятных ловушек оборудовала.

Волчьи ямы – замечательная вещь. А какой там в них волк попадет, четвероногий или двуногий, – разница невелика. Для ямы так точно.

К сожалению, на этом мои успехи и кончились. Я попробовала обсудить версию с врагами Храмова, но генерал-губернатор не воспринял ее всерьез.

Для него все было ясно. Любовница отравила, чтобы денег получить. Тем паче, у нее был еще один любовник, молодой парень, которому как раз нужны были деньги. Проигрался он, и сильно.

Вот...

Почему мне не сказали? А такое стараются женам не говорить. Здесь – точно. Стала я спрашивать – рассказали, а так и промолчали бы. Лишняя это для меня информация, по мнению мужчин.

Пожалели меня. Просто – пожалели.

Так что мой вариант событий даже рассматривать не стали. Все было просто и ясно.

Генерал-губернатор откланялся и ушел, а я осталась наедине с «Альманахом», кучей выписок, которые пробовала систематизировать, рисуя таблицы и диаграммы, и рассадой. Что получится с аналитикой, я не знала. Но огурцы обещали вырасти просто шикарными. И лук, и капуста, и свекла. А про репу я вообще молчу. Она поддавалась селекции так, словно только меня и ждала все эти века.

Работы хватало, и я забыла обо всем, что происходит за стенами дома.

А вот окружающий мир обо мне, к сожалению, не забыл.

Не прошло и недели, как состоялся повторный визит генерал-губернатора.

Пропала его дочь. Ирэна Александровна Благовещенская.

Казалось бы, какое я имею отношение к пропаже генерал-губернаторской дочки?

Как оказалось – самое прямое. Генерал-губернатору прислали письмо с требованием о выкупе. А доставить его должен был... то есть – должна.

Да, вы правильно догадались, именно я.

Вот, всю жизнь мечтала, повизгивая от нетерпения. А дело было так.

Я как раз возилась с горохом, когда мне доложили о визите генерал-губернатора. Пришлось откладывать опыты и идти, встречать гостя. Ваня пообещал все записать в журнал, я вымыла руки, сняла лабораторный халат (здесь их не было, но я решила сделать для себя, чтобы не пачкать платья) и отправилась в маленькую гостиную.

Генерал-губернатор выглядел растерянным. Таким я его не видела никогда. Хотя что я там видела?

– Мария Ивановна, мое почтение.

– Александр Викторович, рада вас видеть. Что привело вас ко мне в гости?

Я выразительно покосилась за окно.

Все верно, было восемь утра. Приличные люди в такое время по гостям не ходят, визиты начинаются в одиннадцать, это крайний случай. А так – после обеда.

Это я привыкла рано вставать, да и двое детей поспать не дадут. У кого в семье есть дети до трех лет, те меня поймут. Выспаться не удастся, что ты там ни делай.

Так что я отсыпалась днем, прихватывая часик после обеда. А если встала рано – не пропадать же времени даром? Не в кровати разлеживаться, а сделать что-то полезное. К примеру, поработать.

– У меня очень серьезное дело. – Генерал-губернатор выглядел так, что я забеспокоилась и решила немного сбить серьезность момента.

– Вы завтракали?

– Нет...

– Тогда приглашаю вас позавтракать со мной, и заодно все обсудим.

– Мария Ивановна...

– Нет-нет, ничего не хочу слушать, – отрезала я. Позвонила в колокольчик и приказала накрывать на стол.

Мало ли, что я встаю в пять-шесть утра! Впихнуть в себя какую-то пищу в это время я просто не смогу. Так что кухарка отлично знала – готовить надо к восьми-деяти. Как раз рабочий режим большинства женщин двадцать первого века. Встать с утра, собраться, доскакать до службы, а там расслабиться, выпить чашку кофе и съесть прихваченный из дома бутерброд. Надеюсь, никто не думает, что с утра на работе – работают? Мне всегда было легче до ночи посидеть, чем с утра собрать себя в кучку.

Вот и сейчас нам подали типичный английский завтрак.

Как ни относишься к англичанам, но овсянка – полезная штука. Овсянка, блюда из яиц, ветчина, сыр, хлеб, варенье...

Обычно компанию мне составляли Ваня и Петя, но сегодня они сочли за лучшее не лезть в компанию. Сначала Благовещенский молчал, но потом оттаял, поглощая завтрак, и принялся рассказывать.

У него есть дочь. Ирэна.

Кровиночка, родная и любимая. И – уже заневестившаяся. Пора замуж выдавать.

Есть предварительный сговор, у Ирэны есть жених в Москве, но...

Жених – в Москве. Дочка – в Березовском. История проста, как коровье мычание, и так же незатейлива. Конечно, нашелся третий.

Супруга генерал-губернатора обратила на это внимание еще с месяц назад, когда Ирэна стала вести себя немного странно. То цветы, то записочки, то конфеты... она поговорила с дочерью, и та призналась. Ирэне понравился один из местных дворян, некто Родион Степанович Морский, она ему тоже, но ни во что серьезное роман не выльется.

Девушка она разумная, понимает, что в Москве у нее перспективы есть, а в Березовском их нет. Да и Морский не из богатых дворян, не сможет обеспечить ей тот уровень жизни, к которому она привыкла. А конфеты, цветы и прочее... Когда еще и получать удовольствие от флирта, как не в молодости?

Отцу и мужу ничего не сказали, боялись, что он все неправильно поймет.

И вот вчера Ирэна пропала.

Отправилась в лавку за перчатками и не вернулась домой. Служанка, которая была с ней, ничего не знала. Ирэна отослала ее с мелким поручением, купить тесьмы в лавке напротив. А сама забрала перчатки и вышла.

Приказчик и внимания почти не обратил. Видел, что она садится в карету, но вот в какую? Да какое ему дело до благородных господ?

Что происходило дальше? Приказчик и не задумывался! Он бы и забыл сто раз про этот эпизод, что ж тут удивительного, но через пять минут вернулась служанка, потерявшая госпожу, а еще через два часа приказчика забрали в тюрьму. И сидеть ему там, пока ситуация не разрешится.

Я покивала.

А ситуация-то тухленькая.

Первое – Ирэна пошла с похитителем сама, по доброй воле.

Второе – здесь вам не там. Это в двадцать первом веке можно роту солдат до брака перелюбить, и все равно на репутацию это никак не повлияет. Здесь шаг влево – шаг вправо уже проблема. Я когда бежала, об этом не задумывалась, да и лучше уж быть живой без репутации, чем честной девушкой лежать в гробу. Но если б не Храмов, мне были бы закрыты многие дороги. Брак мне резко поднял статус.

У Ирэны выбор будет не из хороших. Либо замуж, либо в монастырь, либо в старые девы. Побег замять не удастся...

– Да. Слишком многие в курсе.

Я вслух что-то сказала? Да, похоже, последние слова я произнесла уже вслух, и Благовещенский был со мной согласен.

Но если Ирэна сбежала сама, то при чем тут я?

А вот при том.

Бегство было вчера, а сегодня с утра в канцелярию пришло письмо для генерал-губернатора. И там за возвращение дочери с него требовали неплохую сумму.

– Сколько?

– Полмиллиона. Рублей.

– Ёжь твою рожь! – вслух не сдержалась я. – А как вы себе это представляете?

– У меня есть драгоценности, которые назвал похититель. И... прочитайте, письмо, Мария Ивановна.

Письмо я взяла и побежала глазами по строчкам.

«Александр Викторович.

Ваша дочь у меня в гостях. Пока она цела и невредима, и останется таковой, если вы пришлете за нее выкуп. Полмиллиона рублей.

Я понимаю, что сразу собрать такую сумму нельзя, и готов принять в качестве обеспечения драгоценности. Сапфировый гарнитур, букет из желтых бриллиантов, изумрудную диадему с прилагающимися к ней драгоценностями, комплект из черного жемчуга. Остальную сумму прошу приложить ассигнациями. Это примерно пятьдесят тысяч рублей.

Передать их должна княжна Мария Горская.

Сегодня, в восемь вечера, она должна быть в Туманной лощине. Одна. С саквояжем, в который вы уложите выкуп.

В противном случае завтра я пришлю вам голову вашей дочери.

Робин Гуд.

– Образованный, – процедила я. И задумалась.

Письмо было составлено человеком из высшего общества. Грамотная речь, обороты... да и мало кто осведомлен...

Ёжь твою рожь!

Вот!

– Кто знает про ваши драгоценности? Что они есть, что они не остались в Москве...

– Много кто. Дарья, моя супруга, любит их носить.

– Здесь, в Березовском, она их надевала?

Благовещенский задумался.

– Не помню... это имеет значение?

– Имеет. – Я отвела взгляд в сторону. Но генерал-губернатор и так обо всем догадался.

– Вы думаете, Ирэна?..

– Да.

– Она на такое не способна.

Я пожала плечами. Ага, кто бы сомневался, это произносят все родители. Мое дитяtko так поступить не могло. Оно ангел.

Только нимб там на рогах держится, не иначе.

– А этот... Морский?

Тут все было еще интереснее. Морский уже месяц как не мог ни с кем знакомиться по вполне уважительной причине. Сломал ногу, грохнувшись с лошади, и лежал теперь дома.

Знал об этом генерал-губернатор? Конечно, нет! Зачем ему тот Морский?

Знала об этом его жена? Тоже нет, ей и в голову не пришло навести справки. То есть под этим именем мог скрываться кто угодно.

Знала ли об этом Ирэна?

Одно из двух. Или ей соврали, или соврала она. Скорее второе, Березовский – город небольшой, здесь не спрячешься. Рано или поздно тебя заметят. И навести справки об интересующем тебя человеке тоже несложно.

Что-то мне кажется, Ирэна соврала родителям. Ей назвали имя, она назвала его матери, но знала, с кем встречается на самом деле. И я подозреваю...

Додумать не удалось.

– Мария Ивановна, я понимаю, что не должен просить вас об этом...

– Нет, не должны, – согласилась я.

– Но тем не менее...

Я бы отказалась не глядя. На минутку, у меня двое детей. И влезать в такую авантюру? Знаете, это не ко мне. Я не женщина-кошка и не Икс-вумен. Мне жить охота.

Да и Благовещенский потерял в моих глазах часть очарования. Просить о таком?

Да, на одной чаше весов жизнь его дочери, но на второй-то моя и моих детей. Он о них позаботится, случись что? О моих детях, о моих родных...

Как оказалось, я подумала о человеке хуже, чем он есть на самом деле. Благовещенский просил меня не отправиться на встречу, нет.

Но отправить туда двойника.

Да, именно так, моего двойника, который выйдет из моего дома, сядет в мой экипаж, который поедет в лощину. Да, вместе с моим братом.

Ваней никто рисковать не будет, он останется снаружи. А под меня заграмируют человека.

На это я согласилась. И даже выделила и платье, и комнаты – на здоровье. И разрешила распустить слухи о моей самоотверженности, или что там надо?

Только вот предчувствия у меня были исключительно матерные.

Почему выбрана лощина? У которой дурная слава, из которой достаточно легко уйти и которую сложно окружить из-за особенностей рельефа?

Кто обхаживал дурочку Ирэну?

Вот как хотите, а у меня была лишь одна кандидатура.

Это Благовещенский может как угодно относиться к своей дочке, а я скажу так – не верю! В ее увлечение бедным красавчиком – не верю! Таких, как Ирэна, я видела, знала, не особенно любила что в той, что в этой жизни, но, надеюсь, оценивала их достаточно здраво.

Власть, деньги, положение в обществе – Ирэна наверняка сделала бы ставку на это. Не на любовь. И крутить абы с кем не стала бы.

А кто у нас тут круче вареного яйца?

Демидов.

Если не знать о проклятии, если взвесить и прикинуть... в самый раз получается. Не красавец. И у меня вызывает нервный тик, ну так я маг, я чувствую, что на нем висит. А Ирэна?

Ирэна не была даже одарена магическими способностями. Полная пустышка. Мать со спящими способностями, отец с проявленными, а вот дочери не досталось ни первого, ни второго.

Хм?

Вопрос, дочь ли она Благовещенского, я скромно придержала при себе. На мать она похожа, на отца нет, но разве это важно? И не такое бывает, вплоть до рождения негритенка у внешне славянской пары. А вот так, больше века назад прапрабабушка мужа родила не от законного супруга, а от арапа, который жил у барина. Давно уж забылось, а потом генетика и проявила все свое коварство. Чуть до развода не дошло, но ДНК-тест показал, что родители те самые. А уж потом муж раскопал и всю историю с арапом.

Ладно. Не мое дело.

Хотя и реакция Благовещенского это подтверждает. Похоть кто-то моего ребенка, я бы понеслась куда сказано и к кому сказано. Не глядя и не думая. А тут мужчина достаточно бесстрастно планирует операцию по освобождению заложника, превратив мой дом в штаб. Спокойно, хладнокровно, рассудочно.

Ох, непохоже это на поведение любящего отца.

С кем бы мне про Благовещенского посплетничать? Чтобы правду рассказали?

Ирэна была в бешенстве.

Обычно, когда она пребывала в таком состоянии, все прятались и боялись. Кроме отца, конечно, при нем она свой характер не проявляла. А при матери бесилась, била вазы, ругалась, раздавала прислуге пощечины...

И что? Если все и все делают ей назло? Вот и сейчас...

Есть такая особенность дурного характера: привыкнув срываться, рано или поздно ты не сможешь его сдерживать там, где надо бы промолчать.

Но как тут не взбеситься, когда узнаешь, что именно задумал твой возлюбленный?

Мария угадала правильно. С точностью до десятых, сотых и тысячных. Единственный, кто заслуживал, с точки зрения Ирэны, ее благосклонного внимания, – Сергей Владимирович Демидов. А что старше, что страшноват... на вкус и цвет.

Зато богат. И молодую жену носить на руках будет. А дальше – возможны варианты.

Ирэна полагала, что за пятьдесят – это уже глубокая старость. Пару лет потерпеть, а там можно и богатой вдовой остаться, сама себе хозяйка, привольная жизнь начнется...

Демидов ухаживал достаточно осторожно. Никто их не видел вместе, мужчина таился и скрывался, и объяснил это достаточно просто. К чему наносить ущерб репутации дамы?

Если Ирэна согласится стать его женой, дело другое. Но он знает о своей репутации и не надеется на разрешение ее отца. Придется бежать вдвоем. Они обвенчаются и упадут ее отцу в ноги, прося о снисхождении.

Изложено было достаточно убедительно. И Ирэна согласилась.

Демидов! Это намного выгоднее той партии, на которую рассчитывал отец.

Только вот все оказалось совсем не так. Демидов не собирался жениться.

Пара пощечин после похищения стала неожиданностью. А уж все остальное!

Не убили ее только потому, что любой некромант это определит. Жива она – или мертва. Соответственно, ни выкупа, ни денег не будет. Но возвращать ее живой никто не собирается – к чему?

Выкуп Демидову нужен, деньги пригодятся, а вот она, в качестве жены, – нет. Можно сказать, ей даже милость оказывают, избавляют от позора.

Ирэну это ничуть не радовало, но кто ж ее спрашивал? Сопротивляться она не могла, магией никакой не обладала, а потому пара пощечин, веревки, кляп – и сиди, дорогая, в углу, пока не решат, что с тобой делать.

Ирэна и сидела.

И тихо-тихо рыдала. Громко через кляп не получалось. И вообще плохо получалось – нос забивался соплями и дышать было решительно неудобно. Рот-то уже кляпом забит!

И почему об этом не пишут в романах?

И о таких ситуациях тоже?

Ирэна знала, что невинных дев всегда спасают, и обычно этим занимаются прекрасные герои. Но что-то подсказывало ей, что в Березовском герои не водятся. Оставалось надеяться только на родителей, и от этого было еще тоскливее.

Вот бы ее спасли побыстрее! Оказаться бы в своей комнате и там нареваться от души. И горячего чая выпить. Большую чашку.

Увы, небеса оставались глухи к девичьим мольбам.

Женщина нервно расхаживала по комнате. И любой, кто увидел бы сейчас Дарью Петровну Благовещенскую, сравнил бы ее с тигрицей в клетке.

Было, было с чего ей нервничать.

Если уж у Марии Горской закрались подозрения, то у ее супруга и подавно. Ох, не был дураком господин Благовещенский.

Похищение это идиотское, водевиль – одним словом.

Но и выбора у Дарьи не было.

С одной стороны шантажист, который потребовал от нее ни много ни мало жизнь Марии Горской, с другой – собственные интересы. И гласили они, что жить долго и счастливо не получится. Особенно если она поддастся на этот приказ. Можно нанять убийц, но вот не попасться? Дарья не питала иллюзий, обязательно попадется.

Но на нее давили, и выбора не оставалось. Она не сможет жить в России. В любом другом месте, подальше от интересов юртов, где-нибудь во Франции или в Италии, лучше даже в Греции, там тепло и море, и солнышко, и морская кухня, кстати говоря... это вам не гречка!

Море Дарья любила и, будь ее воля, круглый год жила бы у моря. Не получалось. А теперь еще и эта ссылка...

Пусть муж говорит, что это не ссылка, а ступенька к следующему чину, она-то лучше знает! Глухое захолустье, один лес и волки!

Еще горы! Тьфу!

Дарья прекрасно понимала, что возраст, время... она стареет. Скоро ее дочь выйдет замуж, и она останется одна. Что это будет за жизнь?

Жуткая.

С мужем они чужие люди, и уже давно. Двое людей под одной крышей, которым не о чем разговаривать, у них нет ничего общего, кроме дочери...

Стареть и ждать смерти? Развлекаться на балах и приемах, которых в этой глухомани медвежьей еще и не устраивают, свариться с соседями, сплетничать...

Нет, такой участи Дарья не хотела, она создана для большего!

И примером ей стали Нинон де Ланкло, Франсуаза Скаррон и прочие дамы Франции, которые осмелились вырваться из-под домашней тирании.

Собственный салон!

Вот о чем мечтала Дарья Петровна, салон, в котором будут собираться поэты, писатели, художники, салон, который станет самым модным и остроумным, который принесет ей и славу, и богатство, и власть.

Она могла это сделать, могла! Она это кожей чувствовала! Не хватало какой-то мелочи – денег! Денег, времени, свободы, возможности...

Муж никогда не разрешит ей ничего подобного. А если...

Если решиться и разорвать эти цепи?

Тут-то и подвернулся Дарье под руку Сергей Демидов. У него были свои интересы, у нее – свои, и на каком-то этапе они отлично пересеклись.

Демидову нужна княжна Горская.

Дарье нужна свобода и деньги.

Что будет дальше?

А то и будет. Так и родился этот план – и Демидов принялся ухаживать за Ирэнрой. Еще бы девушка не повелась – с подсказок и подначек матери, незаметных, но действенных.

Делить решили по-братски. Демидову достается княжна Горская, и пусть он делает с ней что пожелает, Дарье отдают выкуп. И она уезжает вместе с дочерью. И никогда не вернется ни в Березовский, ни в Россию. С Францией у них напряженные отношения, так что...

Шансы встретиться с мужем минимальны, в свете госпожа Благовещенская особо не блистала, да и внешность всегда поменять можно.

Одежда, косметика, прическа, и к магам можно обратиться, помогут, если деньги есть! Никто ее не опознает, а дальше – все в ее руках.

Новая жизнь.

Для нее и для дочери, которой тем более незачем оставаться в России и жить на нищенские копейки, которые будет выделять ей муж, такой же скупой, как и сам Благовещенский.

А ведь есть, есть у него деньги!

Украшения...

Безумная сумма, но – мертвая. Во всех смыслах мертвая. Ни надеть покресоваться некуда, ни продать и деньги получить.

Откуда они у супруга, Дарья точно не знала. Вроде как воевал на Кавказе или в Турции, там и разжился... точно Александр не говорил, лишь упоминал, что сделает эту шкатулку фамильной. И украшения там действительно были достойны королевы.

Чего только стоил гарнитур из черного жемчуга – каждая жемчужина подобрана по размеру, а самая большая, грушевидная, вообще может корону украшать. И таких там три – в кольце, в кулоне, в браслете. Три черных жемчужины размером с ноготь большого пальца, мужского, понятное дело.

Серьги, кольцо, браслет – и ожерелье из пятисот двенадцати жемчужин. Ровных, размером с горошину...

Дарья не считала, что она поступает плохо, эти украшения и так будут принадлежать Ирэне, только со временем. Она просто возьмет их чуть пораньше и не станет сидеть на бриллиантах, как дракон на яйцах, она вложит их в дело!

Прогорит?

Она?

Дарья и мысли такой не допускала! Такого не может быть, потому что не может быть никогда!

Драгоценности возьмет муж, отдаст княжне, она лично проследит за этим и напишет Демидову письмо, потом Сергей Владимирович заберет княжну, а ей, Дарье, спустя некоторое время, вернут Ирэну и драгоценности.

И она уедет из страны.

Демидов обещал ей в этом помочь в обмен на княжну. Дарья понимала, что доверяться ему опасно, но определенные гарантии безопасности у нее были. К примеру, человек, который требовал смерти Марии.

Если бы все было сделано правильно... ах, если бы!

Драгоценности Александр забрал, из дома уехал... вот как будет дальше? Дарья не знала точно. Она просто слала гонцов к мужу каждые полчаса. Хотела приехать в особняк Храмова сама, но муж запретил в самых недвусмысленных выражениях.

На всякий случай у Дарьи был и запасной план. Но – именно запасной. Прибегать к нему безумно не хотелось.

Оставалось только ждать.

В том числе и весточки от любовника, который сейчас находился в особняке Храмова вместе с ее супругом. Как только княжна уедет, он даст знак Дарье. И закрутится карусель.

Женщина металась по комнате, раздирая в клочья уже шестой платочек. А время тянулось невыносимо медленно...

Ладно! Скоро уже она осуществит вторую часть плана.

Глава 8

Терроризм и его последствия

– Умоляю!!!

Перед вами стояли на коленях?

Если при этом признаются в любви, наверное, приятное ощущение. Но когда это делает женщина в два раза старше тебя, женщина, которая тебя еще и ненавидит...

Дарья Благовещенская атаковала словно акула. Цеплялась за руки, плакала не стесняясь.

– Спасите мою дочь!!! Прошу вас!!! Что хотите сделаю!!!

Поднять ее не представлялось возможным – дама была на голову выше и раза в полтора тяжелее. Если б она помогала, другой вопрос, а она-то цепляется за ноги, скулит...

Ощущения – мерзейшие.

Такой гнидой себя чувствуешь...

Я не могу пойти на это. У меня тоже двое детей, и попасть в руки неизвестному похитителю меня не прельщает. Или вообще расстаться с жизнью, мне ее не для того подарили, чтоб я ее так бездарно слила в унитаз. Но вот цепляется, плачет... И понимаешь, что на ее месте вела бы себя ничуть не лучше. Ни капельки. Может, и похуже даже.

В комнату заглянул Петя, быстро сориентировался и исчез. Я еще раз попробовала поднять Дарью с колен.

– Не надо. Все будет хорошо...

Бесполезно.

– Вы согласны? Правда?!

Минут двадцать прошло, прежде чем появился Благовещенский. Сообразил, что происходит, и сдвинул брови.

– Даша? Что ты здесь делаешь?

– Я пришла просить за мою дочь! Ты не понимаешь?! Ирэна...

– Мария Ивановна уже согласилась нам помочь, – оборвал Александр Викторович начинающийся слезо- и словоразлив.

– Да?!

– Да, – кивнула я.

В принципе, я не сильно и врала, я же не сказала, чем именно.

– Благодарю вас! – Дарья осела на ковер. Я почувствовала себя последней скотиной.

Благовещенский подошел и без особого труда поднял супругу.

– Пойдем, Дашенька. Я отвезу тебя домой...

Дама удобно устроилась на руках у супруга, положив голову ему на плечо.

Что меня царапнуло в этой картине?

Не понимаю, нет...

Минута – и я осталась одна. Упала в кресло без сил, позвонила и приказала принести себе чая. Горячего, крепкого и с медом.

Как же мне паршиво! Вот он, тот выбор, который не позволяет остаться человеком даже в своих глазах. Соглашусь – потеряю жизнь и детей, с большой вероятностью. Откажусь – потеряю уважение к себе.

Уже потеряла...

До конца дней мне придется жить с осознанием своей трусости. Жить и понимать, что, если с Ирэнкой, что-то случится, я буду считать себя косвенно виноватой в этом.

А если это ловушка?

Если она расставлена на меня?

Если...

Ответа нет. Но даже в мире, который я оставила, мать двоих детей не пустили бы в штыковую атаку и не послали в разведку. Только если уж совсем нет другого выхода.

Окажись за моей спиной дети, я вела бы себя иначе. Но Ирэна человек достаточно взрослый. Это с моих позиций она ребенок, в том мире, который я оставила, семнадцатилетние еще во многом дети. Не все, нет.

Но основная масса. А здесь в семнадцать часто уже сами родители. И восприятие другое. Совсем другое...

Я не верю, что в этой истории все так просто. Не верю, но и доказать не могу. А значит что?

Сидим на попе ровно. Потом будет видно, что дальше делать.

Единственное, что я могла, – это организовать нормальное питание. Что и сделала.

Любому, от генерал-губернатора до простого казака, который заходил в мой особняк, предлагался чай и закуски. Чего покрепче не предлагалось. Даже наливка, в которой и пяти градусов-то нет, может так на расстроенные нервы упасть, что хуже всякой водки получится.

В обед я решительно настояла на том, чтобы все сделали перерыв и поели.

Благовещенский попытался сопротивляться, но куда там!

Было б мне и впрямь семнадцать лет, я бы, может, и смутилась от ледяного тона и вежливых попыток меня выставить. Увы, в родном мире мне было глубоко за сорок. И даже мой шеф твердо знал, что выставить меня можно только силой. Как вариант – вызвать на меня ОМОН. В противном случае я ругалась, цеплялась и выедала мозг всеми способами. Почему это терпели? Да потому что специалист я хороший. В своей области даже незаменимый, а незаменимость – лучший катализатор наглости.

Шансов не было ни у кого, так что ровно в два часа дня генерал-губернатор обнаружил себя за столом, с ложкой в руках, и перед ним дымилась большая тарелка с борщом.

Да, я знаю, это вульгарное и простонародное блюдо. А надо бы подавать рябчиков, бекасов, трюфеля и прочее.

Плевать.

Мне – нравится, а остальные сами напросились. Кто в мой дом вошел, тот подчиняется моим правилам.

– Приятного аппетита, Александр Викторович.

Генерал-губернатор посмотрел на меня, на двери столовой, закрытые наглухо, и только головой покачал.

– Вы тиран, Мария Ивановна.

– Я хуже.

Ложка отправилась в рот, а я улыбнулась.

– Приятного аппетита.

– Я должен извиниться за Дарью.

– Нет, не должны. Она мать, я тоже. Я ее понимаю.

Благовещенский криво улыбнулся.

– Но просить вас о большем не стоит?

– Нет, не стоит. Все равно я не смогу сделать больше.

- Вас не волнует, что будет с Ирэнрой?

Я покачала головой.

- Ваша дочь не стала мне близким человеком. Я сочувствую ей, я сочувствую вашей супруге, мне жаль их обеих, но подставлять свою голову под топор? Простите, но по-настоящему меня волнуют только мои родные и близкие.

Ну и ты еще. Но об этом я промолчу.

- Откровенно. Но жестоко.

Я развела руками.

- Если человек говорит, что он любит всех, значит он не любит никого, это азбука. Что вы хотите от меня услышать, Александр Викторович? Красивую ложь? Слова о том, что эта история оставит шрам на моем сердце? Поверьте, я могу так сказать. Но вы же первый меня за это возненавидите.

- Разве?

- Когда открывается ложь, мы начинаем ненавидеть лжеца. Даже если говорим, что простили, все равно до конца простить не сможем. Это так.

- Но лгут люди каждый день? Разве нет?

- Можно сказать, что мне идет жуткая шляпка. Это тоже будет ложью, но простительной. Это... социальные роли. Любезность, оказанная потому, что так принято. А можно сказать, что вас волнует судьба моего брата, к примеру. Но это ведь не так? Если бы вам предложили разменять Ванину жизнь - на жизнь вашей дочери, что бы вы выбрали?

Я спокойно отправила ложку борща в рот.

- Да вы кушайте, вам еще силы нужны, вам еще дочь спасать. Не стоит множить вранье без необходимости.

- Хорошо. - Благовещенский чуть расслабился и тоже принялся за еду. Чего я, собственно, и добивалась. Клины клином вышибают, а уж как получилось... да хоть бы и поленом! С размаху! - Кстати, вам очень к лицу была та шляпка...

Я откровенно фыркнула.

- Не сомневаюсь. Скажите, а если я вам дам кое-что?

- Что именно?

- Я экспериментирую с магией. А лощина - моя территория. Возможно, вам это как-то поможет. Пара артефактов.

- Каких именно?

- Прошу вас после обеда пройти в мою лабораторию.

Кажется, своего я добилась. Отвлекла мужчину от раздумий о дочери и переключила на размышления о природе вещей.

Вредина я?

Нет.

Самая обычная женщина, которая говорит вслух то, что думает. А что это не принято... Но человек же отвлекся?

Того мне и надо.

Что я еще делала в своей лаборатории?

А на что способен маг земли? С некромантией я связываться пока опасалась, а вот земля...

Земля - это землетрясения. Для начала. Это пылевые бури, это лавины, оползни, это сели. Это все растущее и живущее на ней. Перечислять можно долго, а вот применять...

Боевые заклинания должны активироваться мгновенно. Раз - и готово, а вот скоростью магия земли похвастаться не может. Но кое-что удалось придумать и мне. Особенно моя паранойя разыгралась

после покушения.

Храмов смотрел на артефакты и задумчиво качал головой. Я пользовалась простыми серебряными цепочками – разорви, и активируется. Долго на них заклинания не держатся, максимум неделю-две, но мне же не для продажи, а для отработки навыков! Для проверки воздействия! И получалось неплохо, надо только силы добавить, чтобы не сбило в самый нужный момент.

– Вот это – подземный толчок. На десять метров примерно. Так-то меньше, но я сейчас добавлю силы. Если человек подготовлен, это хорошо, а если нет – его собьет с ног.

– А это?

– Это... – Я проглядела надпись на бумажном квадратике, подвешенном к застёжке. – Ага. Это для травы.

– Травы?

– Вам не случалось резаться осокой?

Генерал-губернатор покачал головой. Я взяла с подоконника горшочек с первой попавшейся травой и протянула ему.

– Потрогайте.

– Трава... и что?

– А теперь? – Я активировала заклинание. – Только осторожно...

– Ох!

Предупреждение запоздало.

Благовещенский уже успел крепко оцарапаться о траву, которая внезапно стала жесткой и острой. И резала не хуже металлических лезвий. За образец была взята обычная осока – кто ей резался, тот меня поймет.

– Работает не везде. Но представьте, что ваш противник залег в траву? Так, к примеру?

– Жестоко.

– Это ненадолго. – Я погладила стебельки травы, которая вновь стала обычной и безобидной. – Буквально пара минут, а потом все вернется в обычное состояние. Даже, может, меньше минуты.

– Оригинально. А что еще есть?

Я пожала плечами.

Идти проторенным путем мне не хотелось. Земляные големы, черви и прочие – неинтересно. Все это создано до меня, методы противодействия давно отработаны, и никого я ими не удивлю.

– Например, это.

– Это?

– Комары, мухи, муравьи и прочее. Человек, конечно, царь природы. Но атака всех насекомых в радиусе десяти метров... вы знаете, сколько там насекомых?

– Эм-м-м...

– Много. Поверьте, если все это атакует человека, там будет не до драки, удрать бы.

В глазах Благовещенского было отчетливое недоверие. Я фыркнула.

– Есть у вас кто-то провинившийся?

– Да.

– Пусть активирует. Только не в моем доме. И не рядом со мной – задний двор подойдет.

– Давайте...

В чем-то мужчины остаются детьми. Им интересно опробовать новую игрушку, да побыстрее.

Я не стала присутствовать при испытаниях. Даже в окно не выглянула, когда донесся дикий вопль. Только посочувствовала.

Даже безобидный таракан способен доставить кучу неприятных эмоций. А когда тебя разом атакуют все насекомые в радиусе десяти метров...

Поверьте, это грустно.

Наука в этом мире еще пребывает в неведении, но так-то с одного квадрата можно собрать от пятисот до двадцати тысяч разных насекомых тварей. Умножаем на десять и не забываем про воздух. И получается – много. Очень много. А когда еще все разом летят, атакуют, облепляют...

Особенно не рекомендуется применять в районе пасеки.

Благовещенский пришел в гостиную сам. С выражением крайнего изумления на лице.

– Я не ожидал... Мария Ивановна, а это действует на того, кто активировал цепочку?

– Нет. Вы получили опытный образец, а так – это конкретное заклинание работает отдельно от носителя. Как раз до десяти метров.

– Не понимаю?

– Активировали и бросили. В того, кто вам не нравится.

– А это только цепочки?

– Нет. Вот – шарики, – я протянула четыре серебряных бусины. Тяжеленьких таких, приятно тепленьких. – Я же говорю, вам достался опытный образец.

– А что есть еще?

– Щит. Пылевой. То, что я применила, когда удирала от погони.

Это заклинание тоже пришлось выдать, но я не жалела. Лучше поделиться самой, чем потом заставят. А ведь заставят, наверняка. В церкви есть свои маги, они могут примерно догадаться, что произошло на месте покушения, и рано или поздно ко мне придут с вопросами.

А что?

А как?

Не хотите ли вы рассказать подробнее?

Дальше – смотрите добрые будни святой инквизиции. Не то чтобы я была против этих ребят, но их методы дознания мне не нравились. И особенно – в применении к себе. А так... я все рассказала, обращайтесь в канцелярию генерал-губернатора. Если он разрешит, я вам все секреты раскрою, а то вдруг они имеют стратегическое значение? Или маги на службе у казны все раскроют... Я?

Я что, я женщина слабая, глупая, как скажут, так я и сделаю.

Вечером я сидела в своей комнате. В спальне, так-то у меня не одна комната. Но дети спали, и мне хотелось быть рядом с ними. Такое вот желание, или инстинкт матери, защитницы...

Пока я буду рядом, с ними не случится ничего плохого

Надеюсь.

Нет, не надеюсь. Просто все плохое с ними случится только через мой труп, а это не так-то просто осуществить.

Сидела, глядела на огонек одной свечи. Много я не зажигала, не хотела привлекать внимание. Два часа назад княжна Мария Горская, то есть теперь уже госпожа Храмова, вышла из дома и уехала в сопровождении Благовещенского. Это – для всех, кроме четырех человек. Меня, Благовещенского, Вани и собственно исполнителя моей роли.

Главной трудностью было быстро и втайне достать парик. Нашли в местном театрике. Остальное – дело техники. Найти среди людей Храмова молодого парня, схожего со мной в плане роста и телосложения, загримировать, одеть в мое платье – и пожалуйста. Княжна готова.

Кто там в полумраке сообразит, я это или не я?

Опять же, для всех этого конкретного парня, его звали Михаил, просто услали куда-то с

поручением. Он мог отказаться, но Храмов пообещал ему столько «плюшек», что Михаил не нашел в себе сил спорить. И повышение по службе, и прибавка к жалованью, и единовременная выплата, то есть награда...

Было за что рисковать жизнью. А мне рисковать не хотелось. Ни капельки.

Вот и сидела я почти что в темноте, и не выходила из своих покоев, и сидеть мне здесь еще несколько часов. Пока все не закончится.

– Маша?

Ваня вошел в комнату, присел рядом с люлькой, в которой спокойно дрых Андрей, качнул ее пару раз. Нил, который уверенно оккупировал мою кровать, даже не проснулся.

– Что, братик?

– Получается, ты кому-то нужна?

– Получается так.

– А зачем тебя тогда убивали?

– Потому что это два разных интереса. А может, и один, нигде ж не сказано, что «меня» сегодня не попытаются убить?

– Ты так спокойно об этом говоришь.

– Могу побиться в истерику, если тебе будет легче от самого факта.

– Иногда я тебе просто поражаюсь.

Я пожала плечами.

– Ваня, ты не знаешь, как меня воспитывали. Но поверь, ты бы от такого ноги протянул.

Я даже не сильно и врала. Окажись Ваня в мире компьютеров, интернета и сотовых телефонов, сам бы сдох. От шока. Увидел бы девушек в мини-юбках и угодил под автомобиль.

Ваня, кажется, хотел развить эту тему. Но...

Земля – это еще и система сигнализации. Об этом я никому не говорила, но установила по периметру участка нечто вроде датчиков движения.

Люди-то не по деревьям лазают, они ходят по земле. И как только кто-то снаружи пересекает мой периметр...

Достаточно закопать в землю по периметру ограды несколько серебряных бляшек и раз в неделю проходить, обновлять заклинание.

Конечно, это затратно и по деньгам, и по силам, конечно, есть и другие методики, которые легче в разработке и обработке, есть. Но они общеизвестны. И методики борьбы с ними тоже общеизвестны. А мое новаторство, надеюсь, останется незамеченным.

Как было когда-то сформулировано, чтобы бороться с чем-то, надо знать, с чем именно ты борешься. Можно отыскать защиту от снегопада, но эфиопскому колдуну это не под силу. Он не знает, что такое снегопад, он его не видел.

Вот и сейчас мои датчики подали сигнал.

– Ваня, осторожно!

– Маша?

– На территории трое посторонних, – бросила я.

– Трое посторонних?!

Я прикрыла глаза.

Да, до камер здесь как до Америки пешком. Но кое-какую информацию я получить могу.

– Трое. Мужчины. С какими-то магическими примочками.

– Маша? – резко побледнел Ваня.

Я усмехнулась.

– Мой дом – моя крепость.

Первым делом я действительно озаботилась обороной. Хватит с меня случая в Москве, здесь я отбиваться чем попало от киллеров не собиралась. И покушение на дороге заставило меня обновить защиту.

Я медленно развела руки в стороны, а потом свела их.

– Аминоацилт-РНК-синтетаза!

Откуда это словосочетание возникло у меня в голове, что оно значит и где находится? Вот уж не спрашивайте!

Не знаю.

Не помню.

Кажется, это что-то из биологии, может, даже внутри нас. Но подробности – не ко мне. Тут что главное? Чтобы словосочетание было из тех, которые просто так не произнесет никто. Ни я, ни другой человек.

В принципе, тут подойдет что угодно. К примеру – Российская Федерация. Или президент Дональд Трамп. Главное, чтобы никто этого не сказал. Как ключ.

Но это самое глупое, что засело у меня в мозгу еще со школы. А значит...

Из сада донеслись крики. Какой там режим тишины?

Когда ты внезапно проваливаешься по пояс в яму, да там и застреваешь. Намертво. Когда на тебя так же внезапно начинают нападать все окрестные насекомые. Когда трава становится острее кинжалов и полосует руки, не давая выбраться из ямы.

Ты провалился – и тебя атакуют муравьи. И кусаются. Ты пытаешься отмахнуться или выбраться – и получаешь кучу порезов от обычной травы. Спасибо, если не сдохнешь.

А для чего, спрашивается, я экспериментировала? Исключительно для самозащиты. И это я еще пылевой бури не добавляла, а то позадыхались бы все нападающие.

– Маша?

– А, все. Осталось их только выудить из ловушек, – отмахнулась я. – И допросить.

Ваня несколько минут смотрел на меня. Потом помотал головой.

– Пойду поговорю с охраной.

И удрал.

Я пожала плечами.

В принципе, еще с полчаса ловушки продержатся. А те, в которые провалились несчастные, неосторожно зашедшие на мою территорию, так и дольше. И пусть поблагодарят за доброту.

Да, именно за нее!

Я ведь активировала режим ловушки, а не волчьей ямы. А там на дне могли еще и колья оказаться. Разница-то невелика, можно «зашивать» в формулу гладкий «стакан», а можно «ежика».

У меня есть оба варианта. Но я сегодня почему-то добрая.

Наверное, это потому, что мне любопытно. Кто их сюда послал? Пусть сначала расскажут, а уж потом можно и убивать.

Благовещенский весьма любезно оставил в моем доме аж десять человек охраны. Так что достать троицу из ям и привести на допрос оказалось несложно.

Вид у них был – жалкий.

Помятый, опухший, изодранный, но, глядя на изъятое оружие, жалеть их мигом расхотелось. В

основном холодное оружие, какие-то ножи, удавка, еще что-то, непонятного назначения...

– Это что?

Я ткнула пальцем в перчатку с какими-то пластинами.

Один из охранников надел ее на руку, взмахнул – и из пальцев выскочили когти. Я поежилась.

– Гадость.

Мужчины пожали плечами. Они явно не видели в перчатке ничего странного.

А ведь была еще и горстка амулетов. Какие-то кости, когти, бляшки на цепочках, браслетиках... девочки-третьеклассницы визжали бы от восторга. Но я отлично понимала, что все это опасная дрянь. Стоило только рукой провести над кучкой, аж пальцы покалывать начало.

– А это все вместе складывать не опасно?

– Сейчас разберем.

– А чего они хотели?

Я посмотрела на мужчин. Ласково так, многообещающе. Старший охраны просек мою затею и нахмурился.

– Молчат пока.

– Правда? Ай-яй-яй. Может, вы ничего не видели?

– Может быть. Не видели, не слышали...

– Ну да. И никто сюда не забирался. Доставите мне их в лабораторию? На опыты?

– Конечно, госпожа!

Я мило улыбнулась.

– Я же маг земли, а у нас еще и некромантия идет в придачу. Такая хорошая специализация, а тренироваться не на ком. Вы им ничего не поломали?

– Нет, вроде...

– Проверьте, пожалуйста. Мне скелетики целые нужны. – Я сделала умоляющие глаза. – И кое-какие внутренние органы мне тоже пригодятся...

– Госпожа, да вы скажите, какие именно, мы вам их потрошить поможем, – включился в игру еще один из охранников. – Что ж вам самой-то кровью пачкаться?

Я почувствовала себя Маргаритой. «Да вы сидите, королева, я сейчас сам съезжу». Бедный, бедный Латунский.

Надо сказать, средство оказалось действенным. А может, все объяснялось еще проще. Ребята оказались наемниками, их обычно брали разово для грязных дел.

Им надо было проникнуть в дом, перерезать всех, кого найдут, включая женщин и детей, и уйти. Предоставить заказчику доказательства. Пряди волос с каждого убитого будет достаточно.

Кто нанимал? Да разве ж они знают!? Подсел какой-то в кабаке, денег дал, вина налил...

Я понимала, что не врут. Конечно, кабак был не простой, а «для своих», и ниточку эту размотать можно, но... да что происходит?!

Кому я так на мозоль наступила? Да еще и потопталась, судя по результатам! Кому?!

Троих убийц отправили в острог, а я пошла в спальню.

Не спалось.

Как-то там Благовещенский? Что сейчас происходит в лощине? Чья это вообще работа?

Вопросы, вопросы, а ответов все нет и нет. Оставалось только ждать новой порции информации.

Игорь Никодимович Романов считал себя спокойным человеком. Но получив письмо из

Березовского, едва сдержал матерщину.

Покушение на Марию Горскую!

Да кто? Что? Откуда?!

Кому она, собственно, нужна?!

Как оказалось – есть люди. Есть...

А это значило, что он сильно просчитался где-то. Что дело не закончено. Что княжна Мария что-то знает, видела, слышала... что именно?

Что она делала после бегства, Романов знал чуть не с точностью до часа. Ни встреч с кем-то важным, ни разговоров... До бегства?

Только это.

Оставался дневник. И Романов, который что-то пропустил в нем. Он даже не сам его изучал, отдал одному из своих людей, а уж тот читал и выделял самое важное. Видимо, не все.

Что они упустили? Что не учли?

Романов позвонил, распорядился принести дневник и засел за чтение. С самого начала.

Почти год жизни девушки.

Игорь Никодимович стонал. Тер виски. Пил коньяк. Решил обязательно проверить, чем занимается его дочь. Мало ли, что ей всего тринадцать лет! Неважно! Все равно надо проверить!

Но – читал. Упорно, вдумчиво, выписывая имена и даты.

Зачем ему это понадобилось, он и сам не мог бы ответить. Но наконец его терпение было вознаграждено. На одной из страниц по делу было написано всего две строчки, остальное было отдано под слюни, сопли и страдания. Но если это так...

Кажется, Романов понял, почему устранили Милонегу. Да так, что ни один некромант не допросит.

Почему сопливый офицеришка, взятый в гвардию из большой милости к его семье, с кутежей и гулянок переключился на заговоры. Он ведь раскапывал его историю.

До какого-то момента не было у Милонегу ничего интересного, так, охота за богатой невестой, попойки, погульбушки, бордели, скачки, игорные дома... И Марию Горскую он окучивал как богатую невесту – до определенного момента. А вот потом...

Если Романов все правильно понял, именно с этого момента и начались проблемы.

Мария не придавала значения увиденному. Она просто не поняла, в чем суть.

Сотрудник, который изучал дневник, тоже значения не придавал – подумаешь! Встретились двое людей, беседуют, что в этом такого? Что странного?

В том-то и дело, что именно эти двое людей не должны были встречаться!

Не в дружеской обстановке уж точно!

Разные юрты, разные интересы, разное – все! А они встретились. И Милонег показал их княжне, не подозревая, что подписывает и ее, и свой смертный приговор.

Глупая случайность, камешек, который вылетел из-под ноги мага земли. Не навредил, но безвозвратно привел в негодность дорогую туфельку. И, конечно, галантный кавалер предложил даме присесть и подождать, а он решит проблему.

И чем черт не шутит!

Только заметить это мог человек, который вращается в высшем свете. Такой, как сам Романов. Как еще несколько его людей, которые были во многое посвящены. Его заместители, может, еще человек двадцать во всей канцелярии. Но далеко не каждый сотрудник.

Вот за это могли и убить.

Романов потерял лоб.

Так это или не так?

Надо проверить. Дать парням задание, и пусть копают. Уже конкретное, конкретным людям. А до того – дочитать чертов дневник.

Романов оценил объем и застонал.

Больше половины осталось.

А надо, никуда не денешься, надо.

В Туманной лощине было тихо и спокойно.

Не шелестела под ветром трава, не колыхались деревья. Притихли даже неугомонные ночные птицы, словно их разогнала отсюда чья-то злая воля.

Словно?

Миша Сомов, которого отправили в лощину под видом Марии Храмовой, даже не сомневался. Разогнала.

Птицы очень плохо реагируют на магию. И животные. И даже некоторые растения. Исключение – магия земли, вот ее все эти твари любят, а все остальное не переносят и стараются удрать подальше. Чувствуют угрозу.

Ладно, это не его дело, а группы прикрытия.

Парень прошелся, небрежно помахивая сумочкой, висящей на тонком, почти женском запястье, огляделся вправо-влево.

Тишина.

Серебряные цепочки приятно холодили запястье. В руке было зажато несколько шариков.

Миша знал, что рядом никого нет. Это было обязательным условием. Оставалось только ждать.

Ш-шух!

Стрела ударила в землю рядом с ним. Специально такую запустили, с подожженным наконечником, чтобы он все увидел. В том числе и записку на древке.

Миша протянул руку и снял ее.

«Иди прямо».

Ага, очень содержательно. Но альтернативы не предлагалось, так что Миша пошел.

Шаг, другой, третий... по ощущениям, он прошел не меньше половины лощины, когда из тени вечерних сумерек выступил контур человека, словно вырезанный из более плотной темной бумаги.

– Княжна Горская?

Миша пискнул что-то невразумительно, надеясь, что все спишется на волнение. И протянул сумочку вперед.

– Следуйте за мной.

– А...

– Или обмен не состоится.

Миша пожал плечами и пошел вперед.

До поляны, на которой ждали две лошади. Похититель кивнул на одну из них, с дамским седлом.

– Садитесь.

Прокол. В дамском седле Миша никогда не ездил, да и как в него залезать, представлял весьма смутно. Дощечка эта... как они вообще равновесие держат?

Нет, так мы не договаривались.

Миша затоптался у лошади, всем видом показывая, что он бы и рад, но юбки, сумочка и вообще...

похититель шагнул вперед, подставляя руки – и полетел на землю от жестокого удара по горлу. Таким и убить можно.

Но – не нужно, допросить-то требуется! А пока – связать. Благо стемнело, в паре шагов не различишь, кто тут и чем занят.

Магия?

Тут придется рисковать. Но ехать неясно с кем, неясно куда...

Нет, увольте!

Что делает человека добрым, покладистым и сговорчивым?

Острые ножа, приставленные к глазу, левому или правому – на выбор. Должен ведь у человека быть свободный выбор?

– Видишь? Это последнее, что ты увидишь, – вежливо порадовал Миша. – Крикнешь – сразу останешься без глаза, а потом второй выковырну. И догадайся, что еще отрежу?

Судя по запаху, мужчина догадался.

– Я сейчас рот тебе освобожу, а ты мне тихо ответишь, куда мы собрались ехать.

– П-прямо, – ответил мужчина.

– Да неужели?

– М-меня просто наняли, чтобы я княжну привез, куда сказали.

– И куда сказали? – уточнил Миша.

– Чуть дальше, там перекресток такой есть, примерно верста за строящимся храмом...

Миша кивнул.

– Понятно. Где Ирэна?

– Кто?

Миша внимательно приглядывался к мужчине, но, похоже, тот не врал. А значит, оставалось только одно.

– Что ж, поехали.

– К-куда?

– Т-туда.

Миша дернул за узел, распуская веревку. Не резать же ее? Веревка нам еще пригодится. К примеру, спутать умнику руки и примотать к луке седла. И – вперед, куда сказано.

Две лошади, мерно цокая копытами, приближались к перекрестку. Там уже ждал отряд из... Один, два... ага, шесть человек.

Один из них выехал вперед.

– Княжна?

Миша понял, что дальше не уедет. Вот уже вынесли вперед факелы, приглядываясь, на лицах появились зачатки понимания...

Амулеты от княжны Горской были полезны, никто не спорил. Но было и еще кое-что, из личных запасов Благовещенского.

В данном случае лучше всего подходила магия воздуха.

Под пальцами Михаила слабо хрупнул деревянный браслет. И в ту же минуту отряд окутало облако чего-то синеватого. Миша задержал дыхание.

Он не видел облако, он просто знал, как это действует.

Сильное снотворное, которое вырубит всех в радиусе десяти метров. Срок – примерно полчаса.

Рассеивается меньше чем за минуту, главное – самому не наглотаться. Но он-то знал, что к чему.

Единственное, чего не заметил Михаил...

Пальцы одного из мужчин разжались и небольшая золотая бляшка выпала на дорогу.

Есть амулеты, которые надо активировать нажатием, прикосновением, жестом, словом. Но есть и обратное. Нечто вроде «кнопки». Пока она нажата, взрыв не произойдет, но если ее отпустить...

Так здесь и произошло.

Золотая бляшка подала сигнал – и разрядилась, стала самой обычной бляшкой, разве что со следами магии. Слабыми такими, рассеивающимися. А в нескольких километрах от нее сигнал приняли. И последствия оказались... печальными. Но Миша этого не знал.

Он досчитал до ста двадцати и медленно выдохнул. Потом вдохнул... нормально. Снотворное рассеялось. Осталась самая мелочь. Взять пленных и подать о себе весточку генерал-губернатору.

Связать растерянных, дезориентированных людей было несложно. Золотую бляшку Миша и не заметил, случайно наступив ногой и втоптав в грязь. Потом ее там и нашли, но это уже утром. А сейчас он ждал подмогу.

Долго ждать не пришлось, Благовещенский был неподалеку от ложины, и домчаться до места ему труда не составило.

Допросить связанных и – вперед. Освобождать Ирэну.

Михаил ехал в середине отряда. Он свою работу уже сделал и теперь думал, как бы заначить парочку артефактов княжны Горской. Хотя ему говорили, что эти бляшки-цепочки работают недолго? А жаль. Надо бы поинтересоваться, может, удастся разжиться таким полезным артефактом и лично для себя? Он бы никаких денег не пожалел!

Но где же Ирэна Благовещенская?

Хотя ответ Михаил примерно уже знал. Если заложника не возвращают сразу, его и не вернут никогда. Убили, скорее всего.

Жалко. Красивая девушка была. Интересно, кто ж все это затеял?

Ответ он узнал достаточно быстро.

Глава 9

Последствия и следствие

Стоит ли говорить, что информацией со мной никто не поделился? Я и не ждала.

Приятно было бы выйти к завтраку и обнаружить за столом того же Благовещенского, который расскажет, что случилось ночью и чего мне теперь ждать.

Приятно было бы и письмо получить с кратким изложением всего происшедшего.

Я даже не сомневалась, что все решилось этой ночью. Именно этой. Захват заложников – такое дело, или их освобождают практически сразу, или... с каждым часом, каждой минутой шансы стремительно падают.

Что случилось с Ирэнрой?

Кто и как все это организовал?

Разъяснения я получила от Пети, который встал с утра пораньше и удрал на рынок. Разживаться свежими булочками, а заодно и сплетнями по сходной цене. Там слово, тут два, с мальчишками поболтать, с нищими словом перемолвиться... Преступный мир знает если и не все, то многое, для меня это любопытство, а для них вопрос жизни и смерти.

Или для меня тоже? На меня-то тоже покушались...

Петя и принес новости.

Ближе к рассвету отряд под предводительством Благовещенского проехал по улицам города. Раненые – были.

А еще было тело девушки. Ее везли в телеге... живых так не везут.

Сам Благовещенский был жив и цел, только вряд ли его это радовало. Ох, вряд ли...

Я посмотрела на мальчишек, поежилась... не дай бог пережить родного ребенка. Не дай бог никому такого кошмара. И не надо говорить, что мужчины сильнее, бред это, и злобный притом. Есть вещи, от которых и стальной трос порвется.

– Надо написать, выразить соболезнования, – пробормотала я.

– Может, стоит съездить? – подал голос Ваня.

Я подумала пару минут.

– Нет. Не стоит. Во всяком случае, не домой и не сейчас.

– А куда?

– Через пару дней в канцелярию.

– Зачем?

– Потому что я хочу знать все, что еще вытряхнули из тех троих убийц, – отрезала я. – Мы-то допрашивали их в спешке, небрежно, тут слово, там два, а приличный следователь из них намного больше вытащит. Глядишь, да и поймем чего? И не умеем мы допрашивать грамотно, ни я, ни вчерашние ребята. Это тоже искусство, уметь надо, и учатся этому очень долго.

Ваня потер лоб.

– Я понимаю... а если за это время кто-то еще попробует напасть?

Я пожала плечами.

– Вань, а у нас есть выбор? Отбиваться будем! Как показали вчерашние испытания, мои идеи действуют.

– А если на них что-то подберут?

– Тогда и будем думать, – отрезала я. Дожевала кашу и встала из-за стола. – Пошла я работать. Рассада сама не посеется, факт!

Ваня кивнул. И направился вслед за мной в лабораторию.

Пусть это звучит кощунственно, но! Мне жалко Благовещенского, до слез жалко, но это – его трагедия. Не моя. Пока – не моя, он не разрешал мне подходить близко. Все, что у нас было, одна ночь, и то не со мной, он меня и не узнал при встрече.

Я могу сочувствовать, но моя жизнь продолжается. И надо заниматься своими делами, а не лезть в чужие. Только если сам Александр позволит – тогда я сделаю первый шаг. Не раньше.

Может, это кажется несовременным. Может, неправильно.

Я иначе не могу.

Что у нас на сегодня в лаборатории? Свекла? Вот и отлично!

Очередные новости Петя принес к вечеру.

Демидов.

Все-таки Демидов. Но – в чем смысл? Я откровенно не понимала.

Вот представьте себе, хитрый и умный мужчина вдруг ведет себя как гопник с претензиями! Это же смешно!

Такое ощущение, что Демидовых – два! Один жил, не тужил, расчетливо приумножал состояние, доставшееся ему от предков, полз наверх, искал возможность снять проклятие и продолжить свой род.

Второй – вылез откуда-то из подсознания и как пошел крошить направо-налево! Не дает тебе баба – похитить ее! Или вообще убить!

Да глупость какая! Я бы скорее поверила в интриги! Чтобы Демидов не нашел кому проплатить? Это старый анекдот: «Мсье, у вас порядочные женщины есть? Да, но стоят они очень, очень дорого...»

Меня бы доставили связанной, как колбасу. А еще вариант – найти выходы на государя и убедить выдать меня замуж именно за Сереженьку свет Владимировича. Это тяжело, дорого, долго, но вполне возможно. При желании.

А тут какая-то нелепая буффонада, с похищениями, письмами, шантажами... это хорошо для кино, а в реальной жизни такие, как Демидов, всей этой чепухи не устраивают.

Хм, а если задаться вопросом?

В каком случае Демидов мог бы такое устроить?

– Если бы точно знал, что ты ему не достанешься, – подсказал Ваня.

Я посмотрела с удивлением.

– И откуда такое знание?

– Это надо у Демидова спрашивать, не у меня, – развел руками брат. Язвительный – куда там той ехидне. Плохо я на него влияю, был такой приличный мальчик, а теперь яд с клыков капает. Сарказм – не роскошь, а метод общения, ага.

Ну, у Демидова я спросить точно не смогу, если только нам очную ставку не устроят. Пойдет ли на это Благовещенский?

А почему нет? Надо с ним поговорить, может, стоит попробовать?

А если правда сделать такое допущение? Откуда-то Демидов узнает...

Нет! Начинать надо не с этого!

Есть две силы, одной из которых выгодно видеть меня мертвой! Если Демидов узнает о ее существовании... то это кто-то сильнее Демидова. А что у нас круче денег?

Магия и церковь. Вторую пока что отмечаем, захотели бы – достали без особого труда. На службы я хожу раз в неделю, причащаюсь, исповедуюсь, правда недоговариваю и привираю, но это нормально. Господу Богу я все скажу, а его представителям – извините. Они тоже люди со своими слабостями.

Подсунуть мне яд в той же церкви – дело техники. Не спаслась бы.

Магия? Юрты?

А вот в это я верю.

Но тогда ниточки должны тянуться в ту же Москву? Правильно?

Да. И если подумать, то надо возвращаться в самое начало. А где оно у нас?

Правильно. Там, где умерла княжна Мария Горская.

Если так прикинуть, ее действительно убили. Покушались на Демидова, а погибла княжна...

Минутку?

А с чего я решила, что покушались на Демидова? Амулет дали Марии, активировать его должна была Мария, при всех раскладах она и становилась первой жертвой. У Демидова-то с собой могло быть что угодно, а у нее?

А ничего.

Я не знаю, что пошло не так, что именно перенесло меня в это тело, но результат меня устроил. А вот остальных?

И следует второе покушение. На балу.

Минутку, но ведь покушались на цесаревича?

Или нет? Я сжала руками виски, вспоминая бал. А ведь и верно, девчонка стояла практически напротив меня. Мог Милонег что-то подкузьмить?

Да запросто!

Кажется, кто-то из классиков написал рассказ. Там отравили лорда и его камердинера. Так вот, искали убийцу лорда, а целью оказался его камердинер. То ли жена подсуежилась, то ли еще кто... нет, рассказ я не вспомню, но суть ясна.

Могли покушаться на княжну Горскую?

А кому она, простите, на фиг сдалась? Почему ее не додали в больнице, почему Милонег просто не свернул мне шею, почему...

Ладно, больница – полбеда. Там до меня и правда могли не добраться. Они специализируются на лечении высокородных больных, там все меры безопасности. Выбраться оказалось достаточно несложно, так то наружу, а не внутрь. Да и Андрей Васильевич знал, как все это обходить.

Допустим, в больнице меня достать не смогли. А потом?

Дома за мной смотрели в десять глаз, да и я на свидание не пошла. Может, там бы мне шею и свернули, но – не судьба.

На балу?

А Милонег знал, что я там буду?

Я задумалась. Чисто гипотетически – не тайна. Можно бы расспросить портных, слуг... узнать несложно. При желании. Но убивать меня на балу?

Можно. Но начнется расследование. Что из себя представляет княжна Горская, что ее убить соизволили, да еще таким интересным методом? Господин Милонег, с чего это вы Отелло изобразить решили?

Успел бы уйти герой-любownik? Сложно сказать, данных мало. Но если предположить, что убийство Марии должно было не вызвать подозрений...

А может, и заодно? Есть такое слово – дуплет. Вот оно самое тут и произошло. И цесаревича, и княжну Горскую одним махом. Могло быть?

Вполне.

И я удрала из столицы.

Покушения прекратились – и начались снова, когда я появилась там вместе с Храмовым. И продолжились – здесь, в Березовском.

Приходится признать, княжна кому-то крепко перешла дорогу. Но кому?

Как она вообще это сделала?

Увы, ее память мне не досталась, остается только искать гадину доступными мне методами. Какими?

Вычислять. Дедуктировать...

Ага, я что – Шерлок Холмс? Ох, что-то мне подсказывает, что не выйдет из меня сыщика.

Ловить на живца?

Если бы этим живцом не была я сама, я бы проголосовала – ЗА! А у меня двое детей, так что я против. Но что-то же надо делать?

Надо...

Я не знаю, что именно. И довериться мне некому. Как же все это... отрицательно!

Ирэну хоронили на следующий день. А Ваня донес еще несколько подробностей.

Как я поняла, в лощине меня ждал один человек. Он должен был вывезти княжну к отряду, который ее ждал. А уж тот – доставить непосредственно к заказчику. Зачем такие сложности?

А вот затем.

Отряд состоял из шести человек, и когда они обнаружили, что им в ловушку попалась вовсе не княжна, один из них активировал... ладно, пусть будет – маячок. Сигнал ушел по назначению.

Второй отряд, даже не замечая следы, рванул к Демидову. А тот приказал убить Ирэну – и уходить.

Вопрос у меня был только один – зачем?

Объясните мне, зачем убивать безобидную дурочку, вся вина которой была в том, что она искала жениха повыгоднее?

Зачем?

Что тут вообще происходит?

Что нашло на Демидова?

Нет, я решительно отказывалась это понимать. Что его – бешеная собака покусала, что ли? С чего он начал на людей бросаться?

Ничего не понимаю...

На панихиду я не пошла. И даже из дома выходить не собиралась.

В глазах общественности я была связана с этой трагедией самым прямым образом. Ваня донес.

А что еще можно сказать? Одна из версий вообще была – сногшибательная.

Злая и жестокая я отказала Демидову, а он от отчаяния убил Ирэну. Которая ему тоже, надо полагать, отказала. Логика нет, зато как увлекательно! И таких историй по Березовскому ходила прорва.

Маман явилась на следующий же день. Естественно, с расспросами, любопытство ее одолело хуже чесотки. Уселась в гостиной, потребовала себе чая со сладостями и уставилась на меня как голодная моль на шубу.

– Машенька, расскажи же! Что именно случилось?!

– Откуда я знаю?

Голова у меня болела, настроение было откровенно гадским, и чувствовала я себя заправской гадinou. И неудивительно!

Я не выспалась, я потратила много сил, мне попросту плохо... да еще и все зря. Ирэну не спасли, а

мне теперь хоть уезжай из Березовского, все одно – жизни не дадут. Может, и правда переехать куда-нибудь? На годик-другой?

А, не поможет.

Это маленький провинциальный город, это своеобразный ритм жизни, это очень сложное сообщество. Почти биоценоз. Сообщество организмов, которое населяет одну территорию и связано определенными взаимодействиями. Мне и спустя сорок лет эту историю припомнят. И буду я «та, из-за которой девчонку убили». Плевать, что Ирэна сама нарвалась.

Да и нарвалась ли?

Глупость – не порок, если б каждую дуру за романтические мечты убивали, баб на земле и не осталось бы. Неясно вот, что нашло на Демидова?

Мог бы взять Ирэну с собой и поторговаться...

Не мог?

Почему?

Для анализа решительно не доставало информации. Вот капитально, хоть ты стреляй! И здесь эта дура...

Но я пока сдерживалась. В память о Маше Синютиной.

– Что вам рассказать?

Кому-то другому и моего тона хватило бы. Ледяного, жесткого... нет, не этой дуре.

– Машенька, у тебя что-то было с Демидовым?

– Ничего не было, – отрезала я.

– А у Ирэны?

– Не знаю...

– Наверное, было, да? Она хоть и страшненькая, особенно рядом с тобой, но все ж с приданым... хотя что Демидову то приданое? Жаль, ты за него замуж не пошла, на золоте бы спала и ела...

– Неудобно.

– Что? – не поняла мамаша.

– На золоте спать неудобно. Холодно и укрыться не получится.

Мамаша хихикнула и тут же вернулась к интересной теме.

– Он ведь тебе предложение делал?

– Вам какая разница? – почти рыкнула я.

Предложение, ага... с его-то проклятием...

Проклятием?

Я задумалась уже всерьез. А может ли быть так, что проклятие начало разрушать своего носителя? Чисто теоретически...

Эх, мало я знаю о некромантии, а там и данный раздел представлен. Но если книги по магии земли найти еще можно, то некромантию вообще нереально. Храмов и не пытался. Это даже не черный рынок, это еще глубже и хуже.

Но если так прикинуть...

Нита прокляла семью Демидовых на вымирание. Пока у них был ее талисман, они вымирали. Потом он самоуничтожился, это логично. Была жива змея – был жив и талисман. Умерла она – и ее кровь умерла вместе с ней.

А проклятие?

Не обязательно. Вот ни капельки...

Даже в нашем мире существовала куча историй о проклятии, которое накладывалось на несколько поколений, или на какую-то вещь, или...

Проклятье не обязано умирать вместе с проклинаемым. Оно может остаться. Но почему тогда такие проявления? Почему не парша какая-нибудь, не проказа, не...

Безумие? Но почему тогда оно проявилось именно так? Или оно было завязано на меня? Как на носителя крови даже не просто полозов, а самой Ниты? И там, где речь идет обо мне, Демидов утрачивает адекватность?

Ох, что-то я сомневаюсь.

Наверняка есть и другие причины. Но какие?

Не знаю, ничего не знаю...

– ...а с Благовещенским у вас что-нибудь было?

В реальность я вынырнула как раз вовремя, чтобы услышать последний мамашин вопрос. И – разозлилась.

Это уже такие слухи ходят?!

И эта пакость их тоже поддерживает и распространяет?

Да что ж такое творится!?

Я точно знаю, моя мать, в том мире, оставленном мной, за малейшие подозрения или критику, высказанную в адрес ее детей, голову бы отгрызла. Не в буквальном смысле, конечно, но досталось бы критикану на орехи. Наглость какая! Ее ребенок! И кто-то смеет что-то говорить?

Это закон жизни, свои собаки грызутся, чужая не встречается! Своих защищают, не дают в обиду, а местная мамаша еще и масла в огонь подливает.

Ну все!

Мое терпение лопнуло со звоном и грохотом рухнувшего буфета с посудой. Маша там, не Маша... сейчас мне уже было на все плевать.

Я зашипела так, что составила бы неплохую конкуренцию анаконде. Маман дернулась и оборвалась на полуслове.

– Значит так, – шипение рвалось с моих губ, но слова получались вполне внятными. – С-с-с-сейчас-с-с-с ты пойдеш-ш-ш-шь домой. И с-с-с-сидеть будеш-ш-ш-шь тихо. Не то...

Получилось выразительно.

Маман побледнела, а запах, исходящий от нее, обогатился новыми нотами. Кресло менять придется... сволочь такая! И тут подгадила!

– Ес-с-с-сли я хоть с-с-с-слово ус-с-с-слыш-ш-ш-шу! Ес-с-с-сли ты откроеш-ш-ш-шь с-с-с-свой поганый рот... Я тебя не прос-с-с-сто из города выживу! Я с-с-с-сделаю так, что ты с-с-с-с-смерти ис-с-с-скачь будеш-ш-ш-шь!

Маман пискнула и потекла из кресла на пол.

– Вон отс-с-сюда! И чтобы я тебя больш-ш-ш-ше не видела!

Толстуха поползла из комнаты на четвереньках, извиваясь так противно, что мне захотелось пнуть ее в зад. Сдержалась – кресла уже достаточно, ни к чему еще и туфли портить. И вылетела через другую дверь.

В сад!

Дышать воздухом!

Ёжь твою рожь!!!

В себя я пришла только в беседке. И – меня так затрясло...

Да что со мной такое случилось? Что происходит?! Как меня так сорвало?!

Хотя ответ я и так знала.

Полозова кровь. Просто – то, чем Нита поделилась со мной, проявилось и начало действовать. Почему сейчас?

Потому что я стала матерью. Не только Нилу, но и своему ребенку. И сейчас малышу угрожала опасность.

Эфемерная?

Э, не скажите. Первый же анализ родства (а здесь такие делают с помощью магии, минута – и готово) выявит не только родство Храмова, но и отцовство Благовещенского.

Хотя...

Одну минуту! Там ведь не показывается вариант «отец-сын», там идет завязка на кровное родство, а оно есть.

Нет, с этим можно сильно не дергаться. Родство и родство, Храмов малыша признал, что еще надо? А что не сын, а внук, это уже детали, такой точности анализ и у нас вряд ли проведут.

Но если кто-то решит проверить Нила, это станет началом конца и для маленького полоза, и для меня...

Не знаю, что там сделала со мной Нита, но подозреваю, что есть определенные изменения и у меня, в моей крови. А значит, и Андрюшка?..

И маман сейчас разбудила во мне змею!

Ах ты стерва гнилая!!! Даром что якобы мать родная!!!

Было ли у меня что-то с Благовещенским?

Интересно, это мамашины измышления – или такое уже по Березовскому ходит? И ведь не отмажешься. У меня с ним – было. У него со мной не было!

Я заматалась по беседке как змея по банке.

Сволочи, сволочи, сволочи!!!

НЕНАВИЖУ!!!

Минут пятнадцать прошло, прежде чем я успокоилась и принялась обдумывать ситуацию.

А правда, что тут можно сделать? Выход лишь один – уезжать в столицу. Кидаться в ноги Романову – к его величеству меня просто никто не допустит, – или к отцу, или...

Покровитель мне нужен, покровитель.

Только вот нигде не сказано, что меня будут защищать. И предложить я много не могу, моя работа пока еще в самом начале. А какие есть еще варианты?

В Березовском у меня был только один вариант. Демидов, мать твою гиену безрогую, ты не мог потом все это устроить? Лет через несколько?

Нет, с Благовещенским я связываться не хочу.

Тогда выход один.

Ловить Демидова.

И вот для этого мне очень нужен наш генерал-губернатор. Только для этого! Я сказала!

Нужен он там, не нужен, первым делом что?

У кого-то самолеты. Эти товарищи пролетают со свистом. А у меня – семья.

Ваня. Петя. Те, на кого я могу положиться.

Еще и Аришка... была. Интересно, где она сейчас и что с ней? Навести бы справки, но пока у меня нет возможности. Не зная, кто на меня охотится, не зная, что и где, я не могу никому давать в руки такой шикарный материал для шантажа.

Допустим, кто-то получит Аришку в свои лапки и предложит мне... да что угодно. От секса до промышленного шпионажа.

Не факт, что я соглашусь.

А Ваня? Петя?

Им-то она сестра, как ни крути. Тупенькая, глупенькая, блудливая, но ведь сестренка! У них общие воспоминания, общее детство... что окажется ценнее? Память с ней или перспективы со мной?

Я ответить не бралась, может сыграть и так, и этак.

Сентиментальность, родственные чувства, любовь, привязанность, ответственность – там, где все это начинается, я даже не берусь просчитывать ситуацию. Сама не без греха.

Поэтому и братьям я доверяю до определенного предела, и секреты держу при себе. Большую часть так точно.

Доверять я смогу – кому?

Нилу, когда вырастет. Андрюшке. Но и только. Может, другим детям, если еще будут дети. Если уж и им не доверять, это вовсе кошмар, недаром же будущее – для детей. Мы живем для того, чтобы привести их в этот мир, а они – наше будущее.

Ладно, это потом. А пока надо поговорить с ребятами.

Семейный совет состоялся в кабинете. Я честно обрисовала ситуацию, рассказала про покушения и сообщила, что намерена просить помощи у Благовещенского. А вот что ему за это предложить?

– Голову Демидова, – припечатал Ваня. – У вас общий враг.

– Этого мало, – я покачала головой. – С моей стороны вклад есть, с его стороны, но этого мало. Слишком мало.

– А может, и достаточно. – Петя сидел на ручке кресла, болтал ногой и в задумчивости кусал губы. Вредная привычка, но что поделать? – Я правильно понимаю, ему нужна не просто шкура Демидова, но и оправдание для Москвы?

Я задумалась.

А кто его знает? Но действительно... вот так, кому расскажи про все эти дела? Романову, например?

Пока я думала, Петя вдруг приложил палец к губам и тихо-тихо сполз с кресла на пол. Бесшумно подошел к двери – и резко открыл ее.

– Ой!

Служанка удрать не успела. Как ее там? А, Авдотья! Дуняша, как сократили в людской.

– Подслушиваем? – прищурился Петя.

А ведь растет мелкий. Скоро и мелким называть будет стыдно.

– Я... я просто пыль...

– На двери? – включилась уже и я. – Ну-ка, зайди сюда, лапочка?

«Лапочка» вошла.

– Ваша светлость... я ничего, я не...

– Не первый раз подслушиваем? – уточнила я добродушно. – А я вот сейчас сообщу генерал-губернатору, а пока слуг крикну и прикажу тебя на конюшне пороть, пока с задницы мясо не слезет.

– Да за что!? Не виноватая я!!!

Ага, он сам пришел?

– Да!!!

И только тогда я сообразила, что культовая фраза сорвалась с моих губ автоматом. А девчонка-то приняла ее за вопрос. А ирония добавила ей уверенности в том, что я что-то знаю и лучше не отпираться.

Да и угроза...

В этом времени и месте я была в своем праве. Я могла действительно запороть ее до смерти, и мне мало бы что грозило. Штраф, возможно. Или что-то еще, такое же необременительное.

Я – аристократка, маг, а она простолюдинка. То, что называют серой скотинкой.

Я – могла.

Вот и испугалась девчонка, особенно после того, как увидела несколько дней назад, что сделали с подосланными ко мне убийцами.

– И кто именно? Ведь не Демидов, верно?

– Н-нет... я его не знаю...

Ага, все повторяется в истории планеты Земля.

Девушка подрабатывала себе на приданое. Однажды, в городе, когда она ходила по лавкам, к ней подошел мужчина и предложил немного помочь в этом трудном деле.

Он ей – деньги. Она ему рассказы о буднях хозяйки. Кто приходит, кто уходит, чем я занимаюсь...

Такой вот заинтересованный человек. А вот от кого он? Да кто ж его знает? Уж точно не эта идиотка.

Мы с Ваней переглянулись и принялись ее допрашивать уже подробно. А Петя выскользнул за дверь и отправился в околоток. Сдадим дуру туда, пусть с ней разбираются официально.

Но ситуация меня не порадовала.

Одна попалась. А кто остался? Вряд ли мои «друзья» ограничились одной шпионкой?

И кто именно?

Демидов?

Кто-то еще?

Определенно, мне нужен сильный союзник. И побыстрее.

Похороны.

Панихида.

Поминки.

Ничего в этом приятного нет, факт. И госпожа Благовещенская сейчас лежала с тяжелейшим нервным срывом, а почерневший от горя генерал-губернатор командовал церемонией.

Ваня получил записку и деньги на венок. Пусть сходит, купит и вручит от моего имени. Венок – покойной, записку – Благовещенскому.

Простенькую такую, коротенькую.

«Хотите отомстить? Предлагаю поделиться информацией.

М. Храмова».

А больше ничего и не надо, мудрому достаточно.

Я отчетливо понимаю, что это опасно. Я понимаю, что все может кончиться еще хуже, чем с Ирэной. Но выбора у меня нет.

Или я в этом участвую, или... слухи, которые расходятся сейчас по Березовскому, для меня опаснее ножа. А вот если поймать Демидова – всем будет не до меня. Наоборот...

Выбора нет.

Рискуем.

Ваня пришел достаточно быстро. И вернул мне мою записку с коротким дополнением.

«Девять вечера. Черный ход».

Этого было достаточно. Я поглядела на брата.

– Что у нас с прислугой? Кто хочет внеплановый выходной?

– Кто ж откажется?

Я фыркнула.

Всех отпускать нельзя, но кое-кого так точно можно и нужно. Итак, начнем со сторожа.

Ровно в девять вечера Ваня встречал дорогого гостя.

Александр был в простой одежде, кепка скрывала лицо, а бесформенная куртка – фигуру. То ли рабочий идет, то ли вор, то ли еще кто...

Все дешевенькое, такое и в лавке старьевщика продается, чуть ли не на вес тряпья. Ваня его и не признал, сразу-то...

Хорошо, что сегодня сторож получил выходной. И кухарка. И две из трех горничных, а третья как раз была занята мной. Нянька возилась с детьми, Петя стоял «на стреме», так что дорогой гость проскользнул в дом совершенно беспрепятственно. А потом брат заглянул и ко мне, мол, готово.

Я отпустила девушку, сообщив, что до утра она не понадобится, и направилась туда, куда слуги не заглянут без лишней надобности. В кабинет Храмова.

Благовещенский сидел за столом, и на миг, только на миг дрогнул огонек свечи...

Если бы кто-то видел его сейчас, сомнений в отцовстве Храмова не возникло бы. Копия, как есть – копия. Да, если что – я отобьюсь, какая разница, кто наследует, сын или внук, но рисковать не хочется.

– Здравствуйте, Александр Викторович.

– Здравствуйте, Мария Ивановна.

Глаза – потухшие, тоскливые. Да и лицо такое...

Плохо человеку, сразу видно. Даже на зрелище меня в пеньюаре не отреагировал. А что было делать? Платья местные – неудобные, мои рассчитаны на помощь служанки. Если я его не снимаю, служанка будет ждать вызова, не спать, мало ли что она увидит или услышит. А так – все. Я спать собираюсь, она свободна.

Так что картинка была забавной.

С одной стороны генерал-губернатор, одетый как рабочий, с другой – я, в роскошном пеньюаре цвета шампанского, впрочем, разглядеть что-то под этой волной кружев возможным не представляется. Я в нем похожа на розу или хризантему, сплошные лепестки во все стороны. Пока до сердцевины докопаешься, озвереешь.

И Ваня, одетый по-домашнему, в джинсовку. Понравилась ему эта мода, он теперь где может джинсы цепляет. Но удобно же!

Я и сама бы, но нельзя. Не поймут. Дикари-с!

– Примите мои соболезнования.

Благовещенский махнул рукой, мол, слышал уже. Наслушался и накушался. И я расценила этот жест как предложение перейти к делу.

– Демидов.

Глаза генерал-губернатора сверкнули яростью.

– Да.

Так-то лучше. А то тоска зеленая.

– У нас с вами общий враг. Я только не понимаю, с чего он так подставился, с этим похищением.

– Сам не понимаю. – И мрачный огонь во взгляде. – Ничего, при встрече я его расспрошу.

Ни угроз, ни гнева, но у меня мороз по коже побежал. Да уж, умеет генерал-губернатор жути нагнать.

И не только жути.

Похороны, безусловно, но последние несколько дней Березовский стоял на ушах. Его трясло. Трясло вдоль и поперек, шерстили все городское дно, хватили людей буквально за слово или взгляд, тащили в каталажку, выбивали признания...

Нет, не в воровстве.

Искали зацепки по Демидову. Попутно вскрыли еще чертову прорву всяких дел, но генерал-губернатора интересовало не это.

Ему нужен был враг, а враг сбежал. И где он, что он, как он...

Черт его знает.

Оставался тот крючок, на который он обязательно должен клюнуть, – я.

– Он рассчитывал, что никто ничего не узнает?

– Возможно.

Я задумалась.

– Демидов рассчитывал, что вы разменяете меня на Ирэну без особых размышлений.

– Это было бы недостойно.

Я вздохнула, потерла руками лицо.

– Демидов проклят. И я действительно его последний шанс избавиться от проклятия. Может, где-то еще и есть маги земли, но чтобы подходящего статуса, в нужном возрасте, доказавшая свою плодовитость... да тут можно многое перечислять. Я подхожу ему идеально, но не готова связать свою жизнь с Сергеем Владимировичем. У нас незадолго до всех этих событий состоялся разговор, в котором мы расставили все акценты.

– Расскажите?

Я послушно пересказала разговор как можно ближе к тексту. Благовещенский задумался.

– Да... вы ему нужны.

– Если я выеду из города, он обязательно попыбует меня захватить.

– А еще вас могут попробовать убить.

– Могут, – кивнула я.

– И ваши дети...

– Мои дети? – не поняла я.

– Мария Ивановна, те, кто пришел в ваш дом, должны были убить – всех. Вы не подумали об этом?

Я покачала головой.

– Я решила, что это... нет, даже не так. Я думала, что основная цель – я.

– А если нет? Если это ваш ребенок?

Вот тут-то я и поняла, что такое ужас.

Меня словно волной холода прострелило, от макушки до пяток. Мгновенно заledenели пальцы, стиснуло сердце, и только где-то глубоко внутри, в районе солнечного сплетения, грел крохотный огонек.

– Андрей?..

- Вполне возможно.

- Храмовы?

- Это не доказано.

- Ёжь твою рожь!

Даже материться сил не было.

- Есть такая вероятность, - кивнул Благовещенский. Вы все еще готовы рисковать?

Я покусала губы.

- Да. Но более взвешенно и обдуманно.

- Вот даже как?

- В чем разница между мной и убийцами? Им нужно успеть один раз, а мне - каждый раз. Рано или поздно я допущу ошибку и умру без всякой пользы.

- Хм...

- Поэтому проще один раз подстроить ловушку и попробовать размотать клубочек. Что говорят те трое?

- Ничего. Нанял мужчина, нанял в кабаке... есть такие. «Соломенная свинья».

- Не слышала.

- Неудивительно. Мария Ивановна, пока я приказал прошерстить весь город. Дальше будет видно, что и как.

- Благодарю вас.

- В остальном же... если вы поедете куда-то на рудник или за город, вас обязательно постараются достать.

- В лощину?

- Хотя бы.

- Сколько нам нужно времени на подготовку?

Благовещенский задумался.

- Я еще приеду к вам. Но не меньше трех-четырех дней.

- Хорошо.

Я тоже не проиграю это время, я найду, как его использовать.

- Остается разработать план действий.

- Подозреваю, Мария Ивановна, у вас уже есть свои идеи?

Идей у меня не было. Уж точно не по выманиванию Демидова. Вместо этого я составляла заклинания. А что?

Я ведь буду безоружна. И моя магия... вот есть такой вопрос. Магия земли - это магия стихий, она может быть заблокирована. А магия крови Полоза?

Магия змея?

Ох, подозреваю я, что на нее никакая блокировка не действует. Но как ей правильно воспользоваться?

Ничего, я еще придумаю.

Отца Александра я не ждала, но и отказывать попам не принято. Пришлось принять. Священник вел себя так, словно я уже в монастырь постриглась. И чувствовал себя полным хозяином в доме.

То ли он везде себя так вел, то ли еще что...

- Благословите, отче, - послушно склонила голову я.

- Мир дому сему, чадо, - отвечал священник.

- Что привело вас ко мне, отче?

- Неотложная нужда...

Нужда заключалась в приобретении еще малахита. Я не возражала и продала камень даже ниже себестоимости. Ладно уж, пусть разок будет.

Священник явно остался доволен и уходить не торопился. Я предложила ему чая или чего покрепче, приказала принести разных закусок... конечно, к чаю.

Слово за слово, у нас и разговор завязался.

- Мария Ивановна, до меня дошли слухи...

- Отче? - я была сама невинность.

- Одна девица, уволенная из вашего дома, буквально на всех углах кричит, что застала вас с любовником.

А что она может сказать? Что шпионила за мной и стучала неизвестно кому? Смешно.

И что могу сказать я? Правду? Попу? Представителю «третьей силы»? Не Демидов, не неизвестный мне враг, а третья сила... нет уж! Я жить хочу! Может, попробовать обернуть это себе на пользу? Чтобы если нас и увидят с Благовещенским, это воспринимали не как деловой интерес, а как личный? Хм, может и прокатить, а я уже ничего не теряю. Сплетни-то все равно идут.

Удастся нам оторвать голову Демидову - переключатся, не удастся - от моей репутации и так лохмотья на ниточках болтаются.

- Кошмар какой! Так пятнать мою репутацию!

Получилось в должной мере фальшиво. Священник покачал головой, показывая, что его я не обману такими уловками.

- Мария Ивановна...

Я опустила глаза, потом с вызовом подняла их.

- Я достаточно молода, отче. Неужели я должна навсегда похоронить себя рядом с мужем? Не мечтать о втором замужестве? Не жить? Что в этом такого?

- Ничего, чадо. Если ваш избранник свободен. Он ведь свободен, правда?

Надеюсь, святой отец не читает мысли. Честно говорю, чтобы покраснеть в нужный момент, я устала на него - и представила попа в эротическом костюме кролика. Ушки, хвостик и тапочки с кроличьими мордами. А в руке большая плетка. Почему-то розового цвета.

Вышло так выразительно, что я едва не фыркнула, а в итоге подавилась, раскашлялась, покраснела - получилось как нельзя лучше.

- Конечно свободен!

Я бы и сама себе не поверила.

- Ложь - грех перед лицом Его, - многозначительно возвел глаза к небу священник.

Ну и сомнение у человека, однако. Я едва не заинтересовалась, при чем здесь поп - или они уже тождественны? Сдержалась усилием воли, но покраснела еще больше. И вежливо предложила:

- Выпьем еще чая?

- Да, конечно...

Из моего дома поп уходил в твердой уверенности, что у меня есть любовник. Что этот любовник - Благовещенский. И что на меня наконец-то добыт чемодан компромата. Ага, как же!

Благовещенский и правда приходил по ночам. Но между нами ничего не было.

Мы обсуждали засаду, как и где ее лучше устроить, кого привлечь. Александр решил, что лучше

всего для этого подойдут наемники, которых он обещал мне в охрану, – по крайней мере, они только собираются приехать. И они вообще из соседней области, здесь никого не знают... Теоретически риска меньше, чем с местными.

От остальных все хранилось в тайне. Он не посвящал даже свою супругу, тем более та слегла после смерти дочери, и за ней ухаживали служанки. Женщина находилась в полубеспамятстве, буквально между жизнью и смертью, и я ей искренне сочувствовала. А Благовещенский надеялся, что жене будет легче, если он отомстит за дочь.

А еще он принес мне книгу по некромантии.

Всего одну, самые азы – и где только достал? Я даже спрашивать побоялась. Но приняла ее с благодарностью и принялась изучать.

Не то чтобы я планирую быть некромантом. Меня и магия земли устраивает, а уж магия полозов – тем более. Но знать-то надо?

Я и атомную бомбу никогда не построю, но историю ее создания отлично знаю.

День, два, три...

Неделя...

Слишком рано подсекать тоже не стоило. На меня покушались, я обязана сидеть дома и размазывать сопли по носу. Страдать и переживать. Я ведь женщина, создание нежное и трепетное.

События развернулись раньше, чем я предполагала. Меня попытались отравить.

Обычный завтрак, самая обычная овсянка... я бы в жизни не заподозрила неладного. Все было как всегда, мы рассаживались за столом, Ваня раскладывал по блюдам кашу, поухаживал, передав мне хлеб...

Спас меня Нил.

Малыш, который не отлипал от меня, вдруг выразительно и зло зашипел на тарелку с кашей.

Я насторожилась.

– Детка?

Андрюша спал наверху, он-то еще маленький. А вот Нила я оставить ни с кем не могла. Если у полоза была возможность, он удирал от кого угодно и решительно полз за мной. Прошлый раз – чуть не до лестницы.

Повезло, Петя успел его поймать.

Кто бы знал, с какой скоростью способны передвигаться годовалые дети! Им еще не положено? Это сокровище поползло в семь месяцев, а к году уже неплохо и на ножках передвигалось. Но на четырех лапках же удобнее! А у мамы на ручках еще и приятнее, а потому – подать ребенку маму!

Дела?

Какие это у мамы могут быть дела, кроме ребенка?

Так что завтракали мы все вместе, заодно и прикорм малыш получал, прямо из моей тарелки.

Не в этот раз.

Змееныш смотрел на тарелку и зло шипел.

– Маша? – растерялся брат.

– Подожди, – остановила я его. И сообразила. – Ваня... а кто готовил эту кашу? Ну-ка, всех, кто есть в доме, срочно сюда!

Ваня даже не сразу понял.

– Зачем?

– Потому что каша, похоже, отравлена.

Ваня аж побелел.

– Ты всерьез?

– Вполне. Жаль, испытать не на ком.

– Почему же? – оживился Петя. – Минуту...

И удрал.

Ох, лучше бы он не возвращался. Мы с Ваней мало того, что ждали его как на иголках, так еще и вернулся этот поросенок через минуту... с крысоловкой!

И там сидел здоровущий крысак! Или крысюк? Крыс? Явно мужского рода.

Бэ-э-э-э-э!

Да простят меня те, кто разводят крыс... подозреваю, что чистенькие и ухоженные домашние любимцы не имеют ничего общего со здоровущей облезлой зверюгой в тесной клеточке.

Крыса визжала и щелкала зубами, Петя держал ее так, чтобы крысюк не добрался до пальцев.

– Убери эту гадость!!!

Может, я и маг земли. Может, даже некромант. Но лучше уж чистенький и симпатичный скелет, чем вот ЭТО! Лучше даже Чужой и Хищник, те хотя бы в телевизоре, а вот это – здесь.

Уберите гадость!!!

Из всех инстинктов у меня остались только два – визжательный и убегательный.

Змеи едят крыс?

Я им очень, очень сочувствую. Лично у меня от одной мысли еще и рвотный рефлекс открывается. Гадость какая!

А вот Петя таких чувств не испытывал. Недолго думая, он плюхнул ловушку прямо на скатерть (выкину скатерть), взял со стола ложку (МОЮ!!! ВЫКИНУ!!!), зачерпнул кашу и плюхнул прямо крысе на морду.

Что-то попало и в пасть.

Минута.

Две...

А хороший яд подобрали, мощный, подумала я, глядя на подошедшую крысу. Та и не мучилась, так, дернулась пару раз – и лапы в стороны. Я бы тоже не мучилась, наверное.

Или там концентрация для меня маловата? Пришлось бы пострадать пару дней?

– Интересно, что это за яд? – вслух подумала я.

– Н-не знаю, – Ванин голос сорвался, «дал петуха». – Что делать будем?

– Писать Благовещенскому, конечно, – хмыкнула я. – Меня же отравить хотели, это его прямо касается.

Ваня аж головой помотал.

– Маша?

А я сейчас думала о том, что, может быть, у меня получится. А вдруг я поймаю двух рыбин на один и тот же крючок?

Я нужна Демидову. Живая, надеюсь. Для размножения.

Я нужна неизвестным убийцам. Дохлая.

Нельзя ли как-то их стравить между собой? Пусть разберутся, а я добыю победителя и порадуюсь?

Ох, что-то мне подсказывало, что это не с моим счастьем. Но хоть помечтать дайте...

Благовещенский прибыл меньше чем через час.

Я сидела в кресле, кусала губы и злилась. Вот честно, у меня было такое состояние – голыми

руками разорвала бы на части ту паскуду, которая меня заказала.

Страху не было, а злость была. Бешенство даже.

Я?

Или дети?

Кто был мишенью? Все сразу?

Ну, доберусь я до этих паскуд!

Благовещенский, недолго думая, приказал допросить всех, кто был в доме. Увы, это сделать не удалось. Пропала еще одна из служанок. Не помощница кухарки, а просто – одна из девушек, которые убирали дом. Причина была понятна.

Но – как она умудрилась подсыпать яд?

Ответ на этот вопрос дала кухарка. По ее словам, испорчен был кувшин с молоком. Туда яд подлили. Она же не пробует кашу, овсянка с утра – это чисто господская причуда. Равно как и козье молоко, на котором ее готовят. Я распорядилась, но козье молоко – штука такая. Запах у него своеобразный. На любителя.

У нас в доме таких любителей не нашлось. А я приказывала варить на нем кашу ради Нила. Для ребенка так намного лучше, чем на коровьем молоке, хоть и не было у полоза никогда аллергии. Но перестраховаться не помешает.

Больше ничего не было испорчено.

Кашу никто не пробовал.

Мне повезло. Мне в очередной раз повезло. Нет, но сколько можно?

Господа убийцы, вы меня достали! Готовьтесь, теперь я достану вас.

Сергей Владимирович Демидов пребывал в несвойственном ему состоянии растерянности. Даже нерешительности, можно сказать.

Так удачно задуманный план при исполнении превратился в какую-то похабщину. А ведь было все так хорошо!

Ирэна сама шла в расставленные силки.

Ее мать в нужный момент кинулась в ноги княжне Горской, умоляя о помощи, и весточку прислала, что все будет сделано именно так, как надо.

При удаче он получал покорную жену и детей, Благовещенская получала дочь и свободу, а деньги... Демидов искренне полагал, что часть драгоценностей можно было бы и прикарманить, ну к чему этой бабе столько денег?

Вовсе ни к чему, а у него последнее время убытки...

И что?

И все рухнуло.

Верные люди частью перебиты, частью с ним в бегах. Княжна у себя дома, а он получил на свою голову месть от Благовещенского.

Ладно... не то чтобы месть.

Отпереться можно всегда.

Демидов вспомнил ту ночь, когда все рухнуло.

Он ждал.

Ждал на заимке, о которой знали только несколько человек. Он, трое его самых доверенных людей, ну, еще двое охранников. Там же ждала и Ирэна, доставшая всех своими истериками, а потому пришлось связать ее.

Потом пришел сигнал. И Демидов понял, что княжну ему не отдадут. Явно что-то пошло не так, надо уходить. В стойкость своих людей он не верил, под пытками кто угодно заговорит, а

Благовещенского он оценил по достоинству. Этот не просто распорядится пытать, он и думать-то не будет. Сам за раскаленное железо и ножи возьмется.

Демидов вышел из дома, чтобы отдать приказ. И Семен, его доверенный, последовал за ним.

Когда он вернулся, все было уже кончено.

Ирэна была убита. Демид, второй его доверенный, тоже, а Григорий, третий, кого он взял с собой, не считая охраны (но та была снаружи, при лошадях), исчез.

Что оставалось делать Сергею Владимировичу? Дождаться генерал-губернатора и вежливо объяснить, что он вообще-то не планировал ничего подобного?

Проще уж сразу самоубиться. Демидов полным идиотом не был, а потому и удрал подальше, не разбираясь, что и как.

Гришка убил девчонку и бежал? Так надо его найти, поговорить, а уж потом беседовать с генерал-губернатором. Только вот...

Демидов не питал особых иллюзий. Что бы он сделал на месте нанимателя Гришки?

Да убил его, и концы в воду. Может, Григорий сейчас и кормит рыбок где-то в дальнем озере. Вполне возможно.

Искать все равно надо было, но не столько Гришку, сколько его нанимателя. Побеседовать с семьей, с друзьями, родными, знакомыми... со всеми! А пока это происходит – сидеть тихо. Прятаться ото всех. И главное – от генерал-губернатора.

Вести из Березовского приходили печальные.

Ирэну похоронили, Дарья лежит с нервным срывом, сам генерал-губернатор устроил в городе судный день, иначе это и не назовешь. Все плачут и рыдают, а городской дно просто опустело. Кто поумнее – разбежались, кто поглупее – лежат в земле или сидят. Тихо и в цепях.

Одним словом – печально.

Про Гришку никаких известий, да и кто бы мог ожидать от подлеца? Ведь все, все ему дал, к себе приблизил, обласкал, ценил... и что? Какой черной неблагодарностью отплатил ему мерзавец?

Гришка был незаконным сыном одного мага и крестьянки на земле Демидовых. Без способностей, даже латентных, вообще не маг. Никакой. И бесило его это до безумия. Магов и магию он ненавидел так, что жутко становилось. А такое качество не могло остаться незамеченным. Вот Демидов и приблизил парня к себе. Позаботился обучить и получил охранника. Для управляющего или советчика Гришка был глуповат, но злобен, опасен, умел выполнять даже самые страшные приказы, ничем не гнушался...

Отличное качество то ли для охранника, то ли для личного палача. И взял-то Демидов его с собой затем, чтобы сразу надавить на княжну.

А что вышло?

Гришка в бегах, Демидов в... понятно, что не в розах, зато Мария сидит в Березовском и выезжать оттуда не собирается. Никуда.

Мало того, доходят вести, что Благовещенский то ли собирается, то ли уже утешился в ее объятиях. А это уж вовсе...

Демидов скрипнул зубами.

Еще не хватало, чтобы его будущая жена опять забрюхатела, на этот раз от генерал-губернатора! Ему чужие ублюдки ни к чему!

Правильно Мария старалась держаться от него подальше, первыми жертвами Демидова стали бы как раз Нил и Андрей. А зачем ему чужое племя? Ладно еще сын Храмова, но какой-то приبلудыш? Демидову требовалась вся Мария Горская и все ее внимание, отданное ЕГО детям. Не просто так.

Проклятие, знаете ли...

А маг земли – это сила. И мать... может, она бы и смогла все это снять?

Демидов искренне считал, что смогла бы. Только вот до Марии не доберешься. И Гришка, сукин кот, куда-то исчез. И...

Положение – врагу не пожелаешь. Он может поклясться на чем угодно, что не хотел смерти Ирэны, не приказывал ее убивать, не...

Только его это все равно не спасет.

Поговорить?

А как? Кто бы на месте Благовещенского стал с ним говорить? С виновником смерти дочери? Сначала убьют, потом над могилкой речь скажут, вот и поговорили.

Генерал-губернатор искал Демидова. А Демидов лихорадочно искал того, кто его подставил. И времени у них обоих оставалось все меньше и меньше.

– Ваше императорское величество...

Романов понимал, что сейчас получит трепку. И готов был ко всему.

Правильно готовился.

Приступ гнева у Ивана Четырнадцатого длился минут пять, не больше, но Романову от этого легче не было. Магия воздуха, знаете ли...

Когда вас подбрасывает вверх на пять метров, прижимает к потолку, а внизу раскручивается настоящий торнадо, и в каких-то сантиметрах от вашего носа пролетает тяжелый стол... Как-то это не добавляет уверенности в себе и счастья в жизни.

По счастью, успокаивался император быстро. Выплескивал силу в приступе бешенства и поневоле успокаивался.

Романову в этот раз повезло – на ковер упал. Да и защита сработала, уберегла от переломов.

Иван Четырнадцатый кивнул ему на кресло.

– Садись. Поговорим.

Игорь Никодимович послушно перевернул кресло, поставил его на ножки и уселся.

Одна из ножек предостерегающе хрустнула, но выдержала.

– Проморгал заговор?

Романов развел руками.

Проверив сведения из дневника Марии Горской, он соединил все в одну цепочку – и едва не взвыл. Вот ведь...

Действительно, проморгал! Пролопоушил, как последний щенок! Должен был заметить – и не справился, не придал значения... если бы заговорщики сами не испугались.

И кого?

Казалось бы – девчонка. Но даже маленький камушек, попавший в жернова, может испортить громадный механизм.

Но если бы княжна рассказала все отцу! Хоть намекнула! Хоть слово сказала!

Только вот не те у них были отношения. Однако хватило бы и слова, сказанного Демидову. Тот тоже мог бы воспользоваться ситуацией в своих интересах. И заговорщики решили избавиться от княжны. Милонегу посулили... что?

Да что угодно, лишь бы он подсунил амулет девушке. А собирались ли выполнять обещание? Кто ж его знает. Вряд ли. Убить всяко было проще, чем возиться с дураком, способным подвести под монастырь.

Княжна же включилась в игру.

Происшествие на помолвке его высочества было... Романов полагал, что тут имел место дуплет. Получится устранить наследника? Отлично! Нет? Тогда хотя бы расстроить помолвку, да и княжну убрать. Или в результате покушения погибнет, или потом... не сбежала бы Мария в первую же ночь из лечебницы, вторую бы и не пережила. Мало ли...

Врачебная ошибка, горе-то какое! Бывает!

Да и кто бы там стал разбираться после взрыва?

Император слушал, в глубокой задумчивости вертел в руках дорогое золотое перо и превращал его в нечто жутковатое. Перекрученное, изломанное... мягкий металл легко поддавался нажиму сильных пальцев. А когда Романов закончил, подвел итоги:

– Лучше поздно, чем никогда. Что планируешь делать?

Игорь Никодимович опустил голову, понимая, что гроза прошла стороной. Она еще обрушится, она еще ударит молнией, она еще ужаснет всех буйством стихий, но его уже не затронет. Разве что краем, и это радовало.

Жутковатая магия, которая досталась некогда сыну Ивана Грозного, а потом еще целенаправленно развивалась и усиливалась в потомстве, пугала даже приближенных к трону.

– Арестовать нельзя, государь. Просто не за что. Слова к делу не пришьешь... я хочу вызвать в Москву Марию Храмову. Пусть попробуют ее убрать. Или как-то себя проявят. А тут уж и мы не оплошаем.

– Положишь мне план на стол. И чтобы знали только ты и я. Понял?

– Да, ваше императорское величество.

Государь милостиво кивнул.

– Под каким предлогом ты собираешься ее вызвать в Москву?

– Государь, я полагаю, что ей напишет отец. Возможно, он заболел, – предположил Романов.

И написал бы, и заболел, и даже помер бы князь Горский, если это понадобится во имя государственных интересов. Но у императора было другое предложение.

– Я сам напишу ей, – мурлыкнул самодержец.

– Государь?

– Княжна послужит истинным украшением двора, не так ли?

– Да, ваше императорское величество.

Его величество сощурился, как никогда напоминая тигра на охоте. Мягкие лапки, очаровательная улыбка, шикарный мех, а под всем этим великолепием – клыки и когти.

– И я позабочусь, чтобы это украшение получило достойную оправу.

Глава 10

Днем с огнем, вечером - с фонарем

- Прекрасно! Теперь у нас есть, чем освещать дорогу, - съехидничала я.

Ваня насупился.

- Машка!

- А что? Такой цвет, такая насыщенность! Под второй глаз аналогичное украшение не желаете, сударь?

- Ехидна эфиопская, - проворчал братик.

А вот не надо шляться где попало. Тогда и не попадет!

Ваня решил сходить в гости к мамаше.

После разрыва дипломатических отношений она к нам и шага не делала. Жить хотелось. Я к ней тоже не рвалась, полагая, что спокойнее буду. А то ведь пришибу еще дуру такую!

Вот Ваня и решил навеститься, заодно и денег ей отнести. И наткнулся на очередную гулянку.

Деньги маман приняла, тут же послали за добавкой, а Ваню начали расспрашивать обо мне. Слово за слово, вылетело - поймали, и морду набили.

Я так поняла, что начал драться именно Ваня. Кто-то из мамашиних гостей прошелся на мой счет, вот и не вынесла душа поэта. Дал в ухо, получил в глаз - почти равноценный обмен.

Победила, как водится, дружба, а именно - околоточный, которому свистнули соседи. Их мамашкины гулянки доставали до печенок, равно как и глупость и хвастовство. Мне было соседей искренне жалко, но что тут сделаешь? Пусть терпят!

Ваню я из участка забрала, а что там будет с той же мамашей - меня и не интересовало. Думаю, еще месяц общественно-трудовых работ пойдет ей только на пользу. И соседи отдохнут. А то ведь подожгут ее одной веселой ночью. Я бы подожгла. Или хотя бы на стреме постояла.

- Балбес малолетний. Охота тебе была с дураками связываться!

Ваня сопнул носом. Тоже разбитым, кто б сомневался.

- Ты бы их слышала!

- Зачем? Я уши по утрам мою, а ты хочешь, чтобы я их грязью забивала?

- И мать туда же... она на тебя обиделась!

- Надеюсь, она хоть не заявила, что сиськой меня кормила и последнее отдавала? - уточнила я.

Ваня фыркнул.

Он как-то и сам забывал, что я Мария Ивановна, а не Мария Петровна. Так уж получилось.

- Этого не было. Но что приняли тебя как родную...

- Ваня! Цыц!

Я подняла руку, останавливая словоразлив.

- Извини, - осекся братец.

- Уже извинила. - Я махнула рукой. - Просто давай договоримся, ты мне весь этот бред не пересказываешь, хорошо?

- Хорошо.

- Если что - расскажи все Благовещенскому, ладно? Если есть что-то важное. А мне не надо.

- Так я и сделаю, - Ваня сдаваться не собирался.

Не знаю, что именно он рассказал генерал-губернатору. Но Благовещенский меня порадовал нестандартным решением.

Примерно в десяти метрах от дома, где жила мадам Синютина, появилась будка околоточного. И началось круглосуточное дежурство.

Гулянки прекратились сразу же.

А кому понравится, если у тебя веселье, а тут околоточный, приходит, берет за шкуру и нудно объясняет, что общественный порядок нарушать нельзя? Никому не понравится.

Соседи перекрестились. А я эту проблему и вовсе из головы выкинула. Меня больше волновало другое.

Безопасность для меня – и детей.

Выезд в лощину был назначен через два дня. Я активно готовилась.

Детей я с собой туда не возьму. Но защитить их надо. Это – мои дети. Сначала я за них любого порву, а затем уж буду разбираться, кто и зачем приходил, так-то.

Но и себя хорошо бы защитить. А вот как?

Магия земли, некромантия и немного фантазии. И вы получите такой шикарный результат, что ужаснутся все. Просто – все.

Не успела.

Защиту пришлось проверять намного раньше. И на другом объекте.

Вечером я, как обычно, сидела с мелкими. С Нилом мы играли в кубики, я специально заказала такие – с буквами. Здесь они пока еще были в новинку.

Мы строили замки, разрушали их... да, это вам не набор конструктора, который у меня был когда-то.

Металлический, тяжеленький, полоски разной длины, уголки, болты, гайки, отвертки в действии, собирай хоть качели, хоть трактор, схемы прилагаются. Какие там трансформеры? Не смотрелись они рядом с этим набором!

Может, заказать? Дорого, конечно, но двое мальчишек в семье, да и что для меня дорого? Если таланты Полоза в крови гуляют? Поискать золотую жилу, притянуть... пара кило драгоценного металла лишней в хозяйстве не будет. Я еще не пробовала, но думаю, получится. Только надо добраться к горам, здесь-то, под Березовским, рудных жил нет. Я их не чую.

Если что и проходит, то на такой глубине...

А здесь обычный камень. Кварц, шпат...

Водяные жилы есть, глубоко, но есть. А драгоценных – нет.

Но долго раздумывать над возможностью личного обогащения мне не дали. Постучали и вошел Благовещенский.

– Александр Викторович? – искренне удивилась я.

По вечерам он старался не приезжать, хотя от моей репутации и так огрызки остались. Да и плевать... мне все равно переезжать придется, это факт. Куплю, вон, поместье и там окопаюсь! Или приобрету еще земли рядом с лощиной и дом построю. С скромный, каменный...

Мне дворцы и поместья не нужны, мне и домик на сто-двести квадратных метров сойдет. Не приемы устраивать, а просто жить с семьей.

– Мария Ивановна... вы в порядке?

– Да. А что случилось?

– Дарья пропала.

Сначала мне захотелось изобразить классическое «рука-лицо». Потом я сообразила, что мой жест просто не поймут, и коротко спросила:

– Как?

Благовещенский упал в кресло, подхватил Нила, который тут же полез на него, и сделал малышу «козу». Ага, наивный.

Полоза козами не проймешь, а потому генерал-губернатор был крепко укушен за палец.

– Он не ядовитый, – честно предупредила я. – Наверное.

Благовещенский принял мои слова за шутку. А зря.

– Дарья утром пришла в себя, и у нее случилась истерика.

Мужчина опять замолчал, а мне захотелось пнуть его.

Ну пришла! Ну истерика! Ну!!! Я-то тут при чем?!

Чего ты вообще ко мне на ночь глядя явился? Твоя жена, ты с ней и занимайся! Сопли вытирай, спать укладывай, истерики прекращай! А от меня что надо? Успокоительное?

– Дарья кричала, что вы во всем виноваты.

Ёжь твою рожь!

– В чем? – медленно уточнила я.

Что за еж такой? Почему я во всем виновата? Кого-то убьют – я виновата, у кого-то крыша едет – опять я виновата... найдите другого крайнего! Чего сразу я?!

Я даже не рыжая! Гр-р-р-р-р!!!

– Как я понял, Демидов хотел получить вас. А Дарья хотела уехать от меня. Навсегда.

Я только рот открыла. Потом подумала, закрыла...

– Почему, если не секрет?

– Да какой уж тут секрет, – криво усмехнулся мужчина. – У нас был взаимовыгодный союз. У нее связи, у меня деньги. Получилось неплохо, я пошел в гору, заслужил нам потомственное дворянство, потом титул получил... за заслуги. Сюда вот направили, через несколько лет, если все было бы в порядке, перевели поближе к Москве, а там и в Москву.

– И что не так?

– Дарье этого показалось мало. Ей хотелось блистать, царить, а в провинции...

Я покусала губы.

А действительно. Это я занята по уши, а если взять обычную дворянку? Да, домашние дела. Однообразные и повседневные. Да, сплетни, слухи, покупки, дети и внуки. А что еще?

В общем-то ничего.

Если есть семья, то больше тут ничем не займешься. Да и не надо этого большинству. Пока накормишь – напоишь – искупаешь – подотрешь – посеешь – пожнешь... тут присесть бы хоть на часок! Дарья просто бесилась от безделья. А вот занялась бы хоть разведением хомяков, мигом бы дело на лад пошло!

Это я Благовещенскому и высказала. И получила в ответ пожатие плечами.

– Как оказалось, Дарья мечтала о своем салоне. Я ей этого дать не мог.

Я фыркнула.

– Салон можно бы и на попозже оставить. А сейчас другим делом заняться. Ладно... это мы в сторону ушли. Так при чем тут я?

– Дарья решила договориться с Демидовым. Он получает вас, она получает дочь и деньги, и они с Ирэнкой уезжают. Если я правильно понял, дочь была не в восторге от партии, которую я ей нашел.

– А найти другую было нельзя? – хмуро уточнила я.

– Если бы Ирэна поговорила со мной, я бы подумал. – Благовещенский потер лицо руками. – Не такой уж я тиран.

Такой, не такой...

А все-таки здесь не принято спрашивать у девушки, чего она хочет. Родителям виднее. И самое

забавное, что, если родители выбирают ориентируясь на счастье дочери, а не на деловые отношения, оно и неплохо получается. Это в семнадцать лет любовь глаза застит. А когда ты уже в возрасте, да о ребенке заботишься, тут и родословную посмотришь, и с семьей познакомишься, и кандидата самого проверишь.

Интересно, Благовещенский дочери жениха подбирал исходя из ее интересов – или из своих? Я задумчиво посмотрела на мужчину. Тот понял и покачал головой.

– Я бы действительно подумал. Но Ирэна ни разу не сказала, что Михаил ее не устраивает.

– А я-то при чем во всей этой истории?

– Дарья считает, что если бы не вы...

– Что – я?

– Я тоже не понял. Но решил вас предупредить.

– О чем?

– Дарья сбежала.

– Что?! – Вот теперь я удивилась. – Как сбежала? Куда? Зачем?

– Знать бы. Отослала сиделку, оделась и ушла. И если учесть, что вас она считает во всем виноватой...

Я скрипнула зубами.

– Ёжь твою рожь! Меня замуж за проклятого выдать хотят, чтобы я с ним и года не прожила! Я свою жизнь защищаю! И я же еще виновата? Да мне оно и даром не надо было! Кто б меня спрашивал!?

– Демидов проклят?

– Вы не знали?

– Откуда бы? Это не та информация, о которой распространяются.

Я вздохнула и поведала что знаю о Демидове. Не о Полозе, но о вымирании рода, о смертях его жен, родственников – то, что мы успели сообразить с Андреем Васильевичем. А потом кивнула.

– Вот что меня удивляло. Зачем Демидову убивать вашу дочь?

– То есть?

– Да он мог просто на ней жениться! Ему еще не шестьдесят, да и можно получить потомство даже и в более позднем возрасте! Он бы мог просто жениться на Ирэне, она бы сама через пару лет умерла. И со мной у него не такая уж срочность... или нет?

– Последнее время – вот это я раскопал – у Демидова дела шли далеко не блестяще. Он закрыл четыре шахты. Одну затопило, в двух кончилась выработка руды, ушла жила, еще в одной случился обвал.

Я хмыкнула. Вот тут я могла пролить свет на события.

– Это в последний год, верно?

– Да, что-то около года. Вы что-то знаете?

– В роду Демидовых из поколения в поколение передавался талисман. Нечто вроде ожерелья. Около года назад его пытались похитить – на железной дороге. Был случай...

– Да, я читал отчет. Неизвестный маг земли... вы?

– Я.

– Понятно.

– Я была там и почувствовала талисман. Как маг. Только вот разобралась не сразу, а сильно потом, когда начала учиться. Даже от самой сильной магии нет толку, если нет знаний.

Благовещенский кивнул.

– И что же вы поняли?

– Талисман умирает. А потом... про некромантский ритуал на болоте вы знаете?

– Да.

– Я там была тоже. И получила вторую часть информации. Лишившись старого, Демидов пытался создать новое. У него не получилось...

– Благодаря вам.

– Мне. Можете не хвалить и не давать орденов, – усмехнулась я.

Во взгляде Благовещенского отчетливо читалось желание надрать мне уши. Чтобы не шлялась где попало и не лезла куда не стоит.

– Сложив всю информацию, я поняла, что у Демидова беда. Ему нужен маг земли – и чтобы я рожала здоровых детей, и чтобы работала по специальности. Магом земли.

– Хм.

– И убивать Ирэну ему смысла не было. Попросил бы ее руки, вот и все. Вы бы отказали?

– Нет. После побега – нет.

– Вот! А через пару лет многое забылось бы, Ирэна бы умерла, а он бы преспокойно женился на мне. Все подготовил, рычаги управления нашел...

– А вы бы к тому времени вышли замуж за кого-то другого? – поддразнил генерал-губернатор.

– Нет.

– Это вы сейчас так говорите, Мария Ивановна.

Я пожала плечами.

– Хотите – верьте, хотите – нет, но замуж я не собираюсь. Мне страшно. Другой такой, как Сергей Никодимович, мне вряд ли встретится, а худшего и не надо.

Благовещенский на миг замялся, а потом, видимо, решил, что раз пошла такая пьянка, то можно и дальше лезть человеку в душу. А что? Нормально!

Выпить ему, что ли, предложить? Мне-то пока ничего нельзя, я Андрейку до сих пор кормлю и буду до года минимум кормить. Даешь иммунитет у ребенка! А генерал-губернатору можно...

Эх, вот закончится моя работа кормушкой – и я буду отмечать свободу!

Литр кофе! Крепкого, черного, сладкого!

И большая плитка шоколада! Фунтовая! Всю стрессаю, пусть даже меня прыщами в три ряда обсыплет!

– Вы любили своего супруга, Мария Ивановна?

– Нет, – честно ответила я. – У нас был союз равных. Я знала, чего он ждет от меня, и честно выполнила свои обязательства. Выполняю, – взгляд на сына. – Он знал, что нужно мне, и выполнил мои просьбы. Даже авансом. Я ему обязана, и останься Сергей Никодимович жив, сделала бы все, чтобы он не пожалел о нашей сделке.

Благовещенский даже рот открыл.

– Это скорее мужской подход к вопросу.

– Честность, равно как и честь, – встречается и у женщин. Если непривычно, не обессудьте.

Я поджала губы. Ага, непривычно. А сам как женился? По великой любви? Слышали уже, верим...

Благовещенский, кажется, понял меня, потому что потер лоб, вздохнул.

– Извините, Мария. Я был неправ.

– Не стоит кидаться камнями, живя в стеклянном доме, – подсказала я.

– Верно. Еще раз прошу прощения. Может, так и честнее...

– Вы прощены, – величественно объявила я. – Будете вино? Или коньяк? У меня есть хороший... из Франции, настоящий. Из города Коньяк, а не подделка из Одессы.

– Замечательное предложение. Но я, боюсь, просто усну, если выпью, – отказался Благовещенский. – Простите, Мария. Ночевать в вашем доме уж действительно неприемлемо.

– Я с вами полностью согласна. Если я встречу вашу супругу – постараюсь доставить ее к вам. А что с остальными делами? Что наемники?

– Будут завтра.

– То есть послезавтра...

– Да, вы начинаете ездить в лоцинку.

Я кивнула.

– Хорошо. Тогда... прощаемся, Александр Викторович?

– Да.

Генерал-губернатор извлек себя из кресла с некоторым усилием. Я его понимала. Я эти кресла вообще обожала нежной любовью. Здоровущие, набитые чем-то упругим, кажется конским волосом, они дали бы сто очков вперед любым ортопедическим сидушкам. Как же в них было удобно! Просто невероятно! Я забиралась с ногами в кресло, брала книгу – и вот они, минуты счастья.

Мне поцеловали руку и вежливо распрощались. Я отправилась к себе в глубокой задумчивости.

Вот как бывает...

Мужчина, который мне нравится, теперь... свободен?

Практически да. А вот как оно на деле выйдет? И я ему не слишком-то и нужна... нет, если подсуетиться, у нас, может, что-то получится. А стоит ли оно того?

В какой-то момент можно подлечь под любого мужчину. Вообще, будь он хоть император. Но на сколь долгий срок ты ему нужна?

То-то и оно.

И подло это как-то. Гадкое ощущение. И послевкусие гадкое... у человека беда, а я ей пользуюсь в своих интересах.

В любви нельзя быть принципиальной, или это не любовь?

Не знаю. Но если я воспользуюсь этой ситуацией, то себя уважать перестану. Это точно.

Я уже собиралась спать, когда в дверь спальни застучали.

– Какого черта?

– Маша!!! Мамин дом горит!!!

– Ёжь твою рожь!

Я вылетела из кровати с такой скоростью, что едва не упала, зацепившись о ковер. Схватила из шкафа первое, что попало, и заорала через дверь:

– Подробности!!!

– Не знаю! Мальчишка прибежал, говорит, дом горит. Соседи послали!!!

Я натянула платье и распахнула дверь.

– Застегивать помогай!

Пуговицы были на спине, так что Ваня послушно взялся за них, а я схватилась за расческу. Не бежать же совсем уж росомарой – хоть волосы переплести.

– Маша, мы сейчас туда?

– Конечно! – кивнула я. – Только деньги возьму...

– Да, конечно. – Ваня был бледен, как мел. – Мама...

Я скрипнула зубами.

Маман...

Догулялась, ёжь твою рожь! И удивления у меня не возникало! Если каждый день газ-квас, если постоянные пьянки-гулянки, так чего вы хотите?

Рано или поздно, так или иначе... кто считал, какое количество алкашей погибает от выкуренной сигареты? Недокуренной?

Захотел спьяну закурить или чайку попить, потом сигарета, или спичка, или...

Возгорание – и смерть. Не единичный случай. И, между нами, в таких случаях мне больше всего жаль соседей. Они-то не виноваты, что алканарий на себя смерть накликал! Они в него водку не заливали!

А здесь и сейчас кого мне жалко?

Ваню и Петю. Вот уж кто не виноват ни в чем... они ведь ее все равно любят! Мамаша, как ни крути!

Сучка!

Ладно, пусть выживет, а я ей сама голову оторву!

Петя уже ждал нас в конюшне, рядом с заложенной коляской, куда я и запрыгнула. Не бегом же бежать?

И верхом я не поскачу. Увы... лошади – классные, потрясающие, вообще чудесные. Но вот верховую езду я пока так и не освоила. Если только на память тела положиться? Но не беременной же этим заниматься? И потом не до того было...

Ваня свистнул и схватил кнут.

– Н-но!!!

Лошади рванулись с места по темным улицам.

Я схватилась за сиденье, чтобы не снесло. Мотало нас с Петей как пельмени в пустой коробке, но претензий не было. Понятное дело, Ванька переживает! И сам Петя тоже...

Расстояние до маминого дома мы преодолели за двадцать минут. Когда все уже было кончено.

Печально догорал пожар.

Дом напоминал гнилой зуб – крыша провалилась внутрь, а стены остались. Каменные же, не деревянные.

Постройки тоже остались целы.

На пепелище суетился пожарный расчет. Четверо человек плюс бригадир. Я выпрыгнула из коляски, наплевав на задравшуюся юбку. Одернула и пошла вперед.

– Добрый вечер.

– Добрый вечер... эм-м-м...

– Храмова. Мария Ивановна.

Бригадир тут же подтянулся. Даже каблуками щелкнул.

– Сидоров! Евстафий Иванович! Ваше...

– Евстафий Иванович, что тут произошло? – перебила я. Явно Храмова помнит и в курсе нашей свадьбы. Явно...

– Возгорание. Двое погибших.

Коротко и по делу.

– Кто?

– Я так понял, что одна – Анна Синютина, хозяйка дома. А второй пока не установлен. Неизвестное лицо, так-то...

– Их можно видеть? – спросила я.

Бригадир смутился.

– Госпожа, это... неприятное зрелище.

– Особенно для молодой девушки. Я понимаю. Я могу их увидеть? – повторила я.

– Может, лучше молодой человек?..

Я поглядела на Ваню.

Тот был бледен как снятое молоко. Даже в синеву.

– Нет. Он как раз останется здесь. Ведите, – жестко распорядилась я.

Спорить со мной не посмели. Бригадир развернулся и повел меня, поддерживая под локоть. И кстати – я бы точно носом в грязь ляпнулась. Ботинки у меня хорошие, но грязи тут... и всякой дряни валяется... то ли маман двор загадила, то ли уже потом, когда пожар тушили, все разнесли...

Кто ж его знает?

М-да.

Вид...

Запах...

Знала бы я, что это будет – так...

– Задохнулись во сне. А тела уж потом обгорели, – пояснил пожарный.

Я передернулась. Если б не закалка двадцать первого века, блевала бы я сейчас во всех углах. Но – держусь. Я держусь...

Черное, страшное...

Я не любила маман. Но сейчас мне было ее искренне жалко.

– Да, это она.

– А второго не знаете?

Я вгляделась и пожала плечами.

– Нет, не знаю.

Здоровущий, рыжий, с перебитым носом и такими, словно бы конопушками по всему лицу, как рябой... они, конечно, обгорели, но не так сильно. Лица были вполне опознаваемы.

– Жаль...

Я пожала плечами. Кто ж его знает, кого маман нашла? Всем, кто проявлял к ней хоть каплю интереса, она гарантировала мгновенную взаимность, стоит хоть Перелукина вспомнить.

– Пойдемте отсюда, ладно?

И оперлась на руку бригадира. Покрепче.

Ведь и правда стошнит... нет! Нельзя!

Не здесь...

– Как это произошло? Откуда пошел огонь?

– Не знаю пока. Будем разбираться...

Это верно. Если поджог – одно, если случайность – совсем другое. И первое требует расследования.

Хотя кому там маман нужна? Через нее даже и меня-то не достанешь, отпихаюсь...

– Маша?

Ваня подался ко мне с надеждой...

– Это она.

– Мама!!!

Брат едва успел перехватить Петю, который рванулся в дом.

– Стой!!!

И правильно. Нечего мальчику там делать. И видеть ее такой не стоит.

Ваня боролся с мелким. А я повернулась к бригадиру.

– Можно ее как-то...

– Можем в покойницкую при лечебнице доставить, в порядок там привести... только вот...

Намек я поняла сразу. Плюнула и достала из сумочки червонец. Подумала, добавила еще один.

– Достаточно будет?

– Даже с лишком, госпожа...

Я махнула рукой. И за честность добавила еще один червонец.

– Сделайте, пожалуйста.

– В лучшем виде доставим. Как только вы уедете, ни к чему ребятам...

Вот с этим я согласилась полностью. Ни к чему.

– Хорошо. Мы сейчас...

– Вот ты мне и попалась!

Голос был мне знаком. Но откуда?

Словно во сне, я увидела, как из темноты выступает фигура женщины.

– Ненавижу!!!

И вспышка.

Что-то горячее мягко толкнуло в грудь.

Грохот выстрела я уже не услышала.

Больно...

Никогда, никогда Ваня не забудет этого вечера. Сто лет еще проживет – и до смертного дня будет помнить.

Помнить, как прибежал мальчишка, крича, что горит дом его матери.

Как взметнулся Петя, хватаясь за брата.

И как Ваня сделал то единственное, что сообразил. Разбудил сестру. Он так привык, что Маша рядом, что она умная, сильная, взрослая, что она взяла на себя все проблемы... она ведь справится, правда?

Правда-правда...

Это сейчас он понимал, что была подстроена ловушка. А тогда...

Поди сообрази спросонок. И время-то выбрано подходящее, когда люди уже уснули, когда, вскочив с кровати, они принимают не самые умные решения, ближе к середине ночи. Какие уж тут размышления?

Ему хотелось бежать к матери, и Маша поддалась. Все же родня...

Не по крови?

А, какая разница! Те, кто родился в одной семье, частенько глотки друг другу готовы за старую чашку перегрызть, а он за Машу кому хочешь что хочешь отгрызет.

Ага, нашелся один такой!

Как же Ване было горько и стыдно, что не понял, не сообразил, не распознал подвоха! А мог бы, еще как мог!

Когда они приехали, дом уже потушили. И мать...

Маша опять взяла все на себя и не пустила его к телу. И Ваня был ей за это искренне благодарен. Он смог бы и посмотреть, и опознать, если понадобится, но... кто бы хотел увидеть свою мать – такой?

Ваня не хотел.

Маша посмотрела, а потом...

Откуда взялась эта женщина?

Ваня сразу и не понял, что случилось. Но темный силуэт выступил из-за дома, а потом грохнуло нечто и начала оседать на землю Маша. И только тогда он понял, что это выстрел.

Один?

Или нет?

Ваня так и не понял. Но Маша падала, и единственное, что он смог, – это упасть рядом с ней, прижать тело сестры к себе и закрыть. Пусть собой.

Пусть лучше он... лучше его...

Рядом тихо всхлипывал упавший навзничь вслед за братом Петя.

И голос Елпифидора Семеновича, раздавшийся рядом, прозвучал божественной музыкой.

– Все, закончилось. Малой, вставай... ох... а барышня-то как?

Ваня подскочил, словно его шилом ткнули со всей силы.

Как? КАК!?

Маша лежала на земле. И лицо у нее было спокойное-спокойное. Как будто...

И на платье было стремительно расплзающееся черное пятно.

Неужели?..

Даже про себя это было слишком страшно сказать, и Ваня зажмурился, понимая, что он дрянь и трус, но... хоть минуту!

Хоть минуту той нормальной, спокойной и счастливой жизни – верните?! Пожалуйста...

– Так...

Сильные руки отодвинули его в сторону. Дотронулись до Машиного тела.

– Жива. Мелкий... Петька?

– Да...

– Рысью за фельдшером! Не то не успеет!

Как же Петя помчался! Только что был здесь – и вот уже его нет. И Ваня знал – найдет. Из-под земли достанет фельдшера, и все будет хорошо, только...

– Так. А ты, малой, иди сюда, – обратился строгий взгляд на Ваню.

– Д-да?

– Возьми. Прижми к ране и держи крепче, понял? Она крови много потеряет...

Платье Маши было разорвано, и на груди виднелась рана.

Какое оно – пулевое ранение?

Набухающая черной жидкостью дыра казалась небольшой, но отчего так много крови? Так страшно. Так...

Ваня послушно прижал к темному пятну что-то белое и с радостью увидел, как темных струек стало поменьше.

– Вот как чуял, платок с собой захватил чистый, – прогудел околоточный. И направился куда-то в темноту. Туда, где возились и матерились пожарные.

Туда, где слышались хриплые крики и визги. Какие-то совсем уж нечеловеческие... свинью там, что ли, режут?

Маша ничего не слышала. Лежала молча, и Ваня этому даже был рад. Ей ведь так не больно, правда? Лучше, чтобы не болело...

Он и сам не понимал, что бормочет под нос:

– Сестренка, ты потерпи... ты только дождись, сестренка...

Фельдшер себя ждать не заставил. Почти прибежал... Ваня его помнил еще с тех времен, когда в доме появилась Маша. Опустился на колени рядом с телом, профессионально отодвинул Ваню чуть в сторону и сунул ему в руки большой фонарь.

– Свети!

Рядом, со вторым фонарем в руках, застыл Петя. А фельдшер осматривал рану, что-то делал... и Ваня понял, что все будет хорошо, когда звякнули инструменты. Какие-то... он бы и под угрозой жизни не смог понять, что делают с его сестрой, но он видел, что фельдшер спокоен. Не так бывает, когда умирает пациент...

Нет, не так.

Маша выживет?

Правда?

Он будет светить, чтобы фельдшер все видел, и Маша выживет! Обязательно! Она ведь будет жива, правда? Пока он не отпустит фонарь...

Глупо?

Смешно?

Пусть так. Но пальцы Вани заостенели на металлической рукояти. И когда ему что-то сказали, он даже не сразу понял, что именно.

А всего-то и надо было – погрузить Машу в коляску, уже можно, теперь это более-менее безопасно, и везти домой. А уж там заниматься всерьез, вытаскивать пулю, промывать рану и прочее... Но это – там. А здесь уже все сделано, ее можно будет довезти до дома без опаски. Что еще надо?

Ничего.

Откуда-то принесли дверь, на нее осторожно переложили Машу и понесли. И грузили ее так же осторожно.

Ваня не смог поехать с сестрой – места не было. Поехал Петя, втиснулся кое-как. А Ваня остался.

В голове было пусть и холодно. Мысли словно пеплом присыпали. Но одно он должен был сделать, точно...

Шаг, второй...

Вот и женщина, которая стреляла в его сестру.

Жена генерал-губернатора. Дарья Благовещенская.

Только вот спросить Ваня у нее ни о чем не мог. В этих глазах, в этом безумном лице не осталось ничего человеческого.

Безумное животное, и все этим сказано. Безумное страшное чудовище.

За что, как...

Бесполезно. Все – бесполезно.

Александр Викторович Благовещенский тоже вряд ли когда забудет эту ночь.

Вечер прошел плохо.

Александр сидел перед камином, грел в руках бокал с коньяком и думал, что жизнь пошла куда-то не туда. Не так она пошла, а где и когда – уже и не понять.

Казалось в молодости, весь мир перед тобой, а что оказалось?

Дарья...

Он помнил, как впервые увидел Дашу – краснеющую, смущенную, растерянную... и пожалел. Не полюбил, нет. Но понял.

Вот стоит перед ней человек, который станет ее мужем. Стоит, смотрит, а что от него ждать? Как с ним жить? Как это – вообще?

И он заговорщически улыбнулся девушке.

– Все будет хорошо. Обещаю.

– Правда?

– Даю слово.

И все было хорошо – до какого-то момента.

Они поженились, почти сразу же у них родилась Ирэна... имя, правда, подбирала Даша, хотелось ей красивее, он-то все равно дочку звал Иришкой, а Даша сердилась и говорила, что это так простонародно... как девка крестьянская.

А он не слушал и все равно звал.

Иришка его любила.

Папы часто не бывало дома, так что ж поделать? Служба такая, где прикажут, там и рубишь врага, а сидя в поместье, ни чинов, ни орденов не дождешься. Даша это понимала.

Дома все было в порядке, а он ездил по «горячим точкам». Кавказ, который весь – зона боевых действий, Турция...

Да, династия Османов.

Оттуда он и украшения привез.

Александр вспомнил тот день. Они брали Софию. Турки сопротивлялись, надо отдать им должное, но спустя сутки город пал. Войска вошли внутрь.

Русские ли, турки... Войска – в городе.

Благовещенский помнил, как генерал Обручев вызвал всех и сказал, что мародеров – расстреливать на месте. Русские там, турки... Тварь поганая землю паскудить не должна. Все.

Александр был с ним полностью согласен. Мародер уже не человек, это нечисть, которой среди живых не место.

Они патрулировали город. Улицу он не помнил, как-то сразу забылось название, а дом был роскошный. Розовый, весь в лепнине и завитушках...

И оттуда доносились крики.

Что он увидел в доме, вспоминать не слишком хотелось.

Хозяин дома был мертв, мертв и его сын, пытавшийся защитить мать, и сейчас женщина с ребенком на руках сжалась в углу, перед ней стояла старуха, явно мать или нянька, и всем видом показывала – только через мой труп!

Мародеров бы это не остановило, но глухо хлопнул выстрел, потом еще один – и подонки ткнулись в пол своими рылами. А женщина бросилась другу Александра на шею и разревелась так, что даже страшно стало.

Она оказалась женой Мехмед-паши, одного из тех, кто ведал обороной города. Мужа убили еще при осаде, а здесь... здесь лежал ее брат. И третий сын мужа. Они хотели уехать, но ничего не получилось. И если офицер поможет им... Они уедут, они обязательно уедут!

Что оставалось делать Благовещенскому? Друг продолжил патрулировать улицу, а сам Александр занялся беженцами.

Он помог погрузить в телегу одного из раненых, который еще дышал, – брата женщины. Помог сесть и ей самой, и старой няньке, проводил их до ворот и даже пропуск выписал.

Из города он их вывел. За ворота проводил, как они и хотели.

А там уж... все в воле их Аллаха, пусть он и разбирается.

Тогда ему и досталась эта шкатулка. На прощание женщина сжала ему руку, а потом приказала что-то няньке на своем языке. Та закаркала в ответ, но женщина сказала еще резче – и старуха смирилась. Достала ящичек, ткнула в руки, явно нехотя.

– На... счас... тие.

Женщина плохо говорила по-русски. Путала слова, ударения. Но сказано было четко.

Благовещенский поблагодарил и сунул шкатулку в мешок, даже не открывая. И забыл про нее, словно и не было. Не до того, знаете ли. Тут еще приятеля настигла шальная пуля, попал Васька в госпиталь...

Вспомнил только через два дня. Открыл – и обомлел. Драгоценности были – царице впору. Хотя ты беги возвращай, но куда? Кому?

Да и почему их отдали?

Александр хотел поделить их с другом, но не успел. Васька так и скончался на больничной койке. Семьи у него не было, жены-детей не нажил...

Благовещенский махнул рукой и отвез шкатулку домой. Пусть будет. Иришке перейдет в приданое.

Сам он в цене украшений не разбирался, старый ювелир-еврей объяснил, что на руках у Александра целое состояние. Камни – чистой воды, достаточно крупные – сами по себе стоили дорого, но вот так, в украшениях, они поднялись в цене втрое, вчетверо... ювелир бы дал любую цену, да вот незадача – столько денег у него просто нет. Но если господин захочет...

Господин не захотел. Пусть дочери останется. Или на черный день, мало ли, край придет, тогда уж продадим, а пока пусть будет.

Дарье, конечно, эти побрякушки тоже понравились. Но...

Да что в них такого, в этих камнях?

Александр понимал умом, что ради денег можно пойти на преступление, но это ведь – умом! А сердцем...

Можно украсть, убить, преступить через любой запрет, если у тебя смертельно болен кто-то из близких, если нет иного выхода. Вот ради спасения дочери Благовещенский мог бы что угодно. А просто для денег?

Да заработать проще! Пусть не миллионы составляет его жалование, да и доходы с поместья не столь велики, но им хватает, разве нет? И на дом, и на выезд, и на маленькие радости – разве нет?

Оказалось, что ему хватает, а вот Дарья другого мнения.

Александр помнил, как она выплескивала на его голову обвинения. И не так страшны были слова, как ее глаза. Словно рядом с ним, в теле красивой и неглупой женщины жило нечто... чужое. Как будто из куколки появилась не бабочка, а нечто гадкое и мерзкое, например богомол или скорпионова муха.

Но почему?

За что?

Неужели он действительно был таким плохим мужем?

Ну да, он не заработал миллионов и живут они пока не в столице, но ведь всему свое время, разве нет? Он искренне старался...

И, честно говоря, не поверил жене, когда та сказала о дочери.

Иришка – не от него?

Вот уж глупость несусветная! Это его дочь, и все тут! А Дарья просто бредит, ее понять можно. Он и сам...

Если бы не надо было найти Демидова и оторвать ему голову к чертям свинячьим, Александр запил бы по-черному.

Но мысль о мести прекрасно поддерживала и тонизировала. А если еще использовать госпожу Храмову...

Александр вспомнил фигурку девушки, такую аппетитно округлую в нужных местах, вспомнил тяжелую толстую косу, которую она нетерпеливо теребила в минуты волнения, вспомнил ясные карие глаза...

Повезло Храмову. Просто повезло.

Конечно, княжна человек очень своеобразный, но такая не предаст, не продаст, не станет копить зло, а потом бить в спину. Она честно и открыто выскажет в глаза все, что ее не устраивает, а потом развернется и уйдет. Или останется – на своих условиях.

Красивая, умная, маг земли, то есть еще и плодovitая, детей будет много...

В Москве за такую невесту передрались бы, даже удивительно, что отец хотел отдать ее за Демидова. Мог бы и кого получше уж найти для дочери. Помоложе, познатнее. Хотя – чего удивляться?

Демидов, хоть и не настолько знатен, но весьма и весьма богат. Не первое поколение его семья практически царствует на Урале, а уж сколько они из земных недр выкачали... представить страшно. Только не помогут ему эти деньги.

Не помогут.

Благовещенский стиснул кулаки. Жалобно плеснулся коньяк в снифтере.

И уже не жалобно – торжествующе плеснулось вокруг одиночество.

Одиночество...

Дочери – нет. Внуков тоже не будет.

Жена сошла с ума. И даже если она придет в себя, сможет ли он забыть то, что видел? Сможет ли не помнить, как с некогда любимых губ лился яд?

Благовещенский отлично знал ответ.

Не сможет. Никогда не сможет...

И что ему осталось?

Только сидеть в темноте, смотреть в камин и понимать, что там догорают не поленья – там догорают осколки и обломки его жизни. Такой неожиданно никчемной и ненужной. Такой пустой и безрадостной, наполненной лишь работой...

Серые дни и очень, очень черные ночи. Это больно. Это было настолько больно, что снифтер полетел в огонь, но даже взметнувшиеся языки пламени не помогли разогнать мрак, скопившийся в душе.

В дверь поскреблись.

– Ваше высокопревосходительство...

– Да?

Александр даже обрадовался слуге. Все ж отвлечься от плохих мыслей.

- Ваша супруга...

- Что с ней?

- Она сбежала.

Александр помнил, как раздавал указания слугам. Как приказал закладывать экипаж, как распоряжался, приказывая найти обезумевшую от боли женщину...

Только как ты ее найдешь?

Березовский хоть и не Москва, но достаточно большой город, и прочесать его весь – немыслимо. А нарваться на неприятности – очень даже несложно.

Кусочек ясности подарил обрывок накидки. Дарья, спеша покинуть ненавистный ей дом, зацепилась накидкой за забор – и в гневе дернула плащ. Дорогой, темно-малинового бархата, он сам покупал жене...

Деньги Дарья не взяла.

Записки никакой не оставила, следа – тоже. Дом она покинула через черный ход, и, судя по следам, там ее кто-то ждал. Благовещенский не мог назвать себя следопытом, но тут и навыков не требовалось – человек явно влез где-то в грязь, и теперь она нападала на мостовую с его обуви. Явно стоял, ждал... дождался.

Куда они потом пошли?

С кем вообще она умудрилась связаться?

Неизвестно. Даже предположений пока не было.

Потом был дом Храмовых – и ощущение: опоздал...

А потом был дом Синютиных.

Ужас.

Это единственное, что мог испытывать Благовещенский.

Ужас, который пропитал каждую его клеточку, заполнил все тело и выплеснулся наружу вопросом:

- ЧТО?!

На него даже не сразу обратили внимание, но потом вперед выдвинулся один из участников действия. Все происходящее казалось генерал-губернатору каким-то жутким страшным спектаклем... это ведь не может происходить наяву, правда?

Пожарище на месте дома, несколько накрытых рогожей тел и две группы людей на расстоянии друг от друга.

В той, что была ближе, Благовещенский опознал Ваню и его младшего брата. Они стояли с фонарями в руках, до странного напоминая почетный караул.

Но – почему они так стоят? Над кем наклонился этот мужчина?

Сердце пропустило удар. А потом вперед выдвинулся какой-то человек.

- Ваше высокопревосходительство, разрешите доложить?

- Докладывайте. – Благовещенский спрыгнул с лошади и бросил кому-то поводья. Разберутся! – Что произошло?

- Поджог, ваше высокопревосходительство.

Благовещенский поощрил околоточного кивком и выслушал достаточно связную и грамотно изложенную историю.

Околоточный Елпифидор Семенович вообще-то сегодня не дежурил. Но – совпадение.

Недавно неподалеку был установлен пост околоточного. Чтобы пресекать, значит... Но место здесь тихое, пост установили больше для устрашения, вот и назначали на него самых что ни на есть лентяев и разгильдяев. Дело житейское.

Или новичков. К примеру, таких, как его троюродный племянник. Надо ж где-то начинать?

Но новичок на то и новичок, чтобы совершить все возможные ошибки и еще немного. Елпифидор и решил прогуляться ночной порой, провести родственничка. Вот тут – да, тут чистая случайность. А остальное...

Пришел.

Увидел оглушенного племянничка, догорающий дом, пожарный расчет, потом приехала госпожа Синютина, простите... Храмова, конечно.

А потом из темноты вышла вот эта госпожа и выстрелила в Марию Пет... Ивановну.

Предотвратить не успели, только задержать.

Мария Ивановна ранена. Насколько тяжело – пока неизвестно, пулю точно извлекать надо.

Госпожа... дама, которая на нее покушалась, тоже задержана. Что с ней дальше будет – решит, надо полагать, суд.

В остальном тишина и порядок, ждем распоряжений генерал-губернатора.

Благовещенский кивнул и отправился на встречу со своей судьбой. Сначала – не в силу каких-то чувств, просто до нее было ближе – к госпоже Храмовой.

Маша лежала на земле.

Бледная словно мел, такая бледная, что брови и ресницы казались черными полукружьями, резко перечеркнутыми меловое лицо. А над ней колдовал фельдшер.

– Она...

– Должна выжить. Молодая, сильная, да и меня вовремя позвали, – тот даже головы не повернул, просто дал ответ. – Хотя как повезет, конечно.

Благовещенский выдохнул. Если у мага земли есть хоть один шанс – он выживет. Связь Марии с землей такова, что ей даруется и плодovitость, и стойкость. У кошки девять жизней? Ну так у мага земли их девяносто девять!

А что же...

Когда он увидел Дарью, сердце екнуло. Пропустило удар, а потом как-то обреченно трепыхнулось в груди.

Все.

Конец.

Его жены не было. Было полубезумное чудовище, которое с идиотским смехом поливало всех присутствующих грязной бранью. И ни проблеска мысли в голубых глазах. Ни искры разума.

Ничего.

Не человек – животное в плену, только и разницы, что говорящее...

Он и не такое на войне видел.

– Даша...

Но ответом ему был тот же полубезумный смех. И что-то подсказывало – это не вылечишь. Это насовсем. Господи, да за что ж это?!

Только присутствие нижних чинов удержало генерал-губернатора от того, чтобы запрокинуть голову к небу и взвыть так, что обзавидуются все волки Березовского и окрестностей.

Это была очень долгая и страшная ночь. Не только для Благовещенского, для всех остальных тоже. Но к рассвету уже кое-что прояснилось.

Был совершен поджог дома Синютиных. Надо полагать, с целью выманить Марию из защищенного дома. И это великолепно удалось, во многом благодаря ее братьям.

Ваня корил себя, но дело уже было сделано. Он не подумал, поддался панике и потянул за собой сестру. Сейчас он все понимал, а тогда... Мать ведь!

Кто-то оглушил околоточного. Дарья?

Благовещенский не подозревал в ней таких талантов, но он в ней много каких талантов не подозревал. И не ждал от нее такой подлости.

Стрелять она умела, на охоте, но в человека? Который не сделал ей ничего плохого?

А, тут уж все побоку. И справедливость, и разум, и...

Когда Мария прибыла на место происшествия, Дарья, которая до того момента пряталась в одном из сараев и оставалась незамеченной, вышла и выстрелила в нее. А когда ее схватили...

До того момента она казалась нормальной. А потом – все. Словно злой волшебник превратил милую женщину в безумное чудовище. Как это произошло?

Видимо, всего оказалось слишком много для нее. Смерть дочери, крушение мечты... да мало ли что еще? Вот и слетела пружина. Теперь и не починишь. Увы...

Мария лежала у себя в доме, под присмотром врачей, но вроде должна была поправиться. Просто крови много потеряла. Пуля задела крупный сосуд.

Должна...

Сейчас девушка была в беспмятстве, и когда она очнется – никто прогнозов не давал. Все же не мужик, не воин, а девушка. Существо хрупкое и нежное по определению.

Дарья пока была заперта у себя в комнатах под присмотром нескольких сиделок из дома для умалишенных. Да, такой в Березовском тоже был, традиционно выкрашенный в синий цвет.

А Благовещенский пытался разобраться со всем происходящим.

И свои два медяка в загадку внес околоточный, который и докладывал обо всем.

Как оказалось, стреляли – два раза. Почти одновременно, но два раза. Дарья – и кто-то еще. Во всяком случае одна пуля была найдена в заборе, повезло, чудом никого не задело. А вторую пулю извлекли из Марии Храмовой.

Вот вопросы, которые не давали покоя Благовещенскому.

Кто помог Дарье бежать?

Кто оглушил околоточного?

Кто стрелял?

Он подозревал, что, ответив на эти вопросы, ответит и на многие другие. Но – как?

Маленькой зацепкой оставались пистолеты. Роскошные, шикарно отделанные, дуэльный вариант. У Благовещенского были похожие, но намного проще. Эти явно вышли из рук настоящего мастера, вдохновенного и талантливого. Такую вещь нельзя не заметить, и ее владельца можно поискать.

Как-то же попал этот пистолет в руки Дарьи?

Жаль, нельзя спросить прямо. Дарья была невменяема. Оставалось попробовать побеседовать с Марией Храмовой. И ловить Демидова.

Даже если к этому происшествию он не причастен, все равно – один раз убить подонка мало!

Глава 11

Последствия следствия

Ёжь твою рожь!

А что я еще могла сказать, очнувшись хоть и в своей кровати, но в состоянии нестояния?

Чувствовала я себя так отвратительно, что просто ужас. Жуть жуткая и кошмарная. Болело плечо. Болела грудь и почему-то спина.

Голова не болела – для разнообразия. Она просто кружилась. Состояние было такое... тошнотно-дурнотное. Примерно как при сотрясении мозга – в детстве у меня такое было. Давно, но ощущения мерзейшие. Незабываемые!

Слабость, тошнота, общая паршивость организма – все в ассортименте.

– А...

Больше у меня выдавить ничего не получилось. Сидящая рядом женщина ахнула и подскочила.

– Госпожа! Вы пришли в себя?

Нет, блин! Это мой призрак тут вякает!

Хотелось сказать что-то, но пересохшую гортань сжало в таком спазме, что самой страшно стало. Кашлять страшно. Даже от вдоха грудь болела, а как она заболит, если я...

Кое-как я сдержалась, но слезы брызнули на метр вперед.

Сиделка оказалась опытной. Она сообразила, как-то ловко обхватила меня за плечи, приподняла – и в губы мне ткнулась соломинка.

Вода с лимонным соком.

Никогда ничего вкуснее не пила.

– Спасибо...

Теперь уже получилось разговаривать.

– Что со мной случилось?

– Я позову ваших родных, госпожа.

– Да. Пожалуйста. А вы?..

– Анна Ивановна. Я ваша сиделка.

Ну хоть тут я угадала.

– Дайте еще попить, пожалуйста. И зовите.

Первым в комнату влетел Ваня.

– Машенька!!! – Обниматься он, слава богу, не стал. Вместо этого схватил меня за руку, прижал ладонь к своей груди. – Маша, я кретин! Я... я не подумал... прости меня!

– Маша...

Петя подошел с другой стороны, заглянул мне в глаза. Я посмотрела на одного брата, на другого...

– Что с матерью?

Ваня выдохнул.

Это было не прощение, это было понимание. А может, и все сразу.

Ты по-прежнему мой брат, я не сержусь, я все забыла. Сама хороша. Сама должна была подумать...

– Машенька...

Из Вани словно скелет выдернули, он буквально осел на пол у моей кровати.

Вместо него ответил Петя:

– Ее почти неделю тому назад похоронили.

– ЧТО!?

Других слов у меня не осталось.

– Я... Столько!?

Ваня закивал.

Я посмотрела на него, на Петю...

– Кошмар!

– Ну-ка, что тут у нас? – В комнату вошел человек, в котором за версту опознавался доктор. То ли по форме, то ли по запаху карболки, то ли по профессиональным замашкам – вот уж что во всех мирах одинаково!

– Я тут. У себя, – проворчала я.

– Вот и замечательно. А теперь мы попросим всех лишних выйти и вас осмотрим.

Протестовать я не стала.

Неделю!

Ёжь твою рожь!

– Что со мной случилось?

– Рана, обморок, горячка.

Да уж...

Чувствовала я себя преотвратно.

– Вы пролежали в бесспамятстве почти десять дней.

– А чувствую я себя на все двадцать.

– Если шутите, значит жить будете, барышня. Здесь больно?

Больно было, и я сердито зашипела сквозь зубы.

– Да.

– Ничего не поделаешь, мне надо знать.

– Все я понимаю. Но дайте хоть пошипеть всласть!

Врач усмехнулся и продолжил осмотр, конца которого я не дождалась – отключилась.

Второй раз я открыла глаза в той же комнате. Чувствовала себя намного лучше, слабость осталась, тошнота, головокружение и боль, но сейчас я была готова к этим «приятным» ощущениям, да и поменьше они стали.

Я шла на поправку.

– Маша?

В этот раз в комнате сидел Ваня.

– Я, я, – отозвалась я чуточку ворчливо.

– Как ты себя чувствуешь? Может, тебе водички?

Водички хотелось. И в туалет тоже хотелось, но когда я сказала о втором желании, братец, покраснев, потянул из-под кровати утку и пообещал позвать сиделку.

Я кивнула и попросила озаботиться на кухне бульоном. Подозреваю, ничего серьезнее мне просто пока нельзя. А вот бульончик с сухариками, в следующий прием пищи простоквашу... там и желудок работает.

Ладно, нет худа без добра. Зато какая у меня будет тонкая талия! Просто шикарная!

Меня вполне профессионально обихаживали, обтерли мокрой губкой, помогли поменять рубашку, я посмотрела на свою рану, но ничего толком не увидела.

Плечо и часть груди закрыты толстой повязкой, но бинты чистые, плохого запаха не было, так что – нагноения и гангрены нет? Или все выжгло воспалением?

Что же я помню из медицины?

Температура подскакивает – организм борется? Да, как-то так... почему и не рекомендовали ее сбивать, кажется, до 38,5 или 39 градусов. Я, впрочем, все равно не сбивала.

А тут полыхнуло. Похоже, мои лейкоциты уничтожили всю инфекцию с воплем: «Хозяйка, жрать давай!!! ЕЩЕ!!!»

Отсыпали мне урок на будущее.

И ведь были у меня амулеты, были... не подействовали. Я оказалась слишком самонадеянна, подумала, что в любой ситуации успею их активировать – куда там! Мяукнуть – и то не успела! Сообразить, что происходит! И провалялась сколько времени!

Поделом мне, дурехе!

А что можно сделать по данному вопросу? Не кольчугу же надевать под платье? Да и не поможет.

А что поможет?

Хм...

А платья тут из натуральных тканей. Может, добавить туда кевлар? Я формулу помню, осталось вспомнить еще, как его получить. Формулу мне знакомый рисовал, говорил, что безумно простая, бензол, азот, кислород... даже красиво получалось.

Но кевлар, кажется, не все способен выдержать. А если не кевлар?

Что у нас еще обладает высокой прочностью?

Надо подумать, прикинуть... как раз, пока лежу, будет мне занятие. За дурость надо расплачиваться. И виновата именно я.

Виновата.

Только не в том, в чем меня могут обвинить посторонние. В другом. Не в небрежности и глупости. Не в опрометчивости и неосторожности, нет.

В смерти Анны Синютиной. Может, еще и Арины Синютиной. И смогу ли я это когда-нибудь искупить – бог весть.

Если бы я не поменялась местами с Машей...

Я сделала что-то хорошее, но две жизни на моей совести. Не влезь я в эту семью, и жили бы они по-прежнему, прекрасно бы жили, не тужили, наследство получили, добро наживали – чего надо?

А я влезла.

Я не делала выбор ни за одну, ни за другую, но это моя, моя вина! Я поставила их в такие условия, что Анна и Арина не выдержали искушения. Они и не выдержали. И сорвались.

Результат?

Две смерти на моей совести.

Потому я и сорвалась к Анне на пожар. Потому что чувствовала вину за собой. Я никогда не скажу этого вслух, но ведь думать не запретишь.

Это – моя вина.

Сиделка ушла, и вернулся Ваня. Вслед за ним просочился в дверь и Петя.

– Расскажите, что именно со мной случилось?

Спать пока не хотелось, а вот поговорить – даже очень.

- Ты ничего не помнишь?

- Женский голос: «Ненавижу». Это я еще помню, а вот что было потом?

Ваню отчетливо передернуло.

- Она в тебя выстрелила. Петя побежал за фельдшером, а Елпифидор Семенович...

- А он там откуда взялся?

- Пост околоточного рядом. Помнишь?

- Он там дежурил? Не верю!

- Правильно, - согласился Ваня. - Не дежурил, пришел проверить, как там и что. И увидел оглушенного полицейского.

- Кто его так?

- Неизвестно. Но пришел он весьма кстати. Помог поймать Благовещенскую.

- Кого?

- Да, это она на тебя покушалась. Пуля попала в грудь, но, я так понял, как-то очень удачно, - отчитался Ваня.

Как бы это ни звучало, но я тоже так думала.

Убить человека не всегда просто, иногда мешает отсутствие опыта. Надо было стрелять в голову, но там тоже вопрос. Череп же. Кость. Могло пойти по касательной, могло еще как-то...

Мне стреляли в грудь. Пуля прошла чудом не раздробив мне ключицу, но порвала какой-то сосуд и застряла, чуть-чуть не выйдя наружу.

Пришлось ее доставать, для простоты операции - с другой стороны. Так что во мне есть сквозная дырка.

Лучше это или хуже?

Сложный вопрос, но по крайней мере можно достаточно легко почистить рану, да и если начнется воспаление, нагноение - сквозная рана в этом плане выгоднее, чем обыкновенная. Как я поняла, рану мне тоже промыли и продезинфицировали.

Но постельный режим минимум месяц. Не меньше. И это еще посмотрим, как заживать будет.

Кормить Андрюшку тоже придется перестать. Сейчас это нереально. Да и пока я лежала в беспамятстве, у меня просто перегорело молоко. Возможно, это тоже добавило камешков на весы и пару лишних делений на градуснике. Малышу, слава богу, нашли кормилицу.

Нил? Змееныш пока был у себя в комнате. Спал. Днем его приносили ко мне, чтобы он тут поиграл хотя бы пару часов, иначе он становится неуправляемым. Его просто нельзя удержать, он рвется в эту комнату. Той ночью он тоже устроил концерт. Орал, шипел, пытался куда-то убежать... я так поняла, что ко мне. Сейчас все более-менее утряслось.

Господи...

- Как же хорошо, что я не взяла малыша!

Мальчишки переглянулись и тоже поняли. Ваня аж побелел. Представил, что пуля попадает в Нила или в Андрюшку, - и едва сам не упал.

- Господи боже мой...

А я подумала, что с удовольствием прибила бы дуру Благовещенскую.

Вот чего тебе надобно, стерва? Чего ты именно до меня домоталась? Шла бы вон за права тараканов бороться или цветочки разводила! С чего тебя сорвало-то?

Нет, с чего сорвало - это понятно! Но ведь она на меня волком и до того смотрела? Не просто ж так?

Размышления оборвались самым приятным образом. В комнату вошел большой букет роз.

Розы были как раз такие, как я люблю, – пушистенькие, с куста, заполнившие всю комнату своим сладким запахом. Уммм!

Это вам не голландская или еще какая полупластиковая гадость, которая отродясь ничем, кроме обертки, не пахла. Это настоящее...

На другом конце букета обнаружился Благовещенский, чем-то сильно смущенный.

– Мария Ивановна, я рад видеть вас... хм...

– Не могу сказать, что я в добром здравии, – решила я облегчить жизнь человеку. – Александр Викторович, расскажите мне, что именно я пропустила? Что говорит ваша супруга?

Благовещенский поставил букет в предусмотрительно принесенную кем-то вазу и опустился в кресло неподалеку от кровати.

– Все плохо, Мария Ивановна. Дарья сошла с ума.

– Опа!

Я даже присвистнула. За что и поплатилась приступом боли.

– Ёжь твою рожь!

– Маша, ты лучше не двигайся, – Петя погладил меня по запястью. Я подарила брату улыбку.

– Все со мной будет в порядке. Обещаю.

Мальчишка чуть расслабился. А я перевела взгляд на генерал-губернатора.

– Сошла с ума? Как?

– Сам бы хотел знать. К сожалению, Дарья уже была безумна, когда выстрелила в вас.

– Не похоже, – протянула я, вспоминая темную фигуру. Она ненавидела, но говорила-то вполне связно!

– Все так, – вступился Ваня. – Я сам видел...

– Плохо, – вздохнула я. – Так поди разбери, что ей от меня требовалось? А главное, кто именно ее науськал?

Благовещенский вздохнул глубже. Словно сидел затаив дыхание.

– Вы тоже так думаете?

– Предполагаю. Дурой ваша супруга не была, это чье-то влияние, но чье и откуда? Да и сумасшествие мне кажется... сомнительным.

– Нервное потрясение могло его вызвать.

Я хмыкнула. Жесты делать я просто не рисковала, лежала смирно, как отбивная на сковородке.

– А я бы на яд поставила.

– Яд? – насторожился Благовещенский.

– Наверняка есть такие составы. Или яд, или магия... ее никто не проверял? Нет?

– Черт побери! – ругнулся Александр Викторович.

Я хмыкнула еще раз. Понятно, не проверял. А за то время, которое прошло с момента «Х», любая наркота выведется естественным путем. И следы магии сотрутся.

Даже в двадцать первом веке... Ладно, я не знала ни формул, ни названий, но химия там далеко ушла. Были препараты, которые сводили с ума человека. А здесь как? Тот же ЛСД, кстати говоря. Там и нужна-то микродоза, а крыша у человека съедет на несколько недель. Реально ли его получить здесь? Спорынья-то точно есть, а вот ЛСД? В моем мире его получали синтетическим путем, здесь могли магическим?

Да вполне! Или аналоги!

Это на ноги человека поставить сложно. А всякой гадости, чтобы его свести в могилу, – Эверест

насыпать хватит. Два раза.

– Понятно. Не проверяли. А кто ей помогал?

– Тоже не нашли. – Благовещенский развел руками. – Ищем.

Про зацепки я спросить не решилась. Вместо этого поблагодарила за розы и кротко заметила, что хотела бы еще поспать.

Это было принято с пониманием. Мужчины попрощались и вышли вон.

Вот и ладненько.

Я вытянулась на кровати.

Грудь болела, плечо болело... ну правда, чего Дарье не жилось спокойно? Надо этот вопрос еще раз провентилировать с генерал-губернатором. И что там с Демидовым?

Боюсь, наш проект ловли на живца пока что накрылся звездой.

Нила и Андрюшку принесли на следующий день. Но если младший вел себя более-менее прилично, то Нил просто отказался уходить. Зато шипел как три гадюки разом. Пришлось смириться, махнуть рукой и разрешить ему остаться.

Малыш играл в углу на здоровущем персидском ковре и чувствовал себя вполне счастливым. Я смотрела на него и тоже чувствовала спокойствие.

Хорошо...

А с бронеплатьем я еще подумаю. Надо...

Благовещенский пришел вечером. Выглядел он усталым и задумчивым.

– Добрый вечер, Мария Ивановна.

– Здравствуйте, Александр Викторович.

Задавать вопросы я не спешила. Сам скажет, чего пришел.

Благовещенский опустил в кресло и посмотрел на меня.

– Как вы себя чувствуете, Мария Ивановна?

– Отвратительно, – призналась я.

Нил, который до того сосредоточенно мучил игрушечного медведя, встал и подошел к мужчине. Ухватил его за штанину и подергал. Зачем ты пришел, если не берешь ребенка на ручки, а?

Разговаривал полوز вполне внятно, но не с посторонними. А потому дерганье повторилось еще раз – и генерал-губернатор сдался. Подхватил малыша, посадил к себе на колени и взъерошил густые волосенки.

– Ах ты герой...

Полоз вполне уютно устроился на коленях мужчины.

– Ошадки...

Лошадки. Понятно.

Желание ребенка – закон, а потому генерал-губернатору пришлось изображать из себя ездовую лошадь. И заодно...

– Мои люди нашли хозяина пистолетов.

– Демидов? – скучным тоном осведомилась я.

– Именно. Вы знали?

– Не-а. Догадалась.

Благовещенский поднял бровь, прося объясниться. Я покусала губы и начала издалека.

– У меня сложилось такое впечатление, что Демидова кто-то подставляет. Вот смотрите, с чего все

началось? С того, что он решил на мне жениться после смерти мужа. Я отказала, он настаивал, тут понятно, ничего нового. Даже мое похищение укладывается в общую логику событий – кто Демидов, а кто я? Да и что такого? Похитил – так, может, у него любовь случилась, вон на Кавказе это обычная процедура, вроде как в кусты прогуляться. Это все логично. Но именно мое похищение, а никак не вашей дочери.

Благовещенский задумчиво кивнул.

– Допустим.

– Зачем ему понадобилась ваша дочь? Где логика? Уж простите, не факт, что удалось бы обменять ее на меня. Как и произошло.

– Я разговаривал с Дарьей. Она сказала, что уговорила бы вас... она и думала, что уговорила.

Я пожала плечами.

– Думать уметь надо. Тренироваться. Я бы не стала рисковать, хоть кто меня проси. Тем более ваша супруга. С чего она меня невзлюбила, кстати? Она не сказала?

– Об этом она не говорила, – задумался Благовещенский.

– Хм...

Я тоже глубоко задумалась.

– Мне казалось, она к вам относится достаточно ровно, как и ко всем.

Я промолчала. Объяснять мужчинам, кто как посмотрел, кто какой жест сделал, с какой интонацией слово сказал... это не просто гиблое дело! Это все равно что рыбу в унитазе ловить. В лучшем случае мужской реакцией будет: дурью бабы маются.

А мы не маемся, мы так же делим территорию и игрушки, только на свой, бабский лад.

– А смотрите, как интересно получается? Отправляюсь я к Демидову – попадаю ему в руки. Нет – за мной приходят убийцы.

Теперь настала очередь Благовещенского кусать губы. Нервно так...

– Мария Ивановна, вы считаете, что Дарья... причастна?

– Я бы не отметала это предположение, – качнула я головой. – Да и весь этот водевиль с похищением... как могла Дарья быть уверена, что ей отдадут дочь? Драгоценности? Что Демидов – похож на идиота? Хотя да, похож, но суть не в этом... Я была бы уверена в этом раскладе только при наличии страховки.

– То есть?

– Мой человек у Демидова. Который и дочку выведет, и драгоценности припрятет... а то и самого Демидова по горлу, да и в колодец.

Благовещенский задумчиво кивнул, не переставая все это время покачивать на коленках юного полоза. Профессионал, уважаю. Осталось еще каким-нибудь делом заняться – и будет не хуже Цезаря. Который Юлий. Тоже, говорят, несколько дел умел делать одновременно.

– Откуда у Дарьи такой человек?

– Или даже люди. Кто-то был у Демидова – допустим. Но даже если не так... кто-то нанимал для нее убийц.

– Для нее?

– А вы думаете, это просто так, само по себе совпадение? Расспросите прислугу, Александр Викторович, если окажется, что ваша супруга в тот вечер вернулась... во сколько она от меня ушла?

– В седьмом часу.

– А домой вернулась? Во сколько? Если там есть разрыв хоть в полчаса – или если она куда-то заезжала...

– Это мы и сейчас можем выяснить, – кивнул Благовещенский. И потряхнул колокольчиком.

Служанка себя долго ждать не заставила.

– Мой конюх где? – коротко спросил генерал-губернатор.

– Так на кухне, как госпожа приказала. – Служанка смотрела спокойно.

Я действительно отдавала такой приказ.

Если к нам кто-то приезжает в экипаже – конюха и лакеев, если таковые есть, пригласить на кухню и напоить чаем. Или накормить, если захотят. Я не обеднею, а там тоже люди. Летом-то еще неплохо, а зимой поди повози хозяина по городу. Это было заведено еще при Храмове, а я просто подтвердила распоряжение.

– Позови его сюда.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство.

Служанка бросила на меня быстрый взгляд, получила кивок в подтверждение и убежала на кухню. Через пять минут конюх стоял перед Благовещенским.

Здоровущий мужик лет сорока, бородатый и волосатый, больше всего похожий на увеличенного в полтора раза гнома и такой же рыжий.

– Антип, скажи мне, ты Дарью Петровну куда еще возил? В тот день, когда госпожу Ирэну похитили?

Мужик задумался. Почесал в затылке, кивнул.

– Так сюда и возил, ваш-превосходство...

– А еще куда?

– К модистке, ваш-превосходство. Мамзель Дюшен которая.

– До или после визита сюда? – резко спросила я.

– Так это... до визита к вам...

Ага, к модистке! Когда у нее дочка похищена. Когда неизвестно, чем все это закончится, самое время шляпки заказать, правда?

Хотя кто ее знает? Она же считала, что все пустяки, что дочь к ней вернется с прибытком. Могла и за шляпками заехать.

– А еще куда?

– Еще она просила ее к ювелиру завезти, к Исааку Ароновичу, на Ломбардную, – зачесал голову Антип. – И домой.

– И все?

– Еще ее сиятельству лимонада захотелось. Она приказала у трактира остановить, ну и лимонаду ей принести. Я тоже... лимонада выпил.

Мы переглянулись.

– Это уже когда она от меня поехала?

Антип посмотрел на Благовещенского, получил кивок и ответил мне.

– Да, госпожа.

Я хмыкнула.

– Что и требовалось доказать. Проверите этих личностей?

– Проверю, – мрачно пообещал Благовещенский. – Спасибо, Антип, иди.

Антип поклонился и вышел. Я посмотрела на генерал-губернатора.

– Где-то там. А вот кто и где?

Благовещенский встал из кресла. Нил протестующе заверещал и был подкинут к потолку. Тут же успокоился и заулыбался.

- Значит, вы считаете, что Демидова кто-то подставил?

- Безусловно.

Благовещенский покачал головой.

- Не знаю, Мария Ивановна. Я подумаю над этим вопросом.

Нил оказался на коврике с игрушками, протестующе заверещал, но на этот раз его не взяли на руки.

- Я - подумаю.

Я молча кивнула.

Вот хоть стреляйте в меня... собственно, и стреляли. Но я уверена, что не все так просто. Осталось раскопать кукловода, который притаился за сценой. А там...

Я ему покажу - театр марионеток! Я ему ваги засуну в такое место, что ни один проктолог не поможет! Я так сделаю, что любая сволочь заречется вмешивать меня в свои игры.

У меня дети, семья, проекты... и меня - в интриги? В меня - стрелять?

Уничтожу! С особым цинизмом! Вы у меня все запомните, что разозленная русская баба страшнее любого цунами. И внукам завещаете.

Подошедший Нил зашипел. Я притянула его на кровать и поцеловала.

- Разберемся, малыш. Никуда они не денутся.

Малыш, недолго думая, полез под одеяло, свернулся у меня клубочком под рукой и засопел. А что? Мама, тепло, можно спать!

Я поцеловала его в макушку.

- Спи, малыш. Мама со всем разберется, найдет кого надо и покусает кого попало. Спи...

Болезнь я не люблю, да и кто - любит?

Но выбора не было. Я провалялась в постели почти две недели - в придачу к тому, что уже пролежала, а тем временем в Березовском происходили разные события.

Источником сплетен и новостей для меня стала баронесса Ахтырская.

Она забегала каждый день, присаживалась на стул рядом с моей кроватью и рассказывала последние новости.

Если по порядку.

Демидов объявлен в розыск по всей империи. Государственным преступником его не объявили, но сыскные листы разослали. Подробное описание, внешность, привычки - все. Его имущество арестовано, на родных наложен домашний арест.

До окончания всех разбирательств дела Демидова находятся исключительно во власти его императорского величества, никто другой ничего решить не в состоянии. Не остановлены заводы, работают шахты, все крутится обычным порядком, но - до поры.

Как только решат, что именно натворил Демидов, будет ясно и что делать с его имуществом. И с его родственниками.

Подробностей баронесса не знала, только что из Москвы сюда едет команда магов и следователей, говорят, из Особого Тайного приказа, а вот как приедут, так и разбираться будут.

Я считала, что навести порядок и разобраться с Демидовым вполне реально.

Демидов просто обнаглел от безнаказанности. Как известно, чем дальше от столицы, тем больше вольности. Но и лапка у столицы длинная. Дотянется, скогтит, и пищи потом, не пищи, а огребешь за все и сразу.

Демидов зарвался - и нарвался.

Это первое известие.

Второе.

Дарья Благовещенская окончательно сошла с ума. Муж отправил ее в монастырь. Женский. На лечение. Теперь все гадают, будет он разводиться – или не будет?

Меня этот вопрос тоже интересовал, но не сильно. Будет, не будет... мне следующей госпожой Благовещенской уж точно не бывать, не с чего. А развод генерал-губернатор получить может, есть тут оговорка.

Безумие равноценно смерти.

Считается, если человек сошел с ума и его безумие доказано комиссией из нескольких независимых лекарей, магов, священников – Бог сказал свое слово. Даже если было венчание, безумец уже не тот человек, с которым венчались. Это новая личность, или вообще не человек, а животное, чудовище, монстр, человекообразное неясно что...

Подчеркиваю – именно если безумие доказано комиссией, собрать которую достаточно сложно. Есть свидетели, есть факты, есть доказательства – там замучаешься все в кучку собирать. Но если уж все доказано – супруг или супруга могут быть свободны.

Тут даже церковь не имеет ничего против, можно второй раз венчаться. Считается как вдовство, срок траура отбыл – и вперед. Со всем пастырским благословением.

Третья новость.

Генерал-губернатор больше не генерал-губернатор, а вовсе даже частное лицо.

Государь распорядился. До окончания расследования Благовещенский отстранен от всех своих обязанностей, а может, и потом тоже. Говорят, его куда-то переведут...

Жалко.

Вот это действительно печально. Мне бы хотелось, чтобы Андрюшка хоть как-то с отцом общался, а если Благовещенского переведут, у него и того не будет. Но – человек предполагает, а государь располагает. Может, и к лучшему.

Уж для меня – точно.

Что-то подсказывало мне, что Благовещенским я увлеклась непозволительно. Для меня это слишком серьезные чувства.

Но как же мне нравится этот мужчина...

Спокойный, серьезный, немногословный, любящий детей... вот что его жене надо было?

Денег? Власти? Славы? Но кто ей мешал? Возьми да заработай! Сделай сама! Добейся и распускай хвост – вот я какая!

Ан нет...

Проще пенять на мужа за то, что тебе не обеспечивают всего, что ты хочешь, шипеть и при этом не поднимать зад с лежанки, чтобы что-то изменить. Феерическая дура.

Хотя... я неправа.

Зад-то она подняла, вот через оный зад все и вышло. Ей-ей, все ее поступки выглядели как сочетание глупости с наглостью, и глупости редкостной. Вот как так можно?

С другой стороны, чья б корова мычала? Я не умнее поступила, метнувшись к Анне Синютиной среди ночи. Там бы и пропали все, если б не счастливый случай. Да, иногда и я идиотка.

Но не такая же?

Вот с чего Дарья решила, что ей в Париже рады будут? И что ей все удастся? Салон этот, что она там еще планировала?

Но если так посмотреть... Свой мир вспомнить. К примеру, сколько девчонок и мальчишек ежегодно приезжает в Москву, в надежде на птицу удачи, счастья и славы? Тысячи? Десятки тысяч?

В лучшем случае они остаются целы и невредимы. Кое-кому даже заработать удастся. А остальные...

Мегаполис пережевывает их и выплевывает сломанными, искалеченными, часто больными и

отчаявшимися. Москва слезам не верит? Она их даже не замечает! Дарья не умнее и не глупее, чем они. Она примерно такая же. В ее возрасте можно бы и поумнее быть? Можно. Но – не обязательно. Как получится. Ничего нет удивительного в ее поступке, все в рамках социальной справедливости. Или наоборот – безжалостной статистики. Это с какой стороны посмотреть.

Березовский гудел.

Да, теперь сплетен на сто лет вперед хватит.

Про меня они тоже ходили.

Самым скромным и незатейливым было, что генерал-губернатор и я – любовники. Отчего, собственно, сошли с ума и его супруга, и Демидов.

Бывает...

Против этой версии больше всего возражали те, кто был знаком с Демидовым. С их точки зрения виновата была черная магия. Потому как Демидова было не взять даже изменой целого строя невест, не то что одной меня. Да и не невеста я ему давно!

А еще активизировалась церковь.

И на исходе третьего дня после разговора с баронессой ко мне явился отец Александр.

Выгнать попа хотелось до зубовного скрежета. Но – увы.

Это в родном мире можно было конкретно послать на хвост песцу даже патриарха и спокойно заниматься своими делами. Здесь...

Здесь тоже можно. Но жить долго и счастливо потом не получится. Так что я скрипнула зубами, но попросила проводить ко мне дорогого гостя.

– Благословите, батюшка.

– Мир дому сему, дочь моя.

Меня осенили крестом и улыгнулись. Нил фыркнул и полез на кровать.

Святой отец с умилением смотрел, как малыш лезет под одеяло и сворачивается рядом со мной. Я не стала объяснять, что полоз так себя чувствовал в большей безопасности. А врага, если что, можно и потом укусить, когда нападет.

– Как ваше самочувствие?

– Благодарю за заботу, батюшка. Пока еще не слишком хорошо, но лекари обещают скорое выздоровление, – вежливо отозвалась я.

– По Березовскому ходят недобрые слухи, Мария Ивановна. Прошу вас, поведайте, что именно случилось? Умы прихожан в смятении...

Ага. Кто б сомневался. А думали бы прихожане об урожае репы – куда как больше пользы было бы.

Но язвить я не стала, а рассказала все максимально честно.

Отец Александр призадумался.

– Значит, стреляя в вас, Дарья Петровна не производила впечатления безумной?

– Ненавидела она меня вполне осознанно.

– Хм...

– Да, я тоже подумала, что это странно, – кивнула я в ответ на невысказанные мысли священника. – Только что она была разумна и вдруг превращается в... нечто.

– Вы тоже думали о сообщнике, Мария Ивановна?

Я кивнула.

– И о магии. Я только не знаю, что может в минуту свести с ума вполне адекватного человека...

– Я знаю, – отозвался отец Александр. – И это очень, очень плохо.

- Мне этого знать не требуется, правильно?

Раздражения в голосе я скрыть не смогла и была удостоена мягкого отеческого взгляда. Укоризненного и исполненного понимания. Мол, суетность, любопытство непотребное, все я понимаю, это у вас от Евы, но надо ж и меру знать?

Меру мне знать не хотелось, хотелось знать причину.

- Это чернейшая некромантия, чадо. Церковь знает такие случаи, но... не одобряет их.

Я поежилась. От слов «не одобряет» явственно веяло святой инквизицией. Она тоже много чего не одобряла.

- Я понимаю, отче, это не мое дело. Но у меня двое детей. У меня два брата. И я волнуюсь за них. Хотелось бы знать, как от этого можно защититься - и защитить их.

Батюшка широко открыл глаза. Видимо, такой подход оказался внове. Но отвечать надо было, это вам не «любопытно же»! Хотя мне и любопытно!

Кстати говоря, а я могу того же добиться? Магией земли?

Чисто гипотетически? Что там надо для высшей нервной деятельности? Калий? Минусуем калий - и получаем летальный исход. Со сдохшей нервной системой долго не живут.

Отнимаем кальций - и получаем переломы всех костей. Надо бы над этим подумать. Параллельно еще и с сосудами проблемы устроить можно, куда-то ж кальций надо будет деть? Из кости - в сосуды... или лучше в мышцы? Эх, плохо я анатомию помню, так, на уровне средней школы. И то - непрофильной.

- Защита есть. Но она весьма и весьма дорога...

- А я могу ее повторить? Я ведь маг земли...

Глаза священника стали задумчивыми.

- Не знаю. Никто и никогда не пытался. Это другая стихия.

Ну, насчет «никто и никогда» - не верю. Наверняка было дело. Просто или ты мне не говоришь, или не сам все знаешь. Такими вещами в любом государстве занимаются.

Но я упускать свой шанс не собиралась.

- Я могу дать любые клятвы. Но я хочу ознакомиться с описанием именно защиты. Если у нас появилось нечто подобное... я хочу знать! Следующей могу быть я. Или кто-то из моих родных... я не готова ими рисковать!

Кажется, такого поворота разговора отец Александр не ожидал.

- Я могу поговорить об этом, Мария Ивановна. И если получу благословение, мы вернемся к данной теме.

Я кивнула.

Такой вариант меня более чем устраивал. Магия... да спорить готова, это магия воды! Потому как человек из воды состоит на сколько-то процентов, кажется, процентов пятьдесят. А может, и больше половины.

А где вода, там и маги воды. Это я, как чушка последняя, микроэлементами пробавляюсь, а маги воды могут человека скручивать как тряпку. И так же выжимать.

Но что тогда получается?

У нас по Березовскому бегают незарегистрированный маг воды? Со склонностью к нарушению закона?

Ёжь твою рожь!

Арина не знала, сколько времени прошло.

Она даже не знала, день сейчас или ночь, какой сейчас день, зима, весна, лето или осень.

Она ничего не знала.

В ее мире были темнота – и боль.

Иногда боли было меньше, иногда больше, иногда приходили люди, которые смотрели на нее и что-то говорили – она не понимала, что именно, они говорили на иностранном языке.

Но боль была всегда.

А еще – ненависть.

Она знала, кто виноват в ее сегодняшнем положении, отлично знала.

Княжна Горская.

Или Маша.

Ее сестра?

Нет.

Чудовище, оборотень, монстр, который занял место ее сестры. Гадина, которая пролезла к ним в семью и все испортила.

Что именно?

А, неважно. Важно, что до появления Марии у Арины было все, чего она хотела. Была свобода, был свой дом, мать, братья, а теперь у нее ничего нет.

Только темнота и боль.

Боль и темнота.

Все кончилось достаточно внезапно.

Арину вытащили из каменного мешка, наспех вымыли, накинули на нее какую-то хламиду и повели вверх.

Куда?

Она шла, не задавая вопросов, потому что не хотела еще больше боли. И так ноги плохо слушались. Потом ее втокнули в комнату – и оставили стоять.

Арина огляделась.

Отвыкшие от света глаза слезились. Девушка представляла собой весьма жалкое зрелище – измотанная, истощенная, бледная, с рубцами на теле и лице (тюремщики не церемонились, главное, чтобы жива осталась), со спутанными безжизненными волосами...

Комната была не намного лучше.

Просто каменный мешок. Беленые стены, одно кресло, и то – занято.

Мужчина в кресле.

Арина вгляделась в незнакомца, и ей стало жутко. Казалось бы – что такого?

Милейшей души человек и милейшей внешности. Высокий, седоволосый, с коротко подстриженной бородкой, черты лица говорят не об одном поколении благородных предков, высокий лоб свидетельствует о незаурядном уме, тонкий нос с горбинкой, полные губы, резные скулы, словно выточенные искусным художником.

А еще глаза.

Большие, чуть раскосые, ярко-голубого цвета. Такие яркие, словно в них кусочки неба поместили. Искристые, глубокие...

Белые, седые волосы – и при этом черные брови и ресницы.

В юности этот человек был потрясающе красив, и, состарившись, он не утратил своего обаяния. Дорогая одежда, подобранная со вкусом, только добавляла ему шарма.

Но Арину это не обмануло. Она не знала про тигров-людоедов, но опознала мужчину уверенно. Перед ней сидел хищник, которому было наплевать на нее и ее жизнь.

Он может оставить ее в живых, может сожрать, может...

Все что угодно.

Шевельнет пальцем – и на его глазах с нее шкуру по кусочку сдерут. Просто так. Для развлечения.

Девушку заколотило не столько от холода – она стояла босыми ногами на каменном полу, – сколько от страха. Но даже упасть на колени и умолять она не могла.

Если рядом с тобой бешеная собака – не стоит лишний раз метаться. Либо убегай так, чтобы тебя не догнали, либо не привлекай к себе внимания. А убежать было некуда.

Мужчина разглядывал девушку так, словно перед ним возникло некое достаточно гадкое насекомое. Редкое, но неприятное.

– Арина Петровна Синютина.

Голос у него был соответствующий. Мягкий, низкий, завораживающий... таким голосом можно признаваться в любви, но Арину заколотило еще сильнее.

– Д-да...

Как обращаться к этому человеку, она не знала и замялась. Явно аристократ, явно маг, но – кто?

– Можешь называть меня просто – господин, – помог ей мужчина.

– Да, господин.

Многого ожидала Арина, но уж точно не вопроса, заданного даже несколько скучающим тоном.

– Как ты думаешь, девочка, твоя сестра тебя любит?

– Маша?

– Да.

Арина поежилась.

– Да, господин. Она говорила...

– А ты все равно посчитала себя самой умной. За что и поплатилась, – кивнул мужчина. – Что ж. Это хорошо.

– Хорошо, господин? – Арина не утерпела, хотя и понимала, что ей может достаться за любопытство.

– Для тебя хорошо, – соизволил пояснить мужчина. – Сегодня ты не умрешь.

Арину это не огорчило. Вот ни капельки.

– Ты грамотна?

– Да, господин. Маша учила.

– Отлично. Напиши своей сестре.

– Что написать?

Мужчина поморщился от ее тупости. И разъяснил, как маленькому ребенку:

– Напиши Маше, чтобы она приехала в Москву. Или тебя убьют.

Арина всхлипнула, она хотела бы упасть на колени, умолять, плакать, просить о пощаде, но ее остановила поднятая рука.

– Одно лишнее слово – и умрешь уже сегодня.

Этого оказалось достаточно. Мужчина ей не лгал, ни минуты не лгал.

– Я напишу, господин.

Писать она и так не слишком хорошо умела, а уж когда нервничаешь, когда...

Но коротенькая записка все же была нацарапана грифелем на листе. Тюремщик, приглашенный для помощи девушке, взял записку и с поклоном передал ее мужчине в кресле. Тот коснулся листка

дорогой веленовой бумаги.

Брезгливо повертел в тонких пальцах, украшенных кольцами, на одном из них мелькнула выгравированная и залитая золотом голова животного – кажется, волк. Прочитал.

– Что ж. Отведи ее обратно, Гурьян. И – принеси мне доказательство для ее сестры.

Последнего Арина не поняла.

Но тюремщик грубо ухватил ее за руку и потащил за собой.

Вниз и вниз... только не в камеру. Арина поняла, что ее привели в пыточную. Она знала, что не сможет сбежать, не сможет сопротивляться, но это было выше разума. Это инстинкты бросили ее вперед, потом назад, инстинкты заставили кричать и отбиваться при виде стола с кольцами и ремнями, жаровни и столика, на котором холодной сталью поблескивали инструменты.

Удар кулаком бросил ее на пол, голова девушки ударилась о ножку стола – и в глазах вспыхнули звезды.

Второй удар довершил дело – Арина потеряла сознание.

Может быть, оно было и к лучшему.

Когда она очнулась, болела не только голова. Болела еще и левая рука, замотанная какой-то тряпкой. На руке у нее осталось только четыре пальца.

Игорь Никодимович поклонился со всем уважением.

– Ваше императорское величество...

– Что скажешь?

Императору было не до уважения. Он легко определил, что глава его личной тайной канцелярии пришел не просто так, а с какой-то новостью. И, может, не самой лучшей.

– Княжна Горская ранена, государь. Не опасно. Поправляется.

– Подробности?

Выслушав подробности, император призадумался. Пальцы рук гоняли пресс-папье по столу, легко, словно и не было оно сделано из здорового куска яшмы и не весило почти пять фунтов.

– Причины ссоры?

– Не было у Благовещенской никаких причин, государь.

– Вот как? А сам генерал-губернатор? Он мужчина видный и дамами не пренебрегает.

– Да где б они с княжной могли встретиться, ваше императорское величество? – искренне возмутился Романов. – Никак не могли! В Москве она только с мужем была.

– А до замужества?

– Государь, княжна отдала мне свой дневник. Там вся ее жизнь до замужества – никак она не могла с Благовещенским повстречаться.

– Значит, не ревность. Что тогда?

– Мой человек предположил помутнение рассудка под воздействием магии. К сожалению, проверить не получилось, государь.

– Почему?

– Нет условий. Государь, Березовский – город небольшой, и лаборатории там не слишком хорошо оснащены. Что смогли – сделали, а только где ж там полноценного мага возьмешь? Пока доехали, пока то да се...

Его величество медленно кивнул.

Магов не так много, на все не хватает. Это верно.

Львиную долю загребают армия и юрты, а что остается... да такие слабосилки, что и смотреть на них больно, и приспособить куда-то – страшно. И такие ценятся, конечно, но много ли они сделать

могут? Не столько, сколько хотелось бы.

– Понятно. Ладно, княжну все равно вызывай сюда, как оправится.

– Благовещенского, ваше императорское величество?

– И его тоже отзывать. И пусть жену с собой везет. Здесь посмотрят, глядишь, что и разберут. Генерал-губернатора я в Березовский назначу, а он пусть сдает дела. Посмотрим, к какому его месту приставить.

– Слушаюсь, государь. И еще одно... если это манипуляции с сознанием, это может быть только маг воды.

Его величество резко напрягся.

– Ты думаешь...

– Да, государь. Подозреваю, да.

– Тогда тем более – как можно скорее. Если змея зашевелилась, надо рубить.

Романов поклонился.

Да, если повезет, эту змею они раздавят. Главное, чтобы под каблуком не оказалась Лернейская гидра, весьма и весьма недовольная отдаленным хвостом.

Но и в этом случае... надо просто заготовить побольше горючих материалов. Монстры тоже смертны. Всей канцелярией навалимся – дружно справимся. В этом Романов даже не сомневался.

Осталось через нескольких «кротов» слить информацию всем заинтересованным лицам – и запускать начало операции. Вот как только княжна прибудет в Москву, так и начнем.

И не таких видали, а и тех давили.

Справимся.

Сергей Владимирович Демидов чувствовал себя крайне плохо.

Отвратительно он себя чувствовал. И весьма этому способствовали розыскные листы с его именем и описанием примет.

Его!

Как беглого каторжника!

По всей империи!

И что с этим делать прикажете? Вот вопрос...

С повинной являться? Ага, к Благовещенскому. И объяснять, что я-то хороший, просто свой интерес соблюсти хотел, а вот твоя супруга дура, а дочь померла, да и черт с ней...

Сколько у него при таком раскладе шансов дожить до... да какое – до суда? До камеры и то живым не доведут, Демидов и не сомневался.

Вот ведь нескладуха.

А что делать?

Объясниться так, чтобы его выслушали, чего тут непонятного. Объясниться с Благовещенским, чтобы сразу не убил, не пустил в ход оружие, не...

Задача не из легких. Но Демидов, кажется, знал, как с ней справиться. Для того с самыми доверенными людьми и пробирался вторую неделю по тайге, окольными тропами, подальше от дорог и людей. Для того сюда и шел.

И сейчас смотрел на сидящего перед ним человека. Дружелюбно так, со всем возможным радушием. Было той доброты не так чтобы много, ну сами понимаете, после двух недель в тайге и вид будет что у лешака, и характер подпортится.

– Ты, Иван Федорович, не переживай, что ж мы, тати какие?

Судя по лицу управляющего – именно что тати. Только в глаза такое не скажешь. А хочется,

хочется!

– Мы со всем уважением пришли, сам видишь, все живы, все целы. Только те двое, которые в нас стрелять вздумали, пострадали, ну так по дураку и наука. Будут знать, на кого хвост поднимать.

Иван Федорович прищурился. Управляющим он был давно, и должность свой отпечаток наложила. Характер у него был не сахар и не мед.

И если кто-то думает, что он перед всякой нечистью тут на пузе ползать станет...

Не дождетесь!

Убить его можно, а вот подчинить – нет! Разве что пытаться, пытаться долго, упорно, да и то – свой секрет имеется. Яд. И не из слабых, мигом человек уберется, даже понять ничего не успеет.

Мало ли кто?

Тут, конечно, не серебро-золото добывают, камни, да не драгоценные, а поделочные, а их просто так и не увезешь и не пристроишь, но и свои тонкости есть.

Да и подгадали еще, твари. Подождали, пока половина обережных поедет обоз сопровождать, – и нагрянули. Да не просто так, не в ночи, а Демидов со всей пафосностью приехал, его ж здесь каждая собака знает.

А уж как внутри ограды оказался, тут волчье рыло и вылезло. И оружие его люди достали, и на обережных наставили. А когда на тебя ружье смотрит, тут не попрыгаешь, не посопротивляешься.

Кто ж от Демидова такой подлости ждал? Ишь ты, сволочи!

– И чего ж вам надо, гости дорогие? Если чайку с кофейком, так извиняйте – не могу разодолжить. Вчера как раз людей в город послал. Да вы, небось, и сами знаете.

Демидов разозлился, но вида не подал. Вместо этого улыбнулся еще добродушнее.

– Чайком мы и сами вас побаловать можем. А нужна мне госпожа Храмова.

– Ничем помочь не могу, – откrestился Иван Федорович. – Госпожа сейчас в Березовском.

– Я знаю. А мне нужно, чтобы она сюда приехала.

– И зачем? – не скрыл язвительности управляющий. – О жизни побеседовать?

– Почти, почти... Ваша хозяйка мне нужна.

– Не буду ничего писать, – отрезал управляющий. – Даже не надейтесь.

– А я надеяться не буду, – мурлыкнул Демидов. – Я уговаривать буду. Вам какая рука дороже – правая или левая?

– Пытать будете? Не посмеете.

Демидов наклонился через стол. И на миг Северинову показалось, что напротив сидит не человек.

Бешеная крыса.

Большая, больная, бешеная, готовая кинуться и вцепиться в горло. Да и кинется скоро...

– Позвольте, Иван Федорович, я вам кое-что объясню. Я в розыске. За мной по всей империи охотятся, чтобы схватить. И преступления, в котором меня обвиняют, я не совершал.

– Да неужели?

Вот не хотел управляющий язвить, но не удержался.

– Еще один звук – и выбитые зубы будешь собирать сломанными пальцами, – прошипел Демидов, окончательно обретая крысоподобность. – Единственный мой шанс оправдаться – это твоя хозяйка. Сам понимаешь, убивать я ее не буду, наоборот – беречь стану.

Управляющий не понимал и искренне сомневался.

– Поэтому сейчас ты сядешь и напишешь письмо. И вызовешь ее сюда. Что хочешь пиши. Что шахты затопило, что рудничный газ полыхнул, что тут болезнь загадочная объявилась... хотя нет, болезнь – она точно не приедет. Что малахитовую глыбу в пятьсот пудов нашли... Ты меня понял?

Управляющий мрачно кивнул.

Понять-то понял, да вот писать не хотелось.

А хотя...

Изворотливая душа мигом нашла тот единственный вариант, который позволит и Марию известить, и себе жизнь сохранить.

– Вы понимаете, что написать-то я могу. Но не обязательно госпожа приедет.

– А ты напиши так, чтобы приехала. Постарайся.

– А чего мне стараться? Все равно убьете.

– Да зачем? – так искренне удивился Демидов, что управляющий ему поверил. Не слишком сильно, в рамках доверия к бешеной крысе. – Ты тогда мой человек будешь. Назад тебе дороги не станет. А я, когда на княжне женюсь, могу тебя и управляющим оставить.

– Вряд ли госпожа пойдет за вас.

– Пойдет, куда она денется, – заверил Демидов.

По мнению управляющего, такая уверенность была четким признаком душевного нездоровья. Но вслух он ничего не произнес, а вместо этого...

– Сергей Владимирович, так дело не пойдет. Я-то напишу, но где гарантии?

– Гарантии? – ухмыльнулся Демидов, понимая, что речь уже идет не о факте, а о торге. – И какие же гарантии ты хочешь?

Иван Федорович пожал плечами и изобразил пальцами универсальный для всех времен и народов знак «деньги». Самая лучшая гарантия.

Демидов задумался. Но...

В целом-то он ничего против не имел.

Жениться на княжне Горской, то есть госпоже Храмовой, он так и так собирался, все ее имущество должно стать его имуществом, а коли так – кто ж свои стулья об стенку ломает? Может, потом он этого прохвоста и уволит, но сейчас... Сейчас подонок будет более полезен на своем месте.

Пока новый управляющий вникнет в дела, пока наладит добычу, пока приспособится, а ведь деньги нужны, очень нужны... свои-то дела в раздразе и когда еще в норму придут.

Нет, ссориться без лишней нужды Демидов не собирался.

– Сколько?

Управляющий, не будь дурак, назвал сумму.

Демидов присвистнул и посоветовал умерить аппетит. Ибо прибить наглого негодяя ему проще, чем тратить такие деньги.

Управляющий посетовал на жестокость мира и чуточку сбавил цену.

Демидов заругался, но немного надбавил. Не прошло и двух часов, как мужчины пришли к соглашению. И по вопросу денег, и по вопросу их получения, и кому, и куда, и как это подтвердить. И сразу же будет господину Демидову письмо.

В тот же день.

Дела закрутились. Оставалось дожидаться результата.

Глава 12

Долгие дороги

Когда лежишь – есть время подумать. Хорошо это или плохо?

Да кто ж его знает...

С одной стороны, хорошо, позволяет упорядочить мысли, систематизировать информацию, обобщить ее и сделать выводы. Времени вечно не хватает, а сейчас его даже с избытком.

С другой стороны...

Какие-то выводы паршивые получаются. Крайне паршивые.

Я не говорю про мою рассадку – тут все замечательно. За шесть дней управились, и обобщили все, и систематизировали, можем продолжать исследования дальше.

И про теоретическую магию я тоже не говорю. С этим вопросом мне еще работать и работать, но главное что?

Идея.

Поэтому Ване пришлось принести мне кучу тканей – от самой простой и грубой мешковины до шелка. Зашел в лавку, купил всего по чуть-чуть, а я уже принялась экспериментировать.

Как я убедилась на своем опыте, от ножа и пули никто не застрахован. И внутренности у меня точно такие же, как и у всех остальных. Подставлять их не хочется.

Больно, да и опасно.

Вывод?

Надо делать бронежилет. А поскольку носить его открыто я не смогу, надо делать его из самых обычных тканей. Магия прекрасно заменяет органический синтез, и кевларовые нити я получить могу. Остается их вплести в ткань.

Интересно, делали здесь нечто подобное? Или нет?

Благовещенский, которого я попытала на эту тему, посмотрел недоуменно, но ответил на вопрос. Оказывается, это из того, что всем известно.

Есть кольчуги, но их легко пробить. Пытались одно время или облегчить кольчугу, или вплести в ткань металлическую нить, но хорошего результата такие попытки не дали. Пришлось отказаться от данной идеи.

Есть щиты на основе стихий. Но пулю они не останавливают, так что неизвестно, что хуже, что лучше. В крайнем случае остановят одну-две пули, а потом выдохнутся. Ну, разве что маг земли насыплет перед собой земляной вал, его пули, может, и не пробьют. А толку? За ним ведь не отсидишься. Весь бой не просидишь, не поможет.

А к тому же пули тоже бывают заговоренные. На магов.

Все как везде. Есть действие – есть и противодействие. Есть щит – есть копье.

Вывод?

Надо усиливать щит.

Так что Благовещенский, явившись в очередной раз, нашел в моей спальне картину а-ля мистер Холмс.

Я лежала в постели и из револьвера расстреливала стену. Вензель «Королева Виктория» не рисовала, сдалась мне та жаба в профиль, я и родного-то императора рисовать не стану. У меня цель другая.

Пробьет – не пробьет?

Что такое бронежилет?

Вариантов много. Но меня устроил самый простой – тот, в котором пуля просто не пробивает ткань. Неприятные ощущения?

Да черт с ними, синяк переживу.

Бронежилеты, насколько я помнила, бывают мягкие и твердые. Мягкие – кевлар, терлон и прочие арамидные волокна. Твердые – металлические нити. Там, кажется, титан, марганец, алюминий... насчет стали я не была уверена.

Вот что мне не получить, так это сверхвысокомодульный полиэтилен, из которого изготавливаются самые крутые жилеты. А вот второй вариант...

Формулу кевлара я помнила, но там ведь не один слой. А мне надо, чтобы одежда сидела на мне естественно, то есть бронежилета как такового не будет. Только бронесорочка и бронепанталоны. Пусть смешно, зато попа целая будет.

Пододеть под платье и ходить дальше. Пусть хоть чем тыкают.

Но ткань должна быть естественной и моя фигура в платье – тоже топорщиться не должна. А много слоев я не вплету.

Вывод?

Слоев должно быть два-три от силы.

Слои должны быть расположены определенным образом. Так, чтобы пуля не входила в упор, а хотя бы теряла часть ударной силы, равно как и нож, и любое другое лезвие. Кевлар можно разрезать. Но пробить его сложнее...

Значит, волокна должны быть вплетены в ткань под определенным углом. А как это должно выглядеть?

Чешуйками?

Нитями?

Полосочками?

Или сплошным панцирем?

Порезать тряпку и потыкать ножом может и Ваня, а пострелять мне самой интересно. Тем более мне нашли револьвер системы Нагана. Кольта здесь не было, наган тоже широкого распространения не получил и активно болел всеми детскими болезнями, которые только можно предположить. Да и вообще здесь плохо с огнестрелом, здесь в основном магия в почете.

В результате комнату застилал пороховой дым, а я была весьма недовольна.

Состав я помнила весьма приблизительно, получить из представленных мне образцов руды могла хоть что, но это самое «что» в руде должно присутствовать. А титан и алюминий есть далеко не везде. В результате у меня были какие-то граммы.

А нужно больше. И намного.

Я уж молчу про сталь.

Ну, приблизительно я знаю состав стали. Нержавейки, заметим. Но это ж крайне приблизительно! Кто мне назовет точные проценты железа, хрома, марганца, титана, прочей дряни? Словом, рядом с моей кроватью выстроилась батарея скляночек с подписанными химическими элементами, но работы все равно шли в час по чайной ложке. Я все больше склонялась к кевлару, но там ведь одним слоем не ограничишься, надо прикидывать расположение и форму...

– Мария Ивановна?

Лицо генерал-губернатора была воистину неопишным.

– Добрый день. – Я укориженно поглядела на Ваню, который проводил ко мне Благовещенского и ничуть не выглядел при этом смущенным. Еще и ухмылялся про себя. Освоился, поросенок! – Что привело вас сюда?

– Вам пришло письмо, Мария Ивановна.

Я посмотрела удивленно. С каких пор у нас генерал-губернаторы почту разносят?

Оказалось, с тех пор, как мне из канцелярии Его Императорского Величества писать стали. Такие вещи везут дипломатической почтой и приходят они генерал-губернатору. Регистрируются в

канцелярии... там сложный путь.

В результате письмо оказалось у меня в руках.

Я повертела конверт, украшенный большой блямбой печати. Ощутила в пальцах покалывание.

- Магия?

- Печать защищена. Можете сломать только вы.

- Хм...

Я не стала уточнять, что там с почтовой магией. Ну их... Вместо этого я сломала печать и пробежала глазами по строчкам.

- Интересно...

Благовещенский поднял бровь, но спрашивать не стал. Воспитанный человек.

Я отдала ему письмо, в котором было прописано, что мне надо приехать в Москву для аудиенции с его императорским величеством, и кивнула Ване.

- Нам предстоит втрое работы. Останавливаемся на кевларе, будем комбинировать.

С кевларом-то проще всего.

Углерод, водород, кислород, азот. Основа - вообще бензольное кольцо, а бензол магу земли получить пара пустяков. Его еще Глаубер получил сто лет назад... какие сто! Он его получил аж в 1651 году! Каменный уголь - сырье, которого хоть завались на рынке, лопатой гребь, азот и кислород есть в воздухе. Фактически я могу просто штамповать кевларовые пластины прямо из угля, надо просто правильно составить формулу преобразования.

Магия земли - это что? Это химические элементы. Знаешь их - не стесняйся, бери и собирай. Маг земли - это вообще ходячий философский камень, надо просто знать строение атома.

Чем одно вещество отличается друг от друга?

Числом протонов - нейтронов - электронов. По большому счету. Добавить одного, убавить другого... а как, вы думали, происходит радиоактивный распад? В природе это и так делается, без нашего участия. Маг земли может запустить тот же самый процесс.

Был свинец?

Даешь золото!

Минусы есть, искусственное золото не обладает аурой, из него нельзя делать деньги, за него строго наказывают, да и сил приходится вбухать немерено, а получаются граммы и граммы. Овчинка выделки не стоит.

Но мне-то для опытов! И даже не золото, а марганец, алюминий и прочие радости. И на ауру мне чихать - кевлар не аурой ценен.

- Кевлар? - уточнил Благовещенский.

- Мы пока проводим опыты, - не стала скрывать я, - если чего-то добьемся, я расскажу подробнее.

Уточнять мужчина не стал.

- Меня отзывают в Москву.

Я не стала говорить, что все в курсе. Промолчала.

- Мария Ивановна, предлагаю вам поехать вместе.

- Тогда мою репутацию уже точно ничего не спасет, - заметила я.

- Бог с ней, с репутацией, главное, чтобы больше никто не напал, - здраво высказался Ваня.

Это было верно.

- А когда?

- Как только врачи разрешат вам уехать, - предложил Благовещенский.

Я потерла руками лицо и получила за это Ванин смешок.

– Порох вытри, стрелок.

– Зеркало дай.

– Разрешите, я помогу, – вмешался Благовещенский. И, не дожидаясь ответа, достал из кармана платок. Наклонился и вытер мне щеку и лоб.

На долю секунды наши глаза оказались совсем рядом.

Не поняла?

И что это было? Заигрывания, что ли?

Типа, если дама все равно пострадала, пусть уж ей будет за что страдать?

Перебьюсь!

Но вслух я ничего не сказала. И даже не подала вида, что меня это царапнуло. Подумаешь, щеку вытерли! Не нос же!

– Благодарю вас.

– Не стоит благодарности, Мария Ивановна.

– Стоит. Не сомневаюсь, с вами мы будем в безопасности, – решила я проблему отъезда. – Но позволят ли вам задержаться?

– Мне еще надо передать дела, а новый генерал-губернатор пока не прибыл.

Я кивнула.

Ну да. Дела можно передавать достаточно долго. Это понятие растяжимое. И я затягивать не буду.

Ладно.

Даешь кевлар – и вперед. Штамповать бронетрусы и бронелифчики. Хорошо, что тут такая мода, – под мини-юбку панталоны не пододенешь.

И родных снабжу.

Лучше потрудиться сейчас, чем поплакать потом.

– Ты ему нравишься.

Ваня валялся на моей кровати и смотрел наивными глазами. Ага, верю.

– Благовещенскому?

– Да.

– Это невзаимно.

– Маша, не ври мне.

Я фыркнула на брата.

– И что? Мало ли кто мне нравится?

– Мало, много... ты посмотри, какая партия. Молодой, холостой...

– Женатый. И не первой молодости.

– Этой женатости теперь грош цена, Дарья Петровна умом подвинулась.

– А вдруг еще вылечат?

– Я тут посплетничал кое с кем.

– И? – не выдержала я паузу.

– Маша, а ты уверена, что тебя это интересует?

- Пристрелю, – пообещала я наглому братику.

- Расстроишься и будешь плакать, – фыркнул нахал. – Так вот. Говорят, что помочь ей нельзя. Там... как это... невозвратимые изменения в мозгах! Вот!

- Необратимые, – поправила я.

- Ну да. Они самые.

- Плохо...

- Это кому как.

Спорить я не стала. Это верно, у каждого кристалла много граней.

- Это верно. Только вот и мне такой муж особо не нужен. Чтобы он от меня строевым шагом по борделям ходил.

- От тебя и не будет ходить, – отмахнулся Ваня. – Ты умная и красивая. А жена у него была старая и страшная... ой! За что!

Подушка пришлась как нельзя более кстати. А здесь они тяжелые, пуховые... это не синтетика.

- За дело. Учти, Ванечка, кобельеро – он всегда кобельеро. Вне зависимости от того, кто его там ждет дома.

- Вот и неправда, – откатился в сторону братец. – Слуги все знают!

- Что именно?

- Что хозяева недружно жили. И у нее друзья были, и у него любовницы. Генерал-губернатор когда понял, что у него только одна дочь будет... вот все и началось.

- Ага. А у меня продолжится. Нет, Ваня. Давай обойдемся без этого.

- Маша, а ты подумай? Надо тебя замуж пристраивать, а то засидишься в девках...

Второго удара подушкой этот гад избежал. Да и больно было драться.

Так что братец удрал безнаказанным.

Ладно, погоди у меня, паразит, еще сочтемся. Ты у меня еще получишь за поросячье сводничество. Распустился... подсолнушек!

Я тебе еще лепестки пообрываю! По самый черенок!

Гад!

«Мария Ивановна!

Вынужден сообщить вам печальную новость!

На шахте пошел рудничный газ. В ходе поисков шахтеры пробили вход в каверну, из-за чего скончались восемь человек.

Зато нами были найдены залежи медного изумруда в больших количествах.

Прошу вас прибыть, чтобы разобраться с проблемами на месте.

С выражениями самого искреннего почтения.

И.Ф. Северинов».

Я прочитала письмо.

Пару минут подумала, прикинула, вспоминая наши разговоры и карту...

А потом попросила Ваню сбежать к Благовещенскому и позвать его к нам. Только как-то так... чтобы никто не видел.

Александр Викторович прибыл вечером, и Ваня тут же проводил его ко мне.

– Мария Ивановна?

– Александр Викторович, вам еще хочется поговорить с Демидовым? До отъезда?

– Что?! – мигом посерьезнел Благовещенский.

– Он объявился. И приглашает нас на переговоры.

Понятное дело, Благовещенский захотел узнать, почему я так решила. А чего тут гадать?

Письмо же!

С какого перепуга Северинову лезть в ту каверну?

При мне, при Храмове все решили, что работы будут идти совершенно с другого направления. И кой черт его тогда понес в ту пещеру?

Спьяну?

Э, нет. Не спьяну. Не лез никто и никуда, это точно. И насчет медного изумруда...

Чего мне сообщать про его залежи, если я его сама на карте и отметила? Штука редкая и дорогая, его еще тогда находить начали. Когда мы с мужем на шахте были.

А сейчас мне все это сообщают?

Для чего?

Так все же ясно! Чтобы я приехала. Любой нормальный хозяин, получив такое письмо, помчится быстрее лани, разбирать и разгребать. Завалы, смерти, находка... да одного фактора выше ушей для приезда, а тут сколько всего? Письмо буквально умоляет о приезде. А если нужно, чтобы я приехала, значит, меня там кто-то ждет. С распростертыми объятиями.

Кто?

Так двух кандидатов тоже нет. Только Демидов, больше я никому здесь не нужна.

– Я туда войска пошлю, – прикинул генерал-губернатор.

Я благородно не стала напоминать, что он уже здесь не хозяин, что его отзывают в Москву, а тех наемников, которые у него есть, на Демидова не хватит. Вместо этого я опустила реснички.

– Удерет ведь, супостат.

– А что еще остается? – пожал плечами Благовещенский. – Вас я с собой не потащу, вы ехать просто не можете.

– Почему не могу? – удивилась я.

– Потому что вы недавно были ранены.

Я вздохнула.

– Я уже почти оправилась.

– Все равно. Я не хочу вами рисковать. И вспомните, у вас же дети!

Ага, дети!

Этих детей с собой можно взять. Подарить Демидову того же Нила, а потом прийти и похоронить трупы. Малыша забрать обратно.

Он ведь испугается. А когда он боится, он убивает.

Почему Нита так не могла?

Сразу по нескольким причинам.

Самка, то есть женщина, а они менее убойны, это первое. Сразу после родов, когда никаких сил нет, даже дышать сложно, не то что шипеть, это второе. Да и куда ей было потом деваться? Всех-то не перебьешь, а люди бы еще подтянулись. Наверняка.

Почему это может сделать Нил? Человеку не свойственно разговаривать на инфразвуке, это уже магия полозов. У малыша сила дурная, он ее пока только так оформить и может.

– Дети-дети... вы думаете, они здесь в безопасности? Равно как и я? Или что ваша супруга была одна? Что за нами не придут ее сообщники?

Благовещенский закаменел лицом.

– Понимаю, что не одна, но найти пока ничего не удастся.

– Потому и надо поговорить с Демидовым. А то и его уберут.

– Туда ему и дорога.

Никакой терпимости у человека.

Спорили мы долго и упорно, но к общему знаменателю так и не пришли. Благовещенский упорно хотел послать туда солдат. Я настаивала, что любой нормальный негодяй при виде солдат удерет аккуратно в Китай, только мы его и видели. И поговорить не удастся.

Может, мы и еще бы неделю проспорили, но...

У нас случилась попытка похищения.

Хотели украсть Нила.

Вечером я покормила Андрюшку, поглядела, как его перепеленали, уложила Нила и ушла из детской. Нянька справится.

И...

Повезло.

Мне просто повезло – моя параноя оказалась стойкой и воспитанной в перестроечные времена. Когда день прожить уже было счастьем.

Сигналки стояли в саду. А еще – в детской. И в особняке.

Настроены они были на одно и то же. Если ребенка попробуют вынести за порог дома – я почувствую нечто вроде укола. Глупо, конечно, замыкать сигналку на себе, так ведь больше не на ком и не на чем. Я пробовала разработать нечто вроде «радионяни» или сигнальных систем своего времени, но для них магии земли пока не хватало. Или, что вернее, не хватало моего образования.

А вот что я могла – так это расставить ловушки.

Сколько я читала про покушения, похищения и прочие радости девяностых? Скольким была свидетелем? Всегда, всегда одно и то же, одно и то же... Предают, продают, бьют в спину – СВОИ!

Не чужие, там понятно, там ты уже ждешь подвоха изначально. Нет! Свои. Те, кому ты по умолчанию доверилась и повернулась спиной. И тогда тебя бьют. Под лопатку, жестоко и быстро. Чтобы точно не оклемалась.

Я подставляться не хотела.

Так что сигналки были настроены. Об их существовании знали все, это понятно. А вот о том, на что именно они настроены, – никто.

Только я.

И меня очень заинтересовало, куда это нянька выносит ребенка на ночь глядя. Выглядело это так.

Ночь.

Мгновенный укол боли.

Я взлетаю с постели и собираюсь в комок.

Нил. Это точно он...

Куда бежать? Я сосредотачиваюсь на своих контурах защиты. В детской малыша уже нет. Нет его и в доме. Нянька идет по саду.

Ах ты ж...

– Аминоацилт-РНК-синтетаза! – медленно и отдельно произнесла я слово, на которое была завязана активация защитного контура.

Я все равно не успею ее догнать. А вот остановить – смогу. Она ведь топает как раз в ловушку. Там и окажется...

Но додумывала я это уже на бегу, вылетая из комнаты.

Нянька, дебелая девица лет двадцати пяти – ладно, в этом времени уже баба, со своей семьей, со своими детьми, взятая по рекомендации кухарки, – провалилась в ловушку по пояс. Так и стояла, с Нилушкой на руках.

Понимала, что попалась. Не пыталась вырваться, не голосила...

И когда я вылетела в сад, босиком, как была, она молча протянула мне малыша, закутанного в одеяльце.

– Прости, барыня. Бес попутал.

Я подхватила родного змееныша, прижала к себе, проверила, все ли с ним в порядке, и перевела дух.

Ладно, про беса выслушаем позднее.

Если бы с головы Нила хоть волосок упал... если бы...

Меня на миг затрясло. За своего ребенка я...

Нет таких слов.

Руками порву?

Это слишком мягко!

Зубами грызть буду, по кусочку откусывать и сплевывать. И так до самого последнего огрызочка. Не просто уничтожу, род под корень изведу, чтобы и памяти о нем не осталось.

Это – мой сын!

Ярость колыхалась где-то на уровне горла, тяжелая, горячая, и я усилием воли сглотнула ее. Пока не убила идиотку-бабищу. Пока не натворила непоправимого.

Землетрясение тут немного не к месту, правда же?

– Маша?

Ваня.

Слава богу, вылетел тоже.

Я перевела дух и протянула ему малыша.

– Вань, отнеси Нила в детскую. И проверь, как там Андрюшка.

На миг, только на миг на лице бабы мелькнуло нечто... мне хватило.

– Что там?! – страшным шепотом выдохнула я.

Если с моим сыном что-то...

Агафья спешно замотала головой.

– Ничего, барыня. Сонное зелье токма! Я младшенькому на пальце дала, чтоб не орал, а старшему в молочко капнула.

– И пошли за лекарем, срочно, – приказала я. Действительно, Нил спал, хотя в обычной ситуации давно бы уже проснулся и потребовал внимания и понимания. С чего это его таскают абы где? Да еще ночью, когда все хорошие дети седьмой сон видят?

– И к Благовещенскому, – дополнил брат.

– Да. Рысью...

Ваня так и взял с места в карьер. А я посмотрела на няньку.

- Будешь вилять – тут тебя землей и задавит, поняла?

- Бес попутал, барыня...

- Ты – поняла?

- Да чего уж... – Нянька скорчила жалобную рожу. – Что ж я, тупая, что ль? А токма нехорошо это – ребенка отца лишать!

Я где стояла, там и села.

- Кого лишать?

Мы с Агафьей оказались как раз на одном уровне, глаза в глаза. И та видела, что я удивлена. Но пояснила:

- Ко мне, барыня, мужчина подошел. Сказывал, что Нилушка – ваш и евоный общий ребеночек. И ему хочется на родное чадушко поглядеть.

Я аж головой замотала.

- Ах, ребеночек?

- Да, барыня.

- Общий?

- Да...

- Только поглядеть?

- Так и сказал, барыня. Ты его вынеси к калиточке, я взгляну, и вы сразу же назад пойдете. Пятьсот червонцев мне дал, за погляд-то...

Я замотала головой.

Слов не было, одни матерные эмоции.

Пять тысяч золотом – серьезная сумма. Понятно, что дура соблазнилась. И поверила потому, что хотела поверить. А вот что было бы у калиточки...

- Он тебя ждал за какой калиткой?

- Той, что для продуктов, – с готовностью указала нянька.

Я сосредоточилась.

Спрятаться на земле – от мага земли? Нереально. Даже если неизвестный влезет на дерево, я и там его разыщу. И уничтожу!

Рядом с калиткой никого не было. Только следы в грязи.

Я развернулась и отправилась к дому.

- Госпожа!!! – взывала нянька.

Я обернулась.

- А ты посидишь здесь, пока генерал-губернатор не приедет. Если что – в этой яме тебя и зарюю! Ты какие цветочки на могилку предпочитаешь? Посиди, подумай...

Больше я уже не обращала внимания на призывы.

А дома закрыла дверь и привалилась к ней спиной.

Ну – все.

Я многое могу простить, спустить, понять, но – мои дети?! Кто тут верит, что на малыша просто посмотрели бы и отпустили? Есть идиоты?

Меня начало трясти. Жесточкой крупной дрожью, словно в лихорадке. И следом за мной начало потряхивать весь дом. Зазвенела посуда в горках...

Так.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. И так двадцать раз. Глубоко и с расстановкой.

Это помогло. Дом прекратило трясти, посуда закончила дребезжать, а слуги – бегать.

Я – спокойна. Я совершенно спокойна.

Я найду кукловода, который спрятался за сценой. И вырву ему по одному все пальцы.

А для начала – мне надо поговорить с Демидовым. И пусть ему будет хуже. Назначать встречу магу земли с кровью полозов – в горах?

Сам напросился.

Благовещенский приехал через полчаса. И застал меня с лекарем в детской.

Повезло.

Лекарь оказался опытным и грамотным, снотворное опознал как сонный корень и выводить его не взялся. Сказал, что сонный корень за то и любят, что на него легко ложится магическая составляющая. Мало ли там что?

Мы детей начнем будить, а они умрут. К примеру...

Можно только подождать, пока снотворное не выведется естественным путем. Это около шести часов. Потом дети должны проснуться. А до тех пор он побудет рядом с ними, мало ли что?

Так что я расхаживала по комнате и ругалась.

Иностранные ругательства закончились быстрее всего, в ход пошел уже большой боцманский загиб. Никуда я отсюда не уйду, пока малыши не проснутся. Никуда...

– Мария Ивановна, я привез вам своего лекаря.

Благовещенский подтвердил свою фамилию прямо с порога. И немолодой мужчина лет шестидесяти на вид направился к детям.

– Что скажете, коллега?

Половину из того, что сказал коллега, я просто не поняла. Медицинский жаргон какой-то! Но главное, лекари все поняли и в четыре руки подхватили меня под локти.

– Так, мамочка, побудьте снаружи. Не переживайте, все будет хорошо.

– Правда? – совсем по-детски спросила я.

– Будет, – ответили мне в два голоса.

И дверью хлопнули.

Я посмотрела на Благовещенского.

– Будет, правда?

– Илья Фомич – маг воды, правда, слабенький. Но на лечение его магии с лихвой достанет.

Я кивнула.

Уговаривать меня уйти из-под двери Благовещенский и не подумал. Вместо этого кивнул слугам, чтобы нам принесли сюда пару стульев. И чего-нибудь горячего выпить.

Что они и сделали.

– Мария Ивановна, что точно произошло?

– Ваня еще не рассказал?

– Мне бы хотелось услышать ваш рассказ, а не его слова.

Я пожала плечами и отпила пару глотков из чашки, не чувствуя вкуса и температуры напитка. Хорошо еще, кто-то догадался, и в руках у меня была не изящная фарфоровая чашечка на два глотка, а здорovuющая кружка. Из такой не расплескаешь.

– Ночью мне пришел сигнал. Кто-то хотел вынести моего ребенка из дома. Я поняла, что это нянька. Активировала линию защиты. Когда Агафья попала в ловушку, вышла и забрала у нее ребенка.

– Которого?

– Старшего.

– Вашего приемного сына?

– Моего старшего сына, – окрысилась я.

– Вашего старшего сына, – согласился Благовещенский.

Я отпила еще глоток. Кажется, язык я себе обожгла вместе с небом, потому что вкуса не чувствовалось вообще. Ну и пусть.

– Она рассказала, что якобы объявился отец Нила.

– Якобы? – остро поглядел на меня Благовещенский.

Я покачала головой.

– Именно якобы. Я точно знаю, что его отец умер. И его мать тоже умерла.

– Вот даже как?

Я медленно опустила глаза. Потом подняла их и посмотрела в глаза Благовещенскому. Пусть видит, что я говорю правду.

– Именно так. Я могу поклясться чем угодно, что мать ребенка умерла. Она просила меня позаботиться о малыше – и я выполню ее просьбу. Я знаю имя отца ребенка и я знаю, что он тоже умер. Я даже знаю, где его могила. Но Анна просила меня не называть никому его имя. Да и ее настоящее имя тоже.

– Анна – ненастоящее?

– Она иностранка, – охарактеризовала я женщину-полоза.

– Благородная?

Хм. А змеи – благородные?

– Нет. Если вы имеете в виду титул – она не титулованная и не из дворян.

– А отец малыша?

– Из нетитулованных дворян. Не особо богатый, не особо знатный, ничего серьезного. Даже без магии.

И пойдите скажите, где я соврала? А что все это больше ста лет тому назад было – ну и что? Меня про людей спрашивают, а не про даты.

– Понятно. Магию у малыша мы пока проверить не можем, она позже активируется.

Я кивнула.

Позже, конечно. И как приятно, что у людей магия показывается только с началом периода полового созревания. Есть исключения, но очень редкие. Типа вундеркиндов.

– Вы точно все это знаете?

– Могу чем хотите поклясться. Хоть своим здоровьем, – честно ответила я.

Александр нахмурился. Такими вещами здесь не клянутся и не бросаются.

– Думаю, таких жертв не требуется. Итак, кому мог понадобиться ваш ребенок?

– Старший, что интересно.

Благовещенский понял меня мгновенно.

– Если бы младший – вы бы подозревали родственников Сергея Никодимовича?

– А вы бы их не подозревали?

Ответом мне было ехидное фырканье.

Дверь распахнулась. На пороге стоял старший лекарь. На руках у него сидел вполне себе бодрствующий и гневно шипящий Нил. У второго, стоящего чуть дальше, плачем заходился Андрюшка.

– Держите ваших драгоценных, госпожа.

Я протянула руки, и на них увесисто легло тепленькое живое тельце.

Нил обхватил меня за шею и тихонько зашипел. Александр пару минут подумал, а потом принял у второго лекаря надрывающегося Андрюшку. Малыш икнул от неожиданности, но потом замолчал и устался на взрослого дядю. А кто это такой? А что я у него делаю на руках?

Живые...

Спасибо тебе, Господи! От всей души – СПАСИБО!!!

– Что там было со снотворным?

– Ничего, госпожа. Проснулись бы спокойно.

Я выдохнула.

Повезло.

Ёжь твою рожь, мне безумно повезло, так, что хоть ты свечки во всех церквях ставь. Пудовые.

А могла ведь и яд дать. Могли дуре-бабе яд подсунуть и сказать, что снотворное.

Или...

– Я так и не спросила – она сама детей усыпить решила или кто еще?

– Сейчас спросим. Допросим, – пообещал мне Александр.

– Спасибо, – искренне сказала я.

Подождем результатов допроса.

Сама я не пойду, у меня нет сил расстаться с малышами. А тащить их к этой дуре...

Я просто боюсь. Не сдержусь, пришибу стерву тупую, а детям на убийства смотреть рановато. Это из категории двенадцать плюс, и не раньше. А лучше – и еще попозже.

Допрос проводил Александр Викторович, он и рассказал мне о результатах.

Нянька действительно решила сама дать детям сонный корень. Делают так в семьях, например, когда у малышей зубки режутся. Чтобы поспали хоть чуть-чуть.

Это не опиаты, это совсем другое. Успокоительный сбор, плюс заговор, плюс немного магии. Стоит дорого, но с пятью-то тысячами рублей? Да еще вперед полученными, представляете? Там и надо на кончике ножа, можно чуток потратиться.

Она искренне боялась, что малыши раскричатся. Андрюшка – без нее, останется в одиночестве, проснется, испугается, распищится. Нил – а кто бы не развизжался, если его потащат ночью черт-те куда, да еще показывать будут невесть кому?

Так что сонное зелье было ее инициативой. Полностью.

А могло бы быть и чужой.

Я схватилась за голову.

– Да, недоработка.

– Эту идиотку я заберу. Год в тюрьме ее думать научит.

– Год?

– Мало?

– Я бы прибила, – честно сказала я. – А что со следами?

– Стоял там, у калитки, какой-то человек. Стоял достаточно долго. Потом обильно посыпал следы черным перцем и ушел.

– Ёжь твою рожь!

Благовещенский покосился, но ничего не сказал. И правильно. Не трогайте моего ежика!

– Этот след тоже обрублен.

– Вот видите, Александр Викторович, судьба мне ехать с вами.

– Куда?

– К Демидову. На встречу. И детей с собой возьму, выбора нет.

– Это безумие.

– Это – жизнь.

– Мы еще завтра об этом поговорим, – пообещал мне мужчина и откланялся.

Я улеглась в детской, на кровати няньки.

Спать не хотелось. Хотелось лежать и слушать. Слушать тишину, в которой сопят два маленьких носика. И понимать, что мне помог только счастливый случай.

Только он.

Сегодня я была близка к безумию.

Если бы что-то с детьми... все равно с кем из них... Я бы не пережила этого.

В той жизни у меня детей не было, и я не понимала, КАК это бывает. А вот здесь у меня они есть. И я точно знаю, что ради них пойду на все. Нормально ли это? Вот не знаю. И рядом ни одного психолога. Ну и пусть!

На самом деле все очень просто.

Я должна найти врага раньше, чем он меня. Но кому может понадобится Нил?

Кому?

Ладно, будем разбираться по мере досягаемости врагов. И первый на очереди – Демидов.

Почту в Березовский привозили на поезде. Примерно раз в десять дней. Как поезд придет, так и привезут, и отвезут на почтамт. А там рассортируют и развезут по домам. Вот мне и привезли...

Странно. Я ничего не ожидала.

– Мария Ивановна, вам письмо.

– Давай сюда, – кивнула я горничной.

Здесь было два пакета. Первый – скорее, бандероль. Такая... вроде посылки. Не слишком толстой.

– Госпоже М.И. Храмовой...

Я прочитала свой адрес, пожала плечами и вскрыла конверт. На колени мне выпал листок бумаги в осьмушку и коробочка.

Я повертела в пальцах бумагу.

Дешевая, так себе...

«Если вам дорога ваша сестра, приезжайте в столицу. Там получите остальные инструкции. Если вы расскажете кому-то об этом письме, мы убьем ее».

Хм?

Ни печати, ни подписи, ни, подозреваю, отпечатков пальцев.

Под сестрой, я так понимаю, подразумевается Арина. Если бы две других, по Горским, тут бы скорее князь носом землю рыл. Да и толку? Я бы ради сестричек впрягаться не стала. Да, вот такая я стерва, но не стала бы. Значит, остается Арина, к которой я показала свою привязанность.

Письмо короткое и понятное. Но вопросов...

Ладно, допустим, эта дуреха еще жива. Но как я могу в этом убедиться?

Хотя...

Кажется – могу.

Я дотронулась до коробочки, подозревая уже, что именно в ней увижу. Открыла...

– Ёжь твою...

В этот раз вышло матерно. И было отчего.

Вот никогда не мечтала быть персонажем конан-дойлевского рассказа. Там, правда, уши присылали, а тут палец, зато так же солью засыпали. Чтобы не протухло по пути, значитца...

С-суки!

Девичий палец, мизинец, отрезанный у основания.

Я провела рукой над пальцем.

Некромантия тоже доступна магам земли. И сейчас я могла сказать, что палец отрезан у живого человека. И что человек до сих пор жив.

С этим все.

Я медленно закрыла коробочку, положила в пакет, сунула туда же листок бумаги. Прошла в кабинет и убрала коробку в стол к Храмову. Закрыла ящик на ключ и убрала ключ. А потом пошла и долго отмывала руки в очень горячей воде.

Тошно было...

И ведь ехать придется, никуда не денешься. И попробовать ее выручить. А вот как рассказать об этом ребятам?

В голову ничего не приходит. Совсем ничего...

Ко второму письму я вернулась не скоро. И очень надеялась, что это – не еще одна записочка шантажиста. Второй я не выдержу.

Взяла конверт, покрутила.

Даже на первый взгляд что-то очень официальное. Плотная бумага, желтоватая такая, блямба сургучной печати, дорогие чернила, каллиграфический почерк, искорки магии, слабо покалывающие пальцы...

От обычной почты этот конверт отличался как герцог от крестьянина.

Я пожала плечами и взломала печать.

Письмо было из канцелярии Его Императорского Величества. Мне предписывалось в месячный срок закончить свои дела в Березовском и отбыть в столицу. Меня желали видеть при дворе.

Да, все познается в сравнении. Лучше уж шантажист, того убить можно. Кстати говоря...

А что с трауром?

На этот вопрос мне смог ответить Благовещенский. Правда, не напрямую. А с кем мне было еще посоветоваться?

Пришлось писать записку отставленному генерал-губернатору, с просьбой приехать в гости. К чести Александра Викторовича, он не стал орать: «Как вы мне все надоели!!!» Я бы заорала. А он – приехал.

Я продемонстрировала письмо и отдала мужчине лист. Мол, читайте, сэр.

Сэр прочитал и воззрился на меня.

- Когда вы выезжаете, Мария Ивановна?

- Как только улажу свои дела. Я так надеялась, что траур...

- Воля императора выше любого дела.

Я засопела, но комментировать не стала.

Выше, выше... Я, может, в демократы подамся! Или в коммунисты!

- Александр Викторович, у нас осталось примерно дней пятнадцать на Демидова. Вы едете со мной - или нет?

От такой наглости Благовещенский аж воздухом подавился. Прокашлялся и воззрился на меня с видом - не обнаглела ли ты, девочка?

Я изобразила невинность на ромашке, показывая, что не обнаглела. И не надейтесь, не раскаюсь!

- Мне надо поговорить с Демидовым, пока его не убили. Хотите - поедem вместе. Хотите - порознь.

- Но вы поедете в любом случае.

- Да. Посадить в тюрьму вы меня все равно не сможете...

- Мария Ивановна, вы в себе так уверены?

Вопрос был задан очень ядовитым тоном. Ответ у меня получился не менее ядовитым.

- Демидов решил пригласить мага земли - в горы. Для беседы.

- Потому что у него есть какие-то козыри в рукаве.

- У меня тоже.

И козырь действительно был.

Кровь Полоза.

Там, где обычный маг будет бессилен, я смогу воззвать к земле. И она откликнется мне. Но говорить об этом я не буду. Ни к чему.

Я просто пожала плечами.

- Вы слишком самоуверенны.

- Это преимущество моего возраста, - парировала я. - Так что? Едем?

- Едем, - скрипнул зубами Благовещенский. - Завтра же. Я был о вас лучшего мнения, Мария Ивановна.

- Почему?

- Я полагал, вы не захотите оставить детей...

- Вы не поняли, Александр Викторович. Дети едут со мной.

Кажется, только дворянское воспитание не позволило Благовещенскому отвесить мне подзатыльник. Хорошая это штука - манеры.

Нищему собраться - только подпоясаться.

Так то - нищему.

Мы уложились в два дня, и то потому, что все слуги свое дело знали. А что? Ездили ведь уже с Храмовым.

Александр Викторович зубами скрипел, но понимал, что я не отступлю. До попытки похищения ребенка - да, я подозреваю, что именно похищения, - меня можно было отговорить. А сейчас...

Сама не останусь.

Детей не оставлю.

И обязательно все раскопаю.

Да и почему бы не съездить? Походная карета есть, легкая, удобная, с хорошими рессорами и отличной проходимостью. Припасы купить несложно, но если что – по дороге пополним. А одежда – что ее, собирать, что ли, долго?

Ваня и Петя тоже ехали со мной. Их я тоже не готова была подставить под удар, пусть лучше будут у меня на глазах, чем их кто-то похитит, как Аришку.

Ваня, конечно, ворчал что-то насчет репутации, но я махнула рукой.

Я – вдова.

Замуж мне второй раз не выходить, более того, я буду всеми лапами отпихиваться от такого «счастья». И репутация мне не подмога, а помеха.

Приглашение ко двору?

А мне оно надо? Меня кто спрашивал? Просто пригласили, поставили в известность, и деться я никуда не могу. А сама я ко двору хочу?

Нет!

Могу по буквам повторить, кто не расслышал! Ничего я там не забыла!

Не хочу!

Я бы с огромным удовольствием жила в Березовском, ставила опыты на растениях, каталась в лошину, может, под конец жизни обрела бы славу Мичурина или еще кого, например, Корниловой или Коршуновой, растила детей, дожидалась внуков...

Я не честолюбива, не люблю ходить по вечеринкам и балам, а слова «прием», «суаре», «раут» и тому подобные вызывают у меня острый невроз. Гадость!

Но выбора мне не дают.

Мне придется поехать в Москву. Придется искать врага. Придется воевать...

Да тот же Демидов... ёжь его рожь! Вот чего его пережнуло? А ехать придется. И разговаривать тоже придется...

Черт бы их всех побрал!

Поездка выдалась муторная.

Благовещенский пытался меня отговорить от затеянного. Я отмахивалась и пыталась разработать что-то новое.

Кевлар тот же самый...

Получалось плохо. Когда моими опытами заинтересовался Благовещенский, оказалось, что я кое-что недоучла. К примеру, лезвие, которое не прорезало кевлар, прекрасно могло вогнать его в тело.

А вот как решали эти проблемы у нас?

Титановыми вставками? А титан хоть и не особо тяжелый, где-то в полтора раза тяжелее алюминия, но все равно – вес! И металл же! Я что – при ходьбе буду всеми суставами звякать и брякать?

А если придумать жидкий металл? То есть так он должен быть пластичным, а при ударе затвердеть?

Но тут уж пасовала моя фантазия.

Я просто не представляла, какие процессы там должны происходить на молекулярном уровне. А что не представляешь, то и не применишь на деле, увы...

Оставалось скрипеть зубами и думать. Что-то же я могу сделать? Ну хоть что-то...

Благовещенский тоже не помогал. Идеи у него имелись, но мое преимущество было во взгляде со стороны. А он смотрел на это так, как принято здесь.

Взгляды сталкивались, и вспыхивали грозы. Мы спорили, ругались, иногда забывали о самой элементарной вежливости...

Хорошего было лишь одно. Я научилась достаточно метко стрелять из револьвера.

Наше сопровождение рассматривало это все как придурь взбалмошной бабы. С нами ехало два десятка наемников, и нельзя сказать чтобы они меня уважали. На людях мне демонстрировалось почтение, а в своем кругу...

Я не была в претензии. Им пока не за что меня уважать. Я не стреляю как снайпер, я не владею приемами айки-до и айки-после, я вообще не лезу в мужские игры. Магия? И тут они меня за работой не видели.

А то, что я тащу с собой детей, только добавляло мне минусов.

– Александр Викторович, я могу с вами серьезно поговорить?

– Да, Мария Ивановна?

– Там, где нас никто не услышит, – обозначила я условия разговора.

Благовещенский поднял брови, но согласился.

– К вашим услугам. Я могу пригласить вас прогуляться?

– Пожалуйста.

Этот разговор я начала на третий день пути, надежно заняв Ваню с Петей детьми и убедившись, что наемники слушаются Благовещенского, а значит, нас никто не подслушает.

Мне только этого не хватало.

Мы остановились на ночлег на небольшом постоялом дворе. Рядом была очень удачно расположенная речка, над которой хозяин поставил беседку. Там мы и устроились.

Тоже очень удачно.

Мы видели все подходы, а нас нельзя было подслушать. Хоть какое-то уединение. Я думала поговорить и раньше, но возможности не было. Не дай бог, кто услышит.

– О чем вы хотели поговорить, Мария Ивановна?

– О моей сестре.

– Княжна Горская?

– Нет. Арина Синютина, – вздохнула я.

Благовещенский на минуту задумался, потом кивнул. Явно наводил справки.

– А она не в Москве?

– В Москве, в том-то и беда, – вздохнула я. – Мне недавно прислали записку – и ее палец.

Глаза у Благовещенского были круглые и выразительные.

– Палец?

– Отрезанный, в коробочке с солью. Вы мне сами книгу по некромантии приносили, помните?

– Помню, Мария Ивановна.

– Вот. Я могу определять, жив или нет человек. Чему-то я смогла научиться, – похвасталась я. – Это Аринин палец, я проверила по совпадению с ребятами, девушка была жива, когда его отрезали, и она жива сейчас. Это я чувствую как некромант.

– Так... и что от вас хотели?

– Хотят. Чтобы я приехала в Москву.

– А вы туда едете...

– Да.

– Мария Ивановна, это плохо пахнет и еще хуже может закончиться.

Вот почему я не сомневалась в таком выводе?

– Я знаю. Поэтому решила просить вашего совета.

Хорошо в этом времени. Мужчины воспринимают как должное, что ты хрупкая и беспомощная, и ждут от тебя таких заявлений.

И готовы помочь!

Хоть как-то, но готовы!

– Мой совет прост. Рассказать все господину Романову.

– Игорю Никодимовичу?

– Да, Мария Ивановна.

Я вздохнула.

– И подписать Арине приговор?

– Подозреваю, что вы ей и так ничем не поможете.

– А как я посмотрю в глаза братьям?

– Им будет легче, если вы обе погибнете?

Я вздохнула.

– Я не могу им об этом сказать. Понимаете, Александр Викторович? Не могу... У них мать уже погибла... в чем-то по моей вине. И теперь Арина...

– Расскажите, как она пропала?

Я послушно пересказала то, что знала сама.

Благовещенский надолго задумался. И уточнил у меня.

– А в чем вы виноваты?

– Я ее ввела в искушение, – честно призналась я. – Я показала ей другую жизнь...

– И что?

– Но...

– Поддаются те, кто сам того желает. Мария Ивановна, не стоит взваливать на себя все грехи этого мира. Спина сломается...

– За все я и не в ответе. Но за Арину... я могла бы подумать, приглядеться...

– Мария Ивановна, сколько вам лет? – голос Благовещенского звучал мягко, успокаивающе.

Я чуть не ляпнула свой паспортный возраст, еще по той жизни, но потом спохватилась.

– Много. Восемнадцать... почти.

– И вы хотите все предвидеть и предусмотреть? Вы на себя слишком многое берете, Мария Ивановна.

– Больше все равно некому.

– Но не настолько. Не вините себя.

Ответом мужчине был мой тяжелый вздох.

– Мария Ивановна, вы могли показать названной сестре другой мир. Но выбор человек делает сам. Всегда. В любой ситуации. Вы бы ее оставили своими заботами?

– Нет.

– Какие у вас на нее были планы?

– Дать образование, приданое и выдать замуж за хорошего человека.

– Она об этом знала?

- Да...

- Все сделали свой выбор. Успокойтесь.

Я вздохнула и потеряла лицо.

- Я плохая сестра. Увы...

- Вы замечательная сестра. И чудесная мать, Мария Ивановна. Я смотрю, как вы возитесь с детьми, и поверьте, Дарья Петровна и десятой доли того не уделяла Иришке.

- Но я...

Не так уж много я возилась, факт.

- Поверьте моим словам. Вы удивительная женщина. Вашему супругу очень повезло. И второму мужу тоже повезет...

- Не хочу замуж, - не сдержалась я. - Хватит и одного раза!

На губах Александра Викторовича появилась грустная улыбка.

- Вы еще так молоды, Мария Ивановна. Поверьте, вы еще сто раз передумаете...

Я откровенно фыркнула. Не аристократически, зато от души.

- Вы говорите как будто у вас впереди ничего нет! Сами еще успеете и жениться, и детей завести...

- Мне уже точно поздно. А у вас еще все впереди.

Я улыбнулась.

- Кокетничать к лицу только женщинам, Александр Викторович. В вашем возрасте только первых детей заводят...

- Я внуков ждал. - Мужчина помрачнел. - А теперь...

- А теперь женитесь и будете ждать детей, - постаралась я сбить мрачный настрой. - Вы жених завидный! Уже опытный, ума-разума набрались, состояние сколотили, в должности восстановят, титул есть... чего еще надо? На вас придворные дамы такой сезон охоты откроют - зайцам позавидуют.

Благовещенский поежился. С этой точки зрения он явно о себе не думал.

- Вы меня пугаете, Мария Ивановна.

Я ухмыльнулась вовсе уж разбойнически.

- Даже не сомневайтесь! Окольцуют только так.

- Ужас! - Он чуть расслабился и заулыбался. - Надеюсь, с вами мне оставаться безопасно? Вы таких намерений не питаете в отношении меня?

Нет, не питаю. Я всего-то от вас родила.

Сказать так я не рискнула - утопили бы в той же речке. Или сам бы бедняга утонул. Поэтому я ограничилась улыбкой.

- Александр Викторович, вы ко мне всегда относились по-доброму. Могли ли я ответить вам такой черной неблагодарностью?

- И в чем же неблагодарность?

- Получить такую супругу, как я? За что тут благодарить? Репутации почти нет, если б Сергей Никодимович на мне не женился, и того бы не было. Вслед бы плевали и руки не подавали. Но и так... попомнят мне еще этот побег из дома. Денег... денег тоже особо нет, все будет Андрюшкино, когда тот вырастет. Со связями плохо, с характером еще хуже, светскую жизнь не люблю, вообще домоседка, да к тому же и маг с проявленным даром... от такого счастья куда угодно сбежишь! И не оглянешься!

- Я бы не сбежал.

- Это вы человек храбрый. А кто потрусливее - и на лошади б не догнали.

Шутливая беседа была безжалостно оборвана Петей.

– Маша! Ты долго еще? Простите, Александр Викторович, там Андрей...

Я кивнула и встала со скамейки.

– Простите. Мне надо идти.

– Идите. А ко мне пришлите сюда ваших братьев.

Александр Викторович встал и поцеловал мне руку. Действительно поцеловал, а не обозначил поцелуй над кистью, здесь и так поступали, если дама была неприятна. Своего рода детектор отношения.

– Зачем? – поинтересовался Петя.

– Побеседуем, – отставленный генерал-губернатор таланта распоряжаться не утратил.

– Хорошо, Александр Викторович, – кивнул Петя. – Я сейчас сестру провожу, и мы придем.

– Буду ждать.

Поздно ночью Ваня поскребся в мою комнату.

– Маша, к тебе можно?

– Да.

Ваня был сильно пьян. Запах на два метра шибал. Я закрыла дверь и кое-как дотащила братца до кресла.

– Садись.

Спрашивать, что случилось, я не стала. А то сама не знаю...

– Это я во всем виноват...

– Ваня?

– Я так старался, чтобы было как лучше. А Аришку упустил...

Я помотала головой.

Мои же собственные терзания в исполнении братца звучали достаточно сюрреалистично.

– Ваня, ты-то здесь при чем?

– Я старше. Я должен был увидеть. Понять, сообразить...

– Я не смогла, а ты должен был?

– Маша, ты приехала – и на тебя все это сразу свалилось. А я-то все видел, варился в этом... и – проморгал. Дурак...

Я молча обняла брата.

А что тут скажешь?

Я себя виню. Он себя винит.

А те, кто похитил Арину?

Вот в этом мы с ними точно совпадаем. У них мы тоже наверняка во всем виноваты. Стопроцентно!

А что делать?

Разбираться с Демидовым здесь и ехать в Москву. Наводить порядок уже там. Что мне еще остается? Попала в течение – греби лапами. Или тони молча. Но помни: спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Только так и никак иначе.

Как же все это... безрадостно выглядит!

Глава 13

Змеиной горы хозяйка

Как можно встретиться с человеком, на которого объявлена охота?

Если прийти и попросить встречи, я подставляю управляющего. Если просто прийти – подставляю себя.

Что мне остается?

Идти на рудник, но в сопровождении четырех обережных. А дети останутся с Ваней и Петей.

Я и поехала. Верхом, на лошади (держась на ней как собака на заборе и покачиваясь из стороны в сторону), причем вел лошадку в поводу один из обережных и быстро специально не ехали.

Ну не могу я!

Не умею!

На парашуте летала, доводилось, но то машина, у нее мозгов нет. А у лошади – есть. И я ей тоже не нравлюсь. Вон как косит... точно, цапнуть хочет. Лошади не кусаются? Не кусаются только беззубые киты – у них зубов нет, им кусать нечем. А остальные очень даже могут тяпнуть.

Вот и знакомый поселок, домик управляющего...

И нехорошего вида личности, которые наставляют на нас ружья.

– Стоять! Руки вверх!

Так. Мой выход.

– Вы что, с ума сошли? Я – Мария Ивановна Храмова, хозяйка рудника! Какие руки!?

Мордовороты расплылись в улыбках.

– Простите, барыня, не признали. Только вас и ждем... лошадку позвольте?

Один ловко перехватил мою лошадь под уздцы. Скотина косилась лиловым глазом, но не дергалась.

Второй так и продолжал держать под прицелом мою охрану.

– Опустите оружие! – возмутилась я. – Вконец охамели?!

Ругательства ничего не дали. Лошадь повели под уздцы к домику управляющего. А там на пороге стоял и паскудно ухмылялся мой несостоявшийся жених.

– Мария Ивановна. Как я рад вас видеть!

– Сергей Владимирович. Вы еще живы? Какая неожиданность!

Моя улыбка по гадостности могла сравниться только с улыбкой разговевшегося маньяка. Который лет двадцать сдерживался.

Такого приема Демидов не ожидал, и ухмылка его слегка увяла.

– Я надеялся, что судьба еще пошлет нам встречу.

– Да, хорошо она послала, качественно и далеко, – я продолжала улыбаться. – А где мой управляющий?

– Здесь, конечно. Не буду же я своих людей увечить и калечить?

– А с какого перепуга мои люди вашими стали?

– Ну, Мария Ивановна...

И столько укоризны! Столько возмущения...

Вот как ребеночку объяснять, что это один пальчик, это второй пальчик, а всего их пять, чего уж проще!

Я даже головой покачала.

– Сергей Владимирович, я бы в вашем положении не на девушек заглядывалась, а на червячков.

– Червячков?..

– И гробик присматривала поуютнее.

Демидов намек понял, и глаза его сверкнули злобой.

– Я еще вас переживу, Мария Ивановна.

Ответом ему была безмятежная улыбка.

– Поспорим?

Руки у мужчины сжались в кулаки. Эх, был бы у него наган, как у меня, – точно бы пристрелил. Или хоть попробовал.

Да вот беда – нельзя. Трупы не размножаются. А детей-то хочется. И не только детей, похоже.

– Ладно, – поменяла я тон. – Пошутили, и хватит. Теперь о серьезном. Сергей Владимирович, так кто вас настолько не любит, что так подставил?

Демидов аж рот открыл.

– Откуда вы знаете?

– Письмо возьмите. От его высокопревосходительства Благовещенского, Александра Викторовича.

Я кое-как сползла с лошади и вытащила из кармана платья письмо. Вручила его Демидову, и пока тот бараном смотрел на конверт, обошла его, как мебель. Кивнула управляющему.

– Что скажете, Иван Федорович?

Управляющий даже сразу и с ответом не нашелся. Чего бы он ни ожидал от своих действий, сделала я явно что-то не то.

– В-ваше... Мария Ивановна?

– Мое, а то ж. У вас найдется чашка кофе?

Управляющий поцеловал мне руку и повел в дом. Кажется мне – или его глаза одобрительно блеснули?

Когда Демидов вошел в дом, мы уже пили кофе. Я с сахаром и сливками, управляющий – простой черный, кто как привык.

– Иван Федорович, так что там с каверной?

– Сергей Владимирович приказал...

– Насчет медного изумруда – тоже вранье?

– Нет, что вы! Чистая правда, Мария Ивановна. Да такое месторождение богатое!

– Вот видите, дела уже не так плохи. И взрыва не было?

– Не было, госпожа.

– Просто замечательно. Надеюсь, Сергей Владимирович не поскромничал, когда оплачивал письмо?

Управляющий настороженно посмотрел на меня, потом разглядел в моих глазах веселые искорки и расслабился.

– Никак нет, барыня. Не поскромничал.

Я улыбнулась во всю ширь.

– Ну, будем считать, пятьдесят процентов от премии он вам выплатил. Остальные за мной будут.

Управляющий поймал мою руку и поцеловал.

– Премного благодарен, Мария Ивановна.

Умничка.

Все он правильно понял. И я тоже все поняла правильно. А за верную службу и отблагодарить не грех.

Демидов смотрел на это злыми глазами. А потом направился к столу.

– Поухаживайте за будущим мужем, Мария Ивановна. Налейте мне кофе.

– Сергей Владимирович, я решила уйти в монастырь, – фыркнула я. – Мужской. Банщицей.

Старая шуточка вызвала у мужчины очередной ступор. Я устроилась поудобнее, наплевав на все правила хорошего тона, и кивнула Демидову.

– Присаживайтесь, Сергей Владимирович, и рассказывайте.

Демидов действительно сел за стол, потом опомнился и разозлился. Положил на столешницу ладони, чуть приподнялся и уставился на меня немигающим змеиным взглядом. Да, раньше я бы его испугалась.

А сейчас...

Мной владело какое-то хмельное веселье. Как в компьютерной игрушке, когда проходишь уровни и рубишься с монстрами. Есть удар! И еще! А если помрешь – так сохраниться можно и начать все заново.

Здесь, правда, не сохранишься, но ощущения были примерно те же.

– Так кто вас скушать собрался, дорогой несостоявшийся супруг?

И я светски утащила с блюда вкуснящее безе. Крохотное, как раз сунуть в рот и не кусать, а то вечно с него крошки на платье сыплются.

Картинная поза Демидова прошла втуне. Я слишком наслаждалась пирожным. Обычно я себе такие радости обрезаю, и так фигуристая, но после долгой дороги, да плюс стресс...

Ладно!

Сладкое в малых дозах безвредно в любых количествах!

– Откуда вы знаете? – Демидов поневоле заинтересовался. Слишком уж я ему все шаблоны обломала. Что должна делать приличная жертва?

Плакать, умолять, бояться, страдать...

Из всего списка у меня было только страдание, и то по другому поводу. Попробуйте сами поездить на этих парнокопытных! Брр! Знаете, как пострадает ваш филей? Отбивная будет такая, что любому повару честь сделает!

– А чего тут знать? Подставили вас с бо-ольшим знанием дела, – махнула я рукой. – Или вы меня сейчас будете уверять, что лично прирезали Ирэну Благовещенскую?

– Не буду, – согласился Демидов. – Об этом только вы догадались?

– Генерал-губернатор тоже догадался бы, но слишком уж он дочку любил, – махнула я рукой. – Ему ярость мозги застит. Поймаю, кричит, повешу на осине. Или на березе.

– Мария Ивановна, а в чем состоит разница? – заинтересовался управляющий.

– Береза эстетичнее смотрится, – безмятежно пояснила я. – Я бы сказала – утонченнее. На белом фоне синее лицо с вываленным красным языком... сюрреализм!

Демидов передернулся. Перспектива его явно не вдохновила. Меня, положим, тоже. Поди, выйди за такого замуж... не супруг, а сплошные проблемы. Только и того, что деньги есть, но с таким сокровищем никаких денег не захочешь.

Это даже не золотая клетка получается.

Это, скорее, золотой кол. На который ты лично влезла и сидишь, мучаешься. А результат все равно один. Так и так загнешься...

– А вы, значит, не верите.

– Я же сказала – не верю, – махнула я рукой. – Сергей Владимирович, давайте серьезно. Кто вас мог так подставить? Или вы думаете, что я с вами свяжусь, не разузнав все подробно? Да вы меня к

алтарю и мертвой не притащите! Оно мне надо? Все равно ведь убьют, так лучше сразу, меньше мучиться буду.

Демидов посмотрел на меня, но я была абсолютно серьезна.

– Притащу, уж поверьте.

– Верю. Но и вы мне поверьте. Магия земли у меня проявленная, в активной форме. Не заблокируете до конца – найду возможность. Лучше я самоубийство совершу, в котором опять же вас обвинят.

– Душу погубите, Мария Ивановна, – всплеснул руками управляющий, наслаждающийся сценой.

– Вряд ли, – серьезно ответила я. – Грех на Сергея Владимировича падет, потому как он все знал и сделал выбор. Фактически убил меня...

И я верила в то, о чем говорила.

Здесь и сейчас я была серьезна на сто процентов. И понимала... нет, не самоубийца. А тех, кто подпустив врага поближе, рвал кольцо с гранаты. Или в воздухе, в смертельной схватке, понимая, что подбит, шел на таран, не думая о спасении. Все равно ведь убьют. Так уж лучше и врага с собой забрать.

И Демидов это понял. Потер лицо руками, в глазах пригасла безуминка, если внимательно не приглядываться, сейчас это вновь был любезный господин, украшение любой гостиной. Разве что одежда с чужого плеча ему решительно не шла. Управляющего на гардеробчик раскрутил, наверное.

– Подозреваю, что Матвеев. – Демидов ссутулился на стуле и обхватил чашку с кофе ладонями, тоже наплевав на хороший тон. – Делали мне предложение.

– Какое?

– Лизку, племянку матвеевскую, в жены. И денег добавить, чтобы еще пару заводов поставить...

Я задумалась.

Так. Мой отец входит в юрт Алябьевых. Не то чтобы он там был родным, но все-таки... союзник.

Структура юрта такова.

Ядро – это образующая его семья. Алябьевы или Матвеевы. Или еще кто... Вот ядро – семья, все, кто носит эту фамилию.

Второй слой – те, кто связан по крови и по крови же привязан. Семиюродные племянники, троюродные тетки, мужья кузин, жены троюродных братьев... Они могут быть магами или обычными людьми, вот как Демидов, это был бы второй круг. Или как мой отец, кстати. И князь, и женился правильно, и даже детей наплодил.

Третий – вассалы. Те, кто принесли клятвы и на этом основании входят в юрт. Они не родственники, но навредить уже не могут, им и доверия больше, и уважения.

Четвертый круг – подчиненные. Не связанные родственными или вассальными отношениями. Так, на посылках-побегушках.

Конечно, эти круги не закреплены жестко, и вполне возможен переход из одного круга в другой, причем как ближе к ядру, так и дальше от ядра. Но...

– Вам клятвы предлагали? – уточнила я у Демидова. – Вассалом звали?

– Догадались, Мария Ивановна?

– Догадалась.

– Предлагали.

Я хмыкнула.

– А решение ваших проблем?

– И это предлагали, – оскалился Демидов. – А вы что думали, вы одна такая умная?

Я фыркнула.

– Я не умная, я читер.

– Что?

– Не суть важно, – махнула я рукой. Хотя действительно считала себя читером. Если бы не Нита, когда бы я что узнала о Демидове? Змеюшка сильно облегчила мне задачу. – Интересно, меня поэтому пытались убить?

Демидову это тоже было интересно.

– И сколько раз вас пытались убить, Мария Ивановна?

– Один – точно. А вот с цесаревичем – там не знаю. Могла просто за компанию попасть. Потом еще в Москве на меня покушались, еще здесь, потом вас подставили... Матвеев сюда дотянется?

– Эта сука куда угодно дотянется, – зло прошипел Демидов. – Руки длинные.

– А государь на это как смотрит?

– Где Урал, а где государь, – вздохнул управляющий. – Мария Ивановна, когда еще его императорское величество узнает, что здесь происходит, да когда распоряжение дойдет...

Я только головой покачала.

– Допустим. Но можно сейчас просить защиты и милости, нет?

Подумала, посмотрела на Демидова. И глубоко вздохнула.

– Извините. Глупость сказала. Ладно. Сергей Владимирович, вы сами понимаете, что я за вас замуж не выйду. Мне ваши проблемы даром не сдались, своих хватает.

– А у вас есть выбор, Мария Ивановна?

– Выбор есть всегда, Сергей Владимирович, – улыбнулась я.

Душевно так улыбнулась...

Ненадолго я Демидова отвлекла. Да мне надолго и не надо было.

Снаружи загремели выстрелы. На помощь мне подспела кавалерия.

Сначала Благовещенский настаивал, что не отпустит меня одну. А потом мы пришли к общему знаменателю.

Получив меня, Демидов расслабится. И его люди тоже. А сам Александр Викторович будет ждать неподалеку. И, получив сигнал от наших людей, примчится на помощь. Во главе небольшого, но победоносного отряда.

Откуда взялась уверенность в победе?

А чего не быть уверенной? Я ведь здесь. И я маг...

Демидов вскочил из-за стола.

– Кто это?!

– А это Благовещенский. Александр Викторович, – безмятежно пояснила я. – Иван Федорович, вы бы спрятались пока куда под кровать? А то пуля – дура... да и люди, с горячки боя, сами понимаете, мало ли что выйдет?

В дом влетели двое Демидовских подручных. Один тут же захлопнул дверь и задвинул засов. Другой бросился к хозяину.

– Уходим! Нас со всех сторон окружили!

Ага, у страха глаза велики! Там всего-то два десятка человек. Хотя со всеми возможными амулетами, с огнестрелом, с хорошим оружием... маленький отряд, но вполне победоносный. Воюют ведь не числом, а умением.

Один из Демидовских подручных выбил окно и выстрелил в кого-то.

Вот скотина! А он эти окна стеклил? Он стекла сюда вез? Да с него за такое шкуру содрать мало! Но ругаться я не стала, лучше и правда потом шкуру сдеру.

Управляющий выдержал стиль до конца.

Он встал из-за стола, поклонился мне – и упал на четвереньки. Так, чтобы из окна не видно было.

Так на карачках и уполз, надо полагать – под кровать или под стол. Сообразительный человек.

А вот Демидов такой похвальной выдержкой не обладал.

Вскочил из-за стола, дернул меня так, что чуть руку не оторвал. Хорошо, я уже кофе допила, а то бы точно облилась.

– Вставай, сука! Убью!!!

Я встала. Мне не жалко.

Но вместо того, чтобы вытащить меня на крыльцо и заорать: «отпустите, у меня заложник, я ее прямо тут шас порешу!!!», Демидов дернул меня куда-то в другую сторону.

– Живо, за мной.

– Далеко бежим?

Демидов размахнулся.

Сильный удар кулаком свалил меня с ног. По счастью, такой вариант тоже был предусмотрен. Сознания я не потеряла, но глаза предусмотрительно прикрыла. Демидовский подручный, кряхтя, поднял меня с пола. А так тебя! Я не тростинка, у меня и грудь, и попа есть!

Мужик перекинул меня через плечо и направился куда-то вглубь дома. Вслед за Демидовым.

Стукнула крышка подвала.

– Я спускаюсь, потом ты даешь мне девку и следуешь за мной, – скомандовал Демидов.

Ход из подвала.

Действительно, что-то не сообразила я. Здесь это не роскошь, а необходимость, мало ли что может случиться? Мало ли кто?

Дом управляющего так и построен, чтобы сразу не разнесли даже магией. Бревна вековые, крыша серьезная, фундамент высокий, каменный... такое даже магией не вдругорядь разметаешь. И поджечь сразу не получится, будет время уйти.

А все одно – скотина Демидов.

Я обвисла тряпкой, не собираясь облегчать работу похитителям. Но спускали меня достаточно бережно. А потом перехватили за руки – за ноги и потащили по узкому и достаточно низкому проходу.

Я расслабилась.

Чем хорошо магу земли – никакой клаустрофобии! Меня можно в одиночную камеру засовывать, можно в каменный мешок замуровать, я себя буду превосходно чувствовать. Вот если в пузырь и в воду или в корзину аэростата, там будет сложнее. А все, что на земле или в земле, отторжения не вызывает, только умирание.

Несли меня не особо долго. Минут двадцать быстрым шагом, потом положили на землю и принялись откатывать вход.

Именно откатывать, помимо засова он был душевно так приперт несколькими крупными валунами. Что ж, это тоже правильно. Мало поставить дверь, надо ее еще как следует припереть изнутри. А то мало ли кто снаружи появится?

К примеру, мишка. Бурый, лесной, симпатичный. Или еще какое зверье... они такие ходы любят. А обнаружить в своем родном подвале волка или росомуху? Это перебор даже для фаната живой природы. Я бы сказала – решительный перебор.

В лес Демидов сразу не вылез, сначала осмотрелся.

– Куда, хозяин?

Голос один. Видимо, один пошел с Демидовым, второй остался прикрывать отход. Итого двое мужиков на одну маленькую хрупкую меня.

Жалко мужиков.

– Давай к руднику. Там лошади могут быть, – велел Демидов.

Это верно. Пара лошадей там точно будет. Лошади вообще штука полезная. И колеса лошади крутят, и надсмотрщики на них ездят. Не ночуют ведь они все в шахте!

А без лошадей Демидову точно не уйти. Не пройдет он по тайге, и по горам не пройдет. Тем более со мной.

Даже не так.

Я бы прошла, но не пойду. Дура я, что ли? А если меня постоянно бить и нести на руках, тем более пользы не будет. И пристрелить смысла нет... разве только для собственного удовольствия?

Но пока у Демидова на уме такого нет. Ему жить хочется. Долго, счастливо и с детьми. А родить их пока могу только я.

Лизка Матвеева...

Что я о ней знаю? Да ничего. Если что в дневнике и было, так я это не помню. Просто – не интересовалась. Подумаешь, какая важность!

Но что она не маг земли, это факт. Может, латентный маг любой другой стихии... что у нас в матвеевском юрте?

Огонь.

Огневики там, почтенные и неучтенные, боевые и не очень. Хотя у огня других применений, считай, и нет. В бою огонь – великая вещь. Правда, маги воздуха его гасят достаточно быстро, убирая кислород или давая огонь углекислотой, но сильный маг побороться может. Я читала о таком, как земля у мага воздуха под ногами вспыхнула в прямом смысле слова.

Это и неудивительно, горючих компонентов в почве хватает. И не всегда удастся убрать из воздуха весь кислород. Надолго не удастся, так вернее. Воздух – хотя стихия и податливая, но не самая легко управляемая.

Я оставила умствования, потому что надо мной присел Демидов. Похлопал по щекам.

Ага, не дождетесь! Чтобы я пришла в себя и пошла ножками? Щаз-з-з-з-з! На ручках несите, уроды!

Пара пощечин тоже не помогла.

– Сильно вы ее, хозяин...

Демидов матюгнулся неприличными словами и кивнул подручному:

– Сначала ты несешь, потом я.

Я опять повисла носом к мужской заднице. Ну и пусть.

Переживу. А если блевану – ему же хуже.

Мы пробирались по лесу, по направлению к горе.

Лес быстро редел. Идти становилось легче, Демидов шел все быстрее и быстрее, и я могла его понять. Пока еще вдали слышались выстрелы. Его люди сопротивлялись, но надолго ли их хватит? Ох, что-то я сомневаюсь.

Почему я не стала сопротивляться еще там? В доме?

Так ни к чему!

Демидов вконец ошалел, потащил бы меня еще под выстрелы...

Нет уж! У меня дети, у меня вся жизнь впереди, я подставляться не хочу. И убивать Демидова тоже не хочу. Живой он полезнее...

Итак – Матвеев.

Что я о нем знаю – помню – читала – слышала?

Юрт Матвеевых один из сильнейших. Глава юрта... нет, имя не помню. Матвеев, понятно. На чем

они специализируются?

Да на заводах-фабриках. Причем, оружейных. У них маги, у них боевики, у них магия огня в крови, кому и заниматься, как не им? А где заводы, там нужно сырье. А на сырье сидит Демидов.

Не на всем, понятно, но Урал! Как такое под себя не подгрести?

Пока клан Демидовых был силен, пока семья тут шишку держала, по меткому выражению одной моей знакомой, Матвеев пролезть не мог. Или пытался, но получил по лапам.

Или... А в ведении какого юрта находится Урал? И находится ли? И...

Ах, Андрей Васильевич, как мне вас не хватает! Вы в хитросплетениях интриг разбирались. А я что?

Я - ничего.

Не Алябьевы, точно. Те на сельхозпродукции больше, у них и маги земли, кстати, водятся. Не Перовы. Те к морю. Перовы, Морозовы, кто там еще? Штук шесть морских юртов. Водяных. Вот, они сидят на реках, на побережьях, корабли водят, ну да это другое...

Нет, не помню! Читать надо!

Ёжь твою рожь! Ну почему, почему я такая раззява? Ладно. Спрошу у Благовещенского. Пусть объясняет.

А пока, может, начать качать информацию из Демидова?

Хотя нет. На бегу он мне точно не ответит. А я ножками по лесу ходить не хочу, хоть у меня и удобные сапожки, а все одно - лень!

Пусть таскают!

Сами похитили, пусть сами и мучаются!

Окрик раздался, когда мы были уже у подножия горы. До ближайшего штрека оставалось еще километров семь, так что - не успеем. И это хорошо.

- Стоять! Руки вверх!

Универсальный, наверное, окрик для всех миров и времен.

Жаль, Демидову было на это наплевать. Руки вверх он поднимать не собирался, вместо этого меня дернули вниз, на землю, и приставили к голове что-то холодное и металлическое.

- Я этой сучке сейчас мозги вышибу!

За собаку ответишь. Хотя рядом с тобой это комплимент, слизняк!

Александр Викторович, а это был именно он, спрыгнул с лошади.

- Мария Ивановна, с вами все в порядке?

- Вполне, - отозвалась я. - А что у вас?

- Двое убитых, шестеро раненых. Противников не осталось, - весело отчитался мужчина.

Демидов заскрипел зубами. А как ты хотел, козел? Не пустил бы меня Благовещенский просто так, это ему несвойственно.

На мне была вся возможная подстраховка. И удар из-за этого получился слабее, Александр Викторович что-то мне там вещал про воздушный щит, который забирает на себя большую мощность удара, а на долю человека, которого бьют, остается самый мизер, и от огнестрела меня чем могли защитили, и от холодняка. И маячки на мне есть.

Шесть штук, для верности.

Не нравится?

А кто тебя просил меня похищать? Договорились бы спокойно, без суеты, «на берегу», так и не огреб бы по самые эти самые. Но тебе ведь хотелось и рыбку съесть и на елку влезть. Вот и получил ты рыбу в то самое место, которым на елке сидеть собирался.

По самые жабры.

Отследить меня Благовещенскому было несложно. И догнать – тоже. Верхом, пешим, зная, куда они побежали? Да как нечего делать!

Риск, конечно, был, что меня убьют, что говорить не захотят, что с собой не возьмут, но в пределах допустимого для меня. А вот выбора не было. Либо играть здесь и сейчас, либо...

Нельзя ехать в столицу, оставляя врага за спиной. Нельзя!

Вот и пришлось рисковать.

– Ты не понял? Я ее действительно убью!

– Понял, – отозвался Благовещенский. – И что ты получишь?

– Ничего. Но и ты ничего не получишь!

– А мне ничего и не надо, – отмахнулся Благовещенский. – Хочешь – убивай, я тогда тебя быстро не кончу, еще помучаешься перед смертью, как милости просить ее будешь!

Демидов задумался.

Псих психом, но умирать ему не хотелось.

– Поторгуемся?

– А что у тебя такого есть, что я сам не возьму?

– Эта стерва?

– За стерву ответишь, – решила вступить я в разговор. Меня в ответ больно пнули ногой. Попытались. Что ж я – дура, ждать, пока по ребрам прилетит?

– Молчи!

Я махнула рукой.

– Я-то помолчу. А если серьезно? Хоть расскажи, чего тебя так разобрало, исповедайся перед смертью.

Прилетело еще раз.

Благовещенский покачал головой, не одобряя такое обращение с дамами.

– Я знаю, ты Иришку не убивал. Но в ее смерти виновен все равно.

Демидов чуть расслабился.

– Не убивал. Вот как хочешь – это Гришка. Двое их было с девчонкой, Демида убили, Гришка исчез. А мне с тобой связываться не хотелось, но уж больно выгодную игру эта курица, твоя жена, предлагала.

– Что она предложила?

– Что ее ко мне пришлет, – Демидов кивнул на меня. – А у меня выбора не было, подобраться нет возможности, а время уходит, словно вода сквозь пальцы, считай, его и нет...

– Так уж не было возможности? Маша и на свой участок ездила, пропала бы в тайге, и ищи-свищи...

– Как же, – оскалился Демидов. – За ней святоши смотрели в оба глаза.

– Святоши?

Вот это и для меня оказалось новостью. Без меня – за мной следили? Хоть бы, еж, предупредили!

– Ты не знала? За тобой поповские люди ходили и днем и ночью, а с церковью бодаться дураков нет. Попробовал с беглыми, так не получилось, не знаю уж, что там произошло... в городе не достанешь, за городом тоже следят, в лошине околачиваются...

– Рядом. Церковь строят, – поправила я.

– И за тобой приглядывали. Не знаю, зачем, что уж они от тебя хотят, но думаю, они свое получают...

Я тоже так думала.

И получают, и схлопочут, и огребнут... ладно, хоть помечтать дайте! Но если церковь меня защитила от Демидова, с меня все равно причитается. Это правильно.

Итак, церковь.

Еще один игрок, только за кого? Или против кого? Этот вопрос надо бы прояснить, но как? Не стоит забывать, церковь может быть в целом и в частностях. К примеру, общая политика церкви и политика местного батюшки на селе. И вещи это суть разные.

Я-то думала, почему Демидов не развернулся более активно. А он просто не мог.

- И государь свою волю выказал, - напомнил Благовещенский.

- И это тоже, - скривился Демидов.

Ну да.

Без личного разрешения ЕИВ Ивана замуж я не выйду. А личного разрешения он не давал, и Демидов его не просил. Если меня обработать какой-нибудь магией до полного отключения мозга, церковники заметят. Я ведь и сама маг, на меня это действует куда как хуже. А некромантия вообще может не сработать. Мага земли некромантией глушить - как рыбу топить.

А забить или запугать... можно. Только не сразу.

И никто не помешает мне кинуться в ноги императору при первой же встрече. И выйдет Демидову полный кирдык-с.

Вот и получились - вилы. Куда ни ткни, везде наколешься, везде больно.

Оставалось только похищение. Причем похитить надо было по-английски. Это когда всем все ясно, а доказательств нет.

И снова не сработало. Ирэну убили, Демидов вынужден был прятаться, скрываться...

Кто виноват?

Конечно, княжна Горская, кто ж еще?

Благовещенский только хмыкнул.

- Это понятно. А кто хотел вас подмять?

- Матвеевы, - сообщила я. - Они на Урал лезут.

- Разберемся, - пообещал Благовещенский. И я его понимала.

Урал - кладовая ресурсов, которую никак нельзя отдавать в руки юртам. Это все равно что мафиозному клану отдать в управление целую область, они-то развернутся, но государство фиг что получит. А то и вообще отделиться могут, кто им мешает?

Это тенденции плохие...

Вот и терпел император таких «Демидовых», полагая, что лучше нетитулованное дворянство без особых сил, чем полное господство юртов.

- Сергей Владимирович, если вы сдаетесь добровольно, то не погибнете при попытке к бегству. Поедете в Москву, к императору, пусть его императорское величество решает, что с вами делать.

- Нет уж! - оскалился Демидов. - Или я ухожу, или...

Зря он меня еще раз за волосы дернул. Мое терпение переполнилось. И я позвала...

- Ш-ш-ш-ш-ш-с-с-с-с-с-с-с...

- С-с-с-с-с-с-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш...

Они ползли.

Змеи.

Они ползли отовсюду. Из нор, из-под камней, из леса, я и не думала, что их так много. Я позвала кровью Полоза - и они откликнулись. Отозвались, пришли на мой призыв.

И сейчас ползли к Демидову.

Один из самых интересных страхов человека – страх перед змеями. Хотя и не понимаю, почему их надо бояться.

Укусят?

А ты не доводи, а то тебя и таракан укусит. Змея животное умное, ты ее не тронешь, она тебя не тронет. А если уж что – так извини. Был у моей подружки случай, шла она по лесу и смотрит, прямо на дороге гадюка. Свернулась кольцом, лежит, да нагло так... и место неудобное. Болотина, по обочинам сильно не попрыгаешь, с одной стороны канава, с другой дерево так повалено, что обойти – только вкругаля, неудобно уж очень. И тоже неясно, что еще там. Черника же, места сырые, низинные, болотистые!

Подруга постояла, посмотрела... разойдемся?

Змея на нее в ответ посмотрела, и вот ей-ей, подружка клялась, что змея словно нехотя, но отползла на одну колею, а ей словно место освободила. Мол, проходи, человек. Если ты со всем уважением...

Так и разошлись, обратно подруга шла, гадюки уже и не было.

Боятся ли Демидов змей?

Сейчас узнаем.

Боятся.

До истерики боится, как выяснилось. Это когда он заорал от ужаса и дернулся вправо, влево...

Не выпуская моих волос!

Сволочь!!!

Я подхватила с земли первую попавшуюся змеюку – и бросила прямо в лицо Демидову.

Над поляной раздался абсолютно бабий тоненький визг. Дикий, безумный, полный неистового, подспудного страха.

Нита? Может быть, может быть... все же она была именно змеей и могла передать этот страх любовнику. Даже не так. Он помнил, кого предал. Сам побаивался и потомкам завещал, вот оно и выросло до невероятных размеров.

Демидов выпустил меня, упал на четвереньки, поднялся, подхватился, бросился куда-то к лесу...

И – закричал.

Не поняла? Что происходит?

Змеи вдруг словно взбесились. Я ими не командовала, но...

Словно повинаясь чьему-то приказу, все они кинулись на Демидова. От самого маленького ужа, до самого здорового полоза, толщиной в руку. Ползли, обвивались, открывали белесые пасти, кусались, кто чем мог, выпускали вонючую жидкость...

Да что тут происходит?!

– Маша?..

Благовещенский забыл про все правила от такого зрелища.

Я помотала головой.

– Богом клянусь, не я!

Я приказывала змеям просто прийти. Но нападать? Кусаться? Такого – не было! Это точно не я. А кто?

– Но...

Демидова уже не было видно под клубком змей. И он шевелился...

Брр!

Кажется, у меня намечается серпентофобия?

И не у меня одной. Кто-то крестился, кто-то молился, кто-то был близок к тому, чтобы бросить оружие и пуститься наутек.

Благовещенский это понял. Пара отрывистых команд заставила наемников подтянуться и начать смотреть по сторонам. Вот и хорошо. Да и не берут на такую работу нервных и трепетных институток, наемники еще и не такое повидали на своем веку.

Змеи на миг замерли – и схлынули.

А на траве осталось тело Сергея Владимировича Демидова. Прямого потомка Андрея Демидова. Распухшее лицо, посиневшее, с вывалившимся языком, весьма неэстетичное зрелище... помучился негодяй перед смертью. Жалко ли мне его?

Нет. Он своих жен не пожалел и меня не пожалел бы. А когда-то его предок не пожалел свою любовницу, которая ждала от него сына.

Змеи расплатились за свою хозяйку. Только вот мы ничего не узнали толком.

Матвеевы?

Да это и раньше можно было догадаться. Но подозревать их во всем остальном? В организации покушений, в терактах?

Да зачем?

Я для них – блоха. Пальцем придавить и забыть, вот и все вопросы. Даже в бытность мою княжной Горской могли бы организовать устранение, а уж сейчас тем более.

Не понимаю.

Абсолютно не понимаю.

А где, кстати, тот тип, который был с Демидовым?

Сбежал, сволочь. Ладно, попадешься ты мне еще, тебе змеи серпантинком покажутся. Праздничным.

В себя я пришла только в домике управляющего.

Выпила три чашки горячего чая, крепко обожгла язык, но трясти меня перестало. А уж когда в дверь влетели братики с детьми наперевес, меня и вообще отпустило. Я сгребла всех в охапку и от души разревелась.

– Родные вы мои-и-и-и-и!

Родные слаженно засопели, но вырываться не стали. И в ответ обняли меня.

Вот и хорошо. Все живы, все рядом, что еще надо для счастья? Да ничего! Вдохнуть, выдохнуть и расслабиться. Мы справились.

Еще один этап пройден. А кто там в столице на меня зубы оскалил – я еще разберусь. В столице тоже змеи водятся.

И не только в переносном смысле, вот!

Поздно ночью я проснулась от странного ощущения.

Что-то острое мне щекотало нос. Не поняла?

Глаза я открыла. А вот каким чудом не заорала – не знаю и по сей день.

У меня на груди свернулась средних размеров змея, которая душевно щекотала мне нос кончиком хвоста. Кажется, гадюка.

Ёжь твою рожь!

Больше у меня ни слов, ни эмоций не было. Вот просто – никаких! Горло перехватило так, что я даже вздохнуть пару минут не могла. Змея забеспокоилась, когда я начала синеть, и вежливо так потрепала меня хвостом по щеке. Мол, ты чего?

Воздух ломанулся обратно в легкие.

Я чертыхнулась, закашлялась и зарылась носом в подушку, уже окончательно наплевав на гадюку. Кусать меня она точно не будет, давно бы укусила, если бы хотела, а вот если я детей разбужу...

Пусть лучше кусает!

Если кто не в курсе, чтобы укачать разбуженного ребенка, требуется от часа времени. От – это до суток. Случались прецеденты, хотя и не у меня.

Когда я, профыркавшись, выглянула наружу из подушек, дети спали. А змея лежала рядом с таким видом...

Мне стало стыдно за себя и за человечество.

– И чего тебе надо, пресмыкающееся?

Гадюка отлично поняла вопрос. И сползла с кровати. Проползла к двери, оглянулась, явно подзывая меня к себе...

Ну ладно!

Где там моя шаль?

Я замоталась так, что наружу только нос торчал, сунула ноги в домашние туфельки и вышла из комнаты.

Залитый лунным светом поселок больше всего походил на город-призрак. Когда-то здесь была жизнь, но потом люди ушли, и жизнь ушла, и только здания оплакивают свою кончину, и ветер заносит их пылью веков, оседающей на оскалах дверей и окон...

Страшно не было.

Змея целеустремленно ползла куда-то к окраине, и я шла за ней. Пока из лунного света не соткалась мужская фигура.

– Кто вы?

– Кто ты?

Мы спросили это одновременно, переглянулись, и я махнула рукой.

– Мария Ивановна Храмова. Дворянка. А вы?

– Ташшаралдан эн Шшарраласс.

Дальше представляться не потребовалось.

– Аншшшшшаранита эн Шшарраласс – ваша сестра?

– Да, – кивнул второй увиденный мной ссарешесс. – Она моя сестра. Что с ней?

Я помялась, а потом сказала что могла.

– Она мертва.

– Я чувствовал ее кровь?

– Все верно. Она поделилась со мной кровью.

Каким-то гипнозом ссарешессы наверняка владеют. Общалась я с ним так спокойно, словно это в порядке вещей. Откровенно разговаривать с полозом, которого я видела первый раз в жизни, посреди залитой лунным светом опушки...

– Вот как... расскажите мне о ее кончине.

Я вздохнула.

– Присядем? Это долгая история.

Ссарешесс не стал спорить. Он устроился на стволе дерева и посмотрел на меня. Я присела неподалеку, подобрав концы шали под себя, и принялась рассказывать.

Как я поехала в лоцинку.

Как встретила с Нитой.

Что она мне рассказала и как мы обменялись кровью.

Мужчина внимательно слушал. Я разглядывала его. Да, с человеком полоза не спутаешь при всем желании. Дело даже не в телосложении, хотя вот ей-ей, так и кажется, что ползать ему привычнее, чем ходить. Не в одежде, которая больше всего напоминает змеиную чешую. Не в глазах, которые так и сверкают вертикальными зрачками.

Что-то неуловимо чуждое... запах?

Манера двигаться?

Не знаю. Но общее впечатление – чужак, и опасный. Даже для меня.

– Что с ее ребенком?

– Жив, здоров, растет.

– Понятно...

– А мне пока ничего не понятно, – огрызнулась я. – Почему вы раньше не помогли сестре? Где вы были? Что хотите сделать сейчас?

– Я не обязан отвечать на вопросы смертных.

– Во мне есть кровь вашей семьи.

Парень – вот не могла я его воспринимать как взрослого и мудрого – пожал плечами.

– Я мог бы убить тебя.

– И окончательно убить этим свою сестру. Да?

– Ты знаешь, о чем говоришь, смертная.

Знаю. Я такие случаи видела. И не такие видела, и похуже... всякое в жизни бывало.

– Так что вы мне можете сказать?

– А что ты хочешь узнать?

Я подумала и выбрала самый простой вариант.

– Что ждет меня и Нила.

– Нила?

– Аншшшшшаранита назвала его Нааршерессс. Я переделала на Нила, все же он живет среди людей.

– Как отца. Ничего не ждет.

Честно признаться, я выдохнула то ли с облегчением, то ли с досадой. И хочется, и колется...

– Вообще ничего?

– Смеси с людьми нас не интересуют. Вы неполноценны.

– Нацисты, – фыркнула я. Но порадовалась. – То есть вы нас трогать не будете?

– Нет.

– А сегодня это что было?

– Я следовал на зов родной крови. И вмешался, чтобы не потерять свой шанс узнать правду.

Я кивнула.

– Понятно. Что ж, можете радоваться, вы даже немного отомстили за сестру. Демидов был потомком того типа, который ее соблазнил и бросил.

– Сволочь.

– Сволочь. Причем потомственная, – подтвердила я.

– Демидов?

– Да.

Ссарешесс кивнул.

– Я запомню этот род. А ты ничего не бойся, женщина. Ты помогла, ты поддержала мою сестру, ты приняла на себя обязательства. Мы не можем принять тебя в род, но приглядывать будем.

Я пожала плечами.

– Спасибо. Но я не из корысти.

– Я понимаю.

– А вот чего я действительно хочу, что вы должны мне дать... в память о Ните!

– Что ты хочешь, смертная?

И такое удивление! Мы, мол, ее и так по уши облагодетельствовали, в покое оставили, а она еще нам фигамы рисует! Мы еще и что-то *должны*?

– Ровно через двадцать лет я жду вашего визита.

– Зачем?

Мне удалось удивить полоза вторично. А ты что думал – я золота попрошу? Щас! Так быстро и просто ты не отделаешься!

– Чтобы вы рассказали моему сыну о его матери и научили парня обращаться с родовой магией. Я этого сделать не смогу. Увы...

Змей задумался.

А потом медленно опустил голову.

– Береги моего племянника, смертная. Я приду, обещаю.

– А рассказать вы мне ни о чем не хотите? – окончательно обнаглела я. – Чего ждать, кого звать... что у вас вообще бывает в детстве? Какие магические эффекты, кроме убийства всех подряд шипением?

– У него это есть?

– Есть. И уже несколько убитых.

Змей кивнул.

– Сильный мальчик. А еще что?

В приятной беседе о детях и магии прошло часа два. Потом мы попрощались, и я отправилась домой. Ног я вообще не чувствовала, так, передвигаются две сосульки...

Брр!

Холодно все-таки! Шаль помогла, она шерстяная, теплая, длиннющая, но ноги все равно отмерзли. И нос.

Зато я знаю, чего мне ждать от малыша. Это радует. И дядюшка-полоз его не бросит, случись что. Это радует еще больше.

День прошел плодотворно? От жениха избавились, родственниками обзавелись, теперь и в Москву можно?

С этими мыслями я и проскользнула в свою комнату.

Все спали.

Наутро я чихала и сопела, забыв, что леди не подобает. Все-таки полоз ты там, не полоз... простуде – чихать!

А все остальные чувствовали себя на редкость хорошо. Все выспались, все были довольны, разве что пара балбесов, которые заснули на посту, светила «фонарями». Я не торопилась просвещать народ о

причине столь хорошего сна. А вместо этого поинтересовалась:

– Теперь мы можем ехать в Москву?

– Можем, – кивнул Благовещенский. – Вы позволите сопровождать вас, Мария Ивановна?

– Позволю, – согласилась я и опять чихнула. – Так будет безопаснее. Хватит с меня уже приключений. Только вам будет тяжело, у меня весь этот... детский сад.

Нил ткнулся мне в шею и зашипел. Андрюшка обиженно вякнул, и я пригребла малыша второй рукой. Сопли там, не сопли, а дети лезть будут. Благовещенский наблюдал с явным умилением.

– У вас замечательные дети, Мария Ивановна. Они не могут быть в тягость.

Я пожала плечами.

Вот сколько мужчин знаю, большинству из них даже собственные дети в тягость.

Есть исключения! Не спорю, есть. Но большинство искренне считает, что им должны вручить чистенького, накормленного и умытого ребенка, они его потетешкают полчаса, между пивом и футболом, – и родительский долг выполнен. И то – не отрываясь от соцсетей.

Нил и Андрюшка – мое все.

Я их люблю, я ради них готова чем угодно рисковать, а потому вряд ли когда-нибудь выйду замуж. Пусть детям исполнится хотя бы лет по восемнадцать, тогда посмотрим. Не хочу, чтобы они зависели от постороннего человека.

– Правда-правда. – Благовещенский перехватил у меня Андрюшку. Попытка взять Нила могла кончиться серьезным укусом. Полоз от меня отдираться очень не любил.

Мелкий похлопал глазками и решил оуклиться на руках у мужчины. Тепло, уютно, можно спать.

– Столица, – подвел итог Ваня. – Главное, чтобы не убили.

И мы все согласились с ним. Не вслух, но очень, очень искренне.

Его высочество Василий недавно вернулся с прогулки.

Ах, это золотое время, когда у тебя еще нет жены.

Нету жены...

А планируется.

Долг цесаревича – обеспечить устойчивое престолонаследие, чем раньше, тем лучше. У отца в его возрасте уже был Василий, а вот сам цесаревич пока не женат.

Почему?

Потому что внутри страны невесту подобрать крайне сложно. Шуйские, Соболяnsкие, Захаровы, Матвеевы – это только основные четыре юрта, а есть и более мелкие. И все хотели бы подсунуть свою кандидатуру.

Только вот императору не нужна гадюка в своем доме.

Потому уже какой век императорская семья поддерживает баланс, строго следя, чтобы не сместилось равновесие сил в сторону какого-то юрта. И сейчас Василий хотел жениться на ее высочестве Александре.

Хотел.

Ах, какой она казалась очаровательной. Бледная, хрупкая, изящная, так и хотелось укрыть девушку плащом, спрятать от всех бед, на руках пронести по жизни...

Казалась.

А сейчас?

Что изменилось в нем после того взрыва? Цесаревич и сам не знал.

Но все чаще перед его внутренним взором представляли не светлые волосы, а каштановые, и фигура становилась куда как более земной и желанной, и глаза темнели, приобретали тайну и глубину, и

ему улыбалась уже княжна Горская.

Почему так?

Василий не знал. Но с отцом заговорить решился.

Его императорское величество встревожился и даже приказал обследовать цесаревича. А желание увидеть княжну не проходило, оно становилось все сильнее... и вот!

Она пришла!

С другим!!!

Это не остановило бы цесаревича, но в том-то и дело, что сама княжна не проявляла к нему никакого интереса. И не играла, это сразу видно. Его искренне опасались. Словно... словно он – дикая собака, которая может оказаться и здоровой, и бешеной, но зубы у нее в любом случае есть. И Мария держала дистанцию.

Он не сдался бы, но все завертелось так стремительно... ее замужество, беременность, отъезд...

Год прошел.

А кажется, все только вчера было. И от женитьбы цесаревич увильчивает всеми возможными способами, и ее высочество Александра нашла себе нового жениха – и пусть!

А княжна Горская собирается вернуться в столицу.

Уже госпожа Храмова. Молодая вдова с ребенком...

Интересно, какой она стала?

И цесаревич заулыбался, предчувствуя встречу.

Судьба неумолимо сводила в одном месте всех игроков, намереваясь получить максимум удовольствия в третьем акте.

Примечания

Автор ни в коем случае не желает оскорбить чувства энтомологов, но ИМХО – не самые приятные существа мира эти сколопендры. Особенно крымские кольчатые. (*Прим. авт.*)

Песня из к/ф «Не покидай», слова Л. Дербенева. (Прим. авт.)

«Гроза», А. Н. Островский. (*Прим. авт.*)

Father in law (англ.) – тесть, свекор, отчим, здесь используется в значении «отец в законе», «официальный отец». (Прим. авт.)

Историю пересказывать не буду, долго, кому интересно, погуглите Луи Дагера и Нисефора Ньепса.
(Прим. авт.)

Смотрите историю изобретения логарифмической линейки. (*Прим. авт.*)

Мудрому достаточно. (*Прим. авт.*)

Реальный случай из жизни автора. (Прим. авт.)

Автор лично слышал подобную речь. После чего долго чесал в затылке, думая, не свалился ли товарищ откуда-то с Луны? Или просто сбежал откуда-то? Кому интересно, кажется, это выступление до сих пор должно быть где-то на ютубе, можно поискать. *(Прим. авт.)*

П. Бажов «Приказчиковы подошвы». (*Прим. авт.*)

Гигантский зимородок, живет в Австралии, его крик очень похож на человеческий хохот. (Прим. авт.)

Неточная цитата из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова. (*Прим. авт.*)

В нашей истории участием генерала Обручева в войне воспротивился князь Н. Н. Романов, и генерала отправили на Кавказский фронт. В этой истории возражений не было. А генерал был талантливый. (*Прим. авт.*)

Имеется в виду платино-иридиевый фунт 1890 года, изготовленный Д. И. Менделеевым, он же русский фунт торгового веса – 0.40951241 кг. (*Прим. авт.*)

Корнилова М. М., Коршунова З. П. – знаменитые агрономы. (*Прим. авт.*)